This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ВСѢ СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ВСѢ СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ЧАСТЬ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Мая 17 дня, 1853 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	стран.
Магистръ.	1 — 410

МАГИСТРЪ.

ГЛАВА I.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, наканунѣ Петрова дня, то есть 28 іюня, поздно вечеромъ, въ екатерингофскомъ воксалѣ собралось довольно многочисленное общество мужчинъ; по одеждѣ ихъ не мудрено было заключить, что цѣлью собранія были не танцы, даже не ужинъ, но охота, начинающаяся съ разсвѣтомъ двадцать девятаго числа.

Вокругъ столовъ, уставленныхъ приборами и бутылками всѣхъ величинъ и видовъ, суетились группы молодыхъ людей, одѣтыхъ въ короткіе сюртуки со множествомъ различныхъ охотничьихъ принадлежностей, привѣшенныхъ къ глянцевитымъ поясамъ, стянутымъ ме-

таллическими пряжками. Среди молодыхъ прокидывались и сѣдыя головы пожилыхъ охотниковъ; эти-то головы и были центрами отдѣльныхъ кружковъ. Замѣчательнѣе всѣхъ болотныхъ героевъ этого вечера былъ господинъ средняго роста, въ коричневой венгеркѣ, подпоясанный желтымъ ремнемъ, въ желтомъ фуляровомъ платкѣ, обмотанномъ вокругъ шеи, съ чудовищнымъ рогомъ, висѣвшимъ черезъ плечо и замѣнявшимъ пороховницу, и съ головою, выкрашенною въ персидскую фіолетовую краску; сверхъ того, у господина этого торчали подъ носомъ щетинистые фіолетовые усы, а по щекамъ расходились узоры багроваго цвѣта, нажитые, вѣроятно, не безъ содѣйствія гг. Мартини и Руже, нашихъ знаменитыхъ спиртопроизводителей. Фіолетовый господинъ, развалясь въ креслахъ, ораторствовалъ такъ громко и съ такимъ жаромъ, что большая часть присутствовавшихъ въ залѣ воксала оставила мѣста свои; многіе забыли ужинъ и окружили говорившаго. Господинъ въ венгеркѣ сообщалъ двумъ товарищамъ своимъ, сидѣвшимъ за однимъ съ нимъ столомъ, нѣкоторые замѣчательные случаи, которыхъ онъ, то есть ораторъ, былъ самъ свидѣтелемъ. Замѣчательные случаи эти касались собственно охоты всякаго рода. Одинъ изъ товарищей повѣствователя былъ мужчина лѣтъ двадцати трехъ, бѣлокурый, завитой, блѣдный, съ усиками и эспаньолеткой; песочнаго цвѣта пальто его исчезало подъ безчисленнымъ множествомъ металлическихъ вещей, добытыхъ, вѣроятно, въ этотъ же день въ одномъ изъ оружейныхъ магазиновъ — такъ новы и такъ блестящи были эти вещи; сверхъ пороховницы съ пружиною, двухъ дробовиковъ съ пружинами же, пистонницы, отвертки, штопора и замшеваго мѣшечка съ пулями, пристегнутъ былъ у него съ боку широкій кинжалъ, складной туль-

скій ножъ и коротенькая трубка въ мѣдной оправѣ; отъ всѣхъ этихъ предметовъ тянулись къ пунцовому шейному платку мѣдныя же цѣпочки въ такомъ множествѣ, что издали обладателя ихъ можно было принять за кальянъ большаго размѣра. Второй товарищъ оратора, по наружности своей и одеждѣ, болѣе походилъ на человѣка, захваченнаго для компаніи, чѣмъ на героя Трухтанскихъ Острововъ: желтоватое лице его окаймлено было темною, подстриженною шерстью, которая спускалась отъ самаго темени на подбородокъ и служила какъ бы рамкою, изъ которой покушались выбѣжать два разбѣгавшіеся каріе глаза, но останавливали ихъ блѣдный носъ и глубокая впадина съ черными зубами; изъ впадины этой торчала зеленоватая сигара, скрученная, конечно, не Гаванцемъ, и струился синеватый дымокъ самаго страннаго и непріятнаго запаха; одежда курившаго отличалась отъ плохой городской только тѣмъ, что исподнее платье вправлено было въ голенища искривленныхъ сапоговъ; онъ со вниманіемъ и полною довѣрчивостью слушалъ разсказчика и по временамъ бросалъ на предстоявшихъ взоры то удивленія, то полнаго удовольствія. Случай же, сообщаемый въ эту минуту фіолетовымъ господиномъ многочисленной публикѣ воксала, былъ слѣдующій:

— Въ Саратовѣ ... говорилъ разсказчикъ, поднося руку свою ко лбу: такъ точно, въ Саратовѣ, у жены было имѣніе; я продалъ его — дрянь была ... Но ... о .. о ... болота, скажу вамъ, такія... эхъ, грустно вспомнить! ... При этомъ возгласѣ баринъ въ венгеркѣ провелъ рукою по лицу своему и, махнувъ ею по воздуху, сдѣлалъ какое-то движеніе ногами и со вздохомъ продолжалъ:

— Въ этомъ болотѣ сочится рѣченка, дрянная — прозванья не припомню, да полно и есть ли прозванье...

*

но дѣло не въ томъ; вотъ лѣтъ, этакъ, пять назадъ, сижу однажды съ женою... тоска смертная, погода на дворѣ стоитъ самая такая, что пифъ, пафъ, думаю — канальство! что жь я за дуракъ! нѣтъ дичи возлѣ Питера, есть она въ Саратовѣ, махну — и махнулъ. Пріѣзжаю. Гаврикъ, егерь мой, со мною. Ну, знаете, отдохнулъ день другой, да и въ поле. Еще не доѣхали до болота версты, этакъ, на полторы, какъ тамерланъ шасть съ телѣги, поднялъ хвостъ и потянулъ, и потянулъ... Кой прахъ, думаю; тетерька? нѣтъ, не можетъ быть; купникъ со ржавченкою, осока — мѣсто дрянь; дупель? рано для дупеля; карастель развѣ, или курочка? думаю — хорошо! Въ это время-съ, смотрю, а тамерлашка далъ кругъ, ноздрями фыркъ, фыркъ, и сталъ, и сталъ. Хорошо! Зайди-ка братъ, въ тылъ, говорю Гаврику, а самъ обошелъ слѣва, взвелъ курокъ и жду; въ этотъ моментъ откуда ни возьмись орлище, да такой орлище, доложу вамъ, что не разсмотри я его собственными глазами, не повѣрилъ бы-съ отцу родному; въ крыльяхъ аршинъ шесть, да-съ. Что тутъ будетъ? подумалъ, а тамерлашка какъ нарочно ни съ мѣста, стоитъ себѣ словно пень какой нибудь; у Гаврика руки опустились; махаетъ мнѣ головою, словно я не вижу; дурень, говорю, тиро болванъ! чего разинулъ ротъ? Онъ и прицѣлься... да нѣтъ! Орелъ-то взмахнулъ крыльями, выставивъ клювъ, и хвать собаку поперегъ тѣла — у насъ и ружья повыпали изъ рукъ; какъ стрѣлять, когда бестія птица сцѣпилась съ тамерланомъ и летитъ вверхъ? — убьешь собаку какъ разъ; стрѣлять глупо. Гаврикъ схватилъ себя за волосы и взвылъ, а я не помню что дѣлалъ, что думалъ. Короче, не прошло минуты, какъ на синемъ-то небѣ осталось отъ орла и тамерлашки, ни дать ни взять, кедровый орѣхъ. Ну, говорю Гаврику, лихое приключилось съ на-

ми; но будь я такой сякой, ежели завтра же чорта этого не скручу въ веревку и не завяжу узломъ! Ярость меня взяла такая... да дѣло не въ томъ; а постояли мы еще минутъ пять, плюнули съ сердцовъ и пошли къ телѣгѣ. Что жь бы вы думали? песъ дался ему, а? воскликнулъ фіолетовый господинъ, вскочивъ со стула и взявшись за бока: дался? Такъ вотъ же нѣтъ..

— Какъ нѣтъ? спросилъ изумленный компаньонъ съ странными глазами.

— Да такъ-съ, что нѣтъ!

— Вотъ задача! проговорилъ блондинъ, оглядываясь во всѣ стороны.

— И какая! Слушайте конецъ, перебилъ ораторъ.

— Не отошли мы саженей десяти, какъ Гаврикъ всплеснулъ руками: «Евстафій Иванычъ!» говоритъ: «Евстафій Иванычъ! орелъ-то летитъ назадъ.» — «Какъ назадъ?» спрашиваю. — «Такъ что назадъ». — «Какъ назадъ?» и гляжу... Въ самомъ дѣлѣ, вижу такъ, какъ васъ теперь, летитъ внизъ, и тамерлашка съ нимъ. Кой прахъ! глазамъ не вѣрю. Вотъ же что случилось. Чортъ-то вцѣпился въ пса, а песъ вцѣпился въ чорта, да и перегрызи ему глотку-то; что ему дѣлать? онъ, видно, туда, сюда — нѣтъ! Тамерлашка-то себѣ на умѣ, впился въ мохнатую шею, да и шабашъ.

— Что же-съ потомъ, Евстафій Иванычъ? съ любопытствомъ вопросилъ одинъ изъ товарищей.

— Что потомъ? повторилъ ораторъ: а что же потомъ? Ничего. Птица легонько спустилась на землю; тамерлашка выпростался изъ когтей, отошелъ шаговъ двадцать, встряхнулся, покачался, да какъ бы вы думали? подошелъ ко мнѣ? ничего не бывало-съ; повернулся къ лежавшему орлу, да хватилъ стойку. Ну скажите, пожалуйста, какова бестія? каковъ умъ! ась?

Ораторъ умолкъ; блондинъ, подобно Гаврику, всплеснулъ руками; желтоватый господинъ подобралъ ноги подъ стулъ и качнулъ головой. Большая часть слушавшихъ переглянулась, улыбаясь молча, и среди общаго безмолвія раздалось единственное чистосердечное изъявленіе настоящаго чувства, то есть громкій, дѣтскій смѣхъ. Всѣ головы безъ исключенія повернулись въ ту сторону, откуда слышенъ былъ этотъ смѣхъ, и на всѣхъ лицахъ выразилось удивленіе. Чрезвычайному случаю, такъ краснорѣчиво разсказанному почтеннымъ Евстафіемъ Ивановичемъ, смѣялся прекрасный мальчикъ, лѣтъ 13-ти, не болѣе; причиною же всеобщаго удивленія былъ не порывъ веселости ребенка, не красота его, а изысканный охотничій нарядъ, длинная обувь и всѣ принадлежности, менѣе блестящія и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ тѣ, которые находились на груди и бокахъ блондина; какъ бы то ни было, а охотникъ тринадцати лѣтъ показался посѣтителямъ екатерингофскаго воксала дѣломъ столь же чрезвычайнымъ, какъ и гигантскій орелъ, унесшій тамерлана.

— Это что за шутъ? воскликнулъ блондинъ, грозно и медленно приподнимаясь съ своего стула.

— Пусть его смѣется? проговорилъ фіолетовый господинъ.

— Какъ пусть смѣется? Да этого дерзкаго мальчишку нужно проучить порядкомъ.

— Оставь, братецъ, его. Что тебѣ за охота съ нимъ связываться?

— Нѣтъ, Евстафій Иванычъ...

— Позвольте, перебилъ мальчикъ, подходя къ блондину — я виноватъ предъ этимъ господиномъ, прибавилъ онъ, указывая на венгерку — и прошу у него извиненія; но вы позволили себѣ выраженія, которыя...

— Которыя... что? спросилъ насмѣшливо блондинъ.

— Которыхъ повторить я вамъ не позволю, отвѣчалъ рѣшительно мальчикъ.

— Мнѣ? мнѣ вы не позволите?

— Вамъ, вамъ не позволю!

— Ба! какой страшный, скажите пожалуйста! вотъ испугалъ.

— Если такъ, то придите въ себя и послѣдуйте моему примѣру...

— То есть расхохотаться надъ вами? Извольте, отъ всей души! И блондинъ покатился со смѣху, указывая обѣими руками на мальчика.

Вкругъ разговаривавшихъ столпились всѣ, находившіеся въ залѣ.

— Нѣтъ, не смѣяться совѣтую, а просить у меня извиненія, хладнокровно отвѣчалъ юноша своему противнику.

— Этому уже не бывать, сказалъ блондинъ, продолжая смѣяться.

— Не бывать, говорите вы?

— Не бывать, говорю я вамъ, грозный юноша!

— Въ такомъ случаѣ...

— Serge, Serge, раздалось позади толпы: vous n'ajouterez pas un mot, pas une syllabe!

При этомъ возгласѣ мальчикъ бросилъ презрительный взглядъ на блондина и молча отошелъ въ ту сторону, откуда раздался голосъ. Взоры всѣхъ послѣдовали за нимъ; онъ остановился у стола, за которымъ сидѣлъ мужчина, по наружности лѣтъ тридцати, не болѣе; лица ихъ такъ были схожи, что, по всеобщему заключенію, сидѣвшій господинъ и юноша не могли не быть братьями; но заключеніе оказалось ошибочнымъ: старшій былъ отецъ младшаго, и не только наружность по-

слѣдняго, но одежда его и все убранство, безъ малѣйшаго исключенія, могли служить вѣрною копіею наружности, одежды и убранства перваго. Оба, какъ отецъ, такъ и сынъ, были прекрасны собою.

Подойдя къ отцу, юноша хотѣлъ что-то сказать, но тотъ молча указалъ ему на стулъ и подозвалъ одного изъ слугъ, стоявшихъ у дверей.

Наружность и пріемы господина этого имѣли въ себѣ что-то такое, что при первомъ взглядѣ отнимаетъ у людей, подобныхъ нашему блондину, всякую охоту смѣяться; почему и бѣлокурый молодой человѣкъ съ эспаньолкою придалъ лицу своему выраженіе болѣе серьезное, а рѣчь направилъ, обратившись къ венгеркѣ, на другіе предметы.

— Не пора ли намъ въ путь, Евстафій Иванычъ?... сказалъ въ полголоса блондинъ: на дворѣ свѣтаетъ; покуда доѣдемъ, разсвѣтетъ совсѣмъ.

— А вотъ доѣстъ Иванъ Андреичъ, и маршъ! отвѣчалъ фіолетовый господинъ.

При этомъ замѣчаніи Иванъ Андреевичъ, или желтый товарищъ фіолетоваго господина, мотнулъ головою, въ знакъ согласія и принялся глотать, не разжевывая, преизрядные куски бифштекса съ картофелемъ и хрѣномъ, поставленные на столъ. Черезъ полчаса все общество воксала бѣглымъ шагомъ направилось къ пристани, у которой ожидало ихъ множество разнокалиберныхъ судовъ мелкаго разряда. Евстафій Ивановичъ, въ сопровожденіи блондина, Ивана Андреевича и Гаврика, рыжеватаго малаго въ поношеной курткѣ и зеленомъ картузѣ, помѣстился въ плоскодонной лодкѣ, принадлежавшей къ числу тѣхъ, которыя служатъ для перевоза черезъ Неву, Фонтанку и т. п. Въ ней, кромѣ гребца, ожидалъ Евстафія Ивановича знаменитый тамерлаш-

ка — худощавая лягавая собака съ короткими ушами, кривымъ хвостомъ и вѣчными слезами на покраснѣвшихъ глазахъ.

— Ну, что ты, разбойникъ? Соскучился, каналья! сказалъ ласково фіолетовый господинъ, гладя вертѣвшагося предъ нимъ тамерлана. — Соскучился, бестія? Ну вотъ и я, ну вотъ и я... ѣдемъ, ѣдемъ, на бекасиковъ ѣдемъ, на трухтанчиковъ. Что? хочешь трухтанчиковъ? хочешь? вижу, что хочешь — и, разинувъ руками ротъ тамерлана, Евстафій Ивановичъ плюнулъ въ него и потомъ уже усѣлся на лавочку, приказавъ отчаливать...

— Куда же грести прикажете, господа? спросилъ хозяинъ лодки, снимая шляпу.

— Разумѣется на Трухтанскіе; куда же иначе? а съ нихъ на Косу. Лучшаго мѣста нѣтъ! отвѣчалъ съ важностью фіолетовый господинъ, осматривая ружье свое.

Вѣроятно, все общество охотниковъ раздѣляло мнѣніе Евстафія Ивановича, потому что всѣ лодки приняли то же направленіе, и на половинѣ пути, отъ Екатерингофа до острова, восходившее солнце озарило многочисленную флотилію эту своими блестящими лучами. Подобно стаду испуганныхъ лебедей, скользили ладьи по неподвижному взморью; какъ крылья бились бѣлыя весла о лазуревую зыбь, влача за собою сребристыя ленты.

— Наддай, голубчикъ! воскликнулъ Евстафій Ивановичъ, обращаясь къ гребцу своему: видишь перегоняютъ...

Въ этотъ мигъ мимо всѣхъ пронеслась щегольская гичка; рулемъ ея управлялъ тринадцатилѣтній противникъ блондина; сидѣли въ ней, за исключеніемъ двухъ гребцовъ, еще два лица: въ одномъ узналъ блон-

динъ отца юноши, другой былъ егерь богатырскаго тѣлосложенія.

— Какъ хошь наддавай, баринъ, а съ этою штукою не сгонишься, замѣтилъ гребецъ Евстафія Ивановича: штука-то анмиралитейская, вотъ что... такъ и надрываться не для чего...

— И впрямь штука не простая! проворчалъ фіолетовый господинъ. — А сорванецъ-то каковъ! Взгляни-ка, Михайло Михайлычъ, какъ правитъ! И молоко на губахъ не обсохло, а ужь сорви голова!

— Подлинно сорви голова! замѣтилъ въ полголоса блондинъ: давеча, вотъ такъ и приступаетъ — умора!

— Да, да; и я струхнулъ, осрамилъ бы просто... Ну что бы ты съ нимъ сдѣлалъ?

— Кто, я?

— Ну да, ты.

— Помилуйте, что вы это! или впрямь думали, я испугался, Евстафій Иванычъ?

— Испугаться не испугался ты, пугаться нечего, а все таки хватилъ бы бѣшеный — скверно!

— Полноте, почтеннѣйшій; да гдѣ жь ему?

— А батюшка-то его или братъ, вишь, тотъ молодецъ, что схожъ съ нимъ какъ двѣ капли воды?

— А что же онъ?

— Да такъ, ничего, отвалялъ бы тебя на обѣ корки....

— Эхъ, почтеннѣйшій! смерть не люблю подобныхъ шутокъ, сказалъ съ негодованіемъ блондинъ, отвертываясь отъ господина въ венгеркѣ: вѣдь вы со мною не мѣрялись, такъ зачѣмъ и говорить вздоръ? Вѣдь вы со мною не мѣрялись?..

— Гдѣ мнѣ подъ старость? Я и мѣряться не хочу; а ужь что касается до парня, до того парня...

— И съ парнемъ не мѣрялись...

— И не совѣтую... Однако, братъ, спорить-то мы споримъ, а на Трухтанскихъ пальба; чтобъ не пришлось перья собирать... Вонъ опять выстрѣлъ, опять! Прахъ побери эту кадку! не ползетъ, не ѣдетъ, проговорилъ гнѣвно Евстафій Ивановичъ, ударивъ кулакомъ о бортъ лодки своей; и наслала же на насъ нелегкая этого тюленя! прибавилъ онъ, указывая на гребца.

— Помилуйте, батюшка, какъ же лучше-то грести? ѣдемъ важнѣйшимъ образомъ, отвѣчалъ тотъ, утирая рукавомъ катившіяся съ лица крупныя капли пота: ужь воля милости вашей, а спорнѣе ѣхать наврядъ ли, никто не повезетъ.

Оправдательной рѣчи лодочника не слыхалъ и не понялъ фіолетовый господинъ — съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣми движеніями тѣхъ охотниковъ, которые распоряжались уже на Маломъ Трухтанскомъ Островѣ. Оградивъ правою ладонью глаза свои отъ солнца, Евстафій Ивановичъ стоялъ и не сводилъ взора съ какого-то предмета; на всѣ вопросы блондина онъ отвѣчалъ одними взмахами лѣвой руки; но новый выстрѣлъ раздался въ воздухѣ, и фіолетовый господинъ разразился громкимъ и энергическимъ возгласомъ: «Смотри, пожалуй, вѣдь убилъ, ей ей убилъ! каковъ пострѣлъ!»

— Кого-съ убилъ? спросилъ испуганный Иванъ Андреевичъ, молчавшій во всю дорогу. Иванъ Андреевичъ прозябъ до смерти и давно ужь внутренно проклиналъ какъ охоту, такъ и спутниковъ своихъ.

— Кого?.. кого?.. повторилъ съ возрастающей досадой Евстафій Ивановичъ: кого?.. разумѣется, бекаса; а вотъ спроси-ка лучше, кто убилъ?

— Кто же это?

— Кто? твой любезный! отвѣчалъ господинъ въ венгеркѣ, обращаясь съ гримасою къ блондину: третью птицу укокошилъ этотъ пострѣленокъ. Смотрю и глазамъ не вѣрю! Да въ его годы не то, чтобы бить бекасовъ, а другой и къ ружью не подойдетъ. Смотри пожалуй, какъ народъ-то умудряется! Ну же ты, карасья голова, греби живѣй, выспишься потомъ, время будетъ! прибавилъ Евстафій Ивановичъ, отвязывая собаку свою отъ лавки и снова обращаясь къ гребцу...

Чрезъ нѣсколько минутъ лодка поравнялась съ песчанымъ мысомъ Малаго Трухтанскаго и саженяхъ въ десяти отъ берега сѣла на мель.

— Это еще что?... воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Обмелѣла, батюшка! отвѣчалъ лодочникъ, бросая весла. Побезпокойтесь дойдти, а причалить негдѣ, воля ваша!

— Ну, прахъ тебя побери, чурбанъ ты этакой! проворчалъ Евстафій Ивановичъ, рѣшительно шагая черезъ бортъ въ воду; примѣру его послѣдовали блондинъ, Гаврикъ и тамерлашка. Когда же очередь дошла до бѣднаго Ивана Андреевича, то лице его не только сморщилось, но покрылось холоднымъ потомъ; чуждый страсти охотниковъ, несчастный не предвидѣлъ купанья, и, взглянувъ сначала на глубину воды, на разстояніе, раздѣляющее, лодку отъ берега, а потомъ на короткіе, а можетъ статься, и единственные сапоги свои, возвелъ глаза къ небу и, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, сталъ погружать правую ногу въ холодную влагу. Пока голенища сапогъ ограждали прозябшее ужь тѣло его отъ воды, Иванъ Андреевичъ съ героическою твердостью, хотя и медленно, но продолжалъ погруженіе; когда же вода хлынула въ самый сапогъ, онъ съ неистовымъ крикомъ

отскочилъ назадъ и ринулся на дно лодки. Гнѣвно взглянулъ на него остановившійся Евстафій Ивановичъ, и немедленно откомандированъ былъ имъ Гаврикъ на помощь водобоязливому товарищу. Не легко было наперснику фіолетоваго господина урезонить Ивана Андреевича и склонить его къ позволенію перенести себя, какъ малаго ребенка.

— Помилуй, братецъ, да какъ же это ты перенесешь меня? пищалъ жалобно Иванъ Андреевичъ, выжимая воду изъ снятаго съ ноги чулка.

— Не извольте опасаться, сударь, отвѣчалъ Гаврикъ съ увѣренностью: возьмите меня за шею, мигомъ доставлю.

— А какъ упадешь?

— Чего падать? падать не будемъ.

— Вотъ упадешь, Гаврикъ.

— Не извольте безпокоиться, безъ всякой опаски перенесемъ.

— Ну, братъ, смотри же; а утопишь — большой грѣхъ возьмешь на душу, впередъ говорю тебѣ! вопилъ Иванъ Андреевичъ, натягивая мокрый сапогъ на мокрую ногу: сердце мое предчувствуетъ, Гаврюша, что быть бѣдѣ!

И не обмануло сердце злополучнаго Ивана Андреевича: едва обнялъ онъ шею Гаврика, едва обхватилъ ноги его своими собственными ногами, какъ Гаврикъ, потерявшій равновѣсіе, покачнулся на сторону и, полетѣвъ со всѣхъ ногъ, обмакнулъ драгоцѣнную ношу свою въ кристальныя воды Финскаго Залива. Первымъ движеніемъ Гаврика было освободить шею свою изъ довѣрчивыхъ объятій Ивана Андреевича, вторымъ движеніемъ — выплюнуть воду, а третьимъ уже попытаться возвратить Ивану Андреевичу всѣ блага земныя; вслѣд-

ствіе чего и погрузилъ Гаврикъ руки свои въ то мѣсто Финскаго Залива, гдѣ со дна выскакивали и лопались на поверхности различныхъ объемовъ воздушные пузыри. Ощупавъ тѣло утопшаго, онъ вытащилъ его за волосы. Мутно взглянулъ на окрестность бѣдняга; много воды возвратилъ онъ ртомъ и носомъ заливу, много и оставалось еще при Иванѣ Андреевичѣ, бережно перенесенномъ Гаврикомъ на песчаную отмель Малаго Трухтанскаго.

Свидѣтелемъ купанья Ивана Андреевича, и довольно равнодушнымъ, былъ одинъ лодочникъ, потому что Евстафій Ивановичъ и Михайло Михайловичъ, ни мало не заботясь о своемъ товарищѣ, пустились бѣгомъ догонять опередившихъ ихъ охотниковъ, а присоединившись къ нимъ, не только не почли нужнымъ оглянуться, но забыли и о самомъ существованіи Ивана Андреевича.

Скажемъ, однакожь, нѣсколько словъ о статистическомъ положеніи тѣхъ острововъ, на которыхъ производятся близъ Петербурга ежедневныя опустошенія птицъ не сотнями, а тысячами болотныхъ дилеттантовъ. Острова эти прилегаютъ частью къ берегамъ самого Екатерингофа, частью къ деревнѣ Емельяновкѣ, и тянутся вдоль лѣваго берега залива. Имена имъ слѣдующія: Канонерскій, Гутуевъ, Малый Трухтанскій, Большой Трухтанскій, полуостровъ Коса и нѣсколько безъименныхъ. За исключеніемъ одного дня въ году, и именно Петрова дня, на всемъ вышеупомянутомъ архипелагѣ находится постоянно круглымъ числомъ штукъ шесть разныхъ птицъ, по которымъ постоянно же стрѣляютъ тысячь шесть любителей; въ концѣ лѣта пернатое населеніе острововъ привыкаетъ къ батальному огню охотниковъ, къ запаху пороха, къ кличкамъ всѣхъ лягавыхъ собакъ и съ первыми заморозками спокойно

и невредимо отправляется въ теплые края. Въ Петровъ же день дѣло иное: въ пагубный для дичи день этотъ, осажденные со всѣхъ сторонъ, длинноносые обитатели острововъ разбиваются въ пухъ, а пальба изъ ружей не умолкаетъ до самаго захожденія солнца.

Догнавъ воксальныхъ товарищей, Евстафій Ивановичъ и спутникъ его заняли вакантныя мѣста въ общей линіи; тамерлану же отданъ былъ строжайшій приказъ слѣдить непріятеля. Побѣдитель гигантскихъ орловъ, какъ бы не вѣря своему благополучію, бросился съ визгомъ радости на своего повелителя, но получивъ сильную контузію въ тылъ, обратилъ ласки свои на блондина, на груди котораго оборвалъ всѣ бронзовыя украшенія. Принявъ въ соображеніе не причину дѣйствія тамерлашки, а самое дѣйствіе, Евстафій Ивановичъ поймалъ виновнаго за шею, положилъ его на землю и, отцѣпивъ отъ пояса своего ременную плеть, напечатлѣлъ ею на всѣхъ частяхъ тамерлашкина тѣла значительное число ударовъ. Пронзительный визгъ собаки обратилъ на себя всеобщее вниманіе, пальба на минуту умолкла, и послышался отдаленный смѣхъ, но ужь не дѣтскій: надъ фіолетовымъ господиномъ смѣялись на этотъ разъ и взрослые и даже очень взрослые охотники, почему и Михайло Михайловичъ не счелъ нужнымъ сдѣлать по этому случаю ни одного колкаго замѣчанія. Тамерланъ же, по окончаніи даннаго ему урока, съ видомъ совершеннаго смиренія поджалъ хвостъ, вытянулъ шею и робкою поступью отправился въ обратный путь къ лодкѣ; напрасно называлъ его сначала Евстафій Ивановичъ тамерлашкой, потомъ тамерлашечкой, голубчикомъ и прочими нѣжными именами — тамерланъ продолжалъ путь свой безъ оглядки, предоставивъ какъ

обладателя своего, такъ и спутника его, на произволъ судьбы.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросилъ наконецъ господинъ въ венгеркѣ у блондина.

— Пойдемъ за тамерланомъ.

— Чорта съ два воротишь ты его! Да хоть убей, не пойдетъ теперь: песъ этотъ съ амбиціей, знаю я его хорошо.

— Тѣмъ хуже, Евстафій Иванычъ.

— Толкуй, братецъ, много ты знаешь!

— Разумѣется, тѣмъ хуже.

— Эхъ, братецъ! куда не люблю вашей братьи прибылыхъ охотниковъ; вѣчно изгадятъ все! а въ разсужденія, смотришь, пускаются; точно разумѣютъ дѣло. Ну на какого дьявола ты опутался этою дрянью? Вишь цѣпей-то сколько навѣшалъ, словно люстра какая нибудь.

— Кому же онѣ мѣшаютъ? замѣтилъ съ досадою Михайло Михайловичъ.

— Кому? кому? разумѣется, не тѣмъ вонъ молодцамъ, у которыхъ чай ягдташи набиты биткомъ, отвѣчалъ фіолетовый господинъ: то и дѣло стрѣляютъ! Глянь-ка, собаки ихъ опять стоятъ! видишь? видишь?— дупель, ей Богу дупель! упалъ!... тьфу пропасть! Да что же это? бѣсенокъ онъ что ли?... Нѣтъ, братъ, ты тамъ какъ себѣ хочешь, Михайло Михайлычъ, а я пойду къ нимъ, хоть посмотрѣть, какъ добрые люди охотятся.

Сказавъ это, Евстафій Ивановичъ закинулъ ружье свое за спину и, увязая до колѣнъ въ топкомъ болотѣ, отправился въ ту сторону, гдѣ раздался послѣдній выстрѣлъ и упалъ дупель отъ руки того, котораго назвалъ фіолетовый господинъ бѣсенкомъ.

Блондинъ не послѣдовалъ на этотъ разъ за товарищемъ своимъ, и по причинѣ довольно естественной: бѣсенкомъ назвалъ Евстафій Ивановичъ тринадцатилѣтняго мальчика, стрѣлявшаго чуть ли не лучше всѣхъ прочихъ; онъ былъ такъ ловокъ и такъ хорошъ въ своемъ фантастическомъ нарядѣ, что самые успѣхи его не только не возбуждали негодованія охотниковъ, но, напротивъ, заняли многихъ изъ нихъ до того, что они, отозвавъ собакъ своихъ, слѣдовали за нимъ въ совершеніомъ бездѣйствіи. Впереди юноши бѣжалъ длинношерстый испанскій шарло каштановаго цвѣта; красота собаки совершенно согласовалась съ красотою господина; утонченность чутья ея и всѣ пріемы возбуждали всеобщій восторгъ. Рядомъ съ прелестнымъ мальчикомъ шелъ отецъ его и, нѣсколько позади ихъ, тотъ колоссальный егерь, о которомъ говорили мы выше. Замѣтивъ подходившаго и улыбавшагося господина въ венгеркѣ, юноша остановился. Вспомнивъ о размолвкѣ, происшедшей въ воксалѣ между Михайломъ Михайловичемъ и мальчикомъ, Евстафій Ивановичъ не рѣшился просто заговорить съ нимъ, а потому и ограничился легкимъ наклоненіемъ головы съ гримасою, выражавшею забвеніе всего прошедшаго и особенное благоволеніе. Угадалъ ли кудрявый мальчикъ намѣреніе фіолетоваго господина, или замѣтилъ бѣгство тамерлашки — не знаю, но онъ первый прервалъ молчаніе и, приподнявъ фуражку, спросилъ очень учтиво у Евстафія Ивановича, не угодно ли будетъ ему присоединиться къ ихъ обществу и воспользоваться услугами Беппо, то есть каштановой собаки.

— Но васъ ужь трое на одну собаку, отвѣчалъ тотъ съ увѣренностью, свойственною всѣмъ старымъ и часто плохимъ охотникамъ.

— Папаша не стрѣляетъ, егерь тоже, и насъ останется только двое.

— Какъ? — воскликнулъ Евстафій Ивановичъ, ударяя себя по лбу: господинъ этотъ — батюшка вашъ?

— Да.

— И такъ молодъ?

— Папашѣ тридцать пять лѣтъ.

— Только? Прекрасные годы! А вамъ сколько?...

— Мнѣ тринадцать.

— Какая молодость! какая молодость! И папаша позволяетъ вамъ стрѣлять?

— Какъ видите, отвѣчалъ, смѣясь, мальчикъ.

— Диковинное дѣло! Впрочемъ, въ наше время ничему удивляться не должно: вѣкъ таковъ! Скажите, пожалуйста, почему же папаша вашъ не стрѣляетъ самъ?

— Мы заключили условіе: я стрѣляю первый, а онъ, какъ лучшій стрѣлокъ, стрѣляетъ послѣ меня, разумѣется, въ случаѣ промаха, прибавилъ юноша.

— А бываютъ промахи у васъ?...

— Бываютъ.

— Не замѣтилъ.

— Сегодня нѣтъ: я стрѣляю дробью.

— Ба! стало пуделяете вы?...

— Пулею, перебилъ очень равнодушно мальчикъ.

При этомъ объясненіи почтенный Евстафій Ивановичъ покачалъ головою, пристально взглянулъ на мальчика, сложилъ крестъ на крестъ руки на грудь и разставилъ ноги.

Къ морально уничтоженному Евстафію Ивановичу подошелъ и отецъ юноши. Онъ улыбкою, удивительно напоминавшею улыбку сына, привѣтствовалъ фіолетоваго господина и вмѣшался въ разговоръ. Повторивъ предложеніе сына своего охотиться вмѣстѣ, онъ приба-

вилъ, между прочимъ, что первые выстрѣлы принадлежатъ, по всѣмъ правамъ, почтенному гостю; а хотя онъ, то есть отецъ юноши, убѣжденъ, что ни ему, ни сыну болѣе стрѣлять не придется, но ягдташи ихъ полны, а дичь, по всей справедливости, принадлежитъ равно всѣмъ.

Очарованный привѣтливымъ пріемомъ новыхъ знакомцевъ своихъ, Евстафій Ивановичъ съ самодовольною важностью снялъ картузъ и, комически раскланявшись во всѣ стороны, изъявилъ готовность воспользоваться любезнымъ предложеніемъ — стрѣлять первому, и принялся столь же важно взводить курки.

— Avancez, mon Beppo, avancez, mon beau chien! весело сказалъ кудрявый мальчикъ, указывая собакѣ своей на группу отдѣльно стоявшихъ кустовъ.

Услышавъ имя свое, длинноперстый шарло бросилъ на юношу яхонтовый взглядъ, взмахнулъ шелковистымъ хвостомъ и въ три прыжка очутился близъ указаннаго ему мѣста. Не прошло двухъ минутъ, какъ, рѣзвый до того времени, Испанецъ превратился въ неподвижное, совершенно неподвижное существо.

— Готовы ли вы? спросилъ въ полголоса юноша у фіолетоваго господина.

— А что?

— Взгляните на Беппо!

— Браво! стало, есть что нибудь?...

— И могу вамъ даже сказать, надъ чѣмъ именно стоитъ онъ.

— Это какъ?

— Очень просто; хвостъ Беппо неподвиженъ; слѣдовательно дупель.

— Быть не можетъ!...

— Не можетъ быть иначе; смотрите! Мальчикъ

взмахнулъ вторично рукою, шарло ударилъ лапою по травѣ, и дупель быстро взвился на воздухъ. Евстафій Ивановичъ прицѣлился, выстрѣлилъ, дупель поднялся еще выше; Евстафій Ивановичъ изрекъ бранное слово и выстрѣлилъ снова — и дупель упалъ.

— Наконецъ! проговорилъ очень довольный вторымъ выстрѣломъ своимъ баринъ въ венгеркѣ; но отчего бы я промахнулся въ первый разъ — вотъ это любопытно. Впрочемъ, не замѣтили ли вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ спутникамъ своимъ, что послѣдній выстрѣлъ былъ громче перваго?

— Кажется; именно вы правы, отвѣчалъ весьма серьезно юноша: и я даже убѣжденъ, что, заряжая первый стволъ, вы забыли положить въ него дроби.

— Очень можетъ быть... то есть очень, очень можетъ быть: я подчасъ ужасно разсѣянъ. Вотъ забавная штука! Евстафій Ивановичъ расхохотался.

За дупелемъ послѣдовалъ въ непродолжительномъ времени бекасъ, за бекасомъ гаршнепъ, потомъ много другихъ птицъ, и ни одна изъ нихъ не пережила утра Петрова дня.

Не помня себя отъ восхищенія, Евстафій Ивановичъ превозносилъ себя, и собаку, и свое ружье, и зрѣніе, и охоту — короче, былъ совершенно удовлетворенъ и вполнѣ счастливъ. Фіолетовый господинъ приписывалъ удачу охоты своему лицу и не зналъ, бѣдный, что, начиная съ перваго промаха, ружья товарищей его, слѣдовавшихъ за нимъ въ самомъ близкомъ разстояніи, поднимались въ одно время съ его ружьемъ и выстрѣливали поперемѣнно въ одно мгновеніе съ его же ружьемъ; этой любезной хитрости сына и отца не подозрѣвалъ Евстафій Ивановичъ, но ее замѣтили прочіе охотники, изъ которыхъ многіе, едва удерживаясь отъ смѣха,

подходили къ торжествовавшему оратору и засыпали его похвалами и поздравленіями.

Крайне недовольный товарищемъ своимъ, Михайло Михайловичъ, сидя на колючей кочкѣ, наблюдалъ издали за всѣми движеніями фіолетоваго господина; двойные выстрѣлы не ускользнули отъ глазъ его.

— Такъ вотъ какъ ты охотишься, ходячая живопись! проворчалъ, злобно улыбаясь, блондинъ: надъ тобой смѣются, а ты лѣзешь, только что руки не цѣлуешь изъ за птицы какой нибудь; а я, дуракъ, заступился — вотъ и благодарность! Вѣрь же людямъ! Послушай ихъ: о добродѣтели толкуютъ, потъ катится градомъ съ головы; мало въ прозѣ, въ стихахъ валяетъ о чести; а до дѣла дошло — меня же предалъ. Хорошо, братецъ, я тебѣ заплачу, въ долгу не останусь, небось! Не будь у тебя... да это ничего, то само по себѣ — а проучить-то тебя, любезный, все таки проучу! Высказавъ угрозы свои, блондинъ сошелъ съ кочки и, падая на каждомъ шагу, направился на фіолетоваго господина, продолжавшаго блистательные подвиги свои — разумѣется, съ помощью любезныхъ товарищей. Замѣтивъ издали приближавшагося Михаила Михайловича, блѣднаго, едва дышавшаго отъ усталости, запачканнаго въ болотной грязи, Евстафій Ивановичъ покатился со смѣху.

— Ай да охотникъ! ай да охотникъ! кричалъ онъ во все горло. — Посмотрите господа: ну не похожъ ли онъ на короля Лира? Ей Богу, двѣ капли воды похожъ; а посмотришь на приправу, на убранство, подумаешь, цѣлый арсеналъ; лѣтъ на пять запасся всѣми снадобьями. Чай сотни три птицъ укокошилъ и класть некуда?

Слушая насмѣшки господина въ венгеркѣ, блондинъ слегка посинѣлъ и, пока не подошелъ къ самому фіолетовому господину, не вымолвилъ ни одного слова.

— Что же ты, братецъ, молчишь? или язычекъ прикусилъ на этотъ разъ? продолжалъ первый.

— А что же говорить, Евстафій Ивановичъ? Передъ вами честь и слава — никто не оспориваетъ ихъ, отвѣчалъ насмѣшливо Михайло Михайловичъ.

— Честь сама по себѣ и слава со мною, а, сверхъ того, и дичь при насъ! Фіолетовый господинъ съ непоколебимою важностью закинулъ руку за спину и не безъ усилія приподнялъ тяжелый ягдташъ свой, полный всякихъ птицъ; сверхъ ягдташа висѣли двѣ кряквы самой большой породы.

— Ну что? спросилъ онъ: мало, небось?

— Чего мало, помилуйте, Евстафій Иванычъ! Такъ не мало, что останься эти господа до вечера, или выманите вы птицъ у другихъ охотниковъ, такъ подъ сумку вашу придется, пожалуй, подпрячь Гаврика; мало того, не пришлось бы и тамерлашкѣ съ Иваномъ Андреевичемъ попасть въ выносные.

— Что ты тамъ несешь?

— Не несу, а говорю правду. Гдѣ же, посудите, въ ваши лѣта, Евстафій Иванычъ, стащить на плечахъ всю дичь съ острововъ! Да будь у васъ одного такая сила, стоило бы поучиться играть апельсинами, подбрасывать ножи, да ставить на зубъ лѣстницу какую нибудь; можно было бы, того, и въ циркъ...

— Ты, братецъ, кажется, если и не стрѣляешь, такъ порешь дичь, замѣтилъ полугнѣвно, полунасмѣшливо фіолетовый господинъ, озираясь во всѣ стороны.

— Порю, можетъ быть, да свою, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ блондинъ: по чужимъ же ягдташамъ не таскаюсь.

— Какъ?

— По чужимъ ягдташамъ не шатаюсь, повторилъ блондинъ, переминаясь.

— Ей Богу, онъ ряхнулся! воскликнулъ господинъ въ венгеркѣ, обращаясь къ юношѣ и отцу его.

— Это ужь какъ вамъ угодно, продолжалъ блондинъ: ряхнулся или нѣтъ, а чужой дичи таскать на себѣ не буду никогда.

— Чужой?

— Ну да, той, что бьютъ изъ за плеча другіе.

— Эй, братъ, вели себѣ кровь пустить: шутка ли проноситься въ жаръ съ такимъ множествомъ погремушекъ — устанешь до упаду; какъ разъ приключится невзгода.

— Я здоровъ, Евстафій Иванычъ.

— Такъ зависть беретъ?

— И не зависть; завидовать нечему.

— Это ты врешь, братецъ. Я и постарше тебя, да въ грѣхахъ своихъ сознаться не постыжусь; хоть бы, примѣрно сказать, смотря на стрѣльбу вотъ этого юноши — позавидуешь.

— Можете, никто не мѣшаетъ.

— А когда я ужь сознался, продолжалъ фіолетовый господинъ: тебѣ и подавно можно.

— Моей стрѣльбы никто не видалъ.

— Право?

— Право и очень право.

— А на Ситцевомъ-то? забылъ развѣ?

— Что же на Ситцевомъ?

— На Ситцевомъ? повторилъ Евстафій Ивановичъ, снова разставляя ноги и скрещая руки на груди: на Ситцевомъ, братецъ, кто же бы это, помнишь ли, цѣлился въ лежачаго зайца... помнишь?

Блондинъ смутился.

— Не буду срамить: не въ тебя, любезный; занозой вѣкъ не былъ...

— Срамить-то нечѣмъ.

— Ну, ну...

— Ей же ей, нечѣмъ.

— Ну, ну!

— Да что нукаться-то! Вѣдь *ну* ничего не значитъ, а все-таки дичь набили не вы...

— Такъ, стало, лѣшій?

— И не лѣшій, а просто вотъ эти господа.

— Скажите, пожалуйста, каковъ, каковъ! ха, ха, ха, ха!

— Хоть до завтра хохочите.

— Ай да хватъ! ай да хватюга! Вотъ одолжилъ, ужь одолжилъ! Евстафій Ивановичъ разразился новымъ смѣхомъ, дѣлая разныя гримасы и только что не показывая языкъ раздраженному блондину.

Въ продолженіе всей этой сцены на лицахъ юноши и отца его не промелькнуло и тѣни улыбки; оба они, стоя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ спорившихъ, не обращали по видимому ни малѣйшаго вниманія на разговоръ, а если и не отходили прочь, то дѣлали это, вѣроятно, изъ боязни оскорбить тѣмъ Евстафія Ивановича, ихъ гостя.

— Пов-то-ряю вамъ, Евс-тафій Ива-нычъ, и по-вторяю не глазъ на глазъ, а при сви-дѣ-теляхъ, что дичь эту настрѣ-ляли не вы. Ну, понятно? — торжественно и съ разстановкою проговорилъ Михайло Михайловичъ, скрестя точно такъ же руки на груди, какъ и Евстафій Ивановичъ.

— Господа! сказалъ серьезно и послѣ нѣкотораго молчанія Евстафій Ивановичъ, обращаясь къ юношѣ и отцу его: этотъ человѣкъ, по видимому, сидя въ бездѣй-

ствіи на кочкѣ въ продолженіе всей охоты, получилъ въ темя то, что Нѣмцы называютъ зоненшлагъ, что-то такое, вслѣдствіе чего и несетъ чепуху; а какъ я прихожусь ему нѣкоторымъ образомъ съ родни, то и прошу извинить насъ; понимаете ли: «насъ», то есть...

Ни сынъ, ни отецъ не отвѣчали на выходку фіолетоваго господина; послѣдній даже сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ.

— Постойте, Евстафій Иванычъ, перебилъ блондинъ: не въ извиненіяхъ рѣчь; извиняйтесь за себя одного, если хотите; а спросите лучше у этихъ господъ, вы ли настрѣляли птицъ, которыми набитъ ягдташъ вашъ: вотъ объ этомъ лучше спросите.

— Ну что же, спроси, пожалуй!

— Я и спрашиваю, да они молчатъ, а молчаніе — знакъ согласія, прибавилъ блондинъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ неожиданно юноша, подходя къ Евстафію Ивановичу: я по крайней мѣрѣ молчу потому только, что мнѣ приказано молчать; иначе увѣрилъ бы господина этого (онъ указалъ на Михайла Михайловича), что надѣюсь со временемъ доказать то, чего не доказалъ сегодня въ воксалѣ.

— Помилуйте, спѣшилъ перебить Михайло Михайловичъ, и могъ ли я думать, что изъ подобныхъ пустяковъ произойдутъ серьезныя непріятности? Будьте увѣрены, что я далеко не головорѣзъ какой нибудь, и извиниться мнѣ право ничего не стоитъ. Хотите вы этого непремѣнно...

— Довольно, сказалъ юноша: теперь не угодно ли вамъ убить утку?

— Кому? мнѣ? спросилъ блондинъ.

— Да, вамъ.

— Гдѣ же она?

— Взгляните въ эту сторону — видите: вотъ лѣвѣе, еще лѣвѣе... ихъ цѣлое стадо.

— Ну, вижу.

— Погодите немного, онѣ летятъ прямо на насъ; теперь видите? Говоря это, юноша вынулъ изъ ягдташа двѣ пули и бросилъ ихъ въ ружье свое.

— Что же вы хотите съ ними дѣлать? спросилъ Евстафій Ивановичъ.

— Сначала убить крайнихъ, отвѣчалъ юноша.

— Какъ, на такомъ разстояніи?

— Онѣ подлетятъ ближе.

— Все таки...

— Попробую.

— Шутите, баринъ!

Кудрявый мальчикъ, не отвѣчая на замѣчанія господина въ венгеркѣ, приподнялъ ружье, потомъ выждалъ утокъ, плавно летѣвшихъ острымъ угломъ, прицѣлился въ первую, выстрѣлилъ разъ за разомъ... двѣ утки перевернулись въ воздухѣ и полетѣли внизъ; за первыми двумя выстрѣлами раздались новые два, и новая пара утокъ повторила тотъ же маневръ.

— Бррррависсимо, канальство! крикнулъ, хлопая въ ладоши, Евстафій Ивановичъ. — Вотъ стрѣльба, такъ подлинно сказать стрѣльба, суперфинъ! Ну, любезный Михайло Михайлычъ! полно, выгодно ли было бы ждать тебѣ еще?

— Васъ, кажется, укусила какая нибудь ядовитая муха, замѣтилъ съ сердцемъ блондинъ: вы прилипаете ко мнѣ точно оса.

— Эге, братъ! видно донялъ; и ништо, самъ не дразни!

— Пора домой, у меня голова болитъ.

— На попятный?

— Что хотите говорите, а я ѣду!

— Дай же по крайней мѣрѣ проститься съ господами этими, сказалъ фіолетовый господинъ, повертываясь къ юношѣ, который въ это время раздѣвался. — Куда же это вы? спросилъ онъ.

— За утками, весело отвѣчалъ мальчикъ: ихъ четыре.

— Да вѣдь подлинно четыре; двухъ хватилъ егерь вашъ.

— Каково стрѣляетъ?

— Лихо, можно сказать.

— Онъ мой учитель.

— Молодецъ!

— А посмотрѣли бы на стрѣльбу нашу въ цѣль изъ пистолетовъ...

— Неужто такая же?

— Не хуже!

— Ну, признаюсь, связываться съ вами не буду никогда, да и Михайлѣ шепну на досугѣ.

— Я не сержусь болѣе на знакомца вашего: онъ вспыльчивъ, кажется.

— Взбалмошенъ, а добрый малый, отвѣчалъ баринъ въ венгеркѣ: сердиться не стоитъ на такихъ людей. А вы, позвольте вамъ сказать, послали бы лучше вашу собаку за утками; не то, простудитесь какъ разъ съ горяча-то.

— Напротивъ, я и плыву за ними самъ потому именно, что боюсь простудить Беппо, наивно отвѣчалъ юноша.

— И папаша вашъ все это вамъ позволяетъ?

— Онъ добрый у меня...

— Помогай вамъ Богъ, а намъ пора до дому. Такъ прощайте, до новой встрѣчи. Кто знаетъ, можетъ, опять встрѣтимся когда нибудь.

Кудрявый мальчикъ, улыбаясь, протянулъ обѣ руки Евстафію Ивановичу; но послѣдній не удовольствовался этимъ и сказавъ: «позвольте по русски», схватилъ юношу за талію, поднялъ на воздухъ и расцѣловалъ крѣпко въ обѣ щеки.

Съ отцемъ кудряваго мальчика раскланялся фіолетовый господинъ комически важно и догналъ блондина, ушедшаго уже шаговъ на сто впередъ. Михайло Михайловичъ до того озлобленъ былъ на Евстафія Ивановича, что не удостоилъ его ни однимъ словомъ, ни однимъ отвѣтомъ на всѣ замѣчанія, которыя тотъ дѣлалъ касательно охоты. Впрочемъ, о новыхъ знакомцахъ своихъ и о ссорѣ Михайла Михайловича съ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ не упоминалъ Евстафій Ивановичъ, боясь, вѣроятно, раздражить еще болѣе бѣлокураго товарища, и безъ того блѣднаго какъ смерть, не смотря на усталость и нестерпимый полуденный жаръ.

Выбравшись на твердую почву, фіолетовый господинъ и бѣлокурый пошли рядомъ; а подходя къ тому мѣсту, гдѣ охотниковъ нашихъ ожидала лодка, Евстафій Ивановичъ вдругъ остановился, правою рукою схватилъ Михайла Михайловича за рукавъ, а лѣвою указалъ въ сторону. Близъ густаго лозоваго куста стоялъ, вытянувшись и приподнявъ переднюю лапу, знакомый намъ тамерланъ. Будь онъ не такъ великъ, его бы можно было принять за гостинодворскій пресспапье.

— Что? не стойка скажешь? не мертвая стойка скажешь? прошепталъ фіолетовый господинъ: и ты, злодѣй, помѣшалъ мнѣ похвастаться такой собакой при всей честной компаніи!

— Опять я виноватъ! проговорилъ блондинъ голосомъ болѣе привѣтливымъ.

— Не виноватъ, небось? Блеснуть захотѣлъ галантерейностью на Трухтанскихъ.

— Евстафій Ивановичъ!

— Добро, добро! зла долго не помню. Напакостилъ ты, самъ же и заплатилъ; а теперь стряхни-ка съ себя спесь, да взведи курки — авось на твое счастье дупель; по крайней мѣрѣ, не съ пустыми руками воротишься домой.

Михайло Михайловичъ, какъ бы нѐ хотя, скинулъ ружье съ плечъ, подулъ на затравки, пощелкалъ курками и, надвинувъ картузъ на самые глаза, выступилъ рѣшительно впередъ. Тамерланъ продолжалъ стоять неподвижно и лишь искоса взглянулъ на строгаго господина своего, ободрявшаго его разными выраженіями, какъ-то: «тибошки, каналья!» «тибокъ, бестія!» и проч.

— Пиль! закричалъ блондинъ, подошедши осторожно къ самой собакѣ: пиль, пиль!

Тамерлашка брехнулъ, отбросилъ задъ и снова сталъ, какъ вкопаный.

— Что же вы не прикажете ему пиль? спросилъ раздосадованный непослушаніемъ собаки блондинъ, поворачиваясь къ фіолетовому господину: вы видите, что онъ меня не слушается.

— Еще бы смѣлъ слушаться другихъ! отвѣчалъ тотъ: за это не мало колотилъ я его, мерзавца. И не обвѣшайся ты по крайней мѣрѣ въ сегоднишнее поле цѣпями этими...

— Опять понесли, Евстафій Иванычъ! Какъ вамъ не надоѣстъ?

— Ну, ну! сказалъ не сержусь, такъ и говорить объ этомъ не стоитъ; а ты приложи-ка ружье къ плечу, птицу же вспорю я самъ... Господинъ въ венгеркѣ медленно отошелъ въ сторону, приготовился въ свою очередь и

громовымъ голосомъ повелѣлъ тамерлашкѣ напасть на врага. Худощавый песъ Евстафія Ивановича, помнившій, вѣроятно, гибкость ременной плети, съ громкимъ лаемъ бросился вторично въ лозу, изъ которой, къ всеобщему изумленію, не взлетѣло ни дупеля, ни бекаса, а послышался жалобный человѣческій голосъ, по видимому не совсѣмъ незнакомый обоимъ охотникамъ.

— Господи, Боже мой! прошищалъ кто-то въ кустѣ: что же это со мною дѣлается сегодня? Давеча чуть не утопили, какъ собаку какую нибудь, а теперь травятъ собакою... Видно, участь моя такая!...

Фіолетовый господинъ взглянулъ въ недоумѣніи на блондина, блондинъ на фіолетоваго господина, и у обоихъ при этомъ возгласѣ опустились руки.

Существо, обратившее на себя все вниманіе тамерлана и заставившее его стоять такъ долго, былъ промокшій до костей несчастный Иванъ Андреевичъ, закутанный въ толстый суконный кафтанъ лодочника и уложенный въ лозу рыжеватымъ Гаврикомъ. Выкупанный бѣднякъ, пригрѣтый солнцемъ и кафтаномъ, погрузился было въ глубокую дремоту; стойку же тамерлана не могъ оцѣнить Иванъ Андреевичъ, совершенно незнакомый съ болотною охотою: онъ принялъ эту стойку за особенное расположеніе къ себѣ тамерлашки, а можетъ быть и за участіе, свойственное всѣмъ добрымъ псамъ.

Долго и громко смѣялись товарищи надъ бѣдствіями злополучнаго спутника своего; много шутокъ расточено было обоими на его счетъ; но Гаврикъ доложилъ наконецъ, что лодка готова, и бѣднаго Ивана Андреевича общими силами перенесли съ берега въ лодку, уложили на дно и, укрывъ всею ветошью, какая нашлась подъ лодочникомъ, пустились въ обратный путь.

Въ Екатерингофѣ ожидала охотниковъ нашихъ громадная желтая коляска, въ какихъ давно не ѣздятъ даже въ Саратовѣ. Въ коляску эту усѣлся на первомъ мѣстѣ Евстафій Ивановичъ; рядомъ съ нимъ помѣстился блондинъ; на переднюю скамейку усадили Ивана Андреевича, рядомъ съ нимъ тамерлашку; Гаврикъ возсѣлъ на козлы, и экипажъ, влекомый тремя разнорослыми клячами, тронулся съ мѣста и покатился съ трескомъ и звономъ по направленію въ Тріумфальнымъ Воротамъ.

У Калинкина Моста обогналъ колымагу плетеный англійскій ягдвагенъ, запряженный двумя бѣгунами въ шорахъ; правилъ лошадьми сидѣвшій впереди, знакомый уже намъ юноша; съ нимъ рядомъ сидѣлъ отецъ его, а позади ихъ широкоплечій егерь и каштановый Беппо. Поравнявшись съ фіолетовымъ, бѣлокурымъ и влажнымъ еще господиномъ, кудрявый мальчикъ поклонился, улыбаясь привѣтливо; отецъ его сдѣлалъ то же; егерь, не кланяясь, взглянулъ на новыхъ знакомцевъ искоса; за то, съ своей стороны, какъ Евстафій Ивановичъ, такъ равно и блондинъ сняли фуражки и отвѣсили пренизкіе поклоны, а фіолетовый господинъ, сверхъ того, приподнялъ картузъ и помахалъ имъ въ воздухѣ; этимъ жестомъ желалъ онъ, вѣроятно, выразить благодарность свою за дичь.

Когда англійскій ягдвагенъ скрылся за угломъ улицы, Евстафій Ивановичъ спросилъ у Гаврика, выполнилъ ли тотъ данное ему порученіе.

Гаврикъ снялъ шапку и взглянулъ на господина своего съ такимъ глупымъ выраженіемъ лица, съ какимъ смотрятъ обыкновенно слуги, не понимающіе господъ.

— Чего ты таращишь бѣльма-то? или не слышишь, оглохъ? воскликнулъ Евстафій Ивановичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Чего никакъ нѣтъ-съ?

— Не домекнулъ, про что изволите спрашивать, проговорилъ Гаврикъ, ухмыляясь.

— О чемъ изволю спрашивать? кочанъ ты этакой! Изволю спрашивать о томъ, изволилъ ли ты справиться, кто эти господа?

— Что проѣхали-съ?

— Нѣтъ, небось тѣ, что летаютъ, разумная голова! Разумѣется тѣ, что проѣхали; какіе жь больше?

— Прозванія, то есть, признаться, не удержалъ; а сказывали ихъ перевозчики, что, молъ, графы съ сынкомъ.

— Дуралей, графы! Мало развѣ графовъ на свѣтѣ? Что жь ты узналъ, скорлупа ты этакая? Да прикажи я тамерлашкѣ, онъ умнѣе выполнилъ бы мое приказаніе, чѣмъ ты; навѣрное умнѣе бы выполнилъ.

— Мудреная фамилія, сударь: нашему брату иной и не выговорить, отвѣчалъ Гаврикъ.

— Не выговорить, не выговорить вашему брату! повторилъ съ гримасою Евстафій Ивановичъ: ну, а выговоришь «горѣлка», напримѣръ? выговоришь? спрашиваю.

— Горѣлку выговорю-съ.

— Ну, а «щи» выговоришь? и «кашу» небось, выговоришь?

— Выговорю и кашу-съ.

— Знаю, что выговоришь; теперь выговори «дуракъ», да и запиши, слышишь, запиши непремѣнно; не то я самъ тебѣ пропишу, чтобы умнѣе былъ — понимаешь?

— Слушаю-съ.

— А слушаешь, такъ чтобъ завтрашній же день ты

узналъ мнѣ какъ зовутъ этого графа. Да слушай, Гаврюшка: завтра, а не послѣ завтра, понимаешь?

— Какъ же сударь. А отъ кого освѣдомиться прикажете? спросилъ съ недоумѣніемъ Гаврикъ.

— Отъ кого? хоть у солнышка спроси; мнѣ какое дѣло? Кто знаетъ: можетъ статься, солнышко пошлетъ тебя къ нашему лодочнику, при которомъ ты же, осина, спрашивалъ у графскихъ перевозчиковъ; а такъ какъ лодочникъ ни въ какомъ случаѣ не глупѣе тебя, стало, вспомнитъ навѣрное, или научитъ гдѣ справиться — вотъ ты и узнаешь. Ну, взобралъ ли въ умъ?

— Слушаю, сударь; лодочника-то нашего я знаю.

— Слава тебѣ, Господи!

— А зачѣмъ вамъ ихъ имя? спросилъ у фіолетоваго господина блондинъ.

— Какъ, братецъ, зачѣмъ? Затѣмъ, чтобъ съѣздить лично поблагодарить ихъ за удовольствіе, которое они мнѣ доставили, отвѣчалъ съ обычною важностью своею господинъ въ венгеркѣ.

— Помилуйте; стоитъ ли того это удовольствіе?

— Что, братецъ?

— Я говорю, Евстафій Иванычъ, что не стоитъ трудиться ѣздить и отыскивать людей, съ которыми довелось пострѣлять часъ времени — и для чего же? чтобъ благодарить за такую честь! По моему, право, не стоитъ; и за что бы, кажется?

— По твоему такъ, а по моему иначе, любезный. По твоему побраниться бы съ первымъ встрѣчнымъ, да навязать себѣ исторію, отъ которой, въ дурной часъ, придется почесать затылокъ; а по моему, за учтивость заплатить учтивостью, а за одолженіе — поклономъ, сказалъ Евстафій Ивановичъ: такъ по крайней мѣрѣ жи-

вали въ старину, разумѣется, добрые люди. Вотъ по нашему какъ, любезный!

— За кого же я вступился, какъ не за васъ же?

— За меня?

— Конечно.

— За меня вступился ты?

— За кого же, Евстафій Иванычъ?

— Скажите на милость: наварилъ кашу, и причиною тому я! Да позволь же спросить, любезный, дитя я, что ли? или ужь своего ума не достанетъ, чтобъ жить съ людьми? Мальчишка разсмѣялся, ты поднялъ носъ, наговорилъ съ три короба пустяковъ; тебя же онъ пристыдилъ... а виноватъ я!

— Вотъ вы всегда такъ, Евстафій Иванычъ! воскликнулъ съ досадою блондинъ: думаешь вамъ сдѣлать услугу, а вы же бранитесь потомъ.

— Хороша услуга! Не услуга, братецъ, а срамъ, конфузъ — вотъ что ты надѣлалъ мнѣ.

— Не понимаю.

— Изволь, объясню, сказалъ фіолетовый господинъ, ударивъ указательнымъ пальцемъ правой руки объ указательный палецъ лѣвой. Вопервыхъ, въ воксалѣ смѣяться въ правѣ всякій, а ѣсться за это не въ правѣ никто. Это, братецъ, разъ!

— Да вѣдь за васъ же. Вы разсказывали тамъ про орла...

— Погоди и не мѣшай. Орелъ дѣло постороннее; орла тутъ не было.

— Да полно былъ ли онъ и тамъ? проворчалъ въ полголоса разсерженный блондинъ.

— Стало, я сказалъ, разъ, продолжалъ Евстафій Ивановичъ: вовторыхъ, когда мальчикъ подошелъ къ тебѣ— не отзови его отецъ, быть бы тебѣ съ мазомъ. Это два.

— Мы бы посмотрѣли еще!

— Посмотрѣлъ бы ты, оно бы еще ничего; а то скверно, братецъ, что посмотрѣли бы на подмазку сто постороннихъ лицъ — вотъ что скверно; да сто лицъ этихъ поразсказали бы каждый тремъ — вотъ ужь триста; стало, въ триста разъ скверне.

— Евстафій Иванычъ...

— Знаю, что Евстафій Иванычъ, а ты все таки дослушай, дорогой мой: старикъ глупому не научитъ...

— Я и самъ не ребенокъ.

— По лѣтамъ — нѣтъ, согласенъ; а по другому чему нибудь...

— По чему другому? по чему другому? спросилъ блондинъ запальчиво.

— Смотри, вѣдь лѣзешь и на меня — не правду я сказалъ?

— Зачѣмъ же вы, Евстафій Иванычъ, выражаетесь такъ странно? Иванъ Андреичъ первый можетъ подумать, что я надѣлалъ и Богъ вѣсть какихъ глупостей.

— Ивану Андреичу до этого нѣтъ никакого дѣла; Иванъ Андреичъ и отъ природы человѣкъ не любопытный; теперь же меньше чѣмъ когда нибудь; интересуетъ его твой умъ или твоя глупость, любезный! онъ же кстати осовѣлъ: чай, думаетъ, какъ бы доѣхать поскорѣе, да хватить желудочной рюмку другую — не такъ ли, шпрехенъ зи дейчь? спросилъ, смѣясь, фіолетовый господинъ, расталкивая сидѣвшаго противъ него и дремавшаго Ивана Андреевича.

Перепуганный Иванъ Андреевичъ вытаращилъ глаза, схватился обѣими руками за козырекъ смятой фуражки своей и, разиня ротъ, сталъ оглядываться во всѣ стороны.

*

— Спишь ты, любезный, или думаешь? сказалъ Евстафій Ивановичъ.

— Озябъ маленько, отвѣчалъ тотъ хриплымъ голосомъ.

— А желудочной хочешь?

— Гдѣ жь она? чай, Гаврило не взялъ?

— Стало, хочешь?

— Озябъ маленько, повторилъ Иванъ Андреевичъ отрывисто.

— Зналъ, что хочешь. Ну, потерпи, дружище: доѣдемъ, напою хоть на смерть.

— Зачѣмъ на смерть?

— Вѣдь я такъ говорю, а напою просто, какъ ты самъ пьешь, то есть до полусмерти, прибавилъ фіолетовый господинъ, продолжая смѣяться: но съ условіемъ, прибавилъ онъ: чтобы ты завтрашній день снова отправился съ нами на Трухтанскій.

— Я? я? воскликнулъ встревоженный Иванъ Андреевичъ: чтобъ я отправился снова на вашу окаянную охоту? Нѣтъ-съ, покорный слуга-съ. То есть, вѣрите ли, Евстафій Иванычъ, дай мнѣ кто нибудь... ну что бы такое дать?...

— Двадцать пять рублевъ, перебилъ фіолетовый господинъ.

— Двадцать пять рублевъ? повторилъ обиженный Иванъ Андреевичъ: нѣтъ-съ, не двадцать пять, а побольше, то есть еще двадцать пять, да еще пятьдесятъ, да еще сто рублевъ — не поѣду-съ, смѣю завѣрить васъ.

— Стало, накинь на послѣднюю сотнягу хоть полтинникъ, поѣхалъ бы? Ну скажи по совѣсти, вѣдь поѣхалъ бы?

— Не бывать этому-съ.

— То есть, сирѣчь, не дастъ никто такой суммы?

— Дастъ не дастъ, а ни подъ какимъ видомъ не поѣду-съ; своя голова-съ, Евстафій Иванычъ; другой не займешь ни у кого-съ и купить не купишь.

— Жаль, братецъ, что такія головы, какъ твоя, не продаются; иначе, куда бы дешевъ былъ этотъ товаръ.

— Тамъ ужь не знаю-съ; а давеча-съ вы съ Михайломъ Михайлычемъ ушли впередъ, а вѣдь я-съ воды-то нахлебался съ ушатъ-съ — навѣрнякъ съ ушатъ-съ; уши заложило, песку-съ набилось въ носъ, насилу Богъ привелъ повычихать; еще бы минутъ пять — поминай какъ звали! Ей ей-съ, извольте спросить у Гаврилы: онъ знаетъ коротко...

— Развѣ потому только знаетъ, что онъ же и утопилъ тебя? замѣтилъ весело Евстафій Ивановичъ.

— Нечаянно-съ, совершенно нечаянно-съ, спѣшилъ перебить Иванъ Андреевичъ. — Вотъ извольте видѣть: мошенникъ лодочникъ сказалъ, что пристать негдѣ; самъ же онъ, мошенникъ-съ, не предупредилъ, что между лодкою и берегомъ по лѣвой рукѣ-съ преизрядная колдобинка-съ; чай, и рыба въ ней есть — навѣрно есть — вотъ въ нее-то и полетѣлъ онъ вверхъ тармашки-съ; признаться, думалъ, тутъ мнѣ и карачунъ: ей ей-съ!

— Приснилось ли по крайней мѣрѣ Фіонѣ Ивановнѣ твоей, что пока она распиваетъ чай, достойный супругъ ея нептунится? сказалъ иронически фіолетовый господинъ. — Эхъ, братъ Иванъ Андреичъ! то-то бы знать человѣку впередъ, что съ нимъ случится, вѣдь, небось, выучился бы плавать.

— Жена-то плаваетъ-съ, замѣтилъ Иванъ Андреевичъ, ухмыляясь.

— Можетъ ли быть?

— Ей ей плаваетъ-съ, да еще какъ лихо-съ! Въ прошломъ году-съ ходили мы пѣшкомъ къ Сергію-съ, такъ дорогою-съ Фіона Ивановна говоритъ мнѣ-съ: «Дай выкупаюсь; жарко!» Знаете, женщина тучная; тутъ же и море. Я, признаться, и самъ радъ былъ вздохнуть у берега. Вотъ она и прыгъ въ воду-съ, да какъ начала плавать!... Картинно плаваетъ, доложу вамъ, Евстафій Иванычъ.

— Воображаю, братецъ; точно, должно быть, картинно; Фіону Ивановну твою я знаю: женщина хватъ!

— Справедливо говорить изволите-съ.

— Ну, братъ Иванъ Андреичъ, люблю я тебя очень: малый ты добрый, услужливый, честный по возможности, работяга въ бумажномъ отношеніи, и сдѣлай изъ тебя должностнаго покрупнѣе, порадуюсь и слова не скажу — за заслуги и награда. Но если бы какимъ нибудь случаемъ нечистый превратилъ тебя въ женщину, Иванъ Андреичъ, ты на меня не гнѣвайся, я откровенно тебѣ скажу: прахъ меня возьми, не влюбился бы въ тебя, и врать не хочу!

— Да вѣдь это вы все шутите-съ...

— Я, братецъ, говорю серьезно. Какъ ты объ этомъ думаешь, Михайло Михайлычъ? или и ты спишь?

— Нѣтъ, Евстафій Иванычъ, спать не сплю, а задумался, отвѣчалъ блондинъ со вздохомъ.

— Эге! съ тобою и этакое случается?

— Что же? я развѣ дуракъ какой нибудь?

— Избави Богъ отъ такихъ мыслей! Быть дуракомъ, братецъ, и не любить думать — двѣ вещи разныя; а тебя задумчивымъ не часто случалось видѣть — такъ вотъ я почему спросилъ. Потомъ, о чемъ бы, кажется, и думать тебѣ? Годы твои не ушли, собою не дуренъ; не доучился нигдѣ — правда, не посчастливилось; ну, не

далась наука — бѣда не большая; за то достаткомъ Богъ не обидѣлъ, и своего родоваго довольно, а приберутся тетки и кто тамъ у тебя есть — богатствомъ не уступишь никому: женись и заживи какъ слѣдуетъ, и думать не о чемъ.

— Женись, легко сказать, Евстафій Иванычъ!

— А сдѣлать и того легче.

— На словахъ только не трудно. Всѣ такъ говорятъ; попробуй же посвататься къ дочкѣ — смотришь, папеньки съ маменьками и затянутъ пѣсню: и чинъ нуженъ, и то нужно, и другое нужно.

— У меня, братъ, дочекъ нѣтъ; стало, рѣчь твоя до насъ и не касается, замѣтилъ фіолетовый господинъ значительно. — Если же ты запускаешь квартирьеровъ на сосѣднее село, такъ говори прямѣе: финтифантовъ вашихъ, любезный, смерть не люблю, да и любить ихъ не пристало.

— Какіе финтифанты? спросилъ бѣлокурый господинъ, нѣсколько смѣшавшись: я подумалъ вслухъ, Евстафій Ивановичъ.

— Анъ врешь, милый! Другихъ надувай, а я, братецъ, старый воробей, смотрю вправо, а вижу влѣво: стало, мимурься съ другими; понимаешь? Впрочемъ, почтеннѣйшій мой, вы человѣкъ не глупый, прибавилъ съ комическою важностью фіолетовый господинъ, снимая фуражку предъ Михайломъ Михайловичемъ: и цѣну людямъ знаете; зачѣмъ же тратить откровенность передъ тѣми лицами, которыя, по мнѣнію вашему, довѣренности не заслуживаютъ? Я, повѣрьте, и не навязываюсь: зачѣмъ мнѣ она, ваша откровенность? помилуйте!

— Что же это вы, Евстафій Иванычъ, въ шутку или впрямь разсердились? воскликнулъ бѣлокурый.

— Сержусь? я? Полноте, любезнѣйшій!

— Ну, да, конечно вы, Евстафій Иванычъ.

— Вздоръ, вздоръ! и въ помышленіяхъ не было!... За что же? Напротивъ, слѣдовало бы, можетъ быть, мнѣ же просить у васъ извиненія за нескромный вопросъ.

— Евстафій Иванычъ...

— Что?

— Евстафій Иванычъ, повторилъ блондинъ, смѣясь и обнимая фіолетоваго господина: скажите, что вы пошутили... вѣдь пошутили?

Очень довольный жестомъ своего бѣлокураго спутника, фіолетовый господинъ продолжалъ дѣлать видъ, будто негодуетъ на него; внутренно же Евстафію Ивановичу страхъ какъ желалось подвинуть Михайла Михайловича на откровенность, которая у послѣдняго висѣла на концѣ языка. Иванъ Андреевичъ, оставленный въ покоѣ товарищами, посидѣлъ минуту съ открытыми глазами, хлопнулъ вѣками раза три, и снова закачался во всѣ стороны, постепенно погружаясь въ сладкую дремоту. Качался и Гаврикъ рядомъ съ кучеромъ на козлахъ, жесткихъ какъ камень; дремали и кони, влекшіе Евстафія Ивановича съ компаніею; но коней оживляла плеть, направляемая искусною рукою возницы на тѣ мѣста, гдѣ ужь давно шерсть не росла, а сотнями садились мухи. Но время шло; колымага, звеня, катилась по гладкой мостовой; домы смѣнялись домами, улицы улицами. Вотъ, наконецъ, и Семеновскій Полкъ, и церковь Владимірской Божіей Матери; за нею Хлѣбный Переулокъ; еще шагъ другой — и на лѣвой рукѣ домъ, гдѣ жилъ Евстафій Ивановичъ. Кучеръ хватилъ Гаврика локтемъ въ бокъ; Гаврикъ вздрогнулъ, раскрылъ покраснѣвшіе глаза, потеръ ихъ обшлагомъ рукава и принялся слѣзать съ козелъ.

ГЛАВА II.

Домъ, у котораго остановилась колымага, принадлежалъ не Евстафію Ивановичу, но супругѣ его, Аделаидѣ Ивановнѣ — женщинѣ весьма примѣчательной и парижанкѣ по рожденію. Соединила же судьба Евстафія Ивановича, почти не понимавшаго по французски, съ Аделаидою Ивановною, почти не понимавшею по русски, вслѣдствіе обстоятельствъ довольно обыкновенныхъ.

Аделаида Ивановна, какъ я ужь сказалъ выше, родилась въ Парижѣ, воспитывалась въ Парижѣ и до двадцатилѣтняго возраста хорошѣла въ одномъ изъ семи этажей улицы Мариво. Родитель ея, суровый старикъ и вдовецъ, бѣдный, какъ всѣ живущіе такъ высоко, любилъ дочь свою, поилъ ее молокомъ, снабжалъ классиками, одѣвалъ скромно, не водилъ въ шомьеры, но и не принуждалъ къ замужству противъ сердечной наклонности: онъ зналъ по опыту, какъ отрадно бѣднымъ людямъ быть счастливыми у себя. Прекрасная Аделаида покорилась судьбѣ, изучила родной языкъ, прочла исторію, запаслась прочими необходимыми для дѣвушки познаніями, и прогуливаясь по бульварамъ въ сопровожденіи отца, казалась такою скромною, что не замедлила обратить на себя вниманіе богатаго негоціанта, за котораго и вышла замужъ. Похоронивъ отца, а черезъ нѣсколько лѣтъ и мужа, Аделаида отправилась по коммерческимъ дѣламъ въ Петербургъ, съ дочерью своею, Фабіею. При отыскиваніи квартиры, судьба навела ее на Хлѣбный Переулокъ, въ домъ Евстафія Ивановича, и наконецъ на самого Евстафія Ивановича, человѣка не менѣе замѣчательнаго. Евстафій Ивановичъ Крыжла былъ, какъ онъ самъ говорилъ про себя, человѣкъ «натуральный, то есть простой безъ всякихъ этакихъ за-

тѣй». Родитель его жилъ въ осташковской вотчинѣ, и когда пришло время, помѣстилъ сына въ армейскій пѣхотный полкъ. Тамъ началъ поприще свое Евстафій Ивановичъ и продолжалъ его довольно долго съ небольшими удачами, но и не безъ неудачь, равно небольшихъ. Къ командованію ротою Евстафій Ивановичъ оказался, по разстроенному здоровью, не совершенно способнымъ, почему и перешелъ къ статскимъ дѣламъ. Жестка показалась новая карьера Евстафію Ивановичу: потребовалось разбирать бумаги, а разбиралъ онъ ихъ плохо, писалъ же еще плоше — что дѣлать? Подумавъ хорошенько, ужь тридцатилѣтній Крыжла рѣшился заняться сельскимъ хозяйствомъ. Къ этому времени скончались старики его, оставивъ ему осташковскую вотчину. Евстафій Ивановичъ нагородилъ было сгоряча въ вотчинѣ своей какихъ-то рогатыхъ строеній, потомъ махнулъ рукой на свою же фантазію, заложилъ имѣніе и далъ деньги аферисту подъ залогъ неуклюжаго домика, состоявшаго въ Санктпетербургѣ, въ Хлѣбномъ Переулкѣ. Къ сорока годамъ увидѣлъ себя Евстафій Ивановичъ безъ денегъ, съ разстроеннымъ имѣніемъ, съ долгами и съ домомъ раззорившагося аферисты. Но, о счастіе! въ развалину эту влетаетъ однажды полувоздушное существо — одна изъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ слыхалъ Евстафій Ивановичъ, но которыхъ не понималъ, потому что очаровательныя созданія эти говорятъ по французски. Аделаида Ивановна (такъ звали влетѣвшее къ нему созданіе) нанимаетъ квартиру бельэтажа, даетъ задатокъ и приглашаетъ хозяина откушать чашку чая на оставляемой ею квартирѣ. Внѣ себя отъ радости, Евстафій Ивановичъ заходитъ въ Турецкій Магазинъ, покупаетъ персидской краски и превращается сначала въ зеленаго, масака, а наконецъ и въ черново-

лосаго съ усами, подобными зубнымъ щеткамъ. Аделаида, занявъ домъ, занимаетъ и сердце хозяина, учитъ его по французски, учится у него по русски, и желая дать дочери своей прочное положеніе въ свѣтѣ, успѣваетъ женить на себѣ Евстафія Ивановича. Очень довольный собою и судьбою, Евстафій Ивановичъ даетъ закладную на домъ и имѣніе супругѣ, ѣздитъ на Трухтанскіе, держитъ коляску, собираетъ у друзей четверню для загородныхъ поѣздокъ своихъ, и наслаждается жизнью со всѣмъ пыломъ юноши. Незамѣтно прошли пять Петровыхъ дней, то есть пять лѣтъ, и когда полусонный Гаврикъ принялся тащить изъ колымаги проснувшагося до половины Ивана Андреевича, Фабіи минуло уже семнадцать лѣтъ. Дѣвочка эта, обученная матерью всякимъ наукамъ, говорила по французски какъ мать, по русски нѣсколько лучше матери, а талью нажила себѣ такую, что обхватить ее можно было двумя пальцами. Личико дѣвочки было прехорошенькое. Одѣвалась она такъ искусно, такъ артистически, что ситецъ казался на ней какимъ-то невиданнымъ еще издѣліемъ. Фабія пѣла неопредѣленнымъ голосомъ куплеты всѣхъ французскихъ водевилей, русскіе романсы и даже малороссійскія пѣсни; играла на фортепьяно не отлично, но очень мило; волосы зачесывала странно, но въ лицу, и обувалась по варшавски, то есть очаровательно.

Въ такомъ видѣ повстрѣчалась она Михайлу Михайловичу Суркину — тому самому бѣлокурому господину, который оборвалъ цѣпной бронзовый уборъ свой на Маломъ Трухтанскомъ Островѣ. Повстрѣчалась Фабія Суркину на Невскомъ Проспектѣ, а окончательно очаровала его на вечерѣ у Ивана Андреевича, искуснаго дѣльца, добытаго Евстафіемъ Ивановичемъ для взысканія съ наслѣдниковъ какого-то умершаго князя ста ты-

сячь рублей ассигнаціями, должныхъ княземъ покойному мужу Аделаиды Ивановны по заемному письму. Вотъ краткій очеркъ дѣйствующихъ лицъ разсказа моего, доставленныхъ благополучно колымагою изъ Емельяновки въ Хлѣбный Переулокъ.

Войдя въ довольно грязную прихожую, Евстафій Ивановичъ Крыжла остановился и громкимъ голосомъ позвалъ слугу, сбѣжавшаго опрометью съ лѣстницы. Спросивъ его, дома ли барыня, и получивъ отрицательный отвѣтъ, фіолетовый хозяинъ пригласилъ спутниковъ своихъ на свою половину, находившуюся въ нижнемъ этажѣ. Половина Евстафія Ивановича состояла изъ трехъ комнатъ, оклеенныхъ побѣленными бумажками. Въ первой и самой обширной торчали стулья, столы очень ветхіе, висѣли по стѣнамъ гравюры съ желтыми пятнами, на потолкѣ люстра изъ папье-маше, и стояли по угламъ испорченныя плевальницы. Во второмъ, сыромъ покоѣ, тлѣлъ ухабистый ситцевый диванъ безъ спинки. Надъ диваномъ въ черныхъ рамкахъ красовалось восковое раскрашенное изображеніе тамерлашки, дѣлающаго стойку. Рядомъ съ диваномъ шатались кое какія кресла. Евстафій Ивановичъ увѣрялъ, что мебель эта сдѣлана его собственными столярами изъ его же собственныхъ яблонь; но, можетъ быть, это было и не правда. Въ углахъ, покрытыхъ вѣчною влагою, скрыта была плѣсень и сырость двумя почернѣвшими шкафами со стеклами. Въ нихъ хранилъ подъ ключемъ Евстафій Ивановичъ разныя рѣдкія вещи, а именно: частицу сотъ дикихъ пчелъ, екатерининскій пятакъ, трубку изъ оленьяго рога, пулю, которою убилъ Евстафій Ивановичъ огромнаго лося, отцовскую серебряную табакерку, кокосовый орѣхъ, волчью челюсть съ длинными зубами, парадный ошейникъ тамерлана, вышитый бисеромъ,

арапникъ изъ козьей ноги, камешекъ, вынутый изъ какого-то животнаго, орлиныя лапы и проч. и проч. О каждой изъ этихъ вещей любилъ хозяинъ разсказывать и длинно и вычурно друзьямъ своимъ разныя чудеса; друзья же обыкновенно слушали разсказы съ большимъ вниманіемъ. Въ третьей и послѣдней комнатѣ собственной Евстафія Ивановича половины заключалась спальня хозяина; тамъ стояла односпальная кровать, покрытая вязанымъ одѣяломъ, и надъ кроватью висѣла цѣлая оружейная, составлявшая главную претензію фіолетоваго господина. Тутъ дѣйствительно умѣлъ Евстафій Ивановичъ соединить много истинно любопытныхъ предметовъ, и чего не висѣло надъ хозяйскою постелью! Вопервыхъ, двухствольное ружье, составленное самымъ лучшимъ мастеромъ изъ двухъ шведскихъ стволовъ; вовторыхъ, еще двухствольное ружье съ курками, не дѣлавшими никогда положительно ни одной осѣчки: съ этимъ именно ружьемъ и ходилъ Евстафій Ивановичъ на медвѣдей; въ третьихъ, венеціянскій фальконетъ, длиною въ четыре аршина съ вершкомъ. То, что Евстафій Ивановичъ называлъ фальконетомъ, носило сверхъ насѣчекъ надпись на чистомъ венеціянскомъ нарѣчіи; изъ орудія этого можно было стрѣлять на разстояніи пяти верстъ — разумѣется, въ ясную погоду. За фальконетомъ слѣдовалъ пистолетъ со штыкомъ, турецкій мушкетонъ, баварскій дробовикъ и горная пушка, отнятая прадѣдомъ фіолетоваго господина ужь Богъ вѣдаетъ у кого; прибита же она была къ стѣнѣ надъ самымъ изголовьемъ Евстафія Ивановича собственными его руками. Пушкою заключался арсеналъ, а опочивальнею — собственная половина хозяина, потребовавшаго при входѣ и завтрака и водки. Завтракъ не замедлилъ появиться гостямъ въ видѣ копченаго гуся, рѣдьки, салакушки

и масла, а водка — въ оплетенной зеленаго стекла бутылкѣ изрядныхъ размѣровъ.

— Ну, Иванъ Андреичъ, сказалъ фіолетовый господинъ бросаясь на диванъ: снимай-ка, братецъ, платье, да вскинь на себя мое что нибудь; вотъ тебѣ очищенная: хвати молодецки, да садись на солнышко. Жена пріѣдетъ, я прикажу напоить теплымъ чѣмъ нибудь — и съ Богомъ!

— Мнѣ бы поѣсть чего нибудь-съ, Евстафій Иванычъ... робко проговорилъ дѣлецъ.

— Ни, ни! какъ это можно! Помилуй, кто жь тебѣ дастъ? Да знаешь ли, братецъ, что обремененіе желудка — наивеличайшее зло?

— А хотѣлось бы-съ.

— Мало ли что хотѣлось бы!

— Ей ей, очень бы хотѣлось, повторилъ Иванъ Андреевичъ, поглядывая съ жадностью на копченаго гуся: я даже, признаться вамъ, Евстафій Иванычъ, даже кажется-съ, отвѣдалъ бы вотъ и этого-съ

— Ой ли?

— Ей Богу-съ.

— Тѣмъ хуже, братъ; значитъ, не воздержанъ.

— Какое не воздержанъ-съ, помилуйте-съ! просто, ѣсть хочется.

— Ну, такъ и быть! сказалъ, подумавъ, Евстафій Ивановичъ: прикажу, братецъ, для тебя сварить овсянку; такъ съ бѣлымъ-то хлѣбомъ покушать можешь. Эй, Гаврикъ! крикнулъ фіолетовый господинъ: овсянки Ивану Андреичу, слышишь? прибавилъ хозяинъ, втыкая въ гуся свою вилку.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ издали Гаврикъ, а вслѣдъ за отвѣтомъ Гаврика послышался глубокій и продолжительный вздохъ голоднаго Ивана Андреевича, на кото-

раго, впрочемъ, не стали больше обращать никакого вниманія ни Евстафій Ивановичъ, ни бѣлокурый Михайло Михайловичъ Суркинъ. Послѣдній, помогая усердно хозяину уничтожать жаренаго гуся, безпрестанно поглядывалъ въ окно и привскакивалъ со стула, когда мимо дома проѣзжалъ экипажъ: въ каждомъ экипажѣ надѣялся онъ увидѣть обожаемую Фабію; но Фабія и маменька ея никогда не торопились возвращаться съ Невскаго въ Хлѣбный Переулокъ; о Михайлѣ же Михайловичѣ думала Фабія чуть ли не менѣе, чѣмъ о Хлѣбномъ Переулкѣ.

Не дождавшись овсянки, столь радушно предложенной хозяиномъ, Иванъ Андреевичъ предпочелъ свое мокрое одѣяніе сухому хозяйскому халату и, улуча удобную минуту, послалъ за извощикомъ, и не простясь ни съ кѣмъ—былъ таковъ. На собственной половинѣ Евстафія Ивановича остался онъ одинъ съ Михайломъ Михайловичемъ, продолжавшимъ ѣсть и прыгать на стулѣ.

Часа два спустя, бѣлокурый господинъ вскочилъ и бросился къ окну въ послѣдній разъ въ это утро. Подъѣхавшій экипажъ привезъ съ прогулки Аделаиду Ивановну съ Фабіею Антоновной.

Покинувъ копченаго гуся и Евстафія Ивановича, Суркинъ бросился въ прихожую и встрѣтилъ пріѣхавшихъ дамъ съ сухощавымъ дупелемъ въ рукѣ и привѣтливой улыбкой на устахъ. Онъ подалъ было руку Фабіи, чтобъ помочь ей взойдти по лѣстницѣ; но дѣвушка бросила далеко не благосклонный взглядъ на охотничій нарядъ молодаго человѣка и, сдѣлавъ гримасу, побѣжала впередъ. Аделаида Ивановна была менѣе брюзглива и воспользовалась предложенною Суркинымъ помощью.

Бельэтажъ, занимаемый Аделаидою Ивановною и Фабіею, ни сколько не соотвѣтствовалъ убранствомъ

своимъ собственной половинѣ Евстафія Ивановича: какъ въ низу было сыро и мрачно, такъ свѣтло и роскошно было на верху. Въ небольшой залѣ, съ стѣнами, сдѣланными подъ бѣлый мраморъ, блистали легкіе позолоченные стулья съ пунцовою бархатною обивкою; у всѣхъ стѣнъ подымались пирамидами горки цвѣтовъ; въ гостиной лазуревaго цвѣта пестрѣлъ штофъ и лакированный орѣхъ, только что начинавшій тогда входить въ употребленіе; по полу разстилались ковры; въ углахъ золотилась бронза; короче, Аделаида Ивановна продолжала повидимому придерживаться прежней роскошной жизни, точно такъ же, какъ Евстафій Ивановичъ придерживался давнишняго своего существованія. Разсказавъ дамамъ по французски (не совсѣмъ правильно) всѣ подробности охоты, за исключеніемъ, однакожь, происшествія въ воксалѣ, Михайло Михайловичъ попросилъ позволенія явиться къ обѣду и, получивъ позволеніе, бѣгомъ отправился домой. Къ счастью для Суркина, квартира его находилась въ не дальнемъ разстояніи отъ дома Крыжлы, и чрезъ полчаса онъ стоялъ ужь подлѣ Фабіи, въ свѣтлокоричневомъ сюртукѣ съ бархатнымъ воротникомъ, въ жилетѣ изъ персидской матеріи, и съ предлинною цѣпью, обвернутою вокругъ шеи и красиво зацѣпленною за всѣ жилетныя пуговицы, начиная съ первой до послѣдней.

Достаточно было бросить взглядъ на молодую дѣвушку, чтобъ сдѣлать о свойствахъ ея самое вѣрное, самое положительное заключеніе. Фабія была кокетка, и кокетка въ полномъ смыслѣ слова: единственною цѣлью этого, еще юнаго существа было желаніе нравиться; вѣрнѣйшимъ же способомъ къ достиженію своей цѣли считала она красоту и наряды; на эти два предмета и направила дочка Аделаиды Ивановны все свое вниманіе.

Слушая разсѣянно Михайла Михайловича, она безпрестанно смотрѣлась въ зеркала, изучала въ нихъ улыбки, взгляды, дѣлала порою премилыя гримаски, закрывала глаза — однимъ словомъ, нимало не женируясь присутствіемъ бѣлокураго вздыхателя, повторяла при немъ свой ежедневный урокъ. Практическія эволюціи дѣвушки не всегда согласовались съ тѣми впечатлѣніями, которыя надѣялся произвести разсказомъ своимъ влюбленный Михайло Михайловичъ; вслѣдствіе чего, замѣтивъ, что на Фабію напалъ припадокъ разсѣянности, молодой человѣкъ вдругъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ.

— Что жь вы перестали говорить? спросила дѣвушка, смотрясь въ зеркало.

— Но вы, кажется, меня не слушаете, Фабія Антоновна? отвѣчалъ Суркинъ.

— Напротивъ, слушаю съ большимъ вниманіемъ.

— Если такъ, то скажите, что вы слышали?

— Вотъ забавно! Вы хотите заставить меня повторить весь разговоръ?

— Нѣтъ, не весь, но хоть конецъ, послѣднія слова...

— Это зачѣмъ?

— Чтобъ доказать, что слушали, а не думали въ это время о другомъ?

— О комъ другомъ?

— Не о комъ, а о чемъ нибудь другомъ, Фабія Антоновна.

— Странныя у васъ претензіи, Михайло Михайлычъ!

— Довольно простительныя, какъ мнѣ кажется.

— Послушайте, мсье Суркинъ, перебила, смѣясь дѣвушка: знаете ли вы, что разсѣянностью своею я оказываю вамъ большую услугу. Представьте себѣ, что было бы, если бы каждое слово ваше напечатлѣвалось въ моей памяти; могли-ль бы вы тогда повторять одинъ

и тотъ же анекдотъ по крайней мѣрѣ по сту разъ сряду?

— Выходитъ, Фабія Антоновна, что мнѣ же приходится благодарить васъ за невниманіе?

— Конечно; какъ же иначе?

— Новая мысль!

— И справедливая, согласитесь. Мы знакомы недавно, это правда; но оттого ли, что слишкомъ часто видимся, или по чему нибудь другому, а...

— Докончите, я слушаю, проговорилъ Суркинъ обиженнымъ тономъ.

— А... продолжала дѣвушка: я, право, знаю напередъ все, что вы скажете?

— Право?

— Право.

— Слѣдовательно, и думы, сокровенныя думы мои вамъ также извѣстны?

— Если онѣ интереснѣе не сокровенныхъ вашихъ думъ, то онѣ мнѣ еще неизвѣстны, сознаюсь вамъ.

— Вы насмѣшница, Фабія Антоновна.

— Я! это почему?

— Потому что вы явно смѣетесь надо мною, и смѣетесь безжалостно, какъ надъ пошлымъ дуракомъ; а вамъ бы грѣшно, кажется...

— Мнѣ грѣшно?

— Да, Фабія Антоновна, надъ чувствами ближнихъ издѣваться не должно; можно сожалѣть объ этихъ несчастныхъ, завлеченныхъ нѐ хотя, можетъ быть...

— Я завлекала васъ, Михайло Михайлычъ! когда же это и чѣмъ? скажите пожалуйста...

— Всѣмъ, Фабія Антоновна...

— Однако чѣмъ же именно?

— И красотою, и умомъ, и ловкостью, и голосомъ, и сердцемъ...

— Постойте, постойте! перебила Фабія, смѣясь: красотою, положимъ; благодарю васъ, между прочимъ, за комплиментъ. Допускаю и ловкость, и умъ, и голосъ; но сердцемъ—вотъ въ этомъ ужь прошу извинить меня: сердце мое не сдѣлало ровно ничего для того, чтобъ завлечь васъ, Михайло Михайлычъ: слышать его вы не могли; оно не говорило.

— То есть, вы хотите сказать, что сердце ваше осталось глухо и мертво для меня?

— Мертво? нѣтъ; но глухо — кажется.

— Благодарю васъ, Фабія Антоновна.

— За что же?

— За правду.

— А вы предпочли бы ложь, Михайло Михайлычъ?

— Съ радостью.

— Зачѣмъ же?

— Она была бы отраднѣе...

— На время, можетъ быть, но потомъ...

— Никто не знаетъ будущности...

— Моего сердца?

— И вашего сердца.

— Никто, кромѣ меня, однакожь.

— А вы?

— Я знаю, Михайло Михайлычъ, что покорить его не легко.

— Но не невозможно, Фабія Антоновна.

— Невозможнаго, говорятъ, нѣтъ на свѣтѣ, отвѣчала выразительно молодая дѣвушка, бросая томный взоръ на таявшаго Суркина: невозможно для одного то, что трудно для другаго, что очень легко для третьяго и такъ далѣе... Идите и достигнете, говоритъ пословица.

— Укажите же путь къ сердцу вашему, Фабія, наведите меня на этотъ трудный, непроходимый путь, и

я дойду, ручаюсь! воскликнулъ Михайло Михайловичъ, всплеснувъ руками и только что не бросаясь на колѣни.

— Позвольте! перебила дѣвушка, сдвинувъ брови: вы, кажется, назвали меня просто Фабіею?

— Виноватъ, тысячу разъ виноватъ, простите!

— Очень согласна простить васъ; но старайтесь впередъ не забывать моего полнаго имени; иначе...

— Никогда не забуду-съ впередъ, клянусь вамъ.

— Тѣмъ лучше; но благодарите судьбу, что вы не мужъ мой.

— Какъ, мнѣ? мнѣ благодарить судьбу за это?

— Да, потому что теперь васъ, посторонняго человѣка, я прошу не называть меня этимъ именемъ; а если бъ вы были моимъ мужемъ, то запретила бы вамъ это — понимаете?

Окончивъ фразу свою, Фабія встала съ кресель и медленно вышла изъ комнаты, оставивъ въ ней сраженнаго Михайла Михайловича, не знавшаго еще, благодарить ли судьбу, что онъ не пріобрѣлъ еще титла супруга грозной Фабіи, или умолять объ этомъ титлѣ.

Глубокое размышленіе влюбленнаго блондина прервано было появленіемъ умытаго и причесаннаго Евстафія Ивановича, вслѣдъ за которымъ несъ Гаврикъ на огромномъ подносѣ всю дичь, добытую господиномъ его — способомъ, столь непозволительнымъ для истиннаго охотника. На громкій зовъ фіолетоваго господина явилась наконецъ и Аделаида Ивановна, благовидная и стройная женщина лѣтъ сорока; съ натянутою улыбкою, и замѣтнымъ отвращеніемъ, пересмотрѣла она каждую пернатую жертву, терпѣливо выслушала о кончинѣ каждой и, похваливъ ловкость супруга, приказала Гаврику унести дичь и подавать обѣдать.

За столомъ разглагольствовалъ одинъ Евстафій Ива-

новичъ. Въ разсказахъ его не былъ позабытъ ни мальчикъ, кудрявый какъ овечка, ни Иванъ Андреевичъ, такъ неудачно нырнувшій въ воду, ни Гаврикъ, забывшій имя графовъ — короче, не была опущена ни одна подробность прошедшей охоты. Слушала супруга одна Аделаида Ивановна; что же касается до двухъ остальныхъ собесѣдниковъ, то Фабія постоянно смотрѣла въ потолокъ, а блондинъ на Фабію. Послѣ обѣда Евстафій Ивановичъ выразилъ желаніе отдохнуть, Аделаида Ивановна отправилась въ свою комнату, Фабія усѣлась за фортепьяно, а Михайло Михайловичъ помѣстился у окна и принялся разсматривать давно знакомыя книги съ картинками. Такъ обыкновенно проводилъ очарованный Фабіею Суркинъ время свое близъ очаровательной дѣвушки, обращавшейся съ нимъ такъ не ласково.

Недоучившійся нигдѣ, какъ мы слышали отъ Евстафія Ивановича, Михайло Михайловичъ достигнулъ совершенныхъ лѣтъ, не составивъ себѣ никакого положенія въ свѣтѣ. Нанявъ квартиру и купивъ дрожки съ упряжью, онъ отпустилъ усы и сталъ болтаться съ утра до вечера, посѣщая трактиры, кондитерскія, и старыхъ товарищей, воспитывавшихся съ нимъ нѣкогда въ одномъ заведеніи; въ порядочное общество и не могъ попасть Михайло Михайловичъ, да и попасть не желалъ. Не имѣя ни чина, ни службы, ни родныхъ, ни благопріличныхъ знакомыхъ, Суркинъ не слыхалъ добраго совѣта и не видалъ хорошаго примѣра, а управлялъ собою совершенно произвольно. Отъ природы скупой, онъ не моталъ и разсчитывалъ каждую копейку, держалъ слугу и кучера, исполнявшаго въ то же время обязанность повара и кормившаго барина за весьма сходную цѣну. Вѣроятно, долго еще пришлось бы Суркину прохаживаться между домами и заглядывать только въ публич-

ныя мѣста, если бъ гибкая талія Фабіи не поразила его на Невскомъ Проспектѣ. Порабощенное съ перваго взгляда сердце Михайла Михайловича забилось впервые и трепетно и сладко; онъ издали послѣдовалъ за очаровательною незнакомкою, разсмотрѣлъ ея личико, цвѣтъ глазъ, форму руки, всю прелесть движеній, улыбку и, влюбившись во все это съ упрямствомъ перваго чувства, поклялся узнать, кто она и доступна ли смертному красота ея. Развѣдываніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: отъ кучера Аделаиды Ивановны узналъ Суркинъ имя красавицы, мѣсто жительства и всѣ подробности ея быта. Сначала онъ принялъ Фабію за дочь Евстафія Ивановича, и сердце его облилось кровью. Молодой человѣкъ до того напуганъ былъ собственнымъ ничтожествомъ, что, при одной мысли о сватовствѣ въ порядочномъ семействѣ, волосы его становились дыбомъ; и кто бы, по мнѣнію Суркина, рѣшился отдать за него дочь свою? Но, о блаженство! Фабія оказалась только дочерью Аделаиды Ивановны, иностранки... Мать Фабіи, конечно почтетъ за счастіе и честь выдать дочь свою за дворянина и изъ дочери своей, простой Француженки, сдѣлать барыню; сверхъ того, у Михайла Михайловича были двѣ богатыя тетки лѣтъ по восьмидесяти, съ домами, деньгами и всякою всячиною; теткамъ носилъ онъ часто разную гостинодворскую дрянь, какъ-то: фаянсовыя чашки, яйца, бумажныя табакерки, леденцы, дѣвичью кожу и черносливъ, за что престарѣлыя и лакомыя родственницы любили племянничка, и ужь конечно не помышляли о томъ, чтобъ лишить его наслѣдства. Принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства эти, Михайло Михайловичъ принялся усердно слѣдить за ежедневно прогуливавшимся фіолетовымъ господиномъ и скоро началъ ему кланяться. Учтивый отъ природы,

Евстафій Ивановичъ считалъ долгомъ платить вѣжливостью за вѣжливость, а за поклонами послѣдовали разговоры о погодѣ, о томъ о семъ, а наконецъ и объ охотѣ съ лягавою. Когда же коснулась рѣчь удовольствій этого рода, Суркинъ прикинулся страстнымъ любителемъ болотъ, отличнымъ стрѣлкомъ и предложилъ Евстафію Ивановичу поѣздку на Лахту, одно изъ окрестныхъ мѣстъ Петербурга. Восхищенный новымъ знакомствомъ своимъ, фіолетовый господинъ не только принялъ предложеніе и воспользовался имъ, но пригласилъ Михайла Михайловича къ себѣ въ домъ, представилъ его Аделаидѣ Ивановнѣ, Фабіи Антоновнѣ, и взялъ съ него слово являться запросто, чѣмъ чаще тѣмъ лучше.

Такъ и началось знакомство влюбленнаго Суркина съ кокетливой дѣвушкой, любовь къ которой росла съ каждымъ днемъ въ его сердцѣ и превратилась бы въ бѣшеную, необузданную страсть, если бъ время отъ времени не охлаждала ея сметливая и инстинктивно опытная въ этомъ дѣлѣ семнадцатилѣтняя Фабія. Разсчитавъ всѣ выгоды союза своего съ богатымъ молодымъ человѣкомъ, Фабія составила мысленно маршрутъ, по которому рѣшилась довести его до этого союза. Но она предварительно желала пріучить будущаго супруга къ слѣпому повиновенію непреклонной своей волѣ, ко всѣмъ своимъ капризамъ и сроднить его съ мыслью, что, выходя за него, она, дочь Аделаиды Ивановны, приноситъ ему величайшую жертву и, въ вознагражденіе за то, намѣрена сохранить полную свободу и независимость. Не обладая ни знаніями, ни талантами, Фабія боялась заблаговременно познакомить влюбленнаго Суркина съ своими недостатками, почему и наполняла большую часть проводимаго съ нимъ времени ссорами за неловкое, будто бы, выраженіе, за излишнее изъявленіе

страсти, за то, за другое, а чаще всего ни за что. Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы — и проходили для Суркина въ безпрерывныхъ сердечныхъ тревогахъ, внушавшихъ ему попеременно то надежду на успѣхъ, то отчаяніе. Много разъ готовъ онъ былъ во всемъ открыться Евстафію Ивановичу, но у него не доставало рѣшимости. «А если да оборвешься?» думалъ онъ: «что тогда? Подождать лучше и надѣяться!» Онъ ждалъ и надѣялся. Надежду Михайла Михайловича подкрѣпилъ было разговоръ въ колескѣ, разговоръ, въ которомъ Евстафій Ивановичъ самъ какъ будто набивался на полную откровенность, и будь Хлѣбный Переулокъ верстъ хоть на десять подальше отъ 9-й роты Семеновскаго Полка, можетъ быть, участь Суркина была бы рѣшена въ этотъ же день; но нѣтъ, онъ не успѣлъ — смолчалъ, а новая ссора съ Фабіею отсрочила объясненіе на неопредѣленный срокъ.

ГЛАВА III.

Вырвавшись съ пустымъ желудкомъ и въ сыромъ платьѣ изъ гостепріимнаго дома Евстафія Ивановича, Иванъ Андреевичъ безъ оглядки побѣжалъ къ Пяти Угламъ: тамъ ожидалъ его тотъ комфортъ, то благоденствіе, которое купилъ онъ нѣкогда дорогою цѣною — тамъ ожидала его супруга-ундина, Фіона Ивановна.

Иванъ Андреевичъ Пуганинъ, присутствовавшій во всѣхъ прихожихъ судебныхъ мѣстъ только что не въ одно и то же время, посвятилъ жизнь свою чужимъ дѣламъ. Конечно, во всѣхъ петербургскихъ переулкахъ находилось по нѣскольку домовъ, знакомыхъ дѣятельному Ивану Андреевичу; всѣ знали его и всѣ прибѣгали постоянно къ его искусству. Сверхъ того, Иванъ

Андреевичъ обладалъ рѣдкимъ, но весьма полезнымъ даромъ: приставать къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ нуждался, и надоѣдать имъ до того, что, изъ благополучія не встрѣчаться болѣе съ пергаментнымъ лицемъ Ивана Андреевича, всякій готовъ былъ выполнить всѣ его просьбы. Благодарность, собираемая имъ съ кліентовъ, кормила и его и Фіону Ивановну, и двухъ золотушныхъ малютокъ, и кухарку Мавру, и Акима, малаго лѣтъ двадцати, отданнаго дѣльцу кѣмъ-то въ услуженіе. Одѣяніе Ивана Андреевича стоило не дорого: онъ обыкновенно донашивалъ сюртукъ свой до того, что сукно превращалось постепенно въ нѣчто весьма похожее на гутта-перчу; пуговицамъ же и подкладкѣ срока не полагалось. Отца своего Иванъ Андреевичъ не помнилъ; мать же, какъ слѣдуетъ доброму сыну, поддерживалъ Иванъ Андреевичъ до самой ея смерти, послѣдовавшей на сто седьмомъ году отъ рожденія. Ивана Андреевича родила она очень поздно, почему и оставила сорока двухлѣтнимъ сиротою. Добрый и послушный сынъ долго грустилъ, особенно объ одиночествѣ, къ которому привыкнуть никакъ не могъ, вслѣдствіе чего и сталъ онъ серьезно помышлять о женитьбѣ. Ни наружность, ни воспитаніе не дозволили Ивану Андреевичу поступить въ этомъ случаѣ, какъ поступаютъ другіе: всю жизнь свою въ домы онъ входилъ по чужому дѣлу — а кому не извѣстно, что этотъ образъ вхожденія ни мало не удобенъ при добываніи невѣстъ? Въ первомъ случаѣ и дверь отворяешь безъ страха, и слугѣ говоришь просто, зачѣмъ пришелъ, и въ кабинетъ хозяйскій проникаешь прямо, въ полной увѣренности, что кліентъ хочетъ не хочетъ, а улыбнется; даже вопросы кліента знаешь напередъ и отвѣты готовы. Идетъ дѣло хорошо — сядешь рядомъ съ хозяиномъ, спросишь и водочки, и стаканъ

чаю, даже трубочку спросишь. Вотъ, какъ невзначай войдетъ въ это время дама или дѣвица, то будто не ловко станетъ; но и тутъ ничего; хозяинъ обыкновенно скажетъ просто: «это Иванъ Андреичъ» — и дѣло съ концемъ. Но приходить въ чужой домъ по собственной надобности, не пробираться крысою въ кабинетъ, а идти прямо въ гостиную, да спрашивать не хозяина, имѣющаго нужду въ Иванѣ Андреевичѣ, а хозяйку и, что еще хуже, дочь хозяевъ — на такое дѣло Иванъ Андреевичъ не только покуситься не могъ, но и подумать бы объ этомъ не рѣшился. Нѣтъ! жениться нужно было, и необходимо, то есть, нужно, но попроще какъ нибудь — всякимъ другимъ, только бы не этимъ манеромъ. Подумавъ погадавъ, Иванъ Андреевичъ вспомнилъ о пріятелѣ своемъ, управскомъ канцеляристѣ, маломъ лысомъ, но лихомъ пройдохѣ — подумалъ и приступилъ къ дѣлу. Въ одинъ рождественскій вечеръ Иванъ Андреевичъ отправился въ Управу, узналъ отъ сторожа не о мѣстѣ жительства пріятеля, но о томъ трактирѣ, гдѣ проводилъ вечера свои лысый канцелярисгъ; ошибиться было невозможно: Протолеонъ Протолеоновичъ (такъ звали пріятеля) не любилъ безъ причинъ мѣнять заведенія, и и застигнутъ былъ въ немъ Иваномъ Андреевичемъ часу въ девятомъ вечера. Завидѣвъ входившаго Ивана Андреевича, Протолеонъ Протолеоновичъ крикнулъ отъ удивленія.

— Какъ, ты здѣсь, братъ Иванъ? здѣсь? по какому случаю? не ужь-то съ дѣломъ какимъ? проговорилъ тотъ, растопыривая руки.

— Здѣсь, братецъ, и точно съ дѣломъ, угадалъ! отвѣчалъ, ухмыляясь, Иванъ Андреевичъ.

— Дивное, братъ, дѣло; а что всего чуднѣе, что нашелъ ты дѣльца во мнѣ.

— Да нѣтъ, дѣло-то мое не канцелярское: дѣло собственное, личное.

— Вотъ что! Ну, отдохнулъ; дай кончу партію вотъ съ этимъ фификусомъ — и весь твой.

Тутъ лысый Протолеонъ, игравшій на бильярдѣ съ маркеромъ, дѣтиною молодымъ и подстриженнымъ въ кружокъ, указалъ на него кіемъ своимъ и, заложивъ потомъ кій этотъ себѣ за спину, страшно перегнулся спиною за бортъ и сталъ цѣлиться въ желтаго. Кій оборвался и сдѣлалъ киксъ; маркеръ улыбнулся, тряхнулъ головой и сталъ обходить бильярдъ, а Протолеонъ Протолеоновичъ, выбранивъ себя за неловкость, принялся за пилу, мѣлъ и разговоръ съ Иваномъ Андреевичемъ— впрочемъ, за разговоръ о постороннихъ вещахъ.

Партія продолжалась не долго. Лысый пріятель схватилъ не лысаго за руку и потанцилъ на улицу. Тутъ ужь объяснилъ ему Иванъ Андреевичъ о непремѣнномъ намѣреніи своемъ жениться, и о надеждѣ, которую полагалъ онъ на содѣйствіе опытнаго въ женскомъ дѣлѣ Протолеона Протолеоновича.

— И дѣло сдѣлалъ, что обратился не къ проклятымъ свахамъ, а прямо ко мнѣ, отвѣчалъ тотъ съ увѣренностью: надули бы тебя, слупили бы еще, пожалуй, кожу другую и вышла бы пустошь; а мнѣ, братъ Иванъ, ты скажи только, какую именно хочешь жену: Русскую ли, Польку ли, Нѣмку ли—чистую Нѣмку, понимается— или Финляндку, Эстляндку, Курляндку, пожалуй, и за Курляндкой дѣло не станетъ.

— Помилуй, братецъ, куда мнѣ съ ними, съ твоими Курляндками! И Польки не хочу; Русскую бы, да добрую, попроще, чтобъ не мотовата была... очень останусь благодаренъ, отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

— Пошелъ ты съ благодарностью своею! полѣзъ съ

благодарностью! не въ благодарности рѣчь. Дѣло въ томъ, что я вспомнилъ объ одной дальней своей родственницѣ. Славная для тебя невѣста! Завтра же познакомлю тебя съ нею.

Дальняя родственница Протолеона Протолеоновича была очаровательная Фіона Ивановна, съ которою въ первый мясоѣдъ и обвѣнчался Иванъ Андреевичъ.

ГЛАВА IV.

Обогнавъ у Калинкина Моста колымагу Евстафія Ивановича, англійскій ягдвагенъ быстро покатился по направленію Невы. Онъ скоро оставилъ за собою и Троицкій Мостъ, Выборгскую Сторону, Земледѣльческое Училище и, не умѣряя хода, продолжалъ мчаться по дорогѣ къ тремъ Парголовымъ. Проѣхавъ первое изъ нихъ, ягдвагенъ круто повернулъ направо и вскорѣ остановился у одной изъ красивыхъ дачь Старой Деревни.

Парголово, безспорно принадлежитъ къ самымъ прекраснымъ загороднымъ мѣстамъ столицы. Природа надѣлила мѣсто это щедрыми дарами своими; мѣстоположеніе въ немъ очаровательно, воды прозрачны, воздухъ чистъ, а вѣковыя деревья дарятъ прохладу въ знойные дни; и есть гдѣ прогуляться живущимъ въ парголовскихъ деревняхъ, и поохотиться, и потанцовать подъ звуки порядочнаго оркестра. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, это мѣсто считалось самымъ пріятнымъ, да и самымъ удобнымъ для лѣтней жизни. За исключеніемъ обширныхъ и чистыхъ избъ, въ парголовскихъ деревняхъ строили частныя лица дачи и, проживъ въ нихъ условленный срокъ, обращали постройки свои въ собственность крестьянъ. Въ одной изъ подобныхъ дачь и

проживалъ хозяинъ ягдвагена, нѣкто графъ Бронскій — отецъ того кудряваго мальчика, который произвелъ на умъ Михайла Михайловича Суркина весьма не благопріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, жилъ графъ на дачѣ не одинъ, а съ двоюроднымъ братомъ и сверстникомъ своимъ, графомъ же Александромъ Бронскимъ.

Оба они были не только однихъ лѣтъ, но имѣли одинакое состояніе и почти одинакія свойства. Безпримѣрную дружбу братьевъ скрѣпилъ сначала университетъ, потомъ одинъ и тотъ же полкъ, въ которомъ оба они достигли равныхъ чиновъ; на двадцатомъ году отъ рожденія оба влюбились въ прелестныхъ дѣвушекъ и оба женились въ одинъ день, не покидая службы. Обоимъ посчастливилось блеснуть въ главѣ храбрыхъ полковъ у стѣнъ неприступной Варны, но Варна пала, и два бѣлые креста украсили грудь обоихъ Бронскихъ; полки, которыми они командовали, гордились своими начальниками, но сожалѣли о графѣ Александрѣ болѣе, чѣмъ о графѣ Львѣ, раненномъ въ ногу. Пуля же, поразившая перваго, остановилась у сердца между ребръ, и всѣ попытки достать ее остались безуспѣшными. Въ Парижѣ сказали несчастному больному, что всякая операція повлечетъ неминуемую смерть, что смерть эту отсрочить можетъ спокойная, безтревожная жизнь, отсутствіе всякаго сильнаго потрясенія, умѣренная пища и движеніе еще болѣе умѣренное. Горько улыбнувшись, графъ Александръ Бронскій написалъ другу и брату своему Льву о рѣшеніи своей участи, и въ сопровожденіи двухлѣтней дочери возвратился въ Россію, разумѣется, скинувъ предварительно мундиръ. Нужно ли говорить, что братъ его Левъ Бронскій не замедлилъ распроститься съ товарищами, съ эполетами, съ любимымъ полкомъ, и поселиться съ страждущимъ дру-

гомъ дѣтства своего сначала въ деревнѣ, а потомъ въ Петербургѣ? Какъ тотъ, такъ и другой овдовѣли почти въ одно и то же время. У графа Александра, какъ мы сказали выше, осталась дочь, у графа Льва — сынъ, старше дѣвушки тремя годами; въ эпоху, нами описываемую, послѣдней минуло десять лѣтъ.

Передавъ вожжи Нѣмцу егерю, кудрявый мальчикъ соскочилъ съ ягдвагена, и прежде чѣмъ отецъ его успѣлъ сдѣлать то же, вбѣжалъ ужь въ домъ, сбросилъ съ себя всѣ охотничьи снаряды и вихремъ умчался во второй этажъ. Заглянувъ во всѣ углы, за всѣ горки цвѣтовъ, даже за корзину съ ландышами и, не найдя того, чего искалъ, мальчикъ, не останавливаясь, сбѣжалъ съ лѣстницы, спросилъ мимоходомъ у попавшагося ему слуги: «гдѣ Анна?» и промчался въ садъ. Въ темной аллеѣ изъ акацій повстрѣчала кудряваго мальчика прехорошенькая дѣвочка, въ голубомъ батистовомъ платьицѣ и шляпкѣ изъ итальянской соломы съ широкими полями. Оба съ крикомъ радости бросились на шею другъ къ другу.

— И ты не встрѣтила насъ, Анна? спросилъ юноша съ упрекомъ, продолжая цѣловать дѣвочку: знаешь ли, что я въ такомъ страхѣ, въ такомъ ужасномъ страхѣ...

— Что съ тобою, Serge?

— Вотъ что со мною случилось: вчера въ воксалѣ какой-то monsieur, пренепріятный, сказалъ мнѣ прегрубое слово; я вспылилъ и хотѣлъ отвѣчать, но папаша остановилъ...

— Ну что же?..

— Все кончилось благополучно, продолжалъ мальчикъ: monsieur извинился передо мною.

— Что же тебя тревожитъ, Сережа?

— Вотъ что, Анна: папаша въ продолженіе всей дороги не говорилъ мнѣ про мою исторію ни слова, а это значитъ, что онъ сердитъ.

— Ну, поди и попроси извиненія у дяди Льва.

— Не ловко, Анна.

— Отчего?

— Оттого, что я вчера только извинялся въ послѣдній разъ, а часто совѣстно и стыдно!

— Сережа, я попрошу за тебя сію же минуту, сказала дѣвочка, пускаясь бѣжать къ дачѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Анна! Онъ теперь у твоего папа, а при немъ ни за что на свѣтѣ... воскликнулъ мальчикъ, останавливая кузину свою.

Дѣвочка потупила головку и крѣпко задумалась; она принялась соображать одинъ изъ тѣхъ плановъ атаки, которые всегда ей удавались, потому что Левъ Бронскій, любившій сына своего до безумія, старался казаться уступчивымъ не для него, а для дочери друга; этотъ способъ прощать Сережу былъ и благовиденъ и имѣлъ тѣ же результаты!

— Ахъ, какъ я разсѣянъ — сказалъ юноша помолчавъ немного: я и забылъ спросить тебя о дядѣ Александрѣ, какъ провелъ онъ эти сутки?

— Онъ очень страдалъ, Сережа.

— И ты не читала ему?

— Нѣтъ.

— Отчего же?

— Его утомляетъ мое чтеніе; къ тому же я не выговариваю многихъ словъ, и папа не все понимаетъ — такая досада! Вчера былъ Густавъ Карлычъ; онъ просидѣлъ весь вечеръ; они говорили по нѣмецки, а я слушала и уснула. Безъ тебя ужасно скучно...

— Душка моя!

— Право, Сережа; и сколько разъ я старалась представиться веселою, когда ты уѣзжалъ! Помнится, я даже принуждала себя смѣяться; а только ты скроешься за угломъ — до смерти хочется плакать.

— Зачѣмъ же, Анна, не сказала ты мнѣ откровенно, что не хочешь, чтобъ я ѣхалъ?

— Ахъ, Боже мой! кто же говоритъ, что я не хочу? Напротивъ, я радуюсь глядя на твои приготовленія, на твое удовольствіе; вотъ потомъ только грустно дѣлается.

Вмѣсто отвѣта, кудрявый мальчикъ снова обнялъ десятилѣтнюю подругу свою и съ нѣжностію расцѣловалъ ее въ обѣ щеки. Имъ было такъ весело; они были такъ счастливы, что, не покажись въ концѣ аллеи толстый графскій дворецкій и не доложи дворецкій, что юную чету ожидаетъ обѣдъ, юная чета просидѣла бы въ аллеѣ до вечера.

Тутъ только вспомнилъ юноша, что въ порядочномъ домѣ не садятся за столъ въ длинныхъ сапогахъ, и потому, взявъ Анну за руку, онъ бѣгомъ довелъ ее до балкона, а самъ отправился въ свой павильонъ, служившій ему и спальнею и классною.

Друга и брата своего графъ Левъ нашелъ сидящимъ на солнцѣ у окна; черный длиннополый бархатный сюртукъ, такіе же сапоги и шапочка придавали худощавому лицу его ту страдальческую блѣдность, которая съ перваго взгляда напоминаетъ о смерти. По всему замѣтно было, что больной приближался къ ней; а если онъ и улыбался, то для того только, чтобъ скрыть отъ близкихъ настоящее свое положеніе. Графъ Александръ былъ почти ровесникъ своему брату, но казался по крайней мѣрѣ десятью годами старше его. Наружность обоихъ могла бы служить образцемъ для двухъ, совершенно противоположныхъ типовъ. Черты Александра отлича-

лись чрезвычайною правильностью, напоминавшею типы Вандика; взгляда черныхъ и выразительныхъ глазъ его не могла бы вынесть безпокойная совѣсть; преступникъ преклонилъ бы свою голову предъ этимъ взглядомъ, проникавшимъ до глубины души. Глаза эти метали пламя, когда графъ былъ гнѣвенъ, и говорили, когда графъ молчалъ.

Какъ бы для рѣзкой противоположности, лице Льва Бронскаго, открытое и прекрасное, не могло не казаться безгранично добрымъ; взглядъ темноголубыхъ глазъ его дарилъ ласкою; улыбка выражала благосклонность; каштановыя кудри сохранили въ тридцать пять лѣтъ свой юношескій блескъ и пышность; миньятюрныя руки, чрезвычайно бѣлыя и изящныя, внушали зависть женщинамъ. Сердиться онъ не умѣлъ и не могъ; уживался со всѣми; и всѣ искренно любили его.

На воспитаніе единственнаго и обожаемаго сына смотрѣлъ онъ съ своей собственной точки. Желая приготовить въ немъ для себя друга и друга въ полномъ значеніи этого слова, Левъ Бронскій въ сношеніяхъ своихъ съ Сережею избѣгалъ всѣхъ тѣхъ непріятныхъ впечатлѣній, которыя, врѣзываясь въ память дѣтей, поселяютъ въ нихъ не сердечную любовь и довѣрчивость, а холодное, натянутое уваженіе и страхъ.

Повидимому юноша пользовался полною свободою, но свободу эту онъ не могъ употреблять во зло, потому что общество отца предпочиталъ всѣмъ возможнымъ удовольствіямъ, а отецъ никогда съ нимъ не разлучался. Ложь и скрытность считалъ отецъ самыми гнусными пороками, и отъ самаго младенчества не понималъ Сережа этихъ пороковъ. Да и что могло заставить мальчика сказать неправду, когда отецъ, слѣдившій за нимъ втайнѣ, никогда не разспрашивалъ его ни о чемъ, а за

вѣтренность и ничтожныя вспышки наказывалъ упорнымъ, но благосклоннымъ молчаніемъ? И когда отецъ, улыбаясь, молчалъ, сынъ говорилъ, что отецъ сердитъ. Вся прислуга обоихъ братьевъ понимала, уважала и любила господъ своихъ; слѣдовательно, негодныхъ слугъ въ домѣ не было; ученіе же Анны возложено было, при содѣйствіи гувернантки, на Сережу, который гордился этою обязанностью и долгъ свой въ отношеніи къ дѣвочкѣ исполнялъ добросовѣстно. Уроки свои училъ онъ болѣе для того, чтобы быть въ состояніи передать ихъ Аннѣ; музыкѣ они учились тѣмъ же способомъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ въ общемъ семействѣ Бронскихъ. Счастіе всѣхъ членовъ его отравляла только болѣзнь Александра и ежеминутныя ожиданія скорой, слишкомъ скорой развязки. Лучшіе петербургскіе медики посѣщали больнаго, утѣшали его пустыми, не сбыточными надеждами, прописывали успокоивающія средства, а въ прихожей, на вопросы графа Льва, пожимали плечами, дѣлали гримасы и, какъ бы щадя вопрошавшаго, молча сбѣгали съ крыльца и спѣшили скрыться. Когда же, въ ясные дни, больной чувствовалъ себя свѣжѣе, надежда оживала во всѣхъ сердцахъ; всѣ наперерывъ старались угодить страдальцу, предупреждать малѣйшія его желанія, и вожатыми больнаго по саду были всегда Сережа и Анна; послѣдняя пресерьезно поддерживала руку отца своими ручонками и этими же ручонками помогала ему садиться и вставать.

Разставшись у балкона дачи съ кудрявымъ мальчикомъ, Анна на цыпочкахъ вошла въ отцевскій кабинетъ, гдѣ находился уже графъ Левъ и домашній врачъ, Густавъ Карловичъ Блумбахъ, обрусѣвшій Нѣмецъ лѣтъ пятидесяти, съ головою подстриженною очень тщательно, съ носомъ, украшеннымъ золотыми очками, съ ор-

денскою ленточкою въ петлицѣ и доброю физіономіею. Дѣвочка, при входѣ, преграціозно присѣла, поцѣловала графа Льва, присѣла вторично доктору и помѣстилась на подушкахъ у ногъ отца.

— Вы видѣли Сержа? спросилъ у Анны графъ Левъ.

— Да, mon oncle; но онъ не въ духѣ.

— Право?

— Право, mon oncle.

— А сказалъ онъ причину?..

— Своего mauvaise humeur? сказалъ: онъ думаетъ, что вы на него сердитесь.

— Браво! за что же это? перебилъ графъ Александръ: я не допускаю возможности, чтобъ молодой человѣкъ его лѣтъ поставилъ себя въ такое не ловкое положеніе.

— А который годъ Сергѣю Львовичу? спросилъ врачъ.

— Ему уже тринадцать лѣтъ; посудите же, докторъ, вѣроятно ли предположеніе Анны?

— Да, дѣйствительно, обстоятельство требуетъ обсужденія, замѣтилъ врачъ серьезно: и, воля ваша, Анна Александровна, а я раздѣляю сомнѣніе графа...

— Но почему же вы предполагаете, Анна, что mauvaise humeur его не есть послѣдствіе слишкомъ долгой разлуки съ вами? перебилъ графъ Левъ.

— О, нѣтъ, mon oncle! совсѣмъ нѣтъ! Я знаю Сержа, отвѣчала дѣвочка, вздохнувъ: онъ сказалъ бы мнѣ это; напротивъ, Сержъ нѣсколько разъ поцѣловалъ меня и... вотъ его слова: «я въ страхѣ, въ ужасномъ страхѣ, и думаю, что папа сердитъ на меня». Я спросила, отчего онъ такъ думаетъ, а онъ сказалъ: оттого, что вы, mon oncle, не говорили съ нимъ...

*

— Все это правда, Анна; и я долго еще не намѣренъ говорить съ твоимъ учителемъ.

— Mon oncle!

— Ma nièce, запрещаю вамъ просить за него. Сережа достоинъ наказанія и долженъ быть наказанъ.

— Но за что же, mon oncle? спросила Анна, сложа ручки свои и только что не плача.

— За то, мой другъ... но вотъ и Сережа: спроси у него; онъ, ты знаешь, не можетъ не сказать правды, какъ бы то ни было не ловко въ такомъ большомъ обществѣ.

— Папà, воскликнулъ, нимало не смутясь, вошедшій юноша: я чувствую, что вы говорите про меня и очень этому радъ: это значитъ, что вы на меня не сердитесь.

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ.

— Разувѣрься и знай, что сержусь и очень серьезно.

— Послушайте, mon oncle, сказалъ кудрявый мальчикъ, обращаясь къ дядѣ: скажите, достоинъ ли наказанія тотъ, кто хотя и провинился, но самъ не знаетъ въ чемъ?

— Конечно, нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ графъ Александръ.

— Слѣдовательно, папà проигралъ процессъ, потому что сколько я ни думалъ, ни соображалъ, а никакъ отгадать не могъ, за что бы можно было на меня сердиться.

— За самый большой проступокъ, какой ты когда нибудь сдѣлалъ, Serge, замѣтилъ отецъ.

— Я? я, папà?

— Ты, мой другъ, и говорю тебѣ очень серьезно.

— Папà, папà! не пугайте, а растолкуйте просто...

— Нѣтъ, ты долженъ догадаться самъ.

— Но я не догадываюсь.

— Подумай.

— Думалъ, папà!

— Вспомни все съ начала до конца; не пропусти ни одной подробности.

— Я только это и дѣлалъ, папà, во все время поѣздки нашей съ острововъ.

— Ну, такъ потрудись разсказать дядѣ твоему все вчерашнее происшествіе, но съ самаго начала и до конца...

— Я только что хотѣлъ просить васъ объ этомъ.

— Тѣмъ лучше; значитъ, я предупредилъ твое желаніе — очень радъ; но начинай — мы слушаемъ.

— Вчера, началъ кудрявый мальчикъ, обращаясь къ дядѣ: мы въ воксалѣ сѣли съ папà къ одному изъ столовъ и спросили, ужь не помню чего именно. Въ залѣ было очень много разныхъ лицъ; между прочимъ, одинъ преуморительный господинъ громко говорилъ, что его собаку унесъ орелъ, что собака укусила за горло орла, летя съ нимъ по воздуху, и орелъ упалъ съ нею на землю... Исторія собаки показалась мнѣ такою не правдоподобною, что я громко расхохотался... Вдругъ другой какой-то господинъ выразился обо мнѣ очень невѣжливо; я подошелъ къ нему и хотѣлъ ему предложить...

— Стрѣляться, перебилъ графъ Левъ.

— Что же, папà, развѣ на моемъ мѣстѣ вы не сдѣлали бы того же? развѣ я виноватъ?

— Кругомъ, мой другъ.

— То есть виноватъ, что мнѣ только тринадцать лѣтъ, а ему двадцать пять или больше?

— Нѣтъ; но ты позволилъ себѣ насмѣхаться.

— Какъ, папà, не смѣяться, слушая подобную басню?

— А, по твоему мнѣнію, господинъ разсказывалъ басню въ воксалѣ?

— Этого мало, папà: разсказывая ее, онъ желалъ, чтобъ ему вѣрили.

— А ты утверждаешь, что онъ говорилъ неправду?

— Конечно.

— Ты утверждаешь, что господинъ этотъ солгалъ— понимаешь ли, солгалъ, то есть сдѣлалъ самое дурное дѣло?

— Разумѣется, солгалъ, папа.

— Скажи пожалуйста, Сережа, продолжалъ графъ Левъ серьезно: еслибъ кто нибудь сказалъ тебѣ, что ты говоришь неправду, и сказалъ бы это въ присутствіи нѣсколькихъ посторонних лицъ, что бы ты сдѣлалъ?

— Этого быть не можетъ, папà, отвѣчалъ съ увѣренностью мальчикъ: я, вы знаете, и въ шутку не позволю себѣ ни скрыть того, что сдѣлалъ, ни сказать того, чего нѣтъ или не было...

— Но допустимъ, что тому, который оскорбилъ бы тебя неосновательнымъ предположеніемъ, показалось только, что слова твои лживы, тогда какъ, въ сущности, ты былъ бы совершенно правъ.

— Тогда господина этого слѣдовало бы назвать или невѣждою, или сумасшедшимъ, замѣтилъ Сережа.

— Не правда ли? а вы, Анна, раздѣляете ли его мнѣніе?

— Конечно, mon oncle, поспѣшила сказать дѣвочка, слушавшая весь разговоръ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Прекрасно! какъ нельзя лучше! продолжалъ графъ Левъ: процессъ нашъ приходитъ къ окончанію, и остается послѣдній вопросъ, на который прошу подсудимаго отвѣчать. Ты сказалъ, Сережа, что господина, дерзнувшаго усомниться въ справедливости разсказа твоего, надлежало бы назвать или невѣждою, или сумасшедшимъ — такъ ли?

— Точно такъ, папà.

— Даже, еслибъ предметъ твоего разсказа состоялъ въ томъ, что ты, охотясь, положимъ въ Альпійскихъ горахъ... впрочемъ, зачѣмъ идти такъ далеко? Россія обширна, и въ ней найдутся горы, какъ въ Швейцаріи, а слѣдовательно есть и горные орлы, которые очень часто нападаютъ... на что такое, Анна, я забылъ?

— На стадо овецъ, mon oncle, и бѣдные пастухи защищаютъ ихъ тогда длинными палками. Мы съ Сережей читали объ этомъ.

— Но не помнишь ли, Анна, спросилъ графъ Александръ, отгадавшій намѣреніе брата своего: не случалось ли когда нибудь прочесть тебѣ въ той же книгѣ, что горные орлы не только не страшатся бѣдныхъ пастуховъ, но вцѣпляются когтями въ овецъ и уносятъ ихъ къ облакамъ?

— Какъ же, папа! Даже, я помню, одна изъ этихъ злыхъ птицъ унесла дѣвочку.

— А дѣвочка эта, какъ вы полагаете, Анна, была ли больше и тяжеле собаки, подобной нашему Беппо? спросилъ графъ Левъ.

— Какое же сравненіе, mon oncle! возразила Анна.

— Слѣдовательно, Сережа, предположимъ, что въ то время, когда ты охотился въ горахъ Кавказа, напримѣръ, или другихъ, на твоего Беппо напалъ горный орелъ; несчастный Беппо, разумѣется, по инстинкту, свойственному всѣмъ животнымъ, въ особенности собакамъ, безъ всякаго сомнѣнія, принялся бы защищаться и, употребивъ единственное оружіе свое — зубы, схватилъ бы птицу за горло—что бъ тогда сдѣлалъ орелъ?...

— Папаша... папаша! проговорилъ юноша, покраснѣвъ до ушей: не уже ли такія вещи могутъ случаться?

— Я спрашиваю у тебя, положительно ли эти вещи невозможны?

— Нѣтъ.

— Стало быть, вчерашній разсказъ господина могъ быть истиною?

— Могъ, папаша...

— Нужно ли продолжать? спросилъ графъ Левъ, строго взглянувъ на своего сына, который, опустивъ глаза и наклонивъ голову, стоялъ передъ нимъ неподвижно.

Кратковременное общее молчаніе прервано было приходомъ слуги, съ хрустальнымъ поставцемъ въ рукахъ и докладомъ, что кушанье поставлено.

Вплоть до самаго вечера неутѣшенъ былъ кудрявый мальчикъ, и мучила его мысль, что фіолетовый господинъ могъ быть не хвастунъ, не лжецъ, и тогда чѣмъ же могъ онъ, то есть Сережа, извинить въ собственныхъ глазахъ своихъ и неумѣстную насмѣшку и оскорбительное для этого господина предположеніе?

Дѣйствуя на умъ сына убѣжденіями, основанными на чистомъ и здравомъ разсудкѣ, графъ Левъ вполнѣ достигъ своей цѣли, и Сережа, очень хорошо понимавшій разницу между зломъ и добромъ, сдѣлался въ тринадцать лѣтъ безпристрастнымъ, неумолимымъ судьею самого себя. Въ негодованіи отца онъ видѣлъ не личное ощущеніе, не минутное проявленіе гнѣва или досады, а улику своего проступка и когда убѣждался, что былъ виноватъ, то раскаянію его не было границъ, и въ этотъ разъ чего бы не отдалъ Сережа, чтобъ имѣть право отыскать фіолетоваго господина, броситься къ нему на шею, и въ томъ же воксалѣ просить его о прощеніи! Но кто былъ этотъ господинъ, гдѣ жилъ онъ? — вотъ вопросъ, котораго на дачѣ Бронскихъ не могъ разрѣшить никто.

Въ девятомъ часу все семейство двухъ братьевъ со-

бралось къ вечернему чаю. Замѣтивъ разстроенный видъ мальчика, отецъ съ нѣжностью подозвалъ его къ себѣ, улыбаясь назвалъ его ребенкомъ и объявилъ, что употребитъ всѣ средства доставить ему случай снова поохотиться съ обладателемъ тамерлана, и новою успѣшною охотою совершенно изгладить изъ памяти того господина непріятное впечатлѣніе воксальнаго происшествія. Со слезами на глазахъ обнялъ Сережа отца своего, а графъ Александръ, слишкомъ знакомый съ подобными сценами, навелъ рѣчь на другой предметъ, и тѣмъ окончательно прекратилъ всѣ домашнія объясненія.

— Давно хотѣлъ я спросить у васъ, почтеннѣйшій Густавъ Карлычъ, сказалъ онъ, обращаясь къ врачу, про парголовскаго паціента вашего, нашего сосѣда по дачамъ: что дѣлается съ нимъ и куда дѣвался тотъ молодой человѣкъ, которому вы оказывали покровительство?

— Вы говорите о старикѣ Ламинскомъ и о племянникѣ его? спросилъ врачъ.

— Да. Наслышавшись отъ васъ о странностяхъ этого Ламинскаго, я часто думаю о немъ, и, признаюсь, мнѣ жаль молодаго его родственника; не уже ли намѣреніе дяди лишить его наслѣдства не поколебалось до сихъ поръ?

— Къ сожалѣнію, такъ, графъ, и не поколеблется, полагаю. Тутъ должно крыться что нибудь, чего я не проникъ еще, потому что съ нѣкотораго времени паціентъ мой постоянно въ раздраженномъ состояніи духа.

— Я слышалъ, что онъ очень богатъ?

— Очень, и не скупъ, но разсчетливъ; я знаю его давно. Не имѣя не только страстей, но даже привычекъ, старикъ ограничиваетъ расходы свои потому только, что излишнія издержки не принесли бы ему ни малѣйшаго наслажденія. Впрочемъ, сколько я могъ замѣтить,

онъ иногда бываетъ даже щедръ: въ денежныхъ отношеніяхъ своихъ дѣйствуетъ какъ порядочный человѣкъ, и жалобъ на него я никогда не слыхалъ.

— Но этотъ молодой... племянникъ, говорите вы?..

— Да, Николай Ламинскій; тутъ ужь я рѣшительно ничего не понимаю; это дѣло загадочное. Вѣрите ли, я избѣгаю встрѣчи съ ними обоими; и ежели бы не давнишнее знакомство мое съ старикомъ и не разстройство его здоровья, я бы, кажется...

— А плохъ онъ?

— И да, и нѣтъ. На прошлой недѣлѣ въ пульсѣ его было такое сильное волненіе, что параличъ казался мнѣ неизбѣжнымъ; во всѣ слѣдующіе дни симптомы повторялись постоянно; а вчера и сегодня онъ опять на ногахъ, свѣжъ и бодръ. Короче, причина болѣзни его не старость, не сложеніе, а что-то нравственное, да и процессъ не мало раздражаетъ его.

— Процессъ? какой процессъ? спросилъ графъ Левъ. — Я никогда не слыхалъ объ этомъ.

— Какъ же! тяжба по заемному письму, выданному покойнымъ княземъ Горичемъ какому-то иностранному негоціанту; а обязательство это во сто тысячь рублей.

— Но что жь общаго между княземъ и Ламинскимъ?

— Ламинскій наслѣдовалъ какъ имѣніе, такъ и долги Горича: они близкіе родственники по матерямъ, если не ошибаюсь; но паціентъ мой не жалѣетъ денегъ: ихъ у него много; а желаетъ онъ уплатить сто тысячь не вдовѣ негоціанта, а дочери ея, крестницѣ покойнаго князя. Чѣмъ и когда кончится процессъ — не знаю, но больнаго онъ очень тревожитъ.

Въ началѣ разговора графа Льва съ Густавомъ Карловичемъ, графъ Александръ принялся перелистывать журналы, а дѣти занялись шахматною игрой, въ кото-

рой обыкновенно торжествовала надъ нетерпѣливымъ соперникомъ своимъ маленькая Анна. Такъ прошелъ остатокъ вечера на парголовской дачѣ, а въ 11 часовъ, простясь съ врачемъ, семья Бронскихъ разошлась по своимъ комнатамъ. Нижній этажъ занимали два брата, верхній—Анна съ гувернанткой; въ павильонѣ, въ саду, помѣщался кудрявый мальчикъ съ вѣрнымъ и неразлучнымъ егеремъ своимъ, широкоплечимъ Нѣмцемъ или, правильнѣе сказать, Швейцарцемъ Вильгельмомъ Кроатце, однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ Бернскаго кантона. Вильгельмъ служилъ когда-то проводникомъ графу Александру въ одно изъ путешествій его по швейцарскимъ горамъ; отважность юнаго горца, ловкость его и открытый характеръ понравились графу, который предложилъ ему остаться при немъ. — «А старики мои?» спросилъ Швейцарецъ: «на чьихъ рукахъ они останутся?» — «Перевези ихъ съ собою; я дамъ имъ землю и уголъ,» отвѣчалъ графъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ далъ имъ домъ, садъ, деньги и обезпечилъ всю остальную семью, оставшуюся на родинѣ. Съ той минуты Вильгельмъ смотрѣлъ ласково на тѣхъ только, кого любилъ графъ Александръ, и готовъ былъ умереть за него. Сережу выучилъ Кроатце въ совершенствѣ плавать, лазить по деревьямъ, бѣгать чрезвычайно быстро и стрѣлять по швейцарски. На всякую лошадь садились и Вильгельмъ и Сережа со всѣхъ сторонъ; падая же съ лошадей, оба становились на ноги. Каштановый Беппо занималъ второе, но почетное мѣсто въ сердцѣ Швейцарца, а на Анну смотрѣлъ онъ съ какимъ-то внутреннимъ волненіемъ; глаза его наполнялись влагою, а голосъ дрожалъ, когда маленькая Анна говорила ему: Ick liebe sie sehr, mein guter Herr Wilhelm, и тогда добрый Нѣмецъ складывалъ руки, склонялъ умильно голову на правую сто-

рону, и голосомъ, въ которомъ слышались слезы, отвѣчалъ: «Mein schönes Freilein, warum sagen sie Herr Wilhelm?.. sie wissen, sie wissen»... Тутъ подносилъ онъ правую руку къ глазамъ, а лѣвою шарилъ въ карманѣ и, вытащивъ изъ него красный платокъ, удалялся всхлипывая.

О кудрявомъ Сережѣ, обитавшемъ въ павильонѣ, не заботились ни отецъ, ни дядя, и не заботились потому, что хотя дверь павильона не запиралась на ночь и могли, пожалуй, взойти въ нее недобрые люди, но Вильгельмъ имѣлъ привычку ложиться рядомъ съ Беппо между входомъ и спальнею юноши.

Замѣтивъ, при прощаніи съ отцемъ, улыбку на устахъ его, Сережа вздохнулъ свободно, проводилъ Анну до ея комнаты и, поцѣловавшись съ нею, побѣжалъ къ пруду, отдѣлявшему Старую Деревню отъ обширнаго парголовскаго сада. Вильгельмъ, знакомый съ привычками юнаго своего господина, встрѣтилъ его близъ ваннъ, и черезъ нѣсколько минутъ оба очутились ужь только что не у противоположнаго берега. Ночь была темная; черныя тучи цѣлыми массами двигались по синему небу, а душная атмосфера предвѣщала грозу. Давно погрузилась и деревня и окрестность въ то мертвое безмолвіе, въ ту таинственную тишину, къ которымъ такъ идетъ и отдаленный перекатъ грома и мгновенный, ослѣпительный блескъ молніи. Какъ бы оцѣпенѣвъ отъ ужаса, въ трепетномъ ожиданіи стоялъ неподвижный лѣсъ, и прибрежныя сосны угрюмо смотрѣлись въ зыбь потока, слегка зарябившагося... умолкли всѣ звуки; лишь порою раздавались плескъ воды и дѣтскій смѣхъ: то смѣялся Сережа, пугавшій неустрашимаго Вильгельма своимъ отважнымъ ныряньемъ; юноша, настигаемый Швейцарцемъ, протягивалъ ему руки, и въ ми-

нуту, когда послѣдній увѣренъ былъ, что схватитъ его, быстро погружался въ воду и, исчезнувъ на нѣсколько секундъ, появлялся вновь на поверхности озера, но ужь довольно далеко отъ своего преслѣдователя. Не взирая на частыя перемѣны погоды, кудрявый мальчикъ, начиная отъ ранней весны до заморозковъ, повторялъ ежедневно купанье свое, и полночь была любимымъ его часомъ для удовольствій этого рода. Сережа былъ убѣжденъ, что въ это время ни одинъ нескромный взглядъ не остановится на немъ и колоссальномъ Вильгельмѣ, и ни до одного слуха не долетятъ ни дѣтскій смѣхъ его, ни возгласы выведеннаго изъ терпѣнія Нѣмца; и чѣмъ темнѣе было небо, чѣмъ грознѣе была ночь, тѣмъ долѣе продолжалось купанье. Единственнымъ и постояннымъ зрителемъ этихъ забавъ былъ Беппо: онъ то бросался въ воду и присоединялся къ купавшимся, то, возвратившись на берегъ, бѣгалъ взадъ и впередъ, наполняя воздухъ оглушительнымъ лаемъ, то усаживался на одно мѣсто и, поворачивая голову, слѣдилъ взоромъ за своими товарищами... Но единственнымъ свидѣтелемъ ночныхъ сценъ былъ Беппо только по мнѣнію Сережи, потому что въ эту ночь со стороны сада незамѣтно подошла къ пруду человѣческая фигура въ чемъ-то темномъ, и, выбравъ кустъ погуще, остановилась. Долго, долго стояла она неподвижно, не обнаруживая ни любопытства, ни страха, ни другаго какого либо ощущенія. Фигуры этой не замѣтили ни Сережа, ни Кроатце, но разсмотрѣлъ ее каштановый шарло, который сначала и приподнялся было на ноги, навострилъ уши, чуть ли не готовъ былъ броситься съ яростью на незванаго гостя, но вдругъ какъ бы одумался, привѣтливо помахалъ хвостомъ и, перемѣнивъ нѣсколько разъ мѣсто, успокоился снова. Накупавшись и насмѣявшись

до сыта, кудрявый мальчикъ вышелъ изъ воды, погладилъ Беппо, поласкалъ его и принялся одѣваться. Швейцарецъ послѣдовалъ его примѣру, а неподвижная человѣческая фигура мгновенно ожила и мѣрнымъ, тихимъ шагомъ направилась въ обратный путь, то есть возвратилась въ ту болотистую часть сада, чрезъ которую, лѣтъ пятнадцать назадъ, пролегала одна только дорожка, соединявшая прудъ съ могилою графа Поле. Давно и крѣпко спалъ ужь Сережа въ павильонѣ своемъ; засыпалъ и Вильгельмъ, лежавшій на полу у самой двери; дремалъ и вѣрный Беппо; самый прудъ, внезапно разбуженный нашими полунощниками, пересталъ морщиться и, догнавъ круги свои до зеленой насыпи, окаймляющей его берега, сгладился какъ зеркало и будто уснулъ; перекаты грома затихли, и небо прояснилось; лишь изрѣдка вдали все блѣднѣе и блѣднѣе мелькала зарница — все успокоилось; только въ неподвижномъ лѣсу, между рѣдкими деревьями, продолжало двигаться одно живое существо — та человѣческая фигура, которой не измѣнилъ ни прибрежный кустъ, ни лай сторожеваго пса. Робкій прохожій, конечно, принялъ бы ночнаго скитальца за тревожную тѣнь умершаго грѣшника, но фигура вышла на широкую дорогу деревни, повернула налѣво, взобралась на гору и, миновавъ дачу Бронскихъ, прошла еще нѣсколько шаговъ и скрылась въ чащѣ кустовъ, окружавшихъ отдѣльно стоявшій домикъ съ широкимъ навѣсомъ. На домикъ этотъ грустно смотрѣли въ деревнѣ и съ робостью обѣгали его въ праздничный день веселыя группы дѣтей. Носился слухъ, что въ немъ когда-то умеръ какой-то изувѣръ, и умеръ безъ покаянья, что схоронили мертвеца не днемъ, а ночью, и даже до могилы не провожалъ его никто, никто рѣшительно. Долго дача была пуста; напрасно зазывалъ

въ нее хозяинъ пріѣзжихъ: всѣ молча отходили прочь, и только въ это лѣто нанялъ ее какой-то господинъ, старикъ угрюмый, одинокій...

ГЛАВА V.

Мы ужь сказали выше, что съ тѣмъ счастіемъ, которое ощущалъ промоченный до костей Иванъ Андреевичъ, отправляясь къ Пяти Угламъ, не могло сравниться никакое счастье въ мірѣ. И что ожидало его въ его скромномъ, можетъ быть даже слишкомъ скромномъ пріютѣ, въ его родномъ собственномъ уголкѣ? Иванъ Андреевичъ увѣренъ былъ, что встрѣтитъ его съ улыбкою и Фіона Ивановна, и постоянный гость, старый другъ, неизмѣнный товарищъ какъ его, такъ и Фіоны Ивановны — Протолеонъ Протолеоновичъ, пріискавшій ему Фіону Ивановну. Въ первое время женитьбы Ивана Андреевича, Протолеонъ Протолеоновичъ навѣщалъ его ежедневно, обѣдалъ у него, ужиналъ и часто проводилъ ночь въ гостиной, на диванѣ. Будь Протолеонъ Протолеоновичъ человѣкъ не деликатный, онъ, пожалуй, притворился бы, что не замѣчаетъ, какъ не богатому, хотя и гостепріимному хозяину такія частыя посѣщенія здороваго существа съ отличнымъ аппетитомъ не выгодны и даже раззорительны; но канцеляристъ былъ не таковъ. Онъ просто дружески объяснился съ Иваномъ Андреевичемъ, и какъ ни отговаривался Иванъ Андреевичъ, а все таки Протолеонъ Протолеоновичъ принудилъ его брать съ него по извѣстному числу рублей въ мѣсяцъ за столъ, табакъ, чай и проч.

— Не согласишься ты на мое предложеніе, говорилъ канцеляристъ: я просто, братъ, къ тебѣ ни ногою.

Ты бѣденъ, корму на міръ не напасешься; хочешь меня видѣть каждый день, бери деньги — и все тутъ!

Пожавъ дружески руку Протолеона Протолеоновича, Иванъ Андреевичъ улыбнулся и не противился болѣе. Съ той поры, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, канцелярист ъ ежедневно ѣлъ и пилъ у друга, и другъ ни разу еще не видалъ ни одного гроша, принадлежавшаго Протолеону Протолеоновичу; послѣдній даже не рѣдко занималъ деньги у своего амфитріона и причиталъ должки свои къ общему долговому итогу. Въ такихъ отношеніяхъ находился канцелярист ъ съ семействомъ Ивана Андреевича, когда Иванъ Андреевичъ вступилъ въ родной пріютъ свой. Акимку засталъ баринъ съ бараньею костью во рту; двадцатилѣтній малый не мылъ столовой посуды, разставленной не совсѣмъ симметрически на ларѣ прихожей, а вылизывалъ ее до чиста.

— Стало, наши отобѣдали? спросилъ Иванъ Андреевичъ въ смущеніи.

— Откушали-съ, торопливо отвѣчалъ слуга, занося кость за спину лоснившагося сюртука.

— И не осталось ничего для меня?

— Никакъ драчона осталась-съ.

— Не ужь-то, кромѣ драчоны, все съѣли? воскликнулъ Иванъ Андреевичъ съ отчаяньемъ.

— Все формальнымъ образомъ прикушали-съ, отвѣчалъ Акимка, утирая губы: Протолеонъ Протолеоновичъ привели-съ съ собою худаго такого-съ барина, а кушать изволятъ вотъ какъ исправно-съ; такъ ничего и не осталось.

Пожавъ плечами, глубоко вздохнулъ и почесавъ въ головѣ, Иванъ Андреевичъ бросилъ въ посуду фуражкой и уныло вошелъ въ слѣдующую комнату, наполненную не мебелью, а запахомъ, самымъ раздражительнымъ для

голодныхъ желудковъ. Акимка не солгалъ: дѣйствительно, въ комнатѣ этой, кромѣ Фіоны Ивановны, Протолеона Протолеоновича, Демочки и Саши, то есть сына и дочери, находилось еще новое и худощавое лице незнакомца, помогшаго хозяевамъ прикушать все «формальнымъ образомъ».

Радость всего общества, при появленіи хозяина дома, была не притворна; супруга, находившаяся въ интересномъ положеніи, правда, не встала съ мѣста, но разсмѣялась супругу; канцеляристъ протянулъ ему свои руки; двое дѣтей частенькими шагами подошли къ отцу и приподняли масляныя головки свои, перевязанныя платками; новое же лице привстало одно и наклонило голову, въ знакъ привѣтствія.

— Чего ты это такъ поздно, братъ Иванъ? крикнулъ Протолеонъ Протолеоновичъ, по обычаю своему, очень громко: а мы ждали тебя, да не дождались и отобѣдали...

— Хорошо сдѣлали, отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, сморщась: семеро одного не ждутъ; я поѣмъ и одинъ.

Въ глазахъ Фіоны Ивановны старался прочесть несчастный Иванъ Андреевичъ, что ожидало его — одни ли скудные остатки малопитательной драчоны, или, затаенный супружескою нѣжностью кусокъ ветчинки съ сальцемъ. Но, увы! глаза эти смѣялись, какъ смѣялись обыкновенно, не обѣщая и не говоря ни о чемъ съѣстномъ.

Тутъ представленъ былъ Ивану Андреевичу худощавый гость, приведенный канцеляристомъ. Протолеонъ Протолеоновичъ назвалъ его г-мъ Гифтштейномъ, своимъ давнишнимъ знакомымъ, пріятелемъ и ловкимъ, предпріимчивымъ человѣкомъ, такимъ ловкимъ, что «обмокни его въ растопленную сѣру, свѣжъ выйдетъ».

Гнѣтштейнъ съ перваго взгляда могъ показаться Итальянцемъ, потому что смуглое, костлявое лице его очень напоминало пожилыхъ шарманщиковъ; но со втораго взгляда тотъ же Гнѣтштейнъ причислялся невольно въ умѣ каждаго къ классу перекрещеныхъ Евреевъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье. Носъ его былъ остръ и какъ-то израильски согнутъ, губы раздуты, зубы выдавались впередъ; даже коричневыя пятна, осѣнявшія личность гостя, составляли исключительную принадлежность этого племени; и говорилъ онъ жидомъ, и смотрѣлъ жидомъ, и былъ имъ въ дѣйствительности какъ по рожденію, такъ и по всѣмъ душевнымъ и тѣлеснымъ свойствамъ. Протянувъ ему два пальца правой руки, Иванъ Андреевичъ безъ дальнихъ околичностей объявилъ, что умираетъ съ голода, и просилъ жену накормить его чѣмъ бы то ни было. Ивану Андреевичу подали ломоть драчоны, ломтя четыре чернаго хлѣба, зажареннаго въ маслѣ, съ полдюжины яицъ, сваренныхъ въ крутую, и напоили его кофе. Ожилъ Иванъ Андреевичъ, развеселился, и такъ развеселился, что плачевное происшествіе свое на островахъ разсказалъ въ шуточномъ тонѣ. Слушая супруга, Фіона Ивановна покачивала головою, улыбалась и щурила маленькіе глазки. Протолеонъ Протолеоновичъ хохоталъ громко, а г. Гнѣтштейнъ скалилъ зубы и чесалъ ногтемъ конецъ крючковатаго своего носа; дѣти, съ подвязанными щеками, едва ли понимали папашу и, смотря на него со вниманіемъ, не измѣняли выраженія лицъ, а только фыркали.

— Вотъ штука была бы, братъ Иванъ, воскликнулъ канцеляристъ, когда Иванъ Андреевичъ умолкъ: если бъ тебя утопили не на шутку! Сколько разговоровъ, чего не придумали и не прибавили бы...

— Что же! Фіона Ивановна вышла бы за тебя за-

мужъ, отвѣчалъ иронически Иванъ Андреевичъ, очень довольный ѣдкостью своего замѣчанія.

— Неизвѣстно, пошла ли бы или нѣтъ, возразила супруга, кокетничая.

— А не пошли бы, небось, за меня?

— Да не пошла бы.

— Вотъ пошли бы, Фіона Ивановна, голову кладу на плаху, что пошли бы, повторилъ Протолеонъ Протолеоновичъ, охорашиваясь: и будущаго шафера укажу вамъ — хотите?

— Кто же этотъ шаферъ?

— Вотъ онъ, ха, ха, ха! Не хорошъ небось? Тутъ канцеляристъ обоими указательными пальцами только что не коснулся до лица жидообразнаго Гиѳштейна, который снова оскалилъ зубы и снова почесалъ носъ ногтемъ.

Въ подобныхъ разговорахъ провели собесѣдники наши нѣсколько часовъ сряду. Протолеонъ Протолеоновичъ хозяйничалъ въ квартирѣ Ивана Андреевича какъ бы въ своей собственной, и не только Фіона Ивановна, но дѣти и самые слуги оказывали канцеляристу то уваженіе и тѣ почести, которыя оказываются обыкновенно хозяину дома. Иванъ Андреевичъ Пуганинъ одаренъ былъ драгоцѣнною для мужей способностью — легко пріучаться ко всему. Миролюбивыя свойства его были вѣрною порукою какъ Фіонѣ Ивановнѣ, такъ и Протолеону Протолеоновичу, что никакое противорѣчіе съ ихъ стороны, никакая въ мірѣ непріятность не возбудитъ въ супругѣ и старомъ товарищѣ ничего похожаго на драматическую сцену. Онъ могъ покривить ротъ, почесать темя, сказать, что «то бы слѣдовало, то есть по его уразумѣнію», или что «это обстоятельство недоразумительное» и т. п., но разсердиться серьезно, или употребить въ грозной рѣчи слово «я хочу» — Пуганинъ

не могъ никакъ. Напримѣръ, женясь на Фіонѣ Ивановнѣ, по совѣсти, доброй женщинѣ, Иванъ Андреевичъ не нашелъ въ ней, однакожь, тѣхъ качествъ, которыхъ искалъ, и остался тѣмъ крайне недоволенъ. Онъ долго и часто твердилъ Протолеону Протолеоновичу о несовершенствахъ супруги, объ ошибкѣ своей; собственно же Фіонѣ Ивановнѣ не говорилъ о томъ ни полслова. Частыя, даже слишкомъ частыя посѣщенія канцеляриста, равно и короткость обращенія его съ женою приходились крѣпко не по сердцу Ивану Андреевичу, но Иванъ Андреевичъ позволилъ себѣ только намекать о неудовольствіи своемъ, и то не старому товарищу, а женѣ. Въ день же охоты легкое негодованіе его возбуждено было не женою, не другомъ, а неумѣстнымъ посѣщеніемъ, г. Гифтштейна. «И на что онъ пожаловалъ— этотъ господинъ?» говорилъ самъ себѣ Иванъ Андреевичъ: «и охота же Протолеону набирать и водить за собою такихъ людей! Чай, аферистъ какой нибудь, мошенникъ, разумѣется, жидюга; этакое что-нибудь... Онъ пріѣлъ и баранину и разсольникъ, этотъ кривоносый. Право не понимаю, зачѣмъ Протолеонъ возится съ подобною сволочью? Такъ разсуждалъ Иванъ Андреевичъ, когда еще былъ въ голодномъ состояніи; когда же остатки желтой драчоны, четыре куска поджареннаго хлѣба и нѣсколько яицъ помирили утопленника съ превратностями судьбы, онъ ужь безъ негодованія и шепотомъ сталъ разспрашивать про новаго своего знакомца.

— Это братъ, такая штука, отвѣчалъ шепотомъ же Протолеонъ Протолеоновичъ: не только что съ однимъ фонаремъ, а съ четырьмя подобнаго не отыщешь; развѣ въ ночь на Ивановъ день, когда всѣ вѣдьмы и всякая нечисть, прости Господи, пляшетъ съ рогатыми контрданецъ.

— Что жь онъ, Русскій, или инаго племени какого?

— Про это его и не спрашивай: смерть не любитъ; и намъ, по правдѣ сказать, дѣла до этого нѣтъ большаго; нуженъ человѣкъ, попался, и добре; а будь онъ хоть Сарматъ — при немъ и лихо.

— Ты же съ нимъ какъ познакомился?

— Я? а просто у тетушки Аѳимьи по четвергамъ танцклассъ: чиновничьи дочки собираются плясать; есть между ними и хорошенькія. Въ послѣдній разъ дѣваться мнѣ было некуда; думаю, дай зайду — и зашелъ. Тетушка, правду сказать, и не то, чтобъ очень рада была племяннику, да я, ты знаешь, на это не смотрю; говорятъ: «весь ромъ выпиваешь», а какой тамъ ромъ! подкрашиваетъ дрянью простую сивуху — даромъ пить гадко, не то что за деньги. Вотъ, братъ, я и вошелъ въ залу; музыка валяетъ во всѣ лопатки кадриль; молодежь пляшетъ, старье кто засыпаетъ, кто присматриваетъ за дочками; все лица знакомыя; я къ одному, къ другому, хвать — наткнулся на новую рожу! Спрашиваю: кто таковъ? откуда? говорятъ: Гифтштейнъ. Что за Гифтштейнъ? — богатый человѣкъ; ладно. Да на какого же праха принесло его къ тетушкѣ-то? Не знаемъ, говорятъ; я къ ней; она-то и говоритъ мнѣ, что баринъ этотъ желаетъ познакомиться со мною. Кой прахъ! думаю, да и къ нему. Короче, дѣло въ томъ, что образина эта желаетъ купить заемное письмо покойнаго князя Горича...

— Какъ? то, что у Аделаиды Ивановны? воскликнулъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну да, то самое, по которому ты хлопочешь столько времени, и все по пустякамъ.

— Моя ли вина, что изъ старика Ламинскаго не выжмешь ни полгроша мѣднаго въ пользу Аделаиды

Ивановны? «Не хочу,» говоритъ, «и слышать. Просите на меня; я буду знать, что отвѣчать». А просить значитъ заводить тяжбу.

— Ну что же? Значитъ, я хорошо сдѣлалъ, что привелъ жида къ тебѣ? возразилъ канцелярист.

— Сдѣлалъ ты хорошо, слова нѣтъ; однако надобно бы спросить у него, въ какую цѣну ставитъ онъ обязательство.

— Вѣстимо не рубль за рубль.

— Этой цѣны никто и спрашивать не станетъ; на большую же уступку врядъ ли согласится Аделаида Ивановна.

— По моему, братъ, вмѣсто того, чтобъ переливать изъ пустаго въ порожнее, позови-ка его къ себѣ въ кабинетъ и потолкуй самъ: дѣло-то и короче и яснѣе будетъ. Хочешь, я скажу ему?

Не дождавшись отвѣта, Протолеонъ Протолеоновичъ прошелъ изъ спальни въ такъ называемую столовую и безъ околичностей послалъ гостя въ такъ называемый кабинетъ хозяина.

Господинъ Гифштейнъ неоднократно поскребъ себѣ носъ, прежде чѣмъ сталъ отвѣчать на нѣсколько разъ повторенный вопросъ Ивана Андреевича о томъ, дѣйствительно ли онъ, г. Гифштейнъ, имѣетъ намѣреніе пріобрѣсти заемное обязательство, выданное княземъ Горичемъ покойному мужу иностранки Аделаиды Ивановны, нынѣ Крыжла?

— Оно и гроша не стоитъ, это обязательство! отвѣчалъ гость таинственнымъ тономъ и съ явно еврейскимъ акцентомъ. — Это обязательство чистая шутка.

— Какъ такъ шутка?

— Разумѣется, шутка. Князя того нѣтъ въ живыхъ, и имущество все побралъ тотъ родственникъ; съ чего

же взять сотню цѣлковыхъ, не сотню тысячь? Дрянь дѣло...

— Помилуйте, дорогой господинъ Гифштейнъ, что же вы это такое говорите? да всякое обязательство, будь только оно законно, никогда цѣны своей не теряетъ. Время нужно для взыска, это правда, а все таки взыщется.

— Съ кого?

— Съ наслѣдниковъ.

— О вей! съ какихъ наслѣдниковъ? Развѣ наслѣдникъ принялъ на себя долги князя? Онъ опекунъ, и что ему въ наслѣдствѣ? Онъ самъ богатъ... куда богатъ! Онъ самъ кучами денегъ ворочаетъ; мнѣ онъ знакомъ; я знаю его, коротко знаю.

— Стало быть, вы такъ сказали Протолеону Протолеонычу, что хотите купить вексель? спросилъ съ досадою Иванъ Андреевичъ.

— Такъ сказалъ.

— Стало, и говорить объ этомъ больше не стоитъ?

— Почему не говорить! Вѣдь за слова грошей не платятъ: слова даромъ выплевываются — товаръ этотъ дешевъ.

— Правда; да дѣло-то это мнѣ надоѣло, г. Гифштейнъ. Сколько времени убилъ я на него: не ползетъ— не ѣдетъ. Тутъ пристаютъ, покою не даютъ; къ старику явишься, только и говоритъ, что я этой Аделанды Ивановны знать не хочу; а выдай она дочь замужъ, ей сто тысячь отдамъ. Что ты будешь дѣлать? Вертишься какъ бѣсъ, а толку все нѣтъ никакого.

— Почему жь вы молодой не выдадите замужъ? Она смазливая такая, а на приданое женихъ отыщется.

— И есть женихъ, да она-то кобенится.

— Можно уладить.

— Кто такъ уладитъ! Я не берусь, говорю откровенно.

— Не беретесь вы, возьмется другой.

— И другаго не знаю.

— Возьмусь я, сказалъ Еврей, почесывая носъ.

— Вы?

— А почему жь нѣтъ?

— Такъ беритесь, никто не мѣшаетъ, отвѣчалъ съ недовѣрчивостью Иванъ Андреевичъ.

— И вамъ будетъ не дурно, таинственно прибавилъ Гифтштейнъ.

— Мнѣ?

— Вамъ, вамъ, честью клянусь; только сведите меня съ дочкой на часокъ времени, больше не нужно, только на часокъ.

Неожиданное предложеніе привело Ивана Андреевича въ нѣкотораго рода замѣшательство; онъ, правда, въ первый разъ видѣлъ господина съ толстыми губами, но губы эти хотя и не нравились Ивану Андреевичу, а невольно внушали ему большую довѣренность. Ему казалось, что подобныя губы не станутъ шевелиться даромъ, и если обладатель ихъ говоритъ, то ужь, конечно, говоритъ не вздоръ. «За что же бы, кажется, награждать меня за то только, что я познакомлю его съ Фабіею?» подумалъ Иванъ Андреевичъ: «дѣло легкое, и этотъ Гифтштейнъ вѣрно знаетъ, что я часто бываю у Крыжловыхъ, а Крыжловы бываютъ у меня, и что Фабія Антоновна коротка съ моею Фіоною. Тутъ штука и штука замысловатая; пренебрегать не должно.

Послѣ минутнаго размышленія, Иванъ Андреевичъ объявилъ гостю, что не только готовъ выполнить его желаніе, но даже предлагаетъ свести съ нимъ все семейство Фабіи...

— Зачѣмъ? зачѣмъ? воскликнулъ Гифтштейнъ; стариковъ мнѣ ни на что не нужно; одну бы молодую —

довольно и этого, и за трудъ вамъ позвольте оставить на память вотъ эту бездѣлицу. Еврей вынулъ изъ кармана маленькую алую коробочку, а изъ нея золотой дутый перстень съ сердоликовымъ камнемъ и передалъ его Ивану Андреевичу, руки котораго заходили, какъ въ лихорадкѣ. Первымъ движеніемъ Ивана Андреевича было поднять руки къ потолку, и, отодвинувшись отъ перстня, помотать головой, въ знакъ рѣшительнаго отказа; вторымъ — увѣрить искусителя, что предстоящій трудъ не стоитъ подобнаго подарка, что для добраго знакомаго онъ, Иванъ Андреевичъ, готовъ и въ огонь и въ воду, и проч.; а третьимъ движеніемъ было принять перстень, повертѣть его въ рукахъ и надѣть на указательный палецъ. Гость просидѣлъ еще не долго, и попросивъ позволенія возвратиться на завтра, отправился домой. Подарокъ гостя обошелъ всѣхъ членовъ семейства Ивана Андреевича и заслужилъ всеобщее одобреніе. Фіона Ивановна надѣвала перстень на серьгу, пришпиливала къ груди, предлагала промѣнять на какую нибудь женскую вещь. Протолеонъ Протолеоновичъ взвѣшивалъ его ладонью, прибиралъ приблизительную цѣну, одобрялъ качество золота. Дѣти слѣдили за подаркомъ любопытными взорами и ходили за нимъ вслѣдъ, когда онъ, то есть подарокъ, переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Въ продолженіе всей послѣдующей ночи тревожили Ивана Андреевича искусительные сны: то являлся передъ нимъ злой духъ въ красной мантіи съ позументомъ и предлагалъ ему кучу сердоликовыхъ перстней за душу Евстафія Ивановича; то Фіона Ивановна продавала его Протолеону Протолеоновичу за такіе же перстни; то уносили перстни золотушныя [illegible] падалъ Иванъ Андреев[illegible]

содрогаясь, просыпался Иванъ Андреевичъ, вращалъ глазами вокругъ себя и, встрѣчаясь съ опухшимъ лицемъ супруги, покоившимся на девяти подушкахъ, глубоко вздыхалъ и засыпалъ снова.

На слѣдующее утро Иванъ Андреевичъ сообщилъ за тайну прекрасной Фабіи Антоновнѣ, что есть человѣкъ, который крайне ею интересуется и желаетъ ей быть представленнымъ, но только наединѣ.

— Какъ наединѣ? съ удивленіемъ спросила Фабія.

— Вы-съ, сударыня, не извольте-съ пугаться-съ; человѣкъ этотъ не молодъ, и на единѣ-съ значитъ безъ маменьки и Евстафія Ивановича, а, примѣрно, у меня-съ на квартирѣ. И мы будемъ находиться тутъ же-съ, отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

— А не молодъ онъ, такъ по крайней мѣрѣ хорошъ собою?

— Лице не русское-съ.

— Тѣмъ лучше.

— Выраженіе въ глазахъ въ родѣ итальянскаго-съ, этакое какое-то-съ...

— Ахъ, это прелесть!

— Но губы толстоваты-съ, продолжалъ Иванъ Андреевичъ, перепугавшійся ужь слишкомъ благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго первымъ описаніемъ его на воображеніе дѣвушки: губы очень толстоваты-съ, надобно признаться, и лѣтъ не молодыхъ, а степенныхъ лѣтъ-съ.

— Вотъ это жаль! пожилыхъ я терпѣть не могу, Иванъ Андреичъ! перебила Фабія охорашиваясь.

— Я, впрочемъ-съ, не смѣю завѣрить васъ, чтобъ господинъ этотъ положительно-съ думалъ о собственномъ своемъ счастіи, и вѣроятнѣе надо думать-съ, что дѣло касается не до него-съ.

— Но кто онъ, и какъ его зовутъ?

— Его-съ? Его-съ зовутъ Гифтштейномъ-съ... нѣмецкая фамилія.

— Какъ Гифтштейномъ? Но знаете ли, что это прозваніе значитъ по нѣмецки ядовитый камень?

— Можетъ быть-съ, легко можетъ быть-съ.

— Какъ можетъ быть? не можетъ быть, а есть.

— Что же-съ? пусть его-съ!

— Положимъ; но называться такою фамиліею я не соглашусь ни за что въ свѣтѣ, предупреждаю васъ.

— И не нужно-съ, Фабія Антоновна, потому что, сколько я могъ замѣтить, господинъ этотъ-съ, кажется, имѣетъ намѣреніе переговорить съ вами-съ касательно маменькиной тяжбы-съ.

— Какая тоска эта вѣчная тяжба!

— Вы молоды-съ, Фабія Антоновна, отъ этого-съ и кажется вамъ интересное дѣло тоскою-съ; а деньги-съ главная вещь-съ на свѣтѣ; деньгами-съ пріобрѣтается все-съ, все-съ.

— У маменьки много денегъ; я знаю, что много.

— Дай Богъ-съ, дай Богъ-съ! Что больше-съ, то лучше-съ.

— Она ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ.

— И это знаю-съ; да много ли вамъ нужно теперь? Теперь вы дѣвушка-съ, домъ готовый-съ и за кушанье платить не нужно; вотъ какъ изволите выйдти за мужъ, пойдетъ свое хозяйство и прочія-съ распоряженія; тогда-то-съ не покажется-съ много...

— Довольно объ этомъ, Иванъ Андреичъ, перебила дѣвушка. — Когда вы хотите, чтобъ я пріѣхала къ Фіонѣ Ивановнѣ? Скажите теперь; иначе долго дожидаться я не буду; можно сей часъ?

— По мнѣ-съ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше-съ, Фабія Антоновна.

— И по мнѣ также. Есть у васъ экипажъ?

— Калоши-съ, отвѣчалъ чиновникъ улыбаясь: но вѣдь и ваши лошадки-съ гуляютъ: маменька пошли пѣшкомъ съ Евстафіемъ Иванычемъ.

— И то правда; прекрасно! Прикажите же запречь, а я черезъ минуту буду готова.

Фабія всплеснула бѣленькими ручками, вскочила съ креселъ и побѣжала въ свою комнату, а Иванъ Андреевичъ отыскалъ слугу, распорядился экипажемъ, потомъ сошелъ на половину хозяина, то есть въ сырой подвалъ его, и, написавъ записку къ Гифтштейну, положилъ ее въ карманъ и снова возвратился въ верхній покой.

Въ это же утро, у Пяти Угловъ, въ квартирѣ Ивана Андреевича произошло первое свиданіе новаго лица разсказа нашего съ достойною дщерію отцвѣтшей Аделаиды. Господинъ Гифтштейнъ явился въ черномъ фракѣ и даже въ сальныхъ замшевыхъ перчаткахъ. Шляпа его, не совсѣмъ новая, представляла въ эту минуту странный видъ: она блестѣла тѣмъ лоскомъ, который придаетъ шляпамъ постоянное прикосновеніе къ салу и рѣдкое къ квасу и утюгу. Съ перваго взгляда г. Гифтштейнъ показался Фабіи не только отвратительнымъ мужчиною, но ужаснымъ, не позволительнымъ. Она даже не отвѣчала на поклонъ его и чуть не повернулась къ нему спиною. По кожѣ робкаго Ивана Андреевича начинала ужь пробѣгать дрожь; но гость, повидимому давно былъ знакомъ съ подобными вещами: онъ не потерялъ присутствія духа и, улыбаясь, преспокойно, отрекомендовалъ себя и помѣстился поодаль отъ дѣвушки, прося, какъ чиновника, такъ и супругу его, позволить ему побесѣдовать съ Фабіею en tête-à-tête.

— Ни за что въ свѣтѣ! воскликнула красавица въ испугѣ: я не останусь съ нимъ одна.

— Я, ей же ей, васъ не скушаю, сударыня! лукаво замѣтилъ гость: и цé причиню вамъ никакого бѣдствія.

— Не хочу, не хочу!

— Такъ пусть почтеннѣйшій господинъ хозяинъ будетъ съ госпожею хозяйкой въ сосѣдней комнатѣ, прибавилъ Гифтштейнъ.

— Да чего вы отъ меня хотите? ну, чего? Скажите при нихъ.

— Не могу-съ, ей ей, не могу-съ.

— Какіе еще секреты? У меня нѣтъ секретовъ.

— А, можетъ, будутъ... кто знаетъ?

— Я знаю, что не будутъ, особенно съ вами.

— А, можетъ, будутъ и со мною? повторилъ шуточнымъ тономъ Еврей. Напримѣръ, если бъ, сударыня, я предложилъ вамъ такую водицу, отъ которой вы во всю жизнь остались бы самою прелестною красавицею?

— Всѣ эти неумѣстныя шутки...

— Если бъ, напримѣръ, продолжалъ гость: я далъ вамъ кошелекъ, и такой кошелекъ, изъ котораго вѣчно сыпались бы червонцы, что бы вы сказали? а?

— Я не вѣрю такимъ кошелькамъ; а если бы и были такіе кошельки, такъ вы даромъ не предложили бы ихъ.

— Упаси Боже, даромъ! зачѣмъ даромъ? Даромъ глупый даетъ; я попросилъ бы половину червонцевъ.

— Опять вздоръ! возразила Фабія: у васъ кошелекъ, слѣдовательно и все богатство при васъ; даромъ никто не дѣлится.

— Правда, сущая правда, сударыня; да бѣда-то въ томъ, что для кошелька моего необходимо потребны бѣленькія ручки и такіе глазки, какъ у васъ; вотъ безъ этого червончики не дадутся никакъ.

— Все это вздоръ.

— Клянусь, не вздоръ.

— Мистификація!

— И не мистификація, а послушайте немножко, пять минутъ, и тогда, если не понравится, я самъ уйду.

Послѣдняя фраза и серьезный тонъ, съ которымъ гость выговорилъ эту фразу, поколебали отвращеніе Фабіи; она какъ будто не хотя повернула къ нему свою хорошенькую головку и, сдѣлавъ благосклонную гримаску, объявила, что жертвуетъ собою на пять минутъ времени, но не болѣе, и то съ тѣмъ, чтобъ хозяева не выходили изъ сосѣдней комнаты.

Иванъ Андреевичъ, поманивъ Фіону Ивановну, вышелъ въ спальню, а Гиѳштейнъ, притворивъ за ними дверь, подсѣлъ поближе къ дѣвушкѣ.

— Ну, говорите, что вы тамъ хотѣли мнѣ сказать? начала Фабія.

— Очень хорошую рѣчь, отвѣчалъ Еврей, понизивъ голосъ: такую хорошую, что лучше и нѣтъ на свѣтѣ.

— Что же именно?

— А то, сударыня, что будь другая на этомъ мѣстѣ, она бы запрыгала отъ радости.

— Я не умѣю прыгать.

— Научитесь, повѣрьте! Но вотъ что такое! Гиѳштейнъ вынулъ платокъ, вытеръ имъ губы и, кашлянувъ, продолжалъ; Хотите ли, не шутя, быть очень богатою? сказалъ онъ съ разстановкою и пристально вглядываясь въ глаза красавицы.

— Забавный вопросъ! отвѣчала та съ насмѣшкою: надѣюсь, что никто не откажется.

— Стало, хотите?

— Разумѣется, хочу.

— А что вы за это дадите?

— Чтобъ быть богатою? Конечно, часть богатства дамъ охотно.

— Прекрасно, прекрасно, сударыня! Но даровое богатство падаетъ съ неба только въ сказкахъ «Тысячи одной ночи»; на этой же бѣдной землѣ его надобно умѣть взять.

— Научите — возьму и я.

— А за науку что будетъ мнѣ?

— Что жь вы хотите? спросила Фабія менѣе высокомѣрно; глаза ея приняли кокетливое выраженіе.

— Я хочу половину того, что вы черезъ меня пріобрѣтете.

— Согласна.

— По рукамъ?

— По рукамъ!

— Дайте же ручку. Еврей протянулъ свою руку.

Фабія, морщась, взглянула сначала на эту грязь, потомъ на лице Гифштейна, и какъ ни было противно ей, она превозмогла себя, и бѣлая рука ея не только коснулась, но крѣпко пожата была рябою и красною рукою Еврея, вспыхнувшаго отъ какого-то внутренняго потрясенія, котораго, конечно, не испытывалъ гость еще ни разу въ своей жизни.

Собесѣдники говорили тихо, но съ жаромъ; въ пылу разговора нѣсколько разъ ловилъ ручку Фабіи раскраснѣвшійся жидъ, и тогда въ глазахъ его вспыхивало пламя, и голосъ дрожалъ, и кружилась голова.

Прошелъ ужь обычный часъ обѣда, когда изъ растворенной двери вышла сначала Фабія, а вслѣдъ за нею и Гифштейнъ; лица обоихъ блистали удовольствіемъ; первая улыбалась благосклонно, продолжая говорить съ Евреемъ, и даже шутила съ нимъ.

— Помните же данное слово, сударыня, и не позже,

какъ завтра начните, сказалъ Гифтштейнъ, вслѣдъ отъѣзжавшей красавицѣ.

— Начну сегодня же, если можно будетъ, отвѣчала та, посылая ручкою новому знакомцу своему нѣчто въ родѣ воздушнаго поцѣлуя.

Фаэтонъ красавицы помчался къ Владимірской, а гость зашелъ проститься къ хозяевамъ квартиры и, въ знакъ признательности за новое знакомство, подарилъ Фіонѣ Ивановнѣ дутый золотой браслетъ; не дослушавъ благодарственной рѣчи супруговъ, онъ скорыми шагами пустился въ путь по направленію къ Невѣ.

На вопросъ матери, куда и зачѣмъ она ѣздила съ Иваномъ Андреевичемъ, Фабія отвѣчала, что Фіона Ивановна просила купить для нея шелковой матеріи на платье. Отвѣтъ этотъ показался родительницѣ совершенно удовлетворительнымъ. Давно ужь обитатели Хлѣбнаго Переулка не видали такого веселаго и довольнаго лица, какое было въ этотъ день у прелестной падчерицы Евстафія Ивановича.

— Вы, матушка, не откушали ли у Ивана Андреича винца какого нибудь? спросилъ у Фабіи фіолетовый господинъ.

— Отчего же вы это думаете?

— Да такъ, невольно думается.

— Я встала съ правой ноги.

— Нѣтъ, шалите; другая причина...

— Отгадайте.

— Не шепнула ли Фіона Ивановна о красавцѣ какомъ нибудь, женишкѣ? продолжалъ Евстафій Ивановичъ.

— И это можетъ быть.

— Что жь! веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.

— Благодарю покорно, Евстафій Иванычъ, сказала смѣясь, Фабія: и благодарю вдвойнѣ.

— За себя, то есть?

— И за себя, и за фаворита вашего, Михайлу Михайлыча.

— Объяснитесь, пожалуйста; не понимаю.

— Благодарю за него, продолжала красавица: потому что стоитъ желанію вашему исполниться, Михайло Михайлычъ избавится отъ капризной и несносной жены; такъ, по крайней мѣрѣ, вы иногда называете меня.

— Называлъ, правда, когда вы капризничали. Впрочемъ, не скрываю, что внутренно предпочиталъ и предпочитаю Суркина всѣмъ прочимъ женихамъ. Онъ не ловокъ, не красавецъ, а хорошій малый и съ препорядочнымъ состояніемъ.

— То есть въ будущемъ?

— Что жь такое, хотя бы и въ будущемъ? Оно отъ него не уйдетъ.

— А какъ, примѣрно, велико его будущее и настоящее состояніе, Евстафій Иванычъ? спросила дѣвушка.

— Какъ примѣрно? повторилъ фіолетовый господинъ: у него, сударыня моя, даетъ имѣньишко, сирѣчь собственное, настоящее, тысченокъ, этакъ, около восьми ассигнаціями; да наслѣдства наберется въ полтора раза, то восьмнадцать — не малость для нашего брата; не шереметевское, правда, а жить можно гдѣ хочешь.

— А вамъ, Евстафій Иванычъ, очень хочется, чтобъ я предпочла Михайла Михайлыча другимъ женихамъ?

— Другихъ не знаю; но все равно, говорю просто: очень этого желаю.

— Точно?

— Точно; ну, что же?

— Я почти согласна, сказала Фабія серьезно.

— Честное слово?

— Погодите; я вѣдь сказала: почти.

— «Почти» скверное слово, пустое выраженіе, не говорящее ровно ничего! замѣтилъ фіолетовый господинъ.

— Не совсѣмъ ничего, Евстафій Иванычъ!

— По мнѣ такъ совсѣмъ.

— А по мнѣ нѣтъ; и если Михайло Михайлычъ согласится на тѣ условія, которыя я ему предложу, то даю вамъ честное слово выйдти за него, когда вамъ будетъ угодно.

— Позвольте, Фабія, перебилъ супругъ Аделаиды: въ наше время (глупое, можетъ быть, по вашему, положимъ) предложеніе дѣлалось обыкновенно мужчинами; дѣвушки же потупляли глаза, краснѣли и большая часть изъ нихъ выбѣгали вонъ изъ комнаты — вотъ какъ дѣлалось въ наше время.

— А отъ чего же убѣгали онѣ?

— Отъ стыдливости, сударыня, отъ стыдливости, лучшаго свойства дѣвушекъ.

— Ну, Евстафій Иванычъ, завидно было ваше время! Но какъ въ наше не бѣгаютъ, то позвольте и мнѣ сначала объясниться съ фаворитомъ вашимъ, а потомъ ужь изъявить согласіе мое или рѣшительный отказъ.

Евстафій Ивановичъ молча пожалъ плечами; онъ зналъ, что возраженія не поведутъ ни къ чему.

— Но я еще не кончила, прибавила дѣвушка, подумавъ: если и послѣ окончательнаго объясненія, Михайло Михайловичъ получитъ отказъ, покорнѣйше прошу какъ васъ, Евстафій Иванычъ, такъ равно и маменьку, чтобъ его болѣе никогда не принимали въ нашемъ домѣ.

— Прошу покорно! вотъ забавное требованіе! воскликнулъ полугнѣвно, полунасмѣшливо фіолетовый господинъ.

— Забавно или нѣтъ, а я пресерьезно прошу васъ объ этомъ.

— Но... но Суркина я люблю и ни мало не желаю съ нимъ ссориться.

— Это ваше дѣло!

— Къ тому же, кажется мнѣ, что и домъ этотъ мой.

— То есть стѣны, замѣтила дѣвушка.

— И стѣны, и лѣстницы, и окна, и печи, и все до послѣдней вещицы.

— Кромѣ ковровъ и половаго сукна, замѣтила Фабія: ковры и сукно наши, а я и мамаша не захотимъ, чтобъ топталъ ихъ Суркинъ. Это сказано вамъ, Евстафій Иванычъ, и, предупреждаю, сказано очень серьезно; не выполните вы моей просьбы, вамъ же хуже: отъ противорѣчія, вы знаете, у мамаши начнутся истерики, конвульсіи, сильная головная боль съ мигренью; чего добраго, она опять захочетъ проѣхаться на родину, въ Парижъ, а тогда снова понадобятся деньги, много даже денегъ, а васъ, можетъ быть, все это стѣснитъ, не правда ли?

«Бѣсенокъ, сущій, неподдѣльный бѣсенокъ!» проговорилъ фіолетовый господинъ, побагровѣвъ отъ неподдѣльнаго негодованія: «другой подумаетъ съ дуру, что она шутитъ, смѣется; какъ бы не такъ! что говоритъ эта ехидна, то выполнитъ аккуратно такая же взбалмочная женушка моя. Вотъ нажилъ сокровище! вотъ петлю накинулъ себѣ на старую шею!»

Всю эту малоутѣшительную рѣчь проговорилъ Евстафій Ивановичъ внутреннимъ голосомъ, слышнымъ и понятнымъ только для него самого; вслухъ онъ не смѣлъ бы произнести ни одного слова изъ этой рѣчи; а только произнеси онъ — истерическое и конвульсивное представленіе маменьки съ дочкою началось бы неизбѣжно въ тотъ же мигъ; но продлилось бы оно не такъ, какъ длятся простыя представленія, а какъ длились дю-

масовскіе спектакли въ театрѣ Монпансье. Вспышки счастливаго супруга Аделаиды Ивановны кончались обыкновенно тѣмъ, чѣмъ кончаются всѣ вспышки въ мірѣ. Тутъ же, къ счастью, поднесли Евстафію Ивановичу его любимой мятной; рядомъ съ графиномъ лежали два кусочка хлѣба, намазанные масломъ, а на нихъ два анчоуса, очень любимые Евстафіемъ Ивановичемъ. Вслѣдъ за этимъ лакомствомъ, фіолетовый господинъ сѣлъ передъ тарелкой горячаго супа съ клецками и кускомъ пирога съ капустою, а потомъ поставили, передъ однимъ его краснымъ носомъ, кусокъ жирной солонины съ тертымъ хрѣномъ; это блюдо окончательно разгладило чело хозяина, и, проглотивъ рюмку дреймадеры, онъ съ тою же Фабіею принялся и говорить, и смѣяться, и любезничать. Аделаида Ивановна, молчавшая большую часть времени, обыкновенно не слушала разговоровъ, но и не сводила глазъ съ очаровательной дочки, которая тѣмъ драгоцѣннѣе была матери, что походила на нее какъ двѣ капли воды. Сколько блистательнаго ожидала мать отъ будущности дочери, сколько надеждъ полагала она на изученные взгляды Фабіи, на изученныя движенія плечъ ея, на чарующую улыбку, на ротикъ неподдѣльной и плѣнительной свѣжести, на... но мало ли на что еще!

ГЛАВА VI.

Ничто въ свѣтѣ не можетъ быть непостояннѣе петербургской погоды. Собираясь изъ города на дачу, верстъ за десять, въ самое жаркое утро, не разсчитывайте на палящіе лучи солнца, на раскаленный воздухъ, на лазуревое небо: не пройдетъ часа — солнце это померкнетъ, небо затянется сѣрою пеленой, а вмѣсто

знойнаго воздуха повѣетъ холодомъ и такимъ холодомъ, что на той же раскаленной дачѣ, гдѣ недавно еще задыхался отъ жара толстый сибаритъ, сквозь чащи цвѣтовъ мелькнетъ огонекъ въ каминѣ, и бѣлыя плечики дамъ трепетно спрячутся подъ широкія складки бархата и горностаевыхъ мѣховъ. Тоже случилось и въ первые дни, послѣдовавшіе за Петровымъ днемъ.

Однажды утромъ явился къ Бронскимъ Густавъ Карловичъ Блумбахъ не только въ зеленой теплой бекешѣ, но даже съ собольимъ воротникомъ, нѣсколько повытертымъ. Всѣ окна дачи нашелъ врачъ запертыми, всѣ двери тщательно завѣшенными, а въ кабинетѣ больнаго графа сидѣло все семейство у пылающаго камина. Увидѣвъ блѣдное лице графа Александра, Густавъ Карловичъ съ безпокойствомъ спросилъ у него, отчего произошла въ немъ такая внезапная перемѣна.

— Отъ ранней осени, докторъ, отвѣчалъ, улыбаясь, страдалецъ.

— И нѣтъ у васъ другихъ причинъ?

— Ничтожныя, есть, но не думаю, чтобъ причины эти были серьезны.

— А что же такое?

— Право, бездѣлица; послѣ успѣю объяснить.

— Нѣтъ, графъ, сегодня мнѣ долго у васъ оставаться нельзя, а вы не самый трудный изъ моихъ паціентовъ.

— Не уже ли старикъ Ламинскій? спросили торопливо оба брата.

— Онъ именно, отвѣчалъ врачъ, качая головой: недугъ этого страннаго существа сбилъ меня совершенно съ толку; сплинъ его могъ бы сдѣлать честь любому ипохондрику счастливой Британіи. Не сдѣлай я трехъ консультацій, не призови всѣхъ знаменитостей столичной медицины, повѣрьте, отказался бы сегодня же отъ

этой, впрочемъ, весьма для меня выгодной практики. Кстати, прибавилъ врачъ, обращаясь къ графу Льву: всю эту ночь проговорили мы съ Ламинскимъ про васъ, графъ, про Сережу, которымъ не налюбуется старикъ, и, прощаясь со мною сегодня, онъ убѣдительно просилъ уговорить васъ посѣтить его, не теряя времени.

— Меня уговорить? спросилъ съ удивленіемъ Левъ Бронскій.

— Именно васъ.

— Но онъ меня не знаетъ вовсе!

— Лично нѣтъ, а по наслышкѣ знаетъ коротко; кажется, даже онъ друженъ былъ либо съ отцемъ, либо съ дѣдомъ вашимъ. Но возвратимся къ тѣмъ ничтожнымъ причинамъ, о которыхъ вы начали говорить, продолжалъ Густавъ Карловичъ, обращаясь снова къ больному: доктора не церемонятся, а потому и графиня Анна не взыщетъ, если я попрошу ее увести съ собою Сергѣя Львовича...

— Почему же, Густавъ Карлычъ, не прогоните вы насъ просто? сказала дѣвочка, смѣясь.

— Не смѣю, сударыня, и замѣтьте, что просьба моя касается одного наставника вашего.

— Но, чтобъ вести Сержа, мнѣ нужно идти впередъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія; иначе, учтиво ли было бы кавалеру не уступить дамѣ перваго шага?

Дѣти не охотно вышли, взявшись за руки; графъ Левъ затворилъ за ними дверь, а врачъ, пододвинувшись къ больному, взялъ его за руку и повторилъ вопросъ свой о ничтожныхъ причинахъ, произведшихъ столь страшную перемѣну.

— Я дышу съ трудомъ, отвѣчалъ больной печально.

— И постоянно?

— Постоянно, докторъ.

— Продолжается ли боль ваша въ сердцѣ?

— Она значительно усилилась; я ходить не могу болѣе, лежать не могу, говорю съ трудомъ и задыхаюсь; мнѣ плохо, докторъ!

Густавъ Карловичъ удержалъ въ груди глубокій вздохъ, не отвѣчалъ на замѣчанія своего пацієнта ни одного слова и крѣпко задумался.

— Повѣрь мнѣ, братъ, что все это обыкновенныя послѣдствія быстрой перемѣны погоды. Я самъ былъ раненъ, сказалъ Левъ: и точно такіе же недуги нападали на меня.

— Согласны вы съ нимъ, Густавъ Карлычъ? спросилъ больной съ улыбкою.

— Его сіятельство правъ, повѣрьте; а излишняя мнительность вреднѣе всякой погоды, какъ бы дурна она ни была, отвѣчалъ врачъ. — Настанутъ снова ясные дни, проглянетъ солнышко — боль въ сердцѣ пропадетъ, дыханье освободится отъ спазмъ, и все пойдетъ по прежнему...

— До новой перемѣны, замѣтилъ графъ Александръ. И думать, что одно движеніе руки, одинъ взрѣзъ ножа искуснаго хирурга могли бы поставить меня на ноги! Не уже ли же, докторъ, нѣтъ у насъ, нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ, довольно смѣлаго человѣка, который бы, не морщась, произвелъ опасную операцію, въ надеждѣ спасти одного изъ тысячи? Пуля на волосъ отъ сердца, это я знаю; есть тамъ какая-то плева тонкая, какъ паутина: коснись до нея — смерть, и это знаю; но не коснись — жизнь, полная блаженства, въ кругу родныхъ, то есть брата, дочери, единственной дочери и племянника. Нѣтъ, докторъ, наука ваша убійственна для чувства; его нѣтъ у васъ; вы закалились разсчетомъ само-

любія; вы не рискнете репутаціею, не бросите на вѣсы жизни человѣка и вашей доброй славы...

— Графъ! такая несправедливость и горька и обидна.

— Горька, говорите вы, докторъ? обидна? Можетъ быть; а смерть, а мракъ могилы, а забвеніе не горьки по вашему?..

— Богъ и милостивъ и всемогущъ.

— Да, перебилъ съ жаромъ больной: онъ великъ, онъ всемогущъ и онъ же десницею своею разсѣялъ на землѣ цѣлительныя травы, онъ одарилъ избранное созданіе свое способностью извлекать изъ нихъ тотъ бальзамъ, который отгоняетъ смерть отъ жертвъ своихъ; онъ же вооружилъ искусныя руки ваши и ланцетомъ, и скальпелемъ, и зондомъ, и сказалъ: «исцѣляйте во имя мое и во славу мою...»

— Но онъ же, графъ, и положилъ предѣлъ искусству, наукамъ и...

— Стало, нѣтъ надежды для меня?

— Есть она, и средства оправдываются цѣлыя пять лѣтъ.

— Но исцѣленіе конечное?

— Трудно, сомнительно, но возможно, графъ, клянусь вамъ честью моею, воскликнулъ врачъ со слезами на глазахъ: послѣднее средство я употреблю, я обязанъ употребить, но только въ крайности.

— Когда же прійдетъ эта крайность, когда? скажите просто. Я не трусъ, вы знаете...

— Когда, когда... въ первый ясный, теплый день, и вотъ вамъ рука моя, сказалъ торжественно Густавъ Карловичъ, протягивая руку свою больному, который съ новою улыбкою благодарности крѣпко пожалъ ее. — Теперь же, продолжалъ врачъ, вставая: я оставляю васъ успокоеннымъ, надѣюсь и возвращаюсь къ другому:

для этого ясныхъ дней не настанетъ, кажется; онъ хуже васъ, и нѣтъ для него ни послѣднихъ средствъ, ни искры надежды. Нѣтъ, графъ, ненависть адское чувство! въ порывѣ его много зла пожелаешь врагу, но пожелать ему быть врачемъ, не думаю, чтобъ кто нибудь изъ нашей братьи рѣшился. А вы, графъ, побываете у моего больнаго старика?

— Я готовъ, хоть сію минуту, отвѣчалъ графъ Левъ.

— А готовы, такъ пойдемте вмѣстѣ; время дорого, терять его опасно.

— Идемте.

Простясь съ братомъ, графъ Левъ спросилъ шляпу свою и въ сопровожденіи врача вышелъ изъ дому. Когда оба были ужь на улицѣ, графъ спросилъ у врача, какъ онъ находитъ Александра.

— Въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда нибудь, отвѣчалъ печально Густавъ Карловичъ.

— И нѣтъ никакого спасенія?

— Никакого!

— Это ужасно!

— Да, графъ, ужасно; но скрывать отъ васъ опасность я не въ правѣ. Больной требуетъ хирургическихъ пособій; въ нихъ видитъ онъ спасеніе, вѣритъ имъ какъ дитя; по мнѣ же...

— Что, что? продолжайте, ради самого Бога.

— По мнѣ же, графъ, средство, на которое онъ полагаетъ всю надежду — вѣрнѣйшая смерть...

— Боже мой!

— Что можетъ твердая и острая сталь тамъ, гдѣ одно прикосновеніе воздуха уничтожаетъ жизнь? Какъ рѣшиться обнажить ту часть человѣческаго тѣла, тотъ органъ, который сама природа сокрыла въ глубинѣ груди, оградила тончайшими покровами, обвила нѣжнѣй-

шими фибрами? Коснись одного изъ нихъ — тотъ же результатъ, та же неминуемая смерть...

— Да, ужасно, тысячу разъ ужасно!

— И вы согласитесь на операцію, докторъ?

— Рѣшаюсь, графъ.

— На убійство?

— Нѣтъ, на единственное средство остаться честнымъ человѣкомъ и добросовѣстнымъ врачемъ. Больной умретъ по вскрытіи раны — онъ умретъ и такъ, быть можетъ, недѣлею позже. А удача, графъ, а неслыханная удача? Полагаться на нее безразсудно, но отвергать ее тоже не слѣдуетъ, и я рѣшился.

Съ страшною скорбью въ сердцѣ дошелъ Бронскій до палисадника того маленькаго и одинокаго домика, въ который вошла, нѣсколько дней назадъ, человѣческая фигура, напоминавшая собою блуждающія тѣни умершихъ. Все было тихо, безмолвно, и грустно вокругъ этого мрачнаго пріюта. Но, слишкомъ взволнованный собственными мыслями, графъ Левъ не замѣтилъ этой мрачности и, только перешагнувъ порогъ самой спальни Ламинскаго, вспомнилъ, зачѣмъ и къ кому пришелъ онъ.

Второй паціентъ Густава Карловича — высокій, сѣдой старикъ, сидѣлъ въ суконномъ мягкомъ креслѣ и разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ доброй, но не красивой наружности. Молодой человѣкъ, или племянникъ Ламинскаго, былъ одѣтъ очень просто. Почтительно опустивъ глаза, онъ слушалъ говорившаго и, по видимому, не возражалъ ему. Завидѣвъ посѣтителей, старикъ силился привстать, но графъ поспѣшилъ предупредить это движеніе и, поклонившись молодому человѣку, сѣлъ рядомъ съ больнымъ.

Врачъ объяснилъ паціенту цѣль посѣщенія графа, разспросилъ Ламинскаго о настоящемъ его положеніи и

занялся потомъ исключительно молодымъ, котораго съ намѣреніемъ отвелъ въ самый отдаленный уголъ комнаты. Въ комнатѣ этой, темной, но довольно обширной, все дышало простотою, но не скупостью; незатѣйливая мебель была, однакожь, нова; занавѣсы оконъ изъ дорогой шелковой, темнаго цвѣта, матеріи; въ нишѣ стояла массивная лакированная кровать; передъ нею, на небольшомъ столикѣ, бронзовые часы съ прозрачнымъ циферблатомъ. Въ углу, въ большомъ шкафу, виднѣлись роскошно переплетенныя книги; полъ скрывался подъ мягкимъ ковромъ; картинъ и прочихъ украшеній въ комнатѣ не было.

Поблагодаривъ гостя за посѣщеніе, старикъ Ламинскій объявилъ ему безъ околичностей, что желалъ бы возложить на него весьма важное порученіе.

Графъ молча поклонился въ знакъ согласія. Старикъ продолжалъ.

— Вы не совершенно чужды мнѣ, графъ, сказалъ онъ: и конечно не знаете, что съ дѣдомъ вашимъ, графомъ Львомъ Борисовичемъ, я, Ламинскій, былъ друженъ и коротокъ; мы въ одно время поступили подъ команду Суворова, воевали съ нимъ, и мнѣ же пришлось выполнить послѣ друга и товарища послѣднюю его волю.

— Тѣмъ пріятнѣе мнѣ будетъ служить вамъ, отвѣчалъ графъ.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ, Левъ Сергѣичъ, и полагаюсь на васъ совершенно. Теперь позвольте объясниться просто, продолжалъ старикъ: свидѣтелями объясненія будутъ единственный родственникъ мой, родной племянникъ Николай Николаичъ Ламинскій, котораго представляю вамъ, и общій другъ нашъ, Гу-

ставъ Карлычъ; обоимъ имъ должно и знать и помнить мою волю.

Услышавъ свое имя, молодой человѣкъ застѣнчиво поклонился графу, а врачъ кашлянулъ и приготовился слушать.

— Я долженъ предупредить васъ, Левъ Сергѣичъ, сказалъ старикъ, помолчавъ: что долгое одиночество мое и постоянныя думы утвердили меня въ моемъ образѣ мыслей о вещахъ вообще. Не спорю, можетъ быть, многіе найдутъ взглядъ этотъ на жизнь и условія ея нелѣпымъ, ошибочнымъ; но перемѣнить его, вопреки своимъ убѣжденіямъ, я не въ силахъ. И такъ приступимъ къ самому дѣлу. Говорить о прошедшемъ не стану — не стоитъ! Все прошедшее одного человѣка такая ничтожность, такая мелочь, что упоминать о ней считаю смѣшною претензіею. Сколько вздоровъ, сколько небылицъ обязанъ вплести и вклеить авторъ, чтобъ сдѣлать изъ быта героевъ своихъ пошлый, но занимательный романъ: мой же романъ и пустъ и безцвѣтенъ. Я жилъ и любилъ когда-то, любилъ кого-то, былъ обманутъ, обманывалъ самъ, служилъ посмѣшищемъ, смѣялся надъ другими и дожилъ до могилы, можетъ быть потому только, что Густавъ Карлычъ и ему подобные не допустили меня умереть. Но есть, однакожь, вещи серьезнѣе всего этого, есть условія, при выполненіи которыхъ намъ дозволено и жить и умереть безъ содроганія, безъ страха. Благой даръ этотъ называю я правомъ и обязанностью — дѣлать добро. Люди понимаютъ обязанности свои различно. Сколько золотыхъ рѣкъ обходитъ нужду, крайность, пользу и впадаетъ въ море порока и тщеславія! сколько спасительныхъ орудій направляется не на спасеніе, а на пагубу человѣчества! Я не послѣдую примѣру многихъ, и спасительное оружіе мое предаю вамъ, графъ

Бронскій, честному, благородному внуку друга моего графа Льва. Есть у меня и богатство и наслѣдникъ. Богатство умножено лишеніями; наслѣдника я представилъ вамъ: племянникъ мой, сынъ роднаго брата, доброе, но слабое, ничтожное существо... Не взыщи, Николай Николаичъ! сказалъ старикъ, обращаясь къ молодому человѣку: я по совѣсти говорю правду; ты добръ, ты не способенъ ни на какое дурное дѣло, но не способенъ и на хорошее. Будущность твою читаю я ясно и въ лицѣ твоемъ, и въ прошедшемъ твоемъ, и во всемъ, что ты дѣлаешь. Ты не живешь, а прозябаешь; ты не глупъ, но и не одаренъ тою способностью, которая должна управлять милліонами. Гдѣ проливаются не поддѣльныя слезы, туда не допуститъ тебя какой нибудь завитой франтъ съ эспаньолеткою; то время, которое ты бы долженъ былъ посвятить на пользу человѣчества, ты убьешь у зашнурованныхъ ногъ плясуньи, и время это и обязанности честнаго человѣка утопишь въ стаканѣ жженки. Да, обидѣла меня судьба. Цѣль моя, графъ, большую часть богатства на сто лѣтъ положить въ банкъ; по прошествіи вѣка, удесятеренное сокровище положитъ основаніе тому полезному заведенію, въ которомъ бѣдные люди найдутъ главные проводники къ возможному счастью. Тамъ получитъ полъ нашъ образованіе, сообразное съ врожденными способностями; тамъ честная дѣвушка почерпнетъ довольно золота, чтобъ получить согласіе родителей бѣднаго жениха на бракъ съ нею; тамъ вознаградится трудъ ученыхъ изыскателей, поощрится талантъ, спасутся моими деньгами и мать больная здороваго малотки, и убогій старикъ, и... Вотъ моя воля, графъ, и мое послѣднее порученіе. Для племянника назначаю я весь остатокъ; опредѣлить его не могу и не нужно; долговъ у меня, сколько припомню,

не много — ихъ будетъ чѣмъ уплатить; жизнь коротка, а добро вѣчно... Осудить меня вы въ правѣ, отказаться отъ содѣйствія также въ правѣ, но вы благородны и не откажетесь...

Ламинскій умолкъ; мгновенное пламя, оживившее всѣ черты его, потухло столь же мгновенно; онъ отеръ высокій лобъ свой платкомъ, а всѣ слушатели въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ пребывали въ томъ безмолвіи, которое слѣдуетъ обыкновенно за сильнымъ ощущеніемъ. Графъ Бронскій не находилъ въ умѣ своемъ ни слова, ни мысли для возраженія старику. Сочувствуя всему благородному, графъ внутренно одобрялъ распоряженіе Ламинскаго, но не могъ отказать и въ состраданіи молодому человѣку, показавшемуся ему и добрымъ и покорнымъ. Съ своей стороны, Густавъ Карловичъ, казалось, думалъ о вещахъ постороннихъ. Глаза его, для приличія слѣдили за взглядами паціента; но, по выраженію докторскихъ глазъ, нельзя было не утвердиться въ той мысли, что Густаву Карловичу совершенно все равно, поступятъ ли сокровища паціента въ руки наслѣдника или на пользу всего прочаго человѣчества. Врачъ думалъ больше о смерти, чѣмъ о жизни, а потому и аттрибуты послѣдней казались ему вещами второстепенными.

— Что жь вы скажете мнѣ, графъ? спросилъ наконецъ старикъ, обращаясь къ Бронскому.

— Я свято выполню волю вашу и все, что возложите вы на меня для приведенія плана вашего въ исполненіе, отвѣчалъ Бронскій.

— Благодарю, какъ за себя, такъ и за потомство.

— Но позвольте заключить торжественный обѣтъ мой просьбою.

— Говорите, Левъ Сергѣичъ. Согласіе изъявлю безусловное на все, чего вы потребуете.

— Племянникъ вашъ не долженъ даже и невольно порицать память единственнаго дяди. Николая Николаича вы не имѣете права выключить изъ числа тѣхъ, которые по прошествіи вѣка благословятъ имя благодѣтеля.

— Избави меня Боже отъ подобной несправедливости! перебилъ старикъ. — Въ шкатулкѣ моей хранится нѣсколько билетовъ; не считая, передаю ихъ вамъ. Зная свойства племянника своего, даю ему совѣтъ остаться холостякомъ; для жизни же холостаго человѣка очень достаточна та сумма, которую сохраните вы; процентами съ нея онъ проживетъ съ избыткомъ. Вотъ ключъ, отоприте шкатулку и возьмите билеты; они въ пакетѣ и лежатъ сверхъ прочихъ бумагъ; реестръ при нихъ.

Графъ молча принялъ изъ рукъ больнаго ключъ, досталъ пакетъ и положилъ его къ себѣ въ карманъ. Мысль, что кто нибудь могъ подозрѣвать графа Бронскаго въ поступкѣ недостойномъ благороднаго человѣка, не касалась ума Льва Сергѣевича; посему графъ Бронскій и не почелъ за нужное пересчитывать билеты въ присутствіи наслѣдника и свидѣтелей. Благодаря Бога, въ Россіи не рѣдкость имена, передаваемыя потомству нераздѣльно съ наслѣдіемъ чести и славы; къ подобнымъ именамъ принадлежала фамилія Бронскихъ.

— Мы кончили, проговорилъ старикъ замѣтно ослабѣвшимъ голосомъ, протягивая желтую, какъ воскъ, руку свою графу Льву. — Братъ вашъ нуждается въ присутствіи вашемъ; да благословитъ васъ Богъ за доброе дѣло! Въ благодарности моей вы не нуждаетесь. Прощайте, и прощайте на долго.

Съ грустнымъ чувствомъ обнялъ больной своего

опечаленнаго душеприкащика; когда же графъ Бронскій вышелъ изъ комнаты, Ламинскій подозвалъ племянника, поцѣловалъ его въ щеку и знакомъ просилъ удалиться. Разстроенный Густавъ Карловичъ не замедлилъ послѣдовать за молодымъ человѣкомъ и нашелъ его въ палисадникѣ. Истинно добрый Николай Николаевичъ не изъявилъ ни негодованія на дядю, ни даже сожалѣнія о потерянномъ богатствѣ; предложивъ врачу пройдтись по улицѣ, онъ взялъ его за руку и, молча, склонивъ голову, отправился съ нимъ по дорогѣ къ пруду.

Сережа, купаясь въ это утро, справедливо замѣтилъ Вильгельму Кроатце, своему сподвижнику, что вода очень похолодѣла; впрочемъ, этимъ только замѣчаніемъ и ограничились плаватели, пробывшіе въ водѣ ровно столько же времени, сколько проводили въ ней обыкновенно.

Ободренный обѣщаніемъ врача приступить къ операціи, графъ Александръ Бронскій ожилъ духомъ и былъ до крайности любезенъ въ продолженіе всего дня; онъ спорилъ съ Сережею о различныхъ предметахъ, прикидывался слабымъ въ математикѣ, забывалъ имена греческихъ мудрецовъ, забывалъ всѣ острова Океаніи, называлъ ошибочно нѣкоторыя вещества, необходимыя для химическихъ опытовъ; съ жаднымъ любопытствомъ выслушивалъ цѣлые трактаты объ электричествѣ, о распространеніи свѣта — короче, незамѣтно повторилъ съ дѣтьми уроки и радовался успѣхамъ обоихъ. Искренно смѣялся больной педантическимъ выходкамъ десятилѣтней Анны, толковавшей объ астрономіи съ увѣренностью ученаго. Дѣвочка поставляла себѣ въ непремѣнную обязанность не отставать ни въ чемъ отъ брата, и была въ совершенномъ отчаяніи, когда братъ увѣрялъ ее, что фортификація и тактика не женское дѣло. Послѣ

обѣда, въ знакомомъ ужь намъ ягдвагенѣ отправился графъ Левъ съ дѣтьми и Вильгельмомъ къ Земледѣльческому Училищу, гдѣ у Сережи было много знакомыхъ между учениками. Тамъ ожидали его лопата, грабли и всѣ прочія принадлежности сельскихъ работъ. Дважды въ недѣлю превращался искусный тринадцатилѣтній стрѣлокъ въ не менѣе искуснаго хлѣбопашца. Агрономія чрезвычайно забавляла юношу, знавшаго очень хорошо, какой почвѣ требуются сѣмена разныхъ хлѣбовъ и какія именно занятія принадлежатъ различнымъ временамъ года. Анна изучала сельское хозяйство; она умѣла дѣлать сыръ, творогъ, прясть ленъ и пр. Деревенскій бытъ, конечно, не показался бы юнымъ Бронскимъ ни скучнымъ, ни безцѣльнымъ; постигая приблизительно назначеніе всего, они ужь довольно вѣрно оцѣняли самую жизнь и въ занятіяхъ не могли имѣть недостатка.

ГЛАВА VII.

На слѣдующій день послѣ перваго знакомства своего съ Иваномъ Андреевичемъ, г. Гифтштейнъ, проживавшій въ самомъ грязномъ домѣ Сѣнной Площади, отправился рано утромъ въ Долговое Отдѣленіе. Обыкновенныя посѣщенія этого Отдѣленія г-мъ Гифтштейномъ имѣли двоякую цѣль: во первыхъ, справиться о здоровьѣ засаженныхъ имъ жертвъ; во вторыхъ, слѣдить за расположеніемъ ихъ духа. Замѣчалъ ли г. Гифтштейнъ, что грустное лице одного изъ должниковъ его прояснилось и лице это начинало свыкаться съ своимъ положеніемъ, г. Гифтштейнъ дѣлался разговорчивѣе, приступалъ къ описаніямъ тѣхъ удовольствій, къ которымъ склоненъ былъ его собесѣдникъ, и, пробуждая печаль о лишеніяхъ, предоставлялъ несчастнаго этой печали. Выведен-

ныя изъ терпѣнія жертвы его не рѣдко рѣшались на значительныя пожертвованія, отдавали все, что имѣли (если имѣли еще что нибудь), чтобъ возвратиться подъ родной кровъ, и тогда, пользуясь обстоятельствами, г. Гифштейнъ освобождалъ на время заключенниковъ своихъ и потомъ засаживалъ ихъ снова. Въ стѣнахъ печальнаго зданія успѣлъ онъ пріобрѣсти обширное знакомство, изучить подробно исторію каждаго заключеннаго порознь и выиграть довѣренность многихъ изъ нихъ. Цѣль же нынѣшняго посѣщенія была совершенно особенная. Приблизясь къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей внутренній дворъ зданія отъ внѣшняго, Еврей не спросилъ ни одного изъ собственныхъ должниковъ своихъ, а, напротивъ, поманилъ пальцемъ человѣка среднихъ лѣтъ, прохаживавшагося съ совершенною безпечностью вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ. Человѣкъ этотъ одѣтъ былъ съ нѣкоторою изысканностью. Его поношенная жакетка изъ чернаго бархата была покрыта затѣйливо вышитыми узорами; на пунцовомъ жилетѣ блистала бронзовая цѣпь; нижнее, коричневаго цвѣта платье, не въ мѣру узкое, напоминало трико; на шеѣ пестрѣлся клѣтчатый шелковый платокъ, повязанный спереди; на бѣлокурой головѣ торчала алая суконная феска съ длинною бисерною кистью. Особа эта насвистывала арію изъ «Волшебнаго Стрѣлка» и не обращала ни малѣйшаго вниманія на окружавшіе ее предметы. Увидѣвъ черезъ рѣшетку подзывавшаго ее Гифштейна, особа въ алой фескѣ ловко перевернулась на одной ногѣ и въ два прыжка очутилась у запертаго выхода.

— Вы звали меня? спросилъ человѣкъ въ жакеткѣ, приподнявъ шапочку.

— Точно васъ, отвѣчалъ посѣтитель, ухмыляясь и вытирая губы.

— А что благоволите приказать?

— Желалъ бы перемолвить словечка два.

— Десять, двадцать, сто, тысячу, десять тысячь словъ готовъ выслушать, лишь бы были слова эти утѣшительны! комически замѣтилъ заключенный.

— Самыя утѣшительныя, клянусь честью! сказалъ Гиѳтштейнъ, прикладывая руку къ лѣвому своему боку: такія рѣчи выговорю, отъ которыхъ запрыгаютъ волосики на головѣ вашей.

Человѣкъ въ бархатной жакеткѣ оглянулся во всѣ стороны, поправилъ пунцовую ѳеску, надвинулъ ее нѣсколько на сторону и, подойдя какъ только можно ближе къ рѣшеткѣ, приложилъ плотно голову, такъ что до уха его могли очень легко коснуться пухлыя уста Еврея.

— Хотите выйдти погулять со мною? шепнулъ посѣтитель.

— Мнѣ выйдти съ вами? Да какъ же это возможно? воскликнулъ человѣкъ въ жакеткѣ съ удивленіемъ и радостью.

— Очень просто: я положу залогъ и возьму васъ на поруки.

— Кладите залогъ, я одѣтъ — и маршъ.

— А за какую сумму заключили васъ?

— Меня? да, просто, стыдно сказать! Вообразите, что перваго артиста театровъ казанскаго, екатеринбургскаго, вышневолоцкаго, коломенскаго и подольскаго, перваго трагика, комика, водевилиста, солиста и обладателя многихъ геніальныхъ талантовъ, лишили пространства, свободнаго движенія и всѣхъ прочихъ привиллегій за двѣсти семьдесятъ два рубля шестьдесятъ двѣ копейки ассигнаціями. Допустимъ, что гонитель, преслѣдователь мой, мой злодѣй, не подлежитъ нареканію: я точно, по совѣсти, ровно четырнадцать лѣтъ и шесть мѣся-

цевъ позабывалъ какъ-то возвратить ему эту сумму, хотя и неоднократно имѣлъ ее; но какъ я могъ даться въ обманъ при своемъ исключительномъ дарованіи? какъ могъ геній запутаться въ сѣти, разставленныя руками безмозглаго глупца? — вотъ задача, которой не рѣшилъ бы самъ Коперникъ!

— А это исключительное дарованіе не то ли, о которомъ говорилъ мнѣ Протолеонъ Протолеоновичъ? спросилъ Еврей.

— Какъ? вы знакомы съ моимъ товарищемъ дѣтства, съ забубеннымъ Протолеономъ? воскликнулъ первый трагикъ и солистъ: пропащая онъ голова, а лихой собутыльникъ!

— Прекрасный человѣкъ вашъ товарищъ.

— Конечно, прекрасный! И онъ говорилъ вамъ обо мнѣ?

— Съ какими рѣдкими похвалами, съ какимъ восторгомъ! прибавилъ Гиѳштейнъ, скобля носъ.

— Спасибо ему. Правду говорятъ, что дружба въ несчастіи познается, сказалъ, вздыхая, артистъ: на прошлой недѣлѣ Протолеонъ заходилъ сюда, и такъ ему понравилась дружеская жизнь наша въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ, что, говоритъ, если бъ зависѣло только отъ меня, тотчасъ бы переселился къ вамъ.

— Что же? вещь не трудная; дорого платить не надобно: три цѣлковыхъ какихъ нибудь въ мѣсяцъ за квартиру съ кушаньемъ, съ отопленіемъ — самая малость!

— Нѣтъ, ужь Богъ съ нимъ, пусть жируетъ, пока везетъ; я не эгоистъ; для самого себя не пожертвую никѣмъ.

— А дарованіе ваше, перебилъ Еврей: состоитъ, кажется, въ искусствѣ дразнить?

— Не дразнить, а перенимать, или, лучше сказать,

разительно копировать и стараго, и малаго, и даже женщинъ.

— Курьезная штука!

— Да вы не видали, такъ и понятія объ этомъ имѣть не можете. Конечно, необходимы для этого и костюмъ, и парикъ, и краски, вообще сценическія принадлежности.

— Очень желалъ бы посмотрѣть.

— Эхъ, досадно, что рѣшетка эта крѣпка какъ желѣзо!

— И не мудрено, потому что она желѣзная.

— Да, не будь ея, кажется, такъ и пошелъ бы прямо дебютировать на театръ.

— Можно и это.

— Можно, легко сказать! а сдѣлать-то — вотъ научите.

— И сдѣлать легко: взять двѣсти семьдесятъ два рубля шестьдесятъ двѣ копейки, вручить ихъ начальству, подобрать пожитки — и вонъ отсюда, сказалъ Еврей, пристально смотря въ глаза артисту: упрашивать не станутъ, чтобъ остались погостить.

— А откуда я ихъ возьму?

— У меня возьмите, не постою — изъ простаго участія, ей Богу!

— Полноте дразнить-то! Повѣрю я, небось, чтобъ вашъ братъ (прошу не погнѣваться), сталъ выкупать должниковъ.

— Напрасно! клянусь, напрасно такъ говорите! Выкуплю непремѣнно.

— Ну, батюшка, сомнѣваюсь!

— Сомнѣваться грѣшно; всѣ люди братья; а помогать долгъ велитъ.

— Да люди-то не слушаются. Впрочемъ, что объ

этомъ толковать? Вы подшутили надо мной — и все тутъ. Получу ли я дебютъ или не получу, наличности нѣтъ никакой, по совѣсти; съ меня долго нечего будетъ взять; слѣдовательно и рисковать деньгами глупо...

— Ей же ей не шучу, перебилъ Гинтштейнъ: и наличности никакой не нужно; поживите только со мною недѣльку-другую, да позабавьте меня за мои деньги, а тамъ и Богъ съ вами.

— Позабавить? да сколько душѣ вашей угодно. Послушайте... вы ужь пожалуйста извините меня, а вѣдь вашъ братъ не можетъ не быть плутомъ.

— Это же почему?

— Ну ужь почему бы то ни было, все равно; а вѣрно, препорядочный мошенникъ и вы. Такъ хотите, я выучу васъ такимъ штучкамъ, что будь хоть мудрецъ, тотчасъ попадется; напримѣръ, слыхали ли вы, что, играя въ орелъ или рѣшетку, можно безошибочно давать монетѣ то направленіе, какое хотите. Давайте рубль; есть у васъ? Не то полтинникъ.

— Не нужно, не нужно; я въ игры не играю, замѣтилъ Еврей, улыбаясь: Богъ съ ними, игры! терпѣть ихъ не могу.

— Эге! видно пощипали на порядкахъ, такъ не полюбилось?

— Случалось всяческое. А время идетъ у насъ даромъ; давно бы можно было все дѣло кончить.

— Серьезно?

— Безъ шутокъ; хотите пожить со мною недѣльки двѣ?

— Еще бы не хотѣть!

— Столъ мой и квартира моя съ угощеніемъ.

— Даже безъ угощенія.

— А согласны, такъ погодите часокъ, я мигомъ воз-

вращусь къ вамъ; заберите пожитки, да и подождите меня тутъ.

Не дождавшись отвѣта, Гифтштейнъ скорыми шагами отправился въ квартиру тюремнаго смотрителя, а изумленный обладатель рѣдкаго таланта передразнивать весь родъ людской безъ исключенія предался неистовой радости. Онъ подходилъ ко всѣмъ товарищамъ своимъ, строилъ имъ преуморительныя рожи, подражалъ ихъ походкѣ, движеніямъ, голосу; обнималъ дружески сторожей; когда же Еврей показался снова у воротъ, отпертыхъ тюремнымъ привратникомъ, артистъ съ воплемъ радости бросился за скудными пожитками своими и черезъ мигъ шелъ ужь рядомъ съ своимъ избавителемъ на Сѣнную Площадь.

По привиллегіи, присвоенной сценическимъ артистамъ: перемѣнять настоящія фамиліи, трагикъ назвалъ себя «Поразительнымъ». Имя это далеко не славилось даже въ Коломнѣ; но дѣйствительно даръ подражанія развитъ былъ въ немъ до высочайшаго совершенства. Стоило г. Поразительному указать на любое лице, и тотчасъ же лице это отражалось на его собственномъ. Неизвѣстно, какъ и что дѣлалъ артистъ, чтобы перемѣнить форму носа, перемѣщать глазъ, худѣть, полнѣть — словомъ перерождаться совершенно. Сколько разъ проходилъ онъ днемъ мимо ожидавшихъ его кредиторовъ! сколько разъ надувалъ извощиковъ! а попалъ онъ въ Долговое Отдѣленіе въ нетрезвомъ состояніи. Вѣрный слову своему, Гифтштейнъ уступилъ въ квартирѣ своей цѣлый уголъ Поразительному, накормилъ его яйцами, сельдями и рѣдькою, напоилъ шалфеемъ и, уложивъ спать на полъ, заперъ на ключъ, а самъ ушелъ со двора. Гифтштейну предстояло другое путешествіе: любимая прогулка по парголовскому парку.

До выхода своего изъ города, почтенный Гифштейнъ имѣлъ привычку заходить на перепутье къ старинному знакомцу своему, нотаріусу Селезеневу, человѣку старому, близорукому и до крайности нечистоплотному. У Селезенева любилъ онъ посидѣть, потолковать о томъ о семъ, посовѣтоваться съ хозяиномъ касательно денежныхъ оборотовъ своихъ, и у Селезенева же писалъ Гифштейнъ какъ векселя такъ и заемныя обязательства, выдаваемыя ему многими лицами. Нотаріуса въ этотъ разъ засталъ онъ въ совершенно новомъ занятіи.

Селезеневъ, отыскавшій давно затерянную имъ серебряную серьгу, вдѣвалъ ее насильственнымъ образомъ въ заросшеее отверстіе уха. Старикъ морщился, сидя передъ зеркальцемъ, а письмоводитель его помощью сапожнаго шила сверлилъ на свѣжемъ мѣстѣ преизрядную дыру; ошибка въ мѣстности произошла отъ слѣпоты письмоводителя. Тѣмъ не менѣе боль паціента извлекала изъ груди его жалобные, раздирающіе звуки. По приходѣ гостя ошибка объяснилась, а на ухоной мякоти нотаріуса появилась снова давно забытая серьга, и не одно, а два кровавыя отверстія.

— Ну, сударь, не загляните вы ко мнѣ, быть бы бѣдѣ большой, сказалъ Селезеневъ, прижимая двумя черными пальцами живую рану свою: и я, сударь, глупъ: какъ же было повѣрить ухо слѣпому, который, сударь, ей Богу-съ, принимаетъ иногда исписанный листъ за чистый, посудите! И давно бы мнѣ прогнать его на улицу; ну, да дѣтей его жаль и жену его жаль: умрутъ съ голоду. А вѣдь, сударь, слѣдовало бы вытолкать его въ зашей: куда же годенъ такой писецъ? посудите!

Не опровергая мнѣнія нотаріуса, но и не соглашаясь съ нимъ относительно шеи письмоводителя, Гифштейнъ незамѣтно навелъ рѣчь на погоду, на городскую пыль,

на прелесть загородныхъ мѣстъ, и до того расположилъ Селезенева къ деревенскимъ наслажденіямъ, что тотъ чуть самъ не попросился въ товарищи. Нотаріусъ былъ когда-то въ Парголовѣ, слушалъ тамъ музыку, объѣлся даже кислаго молока, но парка не замѣтилъ, не замѣтилъ также ни гробницы графа Полье, ни барскихъ палатъ, ни самаго Парнасса. Селезеневъ слыхалъ, что есть люди, которые хвалятъ иногда мѣстоположеніе; ѣздилъ онъ даже въ Дудергофъ и Киргофъ; но, лазя по нимъ, усталъ до смерти, а мѣстоположенія не видалъ никакого; съ горы же мудрено и видѣть что нибудь: все какъ-то въ туманѣ. Однако нельзя было сказать, чтобъ нотаріусъ Селезеневъ лишенъ былъ совершенно вкуса; онъ, кромѣ съѣстныхъ вещей, любилъ заниматься чтеніемъ книгъ, добываемыхъ кое гдѣ письмоводителемъ. Когда же не доставало въ книгѣ нѣсколькихъ листовъ, даже цѣлыхъ главъ, то, хотя Селезеневъ и не останавливался на несвязности прерванныхъ рѣчей, но, прочтя книгу, все таки замѣчалъ, что книга хороша — слова нѣтъ — но обстоятельства нѣсколько перемѣшаны. Въ рѣдкихъ письмахъ своихъ нотаріусъ никакъ не могъ не прибавить: «къ сему письму», а иногда, въ разсѣянности: «къ сему заемному письму нотаріусъ Аѳанасій Селезеневъ руку приложилъ». Не смотря на все это, онъ былъ добрый, тихій и весьма честный человѣкъ. Привычки играли первую роль во всѣхъ случаяхъ его жизни; по привычкѣ держалъ онъ слѣпаго письмоводителя; по привычкѣ же не возобновлялъ конторки, протертой собственными его локтями, не тревожилъ висѣвшихъ въ рамкахъ истлѣвшихъ остатковъ изображенія Хозрева Мирзы, гитары безъ струнъ и паутины, начиненной тысячами мухъ. Одежда нотаріуса не распадалась по-

тому только, что сукно прилипло къ подкладкѣ, а подкладка попалась упругая.

Согласившись посвятить нѣсколько часовъ созерцанію парголовской природы, Селезеневъ, обутый постоянно въ козловые башмаки, надѣлъ сапоги свои и, нанявъ пополамъ съ Евреемъ извощика, пустился въ путь. Оставивъ дрожки у перваго входа въ садъ, друзья вошли въ аллею и медленнымъ, тяжелымъ шагомъ поплелись къ дому. Разговоръ ихъ былъ не занимателенъ; на встрѣчавшіяся лица нотаріусъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и безжизненное тѣло его оживало только при встрѣчѣ съ собаками, какой бы величины онѣ ни были. Селезенева въ молодости хватила за носъ мордашка, съ которой, какъ говорилъ онъ самъ, ихъ розняли водою; съ той поры при появленіи даже маленькаго щенка, всѣ члены его начинали приходить въ движеніе, голосъ дрожалъ, руки поднимались къ верху, а шапка валилась назадъ. Перепуганное, въ свою очередь, встрѣчею съ Селезеневымъ, бѣдное животное бросалось обыкновенно въ сторону и громкимъ воемъ провожало труса на огромную дистанцію. За исключеніемъ подобныхъ встрѣчъ, съ гулявшими друзьями не приключилось въ этотъ день ничего особеннаго. Правда, повстрѣчался имъ еще старикъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, въ длинномъ лѣтнемъ сюртукѣ, съ толстою тростью въ рукахъ. Завидѣвъ старика, Гифтштейнъ пренизко поклонился ему и торопливо отошелъ въ сторону. Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Еврея, слегка приподнялъ пуховый картузъ свой и повернулъ на первую перекрестную дорожку.

— Кто это такой? спросилъ нотаріусъ.

— Высокое лице, важная особа, въ полголоса отвѣ-

чалъ жидъ: я почти не знаю его лично, но много, очень много наслышанъ.

Не смотря на совершенное равнодушіе Селезенева къ высокой особѣ, Гифштейнъ продолжалъ тѣмъ же таинственнымъ тономъ:

— Барина этого зовутъ Ламинскимъ; онъ прекурьезная штука; у него, я знаю, гибель денегъ въ ящикахъ; своихъ трогать не любитъ, а все занимаетъ по сту, по двѣсти, по четыреста тысячь. Говоритъ: пусть лучше наслѣдникъ платитъ за меня, а я при жизни своей, ни за какія тысячи, гроша не трону — чудакъ такой! Разумѣется, всѣ вѣрятъ. Намедни одинъ богатый господинъ посылаетъ за мною, проситъ достать ему сто восемьдесятъ тысячь въ займы. Спрашиваю: «А ваши же деньги гдѣ?» говоритъ: «Мало моихъ; даю Ламинскому (вотъ этому самому) на вексель за большіе проценты, такъ нужно бы призанять. Я вотъ и хлопочу. И тотъ богатъ, куда богатъ! денегъ куча!»

Этотъ разсказъ остался безъ отвѣта.

— А знаете ли, почтеннѣйшій Зиновій Макарычъ, продолжалъ Еврей: я думаю, что если заемъ этотъ состоится, то векселъки бы кстати написать у васъ. Мой-то не большой: въ сто восемьдесятъ тысячь; ну, а тотъ, что Ламинскій выдастъ тому богатому барину, чуть ли не будетъ въ три раза болѣе; очистится и вамъ что нибудь.

— А что? вѣдь славно было бы-съ, замѣтилъ наконецъ нотаріусъ, останавливаясь: подлинно перепала бы копейка и мнѣ. Вѣрите ли, засуха совершенная сдѣлалась по нашей части: рубля не добудешь въ сутки; хоть старыя перья грызи, ѣсть нечего! посудите...

Заинтересованный до глубины желудка, Селезеневъ не переставалъ какъ мысленно, такъ и словесно исчи-

слять будущіе барыши свои, и продлилъ это исчисленіе вплоть до самой ночи. Друзья разстались въ городѣ и разбрелись по своимъ угламъ.

ГЛАВА VIII.

Вставъ изъ за обѣденнаго стола, Евстафій Ивановичъ Крыжла выпилъ съ обычною важностью чашку кофе и, вспомня утреннее объясненіе свое съ падчерицею, написалъ къ Михайлѣ Михайловичу Суркину краткую цидулу, въ которой, передавъ ему, приблизительно, слова Фабіи, просилъ немедленно пожаловать. Узнала ли о томъ прелестная дочка Аделаиды Ивановны, или предвидѣла, что влюбленный явится въ этотъ вечеръ — неизвѣстно; но къ семи часамъ красавица сидѣла ужь за фортепьянами въ полномъ убранствѣ, кокетливомъ до крайности. Съ своей стороны, блондинъ завился въ кольца, умылся душистымъ мыломъ и, расфрантясь въ прахъ, поспѣшилъ на рѣшительное и, можетъ быть, послѣднее свиданіе.

«Но что жь можетъ она требовать отъ меня?» говорилъ онъ самъ себѣ въ продолженіе всей дороги: «какія условія хочетъ предложить это непостижимое, это причудливое, но вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательное созданіе? Не уже ли дѣвушка ея лѣтъ рѣшится говорить съ постороннимъ еще мужчиною объ интересныхъ пунктахъ? Не можетъ быть, до этого не дошла Фабія; она взбалмочна, капризна и заносчива, но не корыстолюбива — нѣтъ; а странно! И что бы я далъ чтобъ ужь быть съ нею...»

Съ неизъяснимымъ трепетомъ взялся Михайло Михайловичъ за знакомую ручку двери Крыжловыхъ; съ

не меньшимъ трепетомъ взобрался онъ по лѣстницѣ. Въ прихожей услышалъ онъ голосъ Фабіи — и сердце его до того сильно застучало, что онъ долженъ былъ присѣсть, прежде чѣмъ ослабѣвшія ноги его укрѣпились вновь. Онъ вошелъ красный какъ ракъ.

— Ахъ, это вы, Михайло Михайлычъ! проговорила Фабія, щурясь и качаясь на стулѣ: бьюсь объ закладъ, что сегоднишнимъ визитомъ вашимъ обязана я Евстафію Иванычу.

— Почему же вы это думаете, Фабія Антоновна? спросилъ блондинъ не твердымъ голосомъ.

— Какъ почему? взгляните въ зеркало, и оно скажетъ вамъ, почему я это думаю.

— Никакъ не могу понять.

— И не трудитесь, я растолкую; во первыхъ, вы разодѣты очень пестро, завиты, какъ пудель, и ужасно красны. Я даже ручаюсь, что въ эту минуту въ глазахъ у васъ прыгаютъ мальчики отъ внутренняго волненія — ха, ха, ха!...

— Вы большая насмѣшница, Фабія Антоновна.

— А вы страшно влюблены; для меня же ни что на свѣтѣ не можетъ быть смѣшнѣе.

— Фабія Антоновна!...

— Ну, ну, довольно; мнѣ только хотѣлось сказать вамъ, что меня обмануть невозможно.

— Но изъ чего же вывели вы подобное заключеніе?

— Изъ того, что еще утромъ сегодня было у меня съ покровителемъ вашимъ, Евстафіемъ Иванычемъ, пресерьезное и прежаркое объясненіе. Разумѣется, мы говорили про васъ, про вашу любовь ко мнѣ, про его желаніе соединить насъ узами брака, и я рѣшительно объявила ему, что не соглашусь на бракъ иначе, какъ послѣ краткаго, но окончательнаго разговора съ вами

глазъ на глазъ. Я убѣждена была, что Евстафій Иванычъ не замедлитъ тотчасъ же послать къ вамъ подробный рапортъ обо всемъ случившемся, и что сегодняшній вечеръ или будетъ первымъ для васъ счастливымъ вечеромъ, или....

— Не договаривайте ради Бога, Фабія!

— Опять?

— Нѣтъ, сегодня вы сами дали мнѣ право называть васъ просто этимъ именемъ, и не сказали ль вы, что, согласившись на предложенныя условія, я сдѣлаюсь вашимъ мужемъ?

— Стало быть, вы?...

— Соглашаюсь, соглашаюсь, Фабія, на все, на все, что только въ силахъ, во власти моей. Можетъ ли быть что нибудь на свѣтѣ, чего бы не сдѣлалъ я за одинъ вашъ взглядъ, за одно слово надежды? Говорите, приказывайте, повелѣвайте, Фабія! кричалъ Суркинъ, воспламенясь: не томите, не мучьте меня! Нужны ли дальнѣйшія объясненія?

— И очень, мой будущій супругъ! перебила красавица, улыбаясь: объясненія главная вещь, а прочее.... Тутъ она выставила нижнюю губку и сдѣлала такую милую гримаску, что въ этотъ мигъ Михайло Михайловичъ именно за это «прочее» и надѣлалъ бы тысячу глупостей.

Указавъ Суркину на стулъ, Фабія подвинулась къ нему такъ близко, что бѣлое платье ея коснулось влюбленнаго. Забывъ все, онъ чуть не бросился къ ногамъ дѣвушки, но новый и холодный знакъ сидѣть на мѣстѣ разогнулъ Михайла Михайловича и привелъ его въ болѣе спокойное состояніе.

— Послушайте, сказала Фабія повелительнымъ тономъ: прежде чѣмъ я протяну вамъ руку, то есть прежъ-

де чѣмъ съ рукою этой (она подняла бѣленькую ручку свою, обнаженную по самый локоть) вы получите отъ меня право, которымъ, говорятъ, пользуются женихи, я покорнѣйше прошу васъ не дѣлать ненужныхъ движеній: они, вотъ видите ли, и приторны и утомительны для васъ. Не уже ли вы полагаете, что я не знаю себѣ истинной цѣны? не уже ли вы думаете, что я не изучила всего, чѣмъ одарила меня природа? Я хороша и знаю это; я умна и привлекательна, могу страстно любить.... но что объ этомъ? До васъ покуда все это не касается; слѣдовательно, перейдемъ къ вамъ. Вы, во первыхъ, дурны собою....

— Фабія Антоновна!...

— Молчите и слушайте. Вы дурны, потому что вы блондинъ—а мужчина бѣлокурый то же, что рыжая дѣвушка. У васъ веснушки—фи! Зубы ваши самой простонародной формы и такого непріятнаго цвѣта... Профиль вашъ не принадлежитъ ни къ греческимъ, ни къ римскимъ, а представляетъ какую-то смѣсь неправильностей; глаза обыкновенные, а турнюра и французскій языкъ до того не позволительны, что всякая претензія на comme il faut была бы и смѣшна и достойна сожалѣнія. Скажите по совѣсти, что жь выиграю я, сдѣлавшись вашею женою? не честь ли носить имя Суркина, то есть быть madame Суркинъ? Другія имена есть еще возможность передѣлать, перемѣнивъ букву, или удареніе; изъ вашего же имени, сколько я объ этомъ ни думала, не выходитъ ровно ничего. Напримѣръ: поставьте *а* вмѣсто *у*, выйдетъ Саркина—еще хуже; наконецъ Сыркина, Соркина.... одно другаго хуже, одно другаго непріятнѣе. Богаты вы?—нѣтъ. И предупреждаю впередъ, что какими нибудь двадцатью тысячами дохода я жить не намѣрена.

— Но, Фабія Антоновна, вы убиваете меня однимъ вступленіемъ въ объясненіе. Изъ словъ вашихъ выходитъ, что всякая надежда назвать васъ моею была бы глупостью, сумасшествіемъ! завопилъ уничтоженный Михайло Михайловичъ.

— Какъ видите...

— Зачѣмъ же дальнѣйшая экспликація?

— Какъ зачѣмъ? затѣмъ, чтобъ вы знали, что не вы дѣлаете жертву Фабіи, рѣшаясь на бракъ съ нею, а дѣлаетъ, напротивъ, Фабія страшное пожертвованіе, отдавая вамъ руку свою.

— Вы говорите...

— Я говорю, что, для полученія моего согласія, Михайло Михайлычъ Суркинъ долженъ рѣшиться на все, и какою цѣною бы то ни было, стараться уравнять наши отношенія.

— Укажите средство, если оно существуетъ.

— И вы воспользуетесь имъ? спросила красавица, устремивъ страстный взоръ на вопрошавшаго: и вы не унизитесь до робости, если бъ средство это сопряжено было съ опасностями всякаго рода, даже съ рискомъ потерять жизнь?

— Все, но не жизнь, Фабія, потому что, лишившись жизни, я вмѣстѣ съ тѣмъ лишился бы и васъ! воскликнулъ Суркинъ.

— Клянитесь же, что, не смотря на опасности, исполните мое требованіе.

— Клянусь.

— Клянитесь, что никогда ни одно слово, ни одинъ знакъ не измѣнятъ въ васъ тайнѣ, которую ввѣрю вамъ.

— Клянусь, Фабія!

— Клянитесь, что ни тѣни упрека не сорвется съ устъ вашихъ, какіе бы я поводы къ тому ни подала.

— Еще разъ клянусь, клянусь во всемъ и жизнью моею, и будущимъ счастіемъ и спокойствіемъ цѣлой жизни.

— Вѣрю, вѣрю! садитесь теперь и, для начала, поцѣлуйте мою ручку. Вы выиграли ее въ половину; другую половину покуда оставляю за собою.

Суркинъ бросился какъ безумный на протянутую ему ручку Фабіи и впился въ нее съ ожесточеніемъ піявки. Казалось, всѣ страсти Михайла Михайловича сосредоточились въ соединеніи рта его съ нѣжными пальчиками дѣвушки; казалось, все отвращеніе, доступное женскому сердцу, выступило въ глаза Фабіи — такое убійственное выраженіе приняли они при первой ласкѣ жениха. Но Фабіи нужна была жертва Суркина, и Фабія превозмогла себя и долго не отрывала руки отъ устъ противнаго ей человѣка.... Сколько несчастій обѣщало подобное вступленіе для будущаго супруга!

— Теперь я силенъ, крѣпокъ, твердъ, и вы, Фабія, не дѣлайте условій со мною, а повелѣвайте просто; предисловій не нужно! проговорилъ рѣшительно блондинъ, разваливаясь на стулѣ.

— Тѣмъ лучше, потому что я очень устала, замѣтила Фабія: къ тому же скоро половина восьмаго: Евстафій Иванычъ вѣрно проснулся и можетъ войдти.

— Говорите же скорѣе, говорите, моя Фабія!

— Ваша Фабія любитъ роскошь и дала себѣ слово быть богатою, сказала дѣвушка полунасмѣшливымъ, но все таки утвердительнымъ тономъ.

— И есть средство?

— Очень простое.

— А именно?

— Маленькая хитрость.

— Не мучьте меня — къ дѣлу!

— Сегодня одинъ человѣкъ, котораго вы не знаете, предложилъ мнѣ это средство.

— Одинъ человѣкъ?

— Не ревнуйте: онъ старъ и еще хуже васъ; ему шестьдесятъ лѣтъ.

— Что жь предложилъ этотъ человѣкъ?

— Преумную и презабавную фарсу, которая стоитъ, однакожь, цѣлой бочки золота. Но слушайте: вы довольно умны; слѣдственно, поймете, что, рѣшаясь узнать эту тайну, вы соглашаетесь ужь привести ее въ исполненіе.

— Замѣчаніе считаю лишнимъ, Фабія. Я, кажется, сказалъ вамъ, что, кромѣ жизни, всѣмъ жертвую съ радостью.

— Вы поклялись?

— Клянусь еще и еще!

— Ну, возьмите же этотъ адресъ и послѣзавтра утромъ отправьтесь на Сѣнную Площадь. Тамъ, въ домѣ, нумеръ котораго записанъ на этой бумажкѣ, вы спросите г. Гифтштейна; этотъ Гифтштейнъ тотъ самый человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ предложеніе; онъ самъ доскажетъ вамъ остальное. До окончанія же всего дѣла запрещаю вамъ говорить о томъ не только съ другими, не только со мною, но и съ самимъ собою. *Вы поняли? вы слышали?* теперь садитесь у окна и не мѣшайте мнѣ пѣть.

— Фабія, прелестная Фабія!

— Довольно, довольно! перебила Фабія съ нетерпѣніемъ: я нѣжностей, вы знаете, не терплю.... будетъ время и тогда...

Красавица снова бросила страстный взоръ на растаявшаго блондина, но не протянула ему болѣе ручки своей, а пододвинула стулъ къ фортепьяно и за-

пѣла звучнымъ голоскомъ какой-то французскій романсъ.

Глубокій и продолжительный вздохъ вырвался изъ груди Михайла Михайловича; онъ возвелъ глаза къ потолку и, опустя ихъ снова, вздохнулъ и усѣлся на всегдашнемъ мѣстѣ своемъ, близъ окна, гдѣ ожидала его книга съ раскрашенными картинками.

Еще не кончился романсъ, какъ въ дверяхъ передней показалась фіолетовая голова Евстафія Ивановича. Онъ многозначительно посмотрѣлъ на Суркина, и приложивъ указательный палецъ правой руки ко рту, далъ знакъ лѣвою рукою сойдти въ низъ. Покашлявъ, для приличія, нѣсколько разъ, Михаïло Михайловичъ, будто безъ всякой цѣли, всталъ со стула, прошелся по комнатѣ и незамѣтно юркнулъ въ дверь.

— Ну что, братъ Михайло, ладится ли? спросилъ у него Евстафій Ивановичъ, когда тотъ вошелъ: рожа твоя такая замысловатая, что по ней не распознаешь истины.

— Нечего и узнавать, почтеннѣйшій, отвѣчалъ блондинъ, садясь: падчерица ваша сущій демонъ, ниспосланный на землю для моего мученія. Проговоривъ съ нею ровно часъ, я переходилъ то отъ блаженства къ отчаянію, то отъ отчаянія къ блаженству. Искушаетъ ли она меня, съ ума ли сводитъ — я ужь не знаю, что думать, что дѣлать, что полагать и чего надѣяться! Вѣрите ли, Евстафій Иванычъ, въ головѣ моей такая катавасія, что продлись подобная неизвѣстность еще съ недѣльку, вы отошлете меня въ желтый домъ. Говорю я съ нею, смотрю на нее, сердце такъ вотъ и поливаетъ кипяткомъ; чуть врознь—обдаетъ всего какимъ-то холодомъ, знаете, какъ въ банѣ стоишь подъ дождемъ.

— Однакожь, братецъ, не о Трухтанскихъ же Островахъ вы говорили съ нею цѣлый битый часъ?

— Какое о Трухтанскихъ! добро бы еще о Трухтанскихъ! Нѣтъ-съ, извольте видѣть, Фабія Антоновна изволила мнѣ же въ глаза исчислять всѣ мои недостатки: и дуренъ я, и профиль моя непозволительна, и французскій языкъ похожъ на собачій лай, и воспитанъ я скверно, и манеры мѣщанскія, и бѣденъ-то я... Короче, публикуй меня въ вѣдомостяхъ, какъ о желающемъ вступить въ законный бракъ, съ исчисленными ею качествами, кухарка отвернется всякая.

— Да что жь это она, бѣлены объѣлась, что ли?

— А ужь Богъ ее знаетъ!

— По крайней мѣрѣ, сказалъ ли ты ей, въ свою очередь, что она скверная, дерзкая и ни на что не годная дѣвчонка? спросилъ фіолетовый господинъ, съ трудомъ удерживая порывъ своего негодованія.

— Какъ скажешь ей это!

— А почему бы? да я на твоемъ мѣстѣ...

— Вы не я, Евстафій Иванычъ; вы отжили свое время, вы не рѣшитесь на то, на что я рѣшаюсь.

— Что, что, братецъ, ты говоришь?

— Нѣтъ, нѣтъ, я... я хотѣлъ сказать, что, рѣшаясь жениться на Фабіи, я, можетъ быть, дѣлаю величайшую глупость... отвѣчалъ блондинъ.

— Рискъ не малый, признаюсь! Впрочемъ, кто ее знаетъ! выйдетъ замужъ, будетъ матерью, полюбитъ малютокъ—дурь, пожалуй, и вывѣтрится изъ взбалмочной головы. Вѣдь молода еще дѣвочка-то: возьмешься умно, и самъ исправить можешь; увези въ деревню, да подчасъ притопывай покрѣпче ногою, когда разсердитъ. Строгость не свой братъ; пугнешь хорошенько разъ, пугнешь два, посмотришь — и умается.

— Дѣлали ли вы это съ Аделаидою Ивановною? спросилъ Суркинъ полунасмѣшливо.

— Эхъ, братецъ! юнъ ты, куда юнъ! отвѣчалъ фіолетовый господинъ, качая головою: да развѣ это все равно, жениться на старой бабѣ, или на ребенкѣ? Аделаида-то Ивановна досталась мнѣ вдовою; въ день самой свадьбы я какъ-то и скажи, ужь не припомню, братецъ, какое именно слово; слово-то вышло не по ней— батюшки мои! какъ поблѣднѣетъ вдругъ, да какъ выпучитъ глаза, да какъ взвизгнетъ, и ну корчиться, и ну корчиться... весь домъ переполошила, всѣ сбѣжались какъ въ комедію. Я за докторомъ; думалъ, отходитъ совсѣмъ. Пришелъ докторъ. Что, молъ, съ нею? спрашиваю у него. Онъ взглянулъ, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ въ бѣлки и говоритъ: «Такъ, ничего». —«Какъ ничего?»—«Такъ, ничего, пройдетъ?».—«Когда же пройдетъ?»—«Вотъ успокоится, говоритъ, такъ и пройдетъ. Вы, говоритъ, впередъ старайтесь не раздражать своей супруги; болѣзнь эта женская; а про всякій случай запаситесь куринымъ пухомъ, да подкуривайте ее, а я зайду.» Вотъ, братецъ, я и купилъ цѣлый пудъ пуху, да ужь и стараюсь не мѣшаться ни во что. Будь же Аделаида Ивановна помоложе, примѣрно сказать, такая дѣвчонка, какъ твоя Фабія, да не будь я...

— Вѣдь только теперь-то вы такъ говорите, Евстафій Иванычъ! а женитесь вы годами пятнадцатью моложе то же было бы; такъ свѣтъ стоитъ и таковы всѣ мужчины на свѣтѣ. Хорохоришься, пока холостъ, а женишься — и оплошалъ.

— Толкуй!

— Нечего и толковать, сходи съ ума и полно!... Однако мы заговорились, а Фабія Антоновна, чего добраго, не вѣсть что подумаетъ; идти бы къ ней, она одна.

— Ужь струсилъ, молодецъ?

— Трусить нечего, и дразнить не нужно; въ жениховомъ рангѣ угождать нужно, хочешь не хочешь.

— Ужь струсилъ! повторилъ фіолетовый господинъ, выдѣлывая гримасы.

— Ну, струсилъ, такъ струсилъ, пусть будетъ по вашему. Мнѣ же по крайней мѣрѣ пора, ей Богу пора, Евстафій Иванычъ; весь этотъ вечеръ обѣщался я провести съ нею.

— Ну ступай, ступай, да помни дружескій совѣтъ: не откладывай дѣла, да налегай покрѣпче. Откажетъ — дѣлать нечего, а согласится — хватай дѣвку на лету; гляди, ускользнетъ какъ налимъ, проскочитъ между пальцевъ; Фабію-то я коротко знаю!

— Постараюсь не оплошать, Евстафій Иванычъ, отвѣчалъ блондинъ, собираясь идти: если кончится благополучно, то-то пиръ зададимъ!

— Попляшу и я на твоей, братъ, свадьбѣ, сказалъ весело фіолетовый господинъ, закуривая сигару собственнаго издѣлія: и какъ еще попляшу!

Аделаида Ивановна возвратилась откуда-то очень поздно въ этотъ вечеръ. Она никогда ни о чемъ не разспрашивала своей дочери, почему и понятія никакого не имѣла о тайныхъ ея предпріятіяхъ.

ГЛАВА IX.

Прошла ночь, прошелъ день, еще ночь, и наступило наконецъ то утро, въ которое обязался Михайло Михайловичъ Суркинъ отыскать на Сѣнной Площади какого-то Гифштейна. Не спокойно провелъ ночь влюбленный блондинъ, и мерещились ему такія вещи, отъ которыхъ подчасъ выступалъ на челѣ его то холодный,

то горячій потъ. Неспособный къ глубокимъ размышленіямъ, мозгъ Суркина застывалъ не разъ отъ того страшнаго напряженія, которому подвергалъ его хозяинъ, и, вмѣсто отвѣтовъ на умозрительные вопросы, становился просто въ тупикъ. «Что за человѣкъ этотъ Гифтштейнъ?» спрашивалъ самъ у себя блондинъ: «и какое предложеніе могъ Гифтштейнъ сдѣлать Фабіи? ну, какое бы, напримѣръ? Дѣлать фальшивую монету? вздоръ: дѣвушки на такія вещи неспособны; украсть? опять вздоръ: онъ могъ бы украсть одинъ; купить у Фабіи... купить у хорошенькой Фабіи ея расположеніе? какіе пустяки! Предположимъ... да нѣтъ, какъ же можно предполагать? Ну, да была не была, предположимъ, что Фабія дочь Аделаиды Ивановны, а Аделаида Ивановна... Опять чепуха и ужаснѣйшая чепуха! Кто же бы велѣлъ, имѣя такое гнусное намѣреніе, предупреждать меня? Не допускаю, чтобъ Фабія, умная Фабія рѣшилась сдѣлать подобную глупость. Однако не во снѣ же приказала она мнѣ идти къ Гифтштейну, не во снѣ же вмѣнила мнѣ въ непремѣнную обязанность выполнить прежде помолвки нашей то, что скажетъ Гифтштейнъ. Прахъ меня возьми, если я во всемъ этомъ понимаю хоть что нибудь, то есть просто...

Тутъ спросилъ Суркинъ воды, умылся, одѣлся, нанялъ извощика и благополучно прибылъ въ квартиру Еврея.

Гифтштейна засталъ Михайло Михайловичъ за завтракомъ, то есть за дюжиною печеныхъ яицъ. Рядомъ съ Гифтштейномъ сидѣлъ въ дезабилье трагикъ Поразительный; третьему лицу сѣсть было бы довольно трудно, потому что на квартирѣ Еврея шатались только два стула. При появленіи Суркина, физіономія хозяина квартиры нѣсколько покривилась, пальцы его подне-

слись къ носу и заскребли, а туловище поднялось на ноги.

— Я тотъ самый, котораго обѣщала прислать вамъ дѣвица.... вы знаете? сказалъ блондинъ, подходя къ Еврею.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ тотъ, сгоняя Поразительнаго съ мѣста: прошу садиться.

Суркинъ сѣлъ.

— Вы Михайло Михайлычъ?

— Точно такъ.

— Вы хотите жениться?

—Да.

— А красавица упрямится, прибавилъ Еврей, показывая зубы... Что жь? надобно похлопотать: дѣвушка безподобная, такая красавица, что пошарить, не найдешь другой.

— Я желалъ бы поговорить съ вами, г. Гифштейнъ.

— Почему же и не поговорить! Я люблю говорить съ умными людьми,

— Но безъ свидѣтелей...

— Можно, можно! Онъ уйдетъ. Съ этимъ словомъ Еврей шепнулъ что-то на ухо Поразительному, который кивнулъ головою и скрылся за дверь...

Оставшись глазъ на глазъ съ Суркинымъ, Гифштейнъ довольно долго разсказывалъ о чемъ-то блондину, присѣдалъ передъ нимъ, дѣлалъ гримасы, махалъ руками и скалилъ зубы. Слушая его, Михайло Михайловичъ не скалилъ зубовъ и не улыбался, а, напротивъ, безпрестанно мѣнялся въ лицѣ и утиралъ лобъ носовымъ платкомъ. Когда же совѣщаніе пришло къ концу, Суркинъ обратился къ Гифштейну съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста: почему, предлагая мнѣ та-

кое выгодное, хотя и не совсѣмъ честное дѣло, не воспользуетесь вы имъ одни, и почему отстраняете себя совершенно отъ всякаго содѣйствія?

— Напротивъ, напротивъ, Михайло Михайлычъ, я помогаю вамъ всѣми силами, всѣми средствами. И не я ли выкупилъ комедіянта? не я ли готовъ пополнить всѣ издержки, какія потребуются? Я все готовъ пополнить....

— Такъ, положимъ; но во всѣхъ дѣйствіяхъ вашихъ замѣчаю я великую осторожность; стало быть, дѣло это если не сомнительно, то все таки не безъ риску?

— Помилуйте! Скажите, какой рискъ вамъ-то, Михайло Михайлычъ?... кто же подумаетъ на васъ? А я бѣдный человѣкъ: да замѣшайся я только — все дѣло изгажу, все прахомъ пойдетъ. Ужь вы, пожалуйста, вѣрьте мнѣ; мое имя темное.... мнѣ никакъ не приходится вмѣшиваться... Разъ и не такое дѣло затѣялъ, и коней забрали и имущество, все забрали, все формально забрали; самъ чуть ушелъ, и самого схапали...

— Когда же думаете вы удобнѣе приступить? спросилъ блондинъ послѣ долгаго размышленія.

— Хоть сей часъ, хоть сію минуту; онъ готовъ: возьмите его съ собою, покажите только... репетичку другую, и платье закажемъ мигомъ, и деньги готовы.

— А заемное письмо?

— Зачѣмъ же торопиться? все сладимъ въ свое время, все сладимъ. Нотаріусъ знакомый, добрый человѣкъ, глупый, слѣпой и старый... будьте благонадежны, не опасенъ онъ; я же его подготовлю, я ему покажу — ужь и показывалъ настоящаго-то; нотаріусъ попадется какъ куръ во щи.

Тутъ Гифтштейнъ, понизивъ голосъ, снова началъ

длинный разсказъ о чемъ-то и снова выдѣлывалъ знакомые ужь Суркину гримасы и жесты, и снова скалилъ желтые зубы.

Ровно въ полдень блондинъ сидѣлъ уже близъ невѣсты, подъ блаженнымъ кровомъ Евстафія Ивановича и Аделаиды Ивановны.

Отобравъ всѣ нужныя свѣдѣнія отъ влюбленнаго Михайла Михайловича, Фабія Антоновна взглянула было на него очень ласково, но, замѣтивъ въ чертахъ его нѣчто похожее на нерѣшимость, грозно сдвинула брови и вдругъ отвернулась.

— Вы, кажется, недовольны мною, Фабія Антоновна? робко спросилъ женихъ.

— Я недовольна лицемъ вашимъ! гнѣвно отвѣчала красавица.

— Что жь мнѣ дѣлать, когда природа не одарила меня красотою?

— Вы очень хорошо знаете, про что я говорю.

— Нѣтъ, Фабія, клянусь вамъ.

— Клясться нечего, а являться ко мнѣ съ такою физіономіею и не учтиво и дерзко.

— Но я....

— Больны вы, ступайте домой, лягьте въ постель, пошлите за докторомъ и лечитесь.

— Какая болѣзнь! Отъ усталости, можетъ статься, показалось вамъ, Фабія, что я...

— Мнѣ никогда ничего не кажется, слышите ли? И представляться угнетеннымъ можете всюду, гдѣ вамъ угодно, но не здѣсь...

— Фабія! не исполняю ли я малѣйшую вашу волю? за что же такіе нападки?...

— Слышите: нападки! этого недоставало! Право, мнѣ скоро запрещено будетъ любить веселость, смѣять-

ся и говорить... Прекрасную будущность обѣщаетъ любезный женихъ своей невѣстѣ!

— Но женихъ ли я?

— Вы не хотите? Скажите просто, если не хотите!

— Я, я, Фабія, я не хочу? И такая мысль пришла вамъ въ голову!...

Блондинъ сталъ было протягивать руки свои и покрываться пурпуромъ, но тотъ же грозный и повелительный взглядъ дѣвушки, который и прежде охлаждалъ его страстные порывы, встрѣтился съ его пламеннымъ взоромъ и приковалъ его къ занимаемому имъ стулу.

Рѣшено было въ это свиданіе, что если предпринятое по совѣту Гифтштейна дѣло окончится благополучно, то, по прошествіи двухъ недѣль совершено будетъ бракосочетаніе Фабіи съ Михайломъ Михайловичемъ. Если же, напротивъ, въ дѣлѣ этомъ встрѣтится какая бы то ни была неудача, то укажется блондину сначала дверь прихожей, а потомъ и наружная дверь дома Крыжловыхъ, съ приказаніемъ никогда болѣе не возвращаться. Не желая, однакожь, внушить жениху своему неблагопріятныхъ мыслей касательно своего характера, Фабія прибавила, между прочимъ, что за каждую добрую вѣсть по дѣлу дозволено будетъ жениху касаться устами розовыхъ ланитъ невѣсты. Обѣщаніе это заставило Суркина, вопреки врожденнымъ свойствамъ, сдѣлаться отважнымъ и не только не отказаться отъ тайнаго и опаснаго предпріятія, а, напротивъ, ускорить исполненіе его; почему на другой же день отправился онъ снова на Сѣнную Площадь и снова переговорилъ съ Евреемъ.

Прошли еще три дня. На четвертый вторично повстрѣчался старикъ Ламинскій въ парголовскомъ саду

съ нотаріусомъ Селезеневымъ и г. Гифтштейномъ, и на этотъ разъ Ламинскій былъ не одинъ, а въ сопровожденіи Михайла Михайловича.

Поравнявшись съ нимъ, Гифтштейнъ, какъ и въ первый разъ, обнажилъ голову и почтительно поклонился; но старикъ ужь не разсѣянно отвѣчалъ на поклонъ, а, напротивъ, подошелъ къ Еврею и дружески спросилъ его о здоровьи, о дѣлахъ, и наконецъ о томъ, съ кѣмъ онъ прогуливается.

— Съ старымъ пріятелемъ моимъ, нотаріусомъ Селезеневымъ, отвѣчалъ Еврей, кланяясь.

— Тѣмъ лучше и очень кстати, замѣтилъ Ламинскій: мнѣ нужно было бы написать кое какія бумаги, такъ не поручить ли пріятелю вашему?

— Вы его крайне осчастливите: онъ бѣдный человѣкъ и старъ. Эй, Зиновій Макарычъ! воскликнулъ Гифтштейнъ, обращаясь къ спутнику своему: подойдите сюда; вотъ вамъ какое выходитъ счастье! Почтенный господинъ этотъ желаетъ поручить вамъ написать бумаги...

Селезеневъ присоединился къ говорившимъ и, послѣ троекратнаго поклона, принялся благодарить за предлагаемую честь, изъявляя полную готовность выполнить порученіе.

— Когда же бы намъ? спросилъ старикъ Ламинскій: когда вы свободны?

— Всегда, всегда, милостивый государь, отвѣчалъ нотаріусъ.

— А вы меня знаете?

— Какъ же-съ, помилуйте! еще въ прошлый разъ имѣлъ счастье встрѣтить.

— Впрочемъ, я живу тутъ на дачѣ; небольшой до-

микъ на большой улицѣ... подняться стоитъ въ гору; вы можете справиться даже въ городѣ.

— Помилуйте, зачѣмъ же?

— Я такъ говорю, прибавилъ Ламинскій улыбаясь: бываютъ, говорятъ, случаи, послѣ смерти, разумѣется... между наслѣдниками... споры, тяжбы; иной увѣряетъ, что заемное обязательство поддѣльно...

— Не такимъ извѣстнымъ господамъ, какъ вы-съ, опасаться подобныхъ недоумѣній и споровъ, отвѣчалъ нотаріусъ продолжая кланяться: потомъ прожить извольте, Богъ милостивъ, подолѣе многихъ молодыхъ, такъ и дѣло кончится при васъ.

— Нѣтъ, признаюсь, Зиновій Макарычъ... такъ, кажется, имя ваше?

— Такъ точно-съ.

— Не такова моя цѣль, Зиновій Макарычъ; напротивъ, я хочу занять порядочную сумму для уравненія наслѣдства; есть родные, которые и ближе мнѣ по сердцу, да дальше по закону, такъ этакихъ-то обидѣть и не хочется.

— Святое дѣло-съ!

— То-то же, мой милый, и я такъ думаю. Прощайте же покуда; на дняхъ заверну къ вамъ, вонъ съ этимъ господиномъ; вамъ онъ знакомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, не имѣю чести...

— Михайло Михайлычъ Суркинъ, богатый человѣкъ... Прощайте же, Зиновій Макарычъ, очень радъ, что судьба свела насъ сегодня. Но, чтобъ не забыть, позвольте просить васъ не разглашать покуда о нашемъ дѣльцѣ.

— Помилуйте-съ, будьте совершенно покойны. Идетъ ли это дѣлать нотаріусу... помилуйте, что же сказали бы, посудите!..

— То-то же.

— Будьте-съ благонадежны на этотъ счетъ, ни словечка не проронимъ, ни гугу... и дѣло не наше-съ.

— То-то! то-то! повторилъ Ламинскій, приподнимая пуховый картузъ свой и отходя къ поджидавшему его Суркину.

— Какой онъ привѣтливый! замѣтилъ Селезеневъ, провожая глазами бѣловолосаго Ламинскаго: тотчасъ видно, что добрѣйшій и знатный человѣкъ.

— Почтенная особа, сердце золотое! отвѣчалъ Еврей.

— Тотъ же, что съ нимъ, должно быть, попроще.

— Тотъ попроще.

— Сейчасъ видно.

— Видно сейчасъ.

— Однако и тотъ богатъ.

— Богатъ и тотъ.

— Славно быть богатымъ!

— Чего лучше!

— Хоть бы годъ пожить богатымъ!

— И годъ хорошо.

Разговаривая такимъ образомъ, очень довольные встрѣчею своею, нотаріусъ и Еврей проходили по саду до сумерекъ и только хотѣли ужь выйдти изъ него, какъ изъ боковой дорожки показался снова старый Ламинскій. Селезеневъ, узнавшій его, схватился было за шапку, но Гифштейнъ удержалъ его и, взявъ за руку, насильно оттащилъ въ сторону.

— Не кланяйтесь ему, сказалъ жидъ: когда онъ одинъ, онъ вдругъ дѣлается печаленъ, угрюмъ; къ тому же неучтиво нашему брату часто безпокоить важную особу.

— И точно онъ сдѣлался серьезнѣе, отвѣчалъ Селезеневъ: взгляните-ка на него сами.

— Вижу, вижу... Богъ съ нимъ! Наше дѣло воспользоваться тѣмъ, что судьба посылаетъ, а тамъ Богъ съ нимъ.

Согласный всегда и во всемъ съ умнымъ Гифтштейномъ, Зиновій Макаровичъ не противорѣчилъ мудрымъ наставленіямъ пріятеля и, не поклонившись Ламинскому, вышелъ изъ сада, зашелъ съ пріятелемъ же къ одному знакомому мужичку, наѣлся творогу, сметаны съ простоквашею, рѣпы, моркови и прочихъ лакомыхъ вещей и, забравъ съ собою оставшіеся отъ полдника овощи, возвратился домой съ разстроеннымъ желудкомъ и съ сладкою надеждою щедраго вознагражденія за написаніе значительныхъ обязательствъ. Въ этотъ же вечеръ въ первый разъ протянула Фабія щечки свои Михайлу Михайловичу Суркину. Суркинъ сроднился ужь мысленно съ опасностями невѣдомаго намъ предпріятія, и надежда сдѣлаться супругомъ Фабіи подавляла въ немъ всѣ прочія опасенія, если такія опасенія существовали въ умѣ блондина.

Евстафій Ивановичъ, не терпѣвшій падчерицы своей, начиналъ съ этого же вечера оказывать ей особенную атенцію: шутя называть madame, примѣрять ей дамскіе уборы Аделаиды Ивановны и подшучивать на счетъ разныхъ свадебныхъ принадлежностей. Аделаида Ивановна помалчивала, слушая супруга, улыбалась и раскладывала четырьмя колодами гранъ-пасьянсъ. Михайло же Михайловичъ пламенѣлъ и вспыхивалъ болѣе прежняго; онъ пытался ужь неоднократно, безъ всякихъ вѣстей коснуться щекъ Фабіи, но, получая щелчки, отскакивалъ въ сторону смѣясь, но не безъ боли въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя направлялись бѣленькія ручки возлюбленнаго предмета.

Въ тотъ же вечеръ къ чаю явился и Иванъ Андрее-

вичъ въ знакомомъ намъ сюртукѣ; на правой рукѣ его блестѣлъ золотой перстень. Иванъ Андреевичъ очень часто подносилъ руку эту къ волосамъ своимъ, даже совалъ въ ноздри тотъ именно палецъ, на которомъ красовался драгоцѣнный подарокъ Гифтштейна; но долго не замѣчалъ обновки никто изъ семейства Крыжлы, и до такой степени не замѣчалъ никто, что, выведенный наконецъ изъ терпѣнія Иванъ Андреевичъ нашелъ себя вынужденнымъ снять перстень съ пальца и пустить его по рукамъ.

— Откуда вы его взяли? спросила Аделаида Ивановна.

— Настоящій ли камень? спросилъ Евстафій Ивановичъ.

— Дрянь! промолвила Фабія, гримасничая.

Это замѣчаніе разстроило Пуганина только что не до слезъ.

ГЛАВА X.

Цѣлые восемь дней обманывало петербургское небо столичныхъ жителей своими ясными утренними зарями; въ продолженіе цѣлыхъ восьми дней вызывало оно тысячи людей изъ за городскаго вала и, скрываясь мгновенно за сѣрыми тучами, обдавало слишкомъ довѣрчивыя толпы гулявшихъ холоднымъ, крупнымъ дождемъ. Дѣти смѣялись, взрослые хмурились, а старики злились и кашляли; но къ половинѣ іюля вѣтеръ подулъ съ юга, солнце заблистало въ полномъ блескѣ, просохли дороги, дорожки, тропинки, и городскія стѣны, накалясь только что не до красна, изрыгнули изъ себя массы отогрѣвшагося народа. Вся Нева покрылась перевозными судами, всѣ извощики впрягали лошадей, и длинными вере-

ницами потянулись по всѣмъ окрестнымъ дорогамъ запоздавшіе въ столицѣ жители. Не осталось близъ Петербурга ни дома, ни домика, ни лачуги, въ которой не появилось бы гардинъ, цвѣтовъ, креселъ, стульевъ и самоваровъ. Все ожило, все встрепенулось. Но ошибся добрый Густавъ Карловичъ: не оживилъ возвратъ теплыхъ дней страждущаго графа Александра Бронскаго, не уменьшило солнце боли въ сердцѣ и, тая какъ воскъ отъ палящихъ лучей, быстро подвигался больной къ преждевременной могилѣ. Графъ Левъ терялъ голову, глоталъ слезы и улыбался въ присутствіи брата своего такъ горько, что братъ сожалѣлъ не о себѣ, а о немъ.

— Послушай, другъ мой, сказалъ ему однажды умиравшій: ты знаешь, трусъ ли я? Горько разстаться съ вами, но Богъ велитъ — я покоряюсь и не ропщу; по крайней мѣрѣ очисти свою и мою совѣсть, не позволяй уложить меня въ гробъ прежде, чѣмъ надъ бѣднымъ тѣломъ моимъ не испытаютъ послѣдняго, отчаяннаго средства. Зачѣмъ прячется отъ насъ Густавъ Карлычъ? не онъ ли самъ далъ мнѣ честное слово въ первый ясный день созвать сюда хирурговъ? не онъ ли самъ вложилъ мнѣ въ голову безумную надежду, но все таки надежду? Пошли за нимъ, напиши ему отъ меня, умоляй. Я впередъ прощаю неудачу.

— Не нужно писать, братъ, отвѣчалъ графъ Левъ глухимъ голосомъ: всѣ знаменитости тутъ и собираются каждое утро; но не Густавъ Карлычъ, а я, я медлилъ, сознаюсь тебѣ! Врачи надѣются, многіе изъ нихъ увѣрены въ успѣхѣ...

— Зачѣмъ же медлить? воскликнулъ радостно больной: скорѣе проси ихъ начать, или, постой, пошли ко мнѣ дѣтей нашихъ — я обниму, расцѣлую ихъ; это придастъ мнѣ и силы и бодрости... позови ихъ!

Графъ Левъ молча вышелъ, а больной началъ молиться, и молиться не за себя, а за близкихъ его сердцу. У дверей могилы страдалецъ оставался нѣжнымъ роднымъ не по крови одной, а по чувствамъ. Въ послѣднёй бесѣдѣ съ Богомъ онъ не говорилъ ни слова о себѣ, молилъ не о продолженіи собственной жизни, объ укрощеніи страданій, но о продолженіи того счастія, которымъ пользовалась семья его при немъ.

Приходъ заплаканныхъ дѣтей положилъ конецъ молитвѣ больнаго, а на вопли ихъ онъ отвѣчалъ улыбкою.

— Fi donc, Serge, quel exemple donnez vous, mon cher, à votre petite cousine! И прилично ли молодому человѣку твоихъ лѣтъ дѣлать то же, что дѣлаютъ маленькія дѣвочки? сказалъ дядя такимъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ, что племянникъ мигомъ переломилъ себя и объявилъ дядѣ о рѣшительномъ намѣреніи присутствовать при операціи.

— Еще бы нѣтъ! отвѣчалъ тотъ, смѣясь; я даже нахожу просьбу твою о дозволеніи неумѣстною.

— Mercі, mon oncle!

— За что жь благодарность?

— Но я полагалъ, что мнѣ запретятъ...

— Забавное предположеніе! Вотъ если бъ, напримѣръ, мнѣ вырывали зубъ... о! въ такомъ случаѣ, во первыхъ боль, потомъ ключи всѣхъ размѣровъ и куча приготовленій — все это крайне непріятно.

— Теперь же, папа, не будетъ этихъ страшныхъ приготовленій? наивно спросила Анна, смотря со страхомъ на отца своего.

— Разумѣется, не будетъ, ни ихъ и ничего подобнаго; докторовъ созвалъ я единственно для того, чтобъ рѣшить, на какія именно воды отправиться намъ на бу-

дущую весну, а потомъ кстати и посмотрѣть, нужно ли еще сдѣлать что нибудь.

— Зачѣмъ же привезли они какія-то кресла, папа?

— Кресла, другъ мой?... Ахъ, да, вѣрно тѣ самыя, которыя заказалъ добрый Густавъ Карлычъ для меня.

— А всѣ эти приготовленія: вода, папаша, уксусъ... и это множество людей...?

— Ну, Анна, на всѣ твои вопросы я обязываюсь отвѣчать завтра; сегодня же, прости меня, я немного усталъ, и ихъ заставить дожидаться, согласись, не ловко, не учтиво. Поди въ садъ, да не въ нашъ, а попроси мадамъ Гумонъ пройдтись съ тобою по парку. Взгляни, какъ ясно на небѣ; за вторичную перемѣну погоды ручаться невозможно; allez, ma chère enfant; да поцѣлуй меня покрѣпче... еще крѣпче. Ты очень авантажна сегодня; не правда ли, Сережа? она мила до крайности. Уфъ, усталъ! Ну, ступай съ Богомъ!

Дѣвочка, совершенно успокоенная и обманутая наружною веселостью отца, пошла за мадамъ Гумонъ, старой Француженкой, а графъ Александръ, проводивъ ее глазами, возвелъ ихъ къ небу. Глаза его въ эту минуту покрылись едва замѣтною влагою; внутренно же онъ рыдалъ.

Въ ту же дверь, минуту спустя, вошли медленно врачи. Поступь ихъ, лица и всѣ движенія, по натянутости своей, предвѣщали нѣчто страшное. Старѣйшій изъ хирурговъ, человѣкъ почтенной наружности, первый приблизился къ больному; другіе остановились поодаль.

— Вы не раздумали, графъ, и твердо ваше намѣреніе? спросилъ онъ голосомъ, измѣнившимся отъ внутренняго волненія.

— Непоколебимо, докторъ, отвѣчалъ тотъ, приглашая хирурга садиться.

*

— Скрывать отъ васъ всю важность попытки нашей считаю излишнимъ.

— Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, не почитая меня малодушнымъ. Давно прибѣгнулъ бы я къ искусству вашему, но братъ...

Врачи поклонились.

— Но братъ и докторъ мой, котораго, однакожь, я здѣсь не вижу, болѣе боялись за меня, чѣмъ я самъ, и потому медлили. Можетъ быть, теперь ужь немножко поздно?

— О, нѣтъ! почему же? отвѣчало нѣсколько голосовъ: болѣзнь ваша, графъ, не могла усилиться въ такое непродолжительное время.

— Старайтесь сохранить присутствіе духа, перебилъ старшій хирургъ: мы кончимъ скоро, и во власти Бога увѣнчать насъ успѣхомъ... Но этотъ молодой человѣкъ...

— Племянникъ мой, докторъ; я позволилъ ему присутствовать при операціи.

— Вы полагаете, что молодые нервы выдержатъ?

— Мы будемъ съ нимъ разговаривать и постараемся не мѣшать вашему дѣлу. А ты, Сережа, повернешься лицемъ къ окну и скажешь мнѣ, не оглядываясь, когда пройдетъ Анна, и тепло ли она одѣта — но не оглядываясь, слышишь?...

— Предупреждаю васъ, mon oncle, возразилъ кудрявый мальчикъ, что, если вы крикнете, хоть разъ, я не вытерплю, и...

— Хорошо, согласенъ; а покуда садись въ уголъ. Господа! сказалъ графъ Александръ совершенно спокойно: я къ вашимъ услугамъ: теперь двѣнадцать часовъ, а завтракъ ожидаетъ насъ къ половинѣ перваго; довольно ли времени?...

— Слишкомъ довольно, отвѣчалъ также спокойно первый врачъ, засучивая рукава фрака: но, братецъ вашъ... прикажете просить его?

— Да! Нѣтъ, лучше нѣтъ, отвѣчалъ больной: я пошлю за нимъ въ случаѣ... Начинайте, господа. Признаюсь вамъ, мнѣ страшно, чтобъ не пережарили двухъ фазановъ, только что присланныхъ мнѣ съ Кавказа; не смотря на жаркое время, ихъ довезли преблагополучно въ герметически закупоренной банкѣ. Сережа, обернись къ окну и потолкуемъ...

Волею неволею Сережа повиновался приказаніямъ дяди, а врачи засуетились. По знаку старшаго, двое младшихъ докторовъ внесли привезенныя ими кресла, о которыхъ говорила Анна; въ нихъ пересѣлъ самъ больной. На разложенный посреди комнаты столъ стали раскладываться, какъ бинты, такъ и весь блистательный хирургическій аппаратъ. Нѣсколько стклянокъ съ различными веществами заняли мѣста свои вокругъ прямыхъ, кривыхъ, узкихъ и длинныхъ ножей; щипцы и щипчики, зонды и проч., и проч. перешли всѣ руки и осмотрѣлись тщательно каждымъ врачемъ порознь. Когда осмотръ кончился, вошелъ въ комнату блѣдный, но спокойный графъ Левъ, а старшій хирургъ попросилъ Александра раздѣться, сколько требовала того операція. Всѣ окружили больнаго и отдѣльно отъ всѣхъ стоялъ одинъ Сережа, спиною къ актерамъ страшной драмы.

Обмѣнявшись нѣсколькими латинскими фразами, главный медикъ повязалъ себѣ на грудь нѣчто въ родѣ дѣтскаго фартука, еще разъ попросилъ больнаго не упадать духомъ и взялся за ножъ.

— Renversez vous un peu, m-r le comte! encore... encore, s'il vous plait, послышалось среди общей тишины: теперь прекрасно, безподобно! M-r Friand, faites

moi la grâce de vous charger de... (рѣчь эту кончилъ хирургъ по латини). А вы, Осипъ Адамычъ—продолжалъ тотъ же хирургъ нѣсколько секундъ спустя: станьте по правую сторону, ближе, еще ближе... вотъ такъ, прекрасно. Теперь не трогайтесь, графъ; подайтесь нѣсколько налѣво, обопритесь изо всѣхъ силъ; не жалѣйте плечъ этого господина: они крѣпки. Прекрасно, безподобно, такъ, такъ довольно, чудесно... хорошо. Du courage! Теперь... фельдшеръ! подай ножницы... хорошо... ну...

— Что же ты молчишь, Сережа? проговорилъ больной, минуту спустя послѣ слова *ну*, произнесеннаго хирургомъ.

— Сережа, Сережа, отвѣчай же! проговорилъ съ большимъ трудомъ графъ Александръ.

— Анна еще не проходила, mon oncle, отвѣчалъ мальчикъ дрожащимъ голосомъ.

— Смотри же, не... не прогляди ея...

— Еще минуточку, минуточку! шепнулъ врачъ. — Семеновъ, придержи рукавъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ одному изъ фельдшеровъ.

— Скорѣе, ради Бога! прошепталъ, въ свою очередь, больной: видите ль вы ее?... пулю, пулю?... Братъ, не смотри такъ убійственно, я не могу... мнѣ ужасно твое отчаяніе.

— Я страдаю за тебя и надѣюсь! отвѣчалъ Левъ, силясь улыбнуться.

— Вотъ она! вотъ она! я держу ее! воскликнулъ хирургъ — но... но...

ГЛАВА XI.

Причина, удалившая Густава Карловича отъ столь интереснаго для него дѣла, какъ хирургическій опытъ,

не слыханный по важности, не могла не быть уважительною, и причиною отсутствія его былъ нервическій ударъ, поразившій втораго паціента его, стараго Ламинскаго, въ ту самую минуту, когда врачей пригласили въ комнату графа Александра. Долгъ медика, долгъ совѣсти, вынудилъ добраго врача спѣшить къ тому, для котораго присутствіе его было болѣе необходимо. Трясясь, какъ въ лихорадкѣ, прибѣжалъ Густавъ Карловичъ въ отдѣльно стоявшій домикъ паціента, и первымъ вопросомъ, у попавшагося на встрѣчу слуги, было: «живъ ли еще старикъ?»

— Живъ, но безъ движенія.

— Тутъ ли Николай Николаичъ?

— Они просидѣли всю ночь надъ бариномъ.

— Когда почувствовалъ онъ себя хуже?

— Сейчасъ; но и вчера были они не совсѣмъ хороши.

— Зачѣмъ же не прислали за мною вчера?

— Сами не приказали посылать.

— Чудакъ, чудакъ! проворчалъ врачъ, проходя изъ прихожей въ кабинетъ Ламинскаго.

Старика нашелъ медикъ распростертымъ на диванѣ; посинѣвшее лице его изображало спокойствіе; глаза потеряли свой блескъ, а бѣлки глазъ испестрились красными жилками; онъ дышалъ и часто и тяжело. Въ противоположномъ углу комнаты сидѣлъ, съ обычною грустью во всѣхъ чертахъ, Николай Николаевичъ.

— Я пришелъ браниться съ вами, сударь, сказалъ врачъ, подходя къ старику: какъ же винить нашу братью, когда вы сами въ необходимыя минуты отвергаете медицинское пособіе? Вѣдь дурно вамъ не съ сегоднишняго утра?

— Напротивъ, мнѣ не дурно, а хорошо, съ трудомъ

произнесъ Ламинскій: я не чувствую, правда, членовъ своихъ, за то не чувствую и боли никакой.

— Вы хотите шутить?

— Нимало.

— Какъ хотите, а я пущу вамъ кровь, и сію минуту.

— Не пойдетъ, не безпокойтесь! замѣтилъ старикъ.

— Это мы увидимъ.

— И мы также. Есть ланцетъ, такъ потрудитесь отыскать руку подъ одѣяломъ, а я не знаю, гдѣ она.

— Николай Николаичъ! сказалъ врачъ, обращаясь къ племяннику: сдѣлайте одолженіе, помогите мнѣ; вамъ извѣстно, что помощи слугъ вашъ дядюшка не терпитъ. Ну, денёкъ! я долго тебя не забуду! Вообразите, что у графа Александра, какъ нарочно, въ эту самую минуту весь медицинскій факультетъ: его грудь вскрываютъ сегодня.

— Что? операція? воскликнулъ старикъ.

— Да, и теперь.

— Какъ же вы отлучились, Густавъ Карлычъ?

— А васъ прикажете оставить безъ помощи?

— Можно легко все уладить, замѣтилъ больной очень серьезно: и вотъ какъ. Есть у васъ какой нибудь острый инструментъ?

— Ну, положимъ, что есть; что жь дальше?

— Повѣрьте мнѣ инструментъ вашъ, Густавъ Карлычъ.

— На какую потребу?

— А вотъ, видите ли: предосудительно вамъ, давнишнему другу дома Бронскихъ и медику ихъ, быть въ отсутствіи въ самую рѣшительную минуту, то есть въ минуту, когда жизнь несчастнаго графа Александра на волоскѣ. Ступайте же къ нему, Густавъ Карлычъ, а племянникъ, тѣмъ временемъ, отрѣжетъ мнѣ руку, которую

вы назначите, и въ карманѣ принесетъ къ вамъ — вы ужь и дѣлайте съ ней, на досугѣ, что вамъ угодно... Нечего сердиться, добрѣйшій мой, нечего качать головой и пожимать плечами: я въ полномъ разумѣ и совершенно убѣжденъ, что результаты этого рода кровопусканія сдѣлаютъ мнѣ ровно столько же пользы, сколько пользы принесло бы нормальное. За минуту до вашего прихода приказалъ я лѣнтяю моему, Прокофью, впустить иголку подъ ноготь любаго пальца...

— И онъ смѣлъ выполнить?

— Еще бы! негодяй боится меня даже и полумертваго. А вѣрите ли, Густавъ Карлычъ, я никогда еще не сказалъ ему ничего особенно непріятнаго: гонялъ за лѣнь, за неопрятность, и недавно еще разсердился за то, что онъ, вопреки строгому запрещенію, принимаетъ къ себѣ въ кухню какую-то преподозрительную фигуру, нѣчто среднее между Евреемъ, Армяниномъ и Грекомъ, и фигура эта, вообразите, смѣетъ кланяться со мною, встрѣчаясь въ паркѣ... пренепріятно! На дняхъ услышалъ я въ комнатѣ Прокофья чей-то незнакомый голосъ; вхожу, и — какъ бы вы думали? опять эта особа, отвратительная до нельзя; оно бы еще ничего, но, показалось мнѣ, или дѣйствительно—замѣтилъ я въ рукахъ его клочекъ бумаги, исписанный моею рукою... крайне непріятно! Положимъ, что во всю жизнь я никогда не позволялъ себѣ написать то, чего не сказалъ бы во всеуслышаніе; тайнъ у меня и нѣтъ и не было; но зачѣмъ же незнакомому человѣку клочекъ этотъ, и что за любопытство? Нѣтъ, пора умирать: Прокофій испортился, а я къ нему привыкъ.

— Чудный вы человѣкъ, Андрей Романычъ! сказалъ врачъ, принимаясь отыскивать подъ одѣяломъ руку пацієнта: никогда еще не видалъ я васъ такимъ веселымъ.

— Нечѣмъ сердиться, нечѣмъ и печалиться: все умерло, Густавъ Карлычъ!

— Ну, не все; умъ, напримѣръ, любезность, не послѣднія свойства. Что жь касается до второстепенныхъ органовъ, какъ-то руки, ноги, по правдѣ сказать, такому большому барину, какъ вы, онѣ и не нужны.

— А желудокъ, докторъ, приписываете вы къ какому разряду? ко второму?

— Зачѣмъ этотъ вопросъ?

— Изъ любознательности спрашиваю.

— Нѣтъ, шутки въ сторону; скажите, зачѣмъ вы вспомнили про желудокъ? спросилъ съ безпокойствомъ Густавъ Карловичъ.

— Экій любопытный! отвѣчалъ Ламинскій, смѣясь: ну, дѣлать нечего, и съ душевнымъ прискорбіемъ долженъ объявить вамъ, что и желудокъ туда же.

— Какъ? вы и его не чувствуете?

— Не то, чтобъ не чувствовалъ, а, напротивъ, думаю, что мертвъ онъ, потому что холоденъ и не принимаетъ пищи; впрочемъ, кстати, отыщете руки, отыщете и его.

Поиски медика продолжались не долгое время и увѣнчались тѣмъ убѣжденіемъ, что у старика бодрствовали еще умъ, память, слухъ, зрѣніе; все же остальное замерло, посинѣло и оледенѣло. Распростясь со всѣмъ земнымъ бытіемъ своимъ, Ламинскій почелъ себя гостемъ на землѣ и былъ любезенъ какъ гость. Съ племянникомъ не говорилъ онъ ни о наслѣдствѣ, ни о послѣднихъ распоряженіяхъ своихъ, но шутилъ очень мило о вещахъ постороннихъ, разсказывалъ много смѣшныхъ анекдотовъ и смѣялся, какъ не смѣялся никогда. Николай Николаевичъ, привыкшій съ малолѣтства приноравливаться ко всѣмъ и быть веселымъ съ веселыми, какъ

бывалъ онъ скученъ и грустенъ съ грустными, непритворно раздѣлялъ веселость умирающаго дяди. Такъ проходили послѣдніе часы и минуты стараго ипохондрика.

Кровь не пошла изъ просѣченныхъ ланцетомъ жилъ. Густавъ Карловичъ выходилъ изъ себя, а больной шутилъ надъ нимъ. Истощивъ же всѣ усилія, врачъ взялся было за шляпу и предложилъ старику привести къ нему всѣхъ медиковъ, находившихся въ ту пору у Бронскаго.

— А на что они мнѣ? подобные визиты прекрасная вещь въ большомъ свѣтѣ. Напримѣръ, когда столѣтняя барыня, обкушавшись не устрицъ, а времени, то есть годовъ, почувствуетъ ту внезапную слабость, которая посѣщаетъ обыкновенно барынь во сто лѣтъ, ничто не можетъ быть приличнѣе семидесятилѣтнимъ сыновьямъ, какъ собрать эту живую иллюстрацію. Сколько пищи для кисти искуснаго художника, сколько сюжетовъ для писателя — прелесть! Медицинскія знаменитости преважно кланяются, преважно подходятъ, преважно дотрогиваются до костей старухи, преважно говорятъ равнодушнымъ ея дѣтямъ утѣшительныя рѣчи, а помочь все таки не могутъ...

— Андрей Романычъ! я вамъ покуда не нуженъ, и потому позвольте мнѣ отлучиться на часокъ, сказалъ докторъ вставая.

— Пожалуйста, не женируйтесь, мой добрѣйшій Густавъ Карлычъ; надѣюсь, впрочемъ, что не слова мои выгоняютъ васъ отсюда?

— Что за мысль! ужь, конечно, не слова... а я желалъ бы взглянуть на графа...

— И хорошо сдѣлаете; а въ случаѣ, если не застанете его больше на землѣ, то даю вамъ слово сказать

ему сегодня же тамъ, что въ отсутствіи вашемъ не вы виноваты, а что я задержалъ васъ.

— Вы все шутите! проговорилъ Густавъ Карловичъ, не зная, какое выраженіе придать лицу своему. — А вотъ вы не умрете сегодня!

— Ну, завтра; онъ подождетъ: срокъ не дальній.

— И завтра не умрете.

— Безъ пищи? Это что-то мудрено.

— Безъ пищи можно протянуть недѣлю, замѣтилъ врачъ, смѣясь.

— И съ водою въ желудкѣ — до двадцати двухъ дней, перебилъ больной.

— Приблизительно.

— Ну, скажите же, докторъ, коли съ водою двадцать два дня, сколько же со смертью?

— Нѣтъ, съ вами не сговоришь, Андрей Романычъ, и охота вамъ говорить о проклятой медицинѣ! Предоставили бы разговоръ этотъ нашей братьи.

Медикъ взялся за шляпу.

— Постойте, Густавъ Карлычъ, воскликнулъ ему вслѣдъ Ламинскій: еще одно только слово, послѣднее.

Медикъ остановился.

— Скажите графу Льву, продолжалъ больной, что, въ отданной ему копіи съ моего духовнаго завѣщанія, я забылъ помѣстить одинъ пунктъ, а именно: желаю я, чтобъ послѣ смерти моей пріобрѣли, на пожертвованный бѣднымъ капиталъ, этотъ домикъ и раззорили его... Онъ, по общему повѣрью, приноситъ несчастіе живущимъ въ немъ; я становлюсь суевѣрнымъ, докторъ... Да еще одно словечко: поднесите ко мнѣ ухо ваше.

Врачъ исполнилъ волю больнаго и наклонилъ къ нему голову. Полминуты спустя, врачъ снова приподнялъ

голову и, покраснѣвъ, воскликнулъ, что не согласится ни за что на свѣтѣ.

— Я этого требую, требую, Густавъ Карлычъ!

— Но зачѣмъ же, помилуйте? и для чего? Я всегда былъ слишкомъ вознагражденъ за слабый трудъ мой, Андрей Романычъ... Такая щедрость! стою ли?..

— Графъ Бронскій дожидается васъ, а вы медлите. Не хорошо, докторъ! Отъ меня же и отъ мертваго не отдѣлаетесь. Николай Николаичъ, сказалъ старикъ племяннику: потрудись, пожалуйста, вынуть изъ подъ подушки моей то, что самъ же ты положилъ сегодня утромъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ постели дяди, протянулъ подъ изголовье его свою руку и вытащилъ преизряднаго объема пакетъ.

— Теперь вручи его, пожалуй, хоть насильно, упрямцу; просто положи ему въ карманъ — короче будетъ.

Густавъ Карловичъ началъ было защищаться, впрочемъ, довольно слабо, вертѣться, отнѣкиваться, но, побѣжденный молодымъ Ламинскимъ, оградилъ карманъ своего фрака обѣими руками такъ, что пролѣзть въ карманъ этотъ могли только тѣ десять тысячь серебромъ, которыя и находились въ пакетѣ.

— Ей Богу, вы обижаете меня ужасно! сказалъ раскраснѣвшійся медикъ, опуская руки: и мнѣ совѣстно, право, предъ Николаемъ Николаичемъ.

— Ну, ступайте-ка теперь съ Богомъ, куда призываетъ васъ долгъ, отвѣчалъ старикъ: а ко мнѣ въ понедѣльникъ въ Тентелево, на кладбище, милости прошу.

— Какой вздоръ! пролепеталъ Густавъ Карловичъ, подходя къ постели.

— Не вздоръ, а положите-ка руку вашу на сердце мое:

оно едва слышно, и холодъ подошелъ къ нему — чувствуете?..

Въ этотъ мигъ, мимо оконъ спальни, въ которой находились Ламинскіе и медикъ, пробѣжалъ кто-то съ наружной стороны; замѣтилъ это Николай Николаевичъ, хотѣлъ сказать, но не успѣлъ. Въ комнату вбѣжалъ заплаканный Сережа.

— Густавъ Карлычъ! дядя Александръ при послѣднемъ издыханіи! закричалъ мальчикъ отчаяннымъ голосомъ.

— Что съ нимъ? что такое? гдѣ пуля?

— Вынута.

— А онъ?

— Исходитъ кровью....

ГЛАВА XII.

Два дня спустя послѣ описанныхъ нами происшествій, отъ Выборгской Заставы по направленію къ Парголову, ѣхали шагомъ два ломовые извощика. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; дорога покрыта была красивыми экипажами, кавалькадами, толпами пѣшеходовъ; все наслаждалось ясною погодою, пыльнымъ воздухомъ и палящимъ солнечнымъ зноемъ. Не много нужно, чтобъ возбудить улыбку на здоровыхъ лицахъ тѣхъ, которые не изнѣжены роскошью. Впрочемъ, изнѣженныя лица не часто встрѣчаются за Выборгской Заставой, а если и проѣзжаютъ они по этой дорогѣ, то скрываютъ ихъ отъ любопытныхъ взглядовъ и частый вуаль, и стѣны герметически закупоренныхъ каретъ. И такъ, улыбалось и смѣялось все, что шло и ѣхало отъ Петербурга до Парголова и обратно; но какъ только веселыя лица

приближались къ двумъ рядомъ ѣхавшимъ извощикамъ, улыбка веселости исчезала мгновенно, и замѣняло ее выраженіе болѣе чѣмъ серьезное. Не думайте, впрочемъ, чтобъ тоску эту производили извощики, сидѣвшіе у хвостовъ лошадей своихъ, или наружность тѣхъ двухъ людей, которые, повернувшись спиною къ извощикамъ, занимали послѣднія мѣста длинныхъ извощичьихъ дрогъ и, свѣсивъ ноги, весело разговаривали между собою. Грусть эту навѣвали на гулявшихъ два продолговатые ящика, тщательно завернутые въ парусину, которая, плотно огибая ихъ, не могла, однакожь, скрыть, что ящики эти походятъ съ виду на увеличенные въ тысячу разъ дамскіе несессеры; обиты они бываютъ и бархатомъ и золотомъ и серебромъ, а называются гробами.

Чудное и непостижимое дѣло! Какое страшное вліяніе производитъ эта обыкновенная мебель на нервную систему людей! Предложите любому студенту провести ночь въ таинственныхъ стѣнахъ чернаго анатомическаго театра—ни одинъ не задумается; а введите его ночью въ комнату, гдѣ стоитъ пустой гробъ, онъ непремѣнно сдѣлаетъ шагъ назадъ и раскроетъ ротъ—такова натура человѣка! Рѣдко замѣчалъ я страхъ въ глазахъ умиравшаго; но еще рѣже случалось мнѣ встрѣчать людей, которые, наслаждаясь полнымъ здоровьемъ, разсуждали бы о смерти равнодушно, то есть безъ внутренней боязни и трепета. А всего страннѣе, что дряхлые старики, приговоренные законами самой природы, законами неизбѣжными, неумолимыми, строятъ планы на нѣсколько лѣтъ впередъ, охотно говорятъ о будущемъ, то есть о земномъ, и встрѣчаютъ приглашеннаго врача фразою, подобною этой: «Странно, почтеннѣйшій, я ровно ничего не ѣлъ такого и не пилъ ничего, а

бокъ покалываетъ и желудокъ варитъ скверно; отчего бы это? растолкуйте пожалуйста».

Но возвратимся къ ломовымъ извощикамъ и двумъ особамъ, сидѣвшимъ позади гробовъ. Одинъ изъ послѣднихъ былъ гробовщикъ и Нѣмецъ, а другой также гробовщикъ, но Русскій. Первый былъ самъ хозяинъ гробоваго заведенія, а второй — только подмастерье другаго гробоваго мастера.

— Ну, Птоломей Францычъ, послалъ же Богъ погодку жаркую! проговорилъ Русскій, снимая картузъ: потъ такъ вотъ и напираетъ наружу; чай и вамъ тепленько въ ваточномъ-то сюртукѣ.

— Нѣтъ, привычка; я не люблю холода, отвѣчалъ Нѣмецъ ломанымъ языкомъ.

— Въ жаркой землѣ родились?

— Въ жаркой.

— И хороша сторона ваша?

— Прекрасная сторона.

— Вотъ какъ! и весело живутъ въ ней добрые люди?

— Очень весело.

— А богато?

— И богато.

— Диковинное дѣло, ей Богу, Птоломей Францычъ! Кой же прахъ претъ васъ изъ вашей богатой стороны? или скучно безъ нашего брата, Русачка?

— Міръ созданъ для всѣхъ.

— То есть для Нѣмцевъ, смѣясь замѣтилъ подмастерье.

— И для Нѣмцевъ и для другихъ.

— А все таки для Нѣмцевъ больше, чѣмъ для другихъ. Диковинно, право! Конечно, народъ способный, терпѣливый народъ; гдѣ нашему? и подумать нельзя.

Вѣдь вотъ, примѣрно скажу, вы, Птоломей Францычъ— знаю я васъ годовъ двадцать... что! буде больше! — пожаловали изъ счастливой земли вашей къ намъ, въ Питеръ, фортепьяннымъ мастеромъ, завелись хозяйствомъ; не пошла статья на руку, изъ фортепьянныхъ перешли въ гробовщики....

— Никто не играетъ на клавикордахъ, отвѣчалъ Нѣмецъ.

— А умираютъ всѣ; что жь? оно справедливо! Но вотъ что въ умъ не взберу: отчего, скажите, у господъ нашихъ привычка такая къ Нѣмцамъ? И дороже продаете, а, смотришь, лѣзутъ къ вамъ.

— Нѣмцы честные люди: гнилаго товара не держатъ.

— Ладно и это; положимъ, въ мебели дѣйствительно потребна прочность; ну, а въ гробѣ-то?

— И въ гробу пріятнѣе лежать, когда знаешь, что онъ крѣпокъ.

— Такъ, стало, мертвые про это знаютъ?

— Знаютъ живые.

— Ладно; знали, значитъ, и вы, когда намъ же заказывали гробъ для покойницы хозяюшки вашей, дай Господи ей царство небесное! Помню, какъ торговались съ хозяиномъ-то, да не хотѣли сосны, а елины приказывали поставить: подешевле, молъ. То-то же, Птоломей Францычъ; не то, что честенъ Нѣмецъ, а плутоватѣе будетъ; ну, и съ барами-то, какъ закалякаешь по нѣмецкому, болѣе уваженія оказываетъ всякій — штука-то простая-съ. Не въ укоръ будь сказано его сіятельству графу, братецъ-то ихъ только задумалъ кончаться, а вѣдь я-то ужь былъ тамъ у крыльца; вы и не знали, что очень боленъ; нѣтъ, говоритъ дворецкій, графъ, молъ, приказалъ послать за нѣмецкимъ мастеромъ; я туда сю-

да, нѣтъ какъ нѣтъ, и прошло мимо рукъ. А спросить по совѣсти, чѣмъ берете? лѣскомъ небось? какъ же-съ! Не знаемъ мы, какъ вы о масляной скупаете балаганныя-то доски; у нашего брата и рука не поднимется на эвтакой грѣхъ, и никакого богачества не возьмемъ.

— И вашъ не лучше.

— Ужь нѣтъ-съ, Птоломей Францычъ, съ хозяиномъ-то не потягаетесь: онъ что лѣто, то добываетъ въ Заводовщинѣ мелкослойный болотникъ отмѣннѣйшій. Вотъ въ чемъ сила-то-съ! Эхъ, Птоломей Францычъ, вѣдь не то, чтобъ зависть тамъ или корысть брала бы, глядя на васъ—Богъ бы съ вами, пусть бы жили съ нами и у насъ; велика Россеюшка, всѣмъ просторъ; а какъ подумаешь, за хлѣбъ-то да за соль какой нибудь и спасибо сказать не захочетъ—мало того, придетъ въ оборванномъ халатишкѣ и дорогою-то кормится корешками, а поживетъ у насъ годковъ десятокъ другой, набьетъ кошель нашимъ добромъ, и дастъ тягу, а тамъ на своей-то богатой землѣ и кажетъ намъ языкъ за нашу же добродѣтель. Вотъ что обидно-то, Птоломей Францычъ!

Въ отвѣтъ Русскому Нѣмецъ лукаво улыбнулся и, подложивъ себѣ руки подъ сгибы ногъ, сталъ раскачиваться, чтобъ размять усталые отъ ѣзды члены свои.

Выливъ на голову Нѣмца всю скопившуюся въ груди своей желчь, подмастерье закурилъ свою коротенькую трубку и, поглядывая на стороны, затянулъ въ полголоса пѣсню. Въ продолженіе пѣнія неоднократно повертывался онъ къ гробу, растягивалъ парусину, гладилъ пунцовый бархатъ, потряхивалъ блестящими кистями и забавлялся ими, какъ дитя любимою игрушкою. И мудрено ли, что бѣдный работникъ смотрѣлъ на роскошный гробъ безъ всякихъ непріятныхъ ощущеній?

Не зналъ ли онъ, что вещь эта совершенно чуждая его классу людей? что въ хозяйской мастерской, конечно, никогда не встрѣтится онъ съ тою доской, которой назначила судьба лечь рядомъ съ его тѣломъ? а до другихъ что ему было за дѣло? мало ли вывозятъ богатыхъ гробовъ изъ всѣхъ городскихъ заставъ, и ежедневно, по утрамъ! Его же положатъ въ ящикъ инаго качества: скрѣпятъ восемь досокъ не стальными винтами, а деревяннымъ гвоздемъ; не обобьютъ атласомъ и бархатомъ, не обведутъ позументомъ, а насыплютъ въ тотъ гробъ пригоршню сосновыхъ опилокъ, положатъ подъ удалую голову мѣшечекъ съ душистымъ сѣномъ и затянутъ добрые люди пеньковою веревкой, чтобъ не развалился гробъ прежде, чѣмъ родная земля приметъ его въ свои нѣдра; а тамъ забросаютъ родные, коли случатся при похоронахъ, свѣжею землицей, да и сравняютъ мѣстечко. Смотришь, пройдетъ годъ другой, заростетъ сердечная могилка зеленою травкой; не придавленъ покойникъ каменной горою; соскучится бѣдняга — глядь, положатъ возлѣ свѣжаго покойника; не помѣшаетъ кирпичный склепъ со сводикомъ.

Вотъ вслѣдствіе какихъ разсужденій и напѣвалъ свою пѣсню русскій подмастерье, лаская гробъ Андрея Романовича Ламинскаго, скончавшагося въ одинъ день съ графомъ Александромъ Бронскимъ, въ домѣ котораго ожидали Нѣмца и плачъ, и вой, и громкія рыданія. Сколько чернаго сукна и крепа закупилъ для прелестной дачи Бронскихъ величавый дворецкій, сколько восковыхъ свѣчь выслала туда владимірская часовня — владимірская потому, что въ приходѣ ея находился родовой домъ графовъ Бронскихъ, и въ склепѣ храма Владимірской Божіей Матери должны были лежать останки графа до отправленія ихъ въ отдаленное помѣстье Бронскихъ.

*

Подмастерью же предстояло совсѣмъ иное: въ отдѣльномъ и уединенномъ домикѣ, въ той же комнаткѣ, въ которой за двое сутокъ смѣялся умирающій Ламинскій, читалъ надъ тѣломъ его одинъ приходскій пономарь. Въ томъ же углу, какъ и два дня назадъ, сидѣлъ задумчиво Николай Николаевичъ, и не плакалъ онъ, а только грустилъ; въ той же кухнѣ лежалъ на постели лѣнивый Прокофій, слуга покойника, и тотъ не плакалъ. Къ подвезенному русскимъ подмастерьемъ гробу не высыпала на крыльце дюжина слугъ съ плёрезами, а вышелъ дворникъ дачи и, съ помощью извощика, внесли они будущій домъ Андрея Романовича въ сѣни. Подмастерье съ извощикомъ, сдавъ гробъ и получивъ по мелкой монетѣ изъ рукъ Николая Николаевича, отправились весело въ обратный путь.

Наканунѣ кончины старика, лежавшаго уже двое сутокъ безъ всякаго движенія, къ нотаріусу Селезеневу прибылъ утромъ пріятель его Гифтштейнъ и объявилъ Зиновію Макаровичу, что въ это же утро заѣдетъ къ нему въ контору богатый Ламинскій съ Михайломъ Михайловичемъ Суркинымъ для совершенія обязательства въ четыреста тысячь ассигнаціями, и что въ то же время онъ, Гифтштейнъ, получитъ, въ свою очередь, отъ Суркина заемное письмо во сто восемьдесятъ тысячь, данныхъ имъ послѣднему, по неимѣнію сполна всей суммы, потребной Ламинскому.

Переполошились и нотаріусъ и вѣрный, хотя и слѣпой письмоводитель его. Сколько паутины выгребено было ими на улицу, сколько мушиныхъ изсохшихъ остововъ послѣдовали за паутиною; а грязи и прочаго, занесеннаго посѣтителями и свѣсить было бы невозможно; казалось, самая контора сдѣлалась и обширнѣе и помѣстительнѣе—такъ много вынесено было изъ нея посто-

ронних вещей. Къ часу по полудни все пришло у Селезенева въ должный порядокъ, и внесенныя въ контору, съ квартиры нотаріуса, кресла ожидали уже почетнаго посѣтителя. Видѣвшій въ то же утро Ламинскаго, конечно, предложилъ бы огромное пари, что Ламинскій не только не посѣтитъ Селезенева, но не перешагнетъ порога своей спальни—и проигралъ бы этотъ любитель вѣрныхъ закладовъ: старикъ прибылъ къ нотаріусу, часу во второмъ, здоровый, веселый и бодрый. На немъ былъ тотъ же сюртукъ и тотъ же пуховой картузъ, какіе всѣ привыкли видѣть на немъ ежедневно. Ту же трость держалъ онъ въ рукѣ; даже перчатки темнокоричневыя снялъ онъ и положилъ въ карманъ, садясь въ кресла.

Приказавъ Зиновію Макаровичу написать обязательство, онъ вынулъ изъ жилета пачку ассигнацій и, заплативъ за бумагу, щедро одарилъ и маклера и письмоводителя. Могло бы поразить знакомыхъ Андрея Романовича развѣ только то, что Андрей Романовичъ говорилъ въ это утро много вздору и, отбросивъ голову назадъ, тянулъ слова, а сидя качалъ ногою. Никогда еще ничего подобнаго не дѣлывалъ Ламинскій, серьезный и благовоспитанный Ламинскій.

Михайло Михайловичъ Суркинъ, прибывшій въ одно время и въ одномъ экипажѣ съ старикомъ, былъ и скученъ и безпокоенъ. Торопя нотаріуса, онъ безпрестанно подходилъ къ окну, выглядывалъ на улицу, задергивалъ грязныя сторы, когда проѣзжали дрожки или что нибудь другое, шептался съ Гифштейномъ, и замѣтно было, что блондинъ или всталъ лѣвой ногою, или ужь Богъ его знаетъ, что съ нимъ было. Тревожное состояніе Михайла Михайловича объяснялось очень легко и просто. Суркинъ, довѣрявшій все свое состояніе постороннему

человѣку и въ то же время отдававшій собственную особу Гифтштейну, не могъ оставаться равнодушнымъ. Конечно, Ламинскій пользовался и общимъ уваженіемъ и огромнымъ кредитомъ, но Ламинскій могъ умереть, дѣло могло затянуться и проч. и проч. — такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ себѣ безпокойство блондина честный Зиновій Макаровичъ. Когда же скоропостижная кончина парголовскаго богача дошла до слуха Селезенева, онъ сплеснулъ руками, ахнулъ и, обратясь къ письмоводителю, сказалъ ему: «Ну, что ты скажешь о предчувствіи? ну. что, ну, что? вздоръ предчувствіе? вздоръ предчувствіе? Жалко того бѣлокураго... какъ бишь его? Вотъ несчастье, такъ ужь несчастье! И можно ли было ожидать, чтобъ здоровый человѣкъ такъ скоро померъ! вчера еще сидѣлъ въ этихъ креслахъ, вчера еще! Добро бы третьяго дня — ну, третьяго дня все же времени больше, долго ли умереть; а то вчера, вчера — посудите!...»

Отъ письмоводителя перешелъ Селезеневъ къ кухаркѣ своей и ей разсказалъ то же, что письмоводителю; отъ кухарки отправился къ хозяину дома, красильщику, отъ красильщика въ мелочную лавочку, и тамъ ко всѣмъ прежнимъ замѣчаніямъ прибавилъ, что слухъ о смерти Ламинскаго не можетъ быть основательнымъ, потому что случись это на третій день, было бы и такъ и сякъ, а въ однѣ сутки умереть есть ли же какая нибудь возможность? посудите!... кричалъ Зиновій Макаровичъ: «пустой долженъ быть слухъ!...»

Для своего успокоенія рѣшился Селезеневъ совершить собственно личное путешествіе въ Парголово и убѣдиться въ истинѣ имъ слышаннаго, а убѣдившись, махнулъ рукой и легъ спать...

ГЛАВА XIII.

Въ утро выдачи знакомцами нашими двухъ заемныхъ обязательствъ, прелестная Фабія провела пять часовъ времени за туалетомъ. Начался онъ съ девяти, а кончился въ два по полудни. Чего не изощрила молодая дѣвушка, чтобъ казаться и бѣлѣе въ этотъ день, и свѣжѣе, и тоньше, и очаровательнѣе!

— Куда же, сударыня, вы это изволите собираться? спросила наконецъ у мамзель Фабіи мамзель Доротея, горничная, одна изъ вольноотпущенныхъ дѣвицъ, получившая воспитаніе во французскомъ магазинѣ.

— Кто же тебѣ сказалъ, что я собираюсь куда нибудь?

— Никто не сказалъ, сударыня; но не для дома же вы надѣваете барежевое платье?

— А почему же ты думаешь, что не для дома?

— Какъ можно-съ!

— Такъ вотъ ошиблась: для дома.

— Быть не можетъ-съ.

— Увидимъ.

— Такъ, вѣрно, гости будутъ?

— Тѣ же, что бываютъ всякій день, отвѣчала разсѣянно Фабія.

— Кто же это? Иванъ Андреичъ?

— Иванъ Андреичъ.

— И Михайло Михайлычъ?

— И Михайло Михайлычъ будетъ.

— Нѣтъ, барышня, для такихъ гостей не стоитъ наряжаться; они и толку-то не знаютъ въ дамскомъ туалетѣ.

— Какъ не стоитъ?

— Разумѣется, что не стоитъ. Это что за господа! одинъ смотритъ точно приказный, что записываетъ пачпорты у квартальнаго; а если бъ вы еще знали, барышня, какъ онъ живетъ у себя на квартирѣ; кажется, ничего бы на свѣтѣ не взяла переночевать у нихъ—такая нечистота. Разъ послала меня барыня къ его Фіонѣ Ивановнѣ за пластыремъ—я и пошла; вхожу, только взглянула, Господи Боже мой, и прусаковъ, и таракановъ, и клоповъ такое множество! Фіона Ивановна—настоящая, какъ есть, кухарка; она, впрочемъ, не изъ благородныхъ, а ужь неизвѣстно изъ какихъ. Дѣти бѣгаютъ грязныя такія, безъ чулокъ; на самомъ же Иванѣ Андреичѣ халатъ, барышня, черный пречерный.

— Не одинъ же онъ будетъ сегодня къ намъ, и не всѣ похожи на Ивана Андреича, замѣтила Фабія, смотрясь въ зеркало.

— Конечно, сударыня, не всѣ, избави Боже, чтобъ всѣ были такіе! Ну, и Суркинъ не многимъ лучше.

— Ты дерзка!

— А что же такого, барышня, я сказала?

— Кто же называетъ господъ просто: Суркинъ? есть, надѣюсь, имя и отчество; ты, я думаю, за глаза и меня такъ честишь?

— Что вы, барышня! что я за мужичка такая!

— Кто тебя знаетъ!

— Слава Богу, по хорошимъ господамъ жила, никакого конфуза на себя не принимала, отвѣчала Доротея, оскорбленная замѣчаніемъ Фабіи.

— Зачѣмъ же ты говоришь такъ непочтительно о Михайлѣ Михайлычѣ? Онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ.

— А что мнѣ такое Михайло Михайлычъ? Навѣсилъ на себя семилору и думаетъ, что вотъ ужь какая важная персона!...

— Доротея! воскликнула Фабія полугнѣвно и полушутливо.

— Нѣтъ, барышня, а этого...

— Доротея! повторила дѣвушка серьезно и громко.

— Чего изволите?

— Я не люблю, когда ты черезчуръ забываешься.

— Я не забываюсь, барышня.

— Ну, ужь, пожалуйста, меньше говори со мною.

— Я и то...

— Ты ужасно дерзка, и дай тебѣ волю, начнешь кричать, пожалуй; а я терпѣть этого не могу. Отвѣчай, когда спрашиваютъ.

— И не въ такихъ домахъ служила, сударыня, перебила горничная разозлившись: а никогда еще не слыхала...

— Молчи!

— Я и то молчу.

— Молчи! молчи! вскрикнула Фабія, поблѣднѣвъ и вскакивая со стула: пошла вонъ, сію минуту вонъ!

— Ну, что жь? и пойду.

— Ахъ, ты мерзкая! ахъ, ты грубіянка этакая! Да знаешь ли, что я выгоню тебя, какъ послѣднюю...

— Не извольте безпокоиться, сударыня! На улицѣ не останемся, и сами выйдемъ; не одинъ вашъ домъ въ Питерѣ; много господъ почище найдется...

Послѣдняя фраза горничной превратила вспышку Фабіи въ совершенную ярость: зрачки глазъ ея запрыгали, ротикъ сжался, пальцы рукъ судорожно согнулись; брови соединились совершенно, и не выскочи горничная за дверь, плохо бы пришлось словоохотной Доротеѣ.

Подобныя сцены между барышнею и служанкою повторялись не рѣдко; кончались же

ня заливалась слезами безсильной злобы, а горничная, проникая въ кухню, высказывала на барышню такія вещи, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ у добрыхъ и не рѣдко совершенно постороннихъ людей. Благодаря часто изгоняемымъ изъ дома Крыжловыхъ горничнымъ, въ Хлѣбномъ Переулкѣ составилось о Фабіи Антоновнѣ очень не завидное мнѣніе. Утверждали единогласно, что дурныя свойства дочери Аделаиды Ивановны не ограничивались одними недостатками характера: но даже и поведеніе дѣвицы... Впрочемъ, зо́лъ свѣтъ, а слухамъ вѣрить не должно. Къ тому же всѣмъ извѣстно, что жители улицъ, прилегающихъ къ Грязной, издавна слывутъ и самыми любопытными и самыми немилосердыми въ своихъ сужденіяхъ.

По счастью для Фабіи, Доротея непочтительно отозвалась о Суркинѣ не въ началѣ туалета, а въ концѣ: оставивъ барышню безъ помощи и прислуги, Доротея не нужна была для своей госпожи.

На задней лѣстницѣ, соединявшей кухню съ бельэтажемъ, попался на встрѣчу горничной Евстафій Ивановичъ. Онъ страхъ какъ любилъ встрѣчаться нечаянно съ горничными на задней лѣстницѣ. Хозяину дома было совершенно все равно, кто именно занималъ у барышни должность служанки, и хороша ли эта служанка, лишь бы воспитывалась она въ магазинѣ. Евстафію Ивановичу нравилась до чрезвычайности походка модистокъ, покрой ихъ платья, образъ держанія рукъ и то движеніе тѣла, которое замѣчается въ модисткахъ на дальнемъ разстояніи. Въ день вступленія новой горничной въ домъ, Крыжла привѣтствовалъ обыкновенно вступившую вопросомъ: «Отъ какой, душенька, мадамы? и не знаешь ли, плутовка, Аннушки, той Аннушки, что переселилась къ Казанскому Мосту? вѣрно, оставила

послѣднее мѣсто вслѣдствіе какой нибудь проказы» и проч. и проч. Вторая встрѣча съ вступившею въ домъ происходила обыкновенно на задней лѣстницѣ; тутъ ужь бралъ фіолетовый господинъ горничную прямо за щеку и дѣлалъ первый анализъ нравственнымъ свойствамъ служанки. Если она останавливалась, краснѣла и потупляла взоръ, слушая слова Евстафія Ивановича, то Евстафій Ивановичъ понижалъ голосъ и быстро переходилъ къ разговорамъ болѣе серьезнымъ; если же, напротивъ, горничная вырывала щеку свою изъ рукъ хозяина дома и придавала ему какой нибудь не ласковый эпитетъ, тогда Евстафій Ивановичъ шутливо грозилъ ей пальцемъ и убѣгалъ чрезъ темный корридоръ на свою собственную половину.

Въ первое время Доротея довольно энергически защищалась противъ выходокъ хозяина, какъ опытная модистка, кончившая полный курсъ ученія у мадамъ Гильерме; хотя она и обошлась не очень граціозно съ Евстафіемъ Ивановичемъ, однако не отказалась принять отъ него пару бирюзовыхъ серегъ въ золотой оправѣ. Серьги эти нѣкогда принесены были въ даръ влюбленнымъ Крыжлою невѣстѣ, прекрасной Аделаидѣ, и взяты были эти же серьги у Аделаиды не влюбленнымъ ужь Крыжлою. За серьгами послѣдовала золотая же шпилька, за нею серебряный фермуаръ, за серебрянымъ фермуаромъ томпаковая цѣпочка, за цѣпочкою безкорыстная со стороны Евстафія Ивановича симпатія къ Доротеѣ и упреки послѣдней.

Встрѣтивъ Доротею на задней лѣстницѣ въ минуту бѣгства ея изъ комнаты Фабіи, фіолетовый господинъ не только не взялъ стороны горничной, но погонялъ ее же, назвавъ при томъ заносчивою, непочтительною и достойною всякаго нарѣканія. Онъ даже удивлялся

слишкомъ долгому терпѣнію падчерицы и сознавался, что, на мѣстѣ Фабіи, давно бы выгналъ Доротею.

— Ну, такъ прощайте же! воскликнула служанка, заливаясь слезами, и тотчасъ же были высланы ей въ кухню какъ паспортъ, такъ и жалованье, слѣдовавшее за послѣдніе одиннадцать дней.

Если бъ Доротея могла предвидѣть тотъ пріемъ, который ожидалъ Михайлу Михайловича въ домѣ Крыжловыхъ въ это утро, она бы, конечно, воздержалась называть его просто Суркинымъ, а назвала бы не только по имени и отчеству, но и другими льстивыми названіями. Блондинъ прибылъ къ обѣду, во первыхъ, въ наемной каретѣ, во вторыхъ, во фракѣ, въ третьихъ, въ бѣломъ жилетѣ, въ четвертыхъ, съ такою полновѣсною и длинною цѣпью на шеѣ, что наляжь сильный человѣкъ на эту цѣпь, скорѣй бы отдалъ душу свою Михайло Михайловичъ, чѣмъ подалась бы она; въ пятыхъ, несло отъ него живымъ геліотропомъ, и завитъ онъ былъ не мальчикомъ сосѣдней цирюльни, а самимъ хозяиномъ, Кузьмою Приголубышевымъ, получившимъ привиллегію рвать зубы и пускать кровь, кому бы то ни пожелалось. Вотъ какія небывалыя происшествія вошли въ составъ преобразованія Суркина, въ утро изгнанія Доротеи изъ дома Крыжловыхъ! Сама Фабія, встрѣтивъ блондина вопросомъ: «кончилось ли все?» и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, протянула ему, улыбаясь, щечку свою и (кто бы подумалъ?) даже свои розовыя губки.

Не пугайтесь, скромныя читательницы: послѣднія двѣ строки разсказа моего не подлежатъ, клянусь вамъ, осужденію: губки свои подставила дѣвица Фабія не просто Михайлѣ Михайловичу Суркину, фавориту Евстафія Ивановича, а жениху своему; слѣдовательно, обстановка эта, какъ видите, безукоризненна.

Окончательное согласіе Фабіи, сдѣлаться мадамъ Суркинъ, привело Крыжлу въ совершенный восторгъ. Развалясь въ креслахъ, онъ ежеминутно подзывалъ къ себѣ блондина, бралъ его за оба уха, притягивалъ къ себѣ и лобызалъ въ лобъ. Фабію называлъ онъ барынею, мадамою и прочими именами, напоминающими замужество. Къ рукѣ падчерицы заставлялъ онъ подходить тамерлашку, которому разсказывалъ дружески, но не безъ примѣси нѣжно бранчивыхъ словъ, о новыхъ планахъ своихъ касательно бекасиковъ, дуппелятъ и прочей длинноносой дичи. Аделанду Ивановну, улыбавшуюся, но все таки молчаливую, также лобызалъ Евстафій Ивановичъ, а Ивана Андреевича и Фіону Ивановну послалъ звать на вечеръ и сказать имъ, что барышня, моль, помолвлена за Михайла Михайловича. За обѣдомъ выпита была семьею Крыжлы бутылка крымскаго шампанскаго, размѣнена всею семьею дюжина поцѣлуевъ, настроена сотня воздушныхъ замковъ и проглоченъ вѣнскій сахарный пирогъ изъ кандитерской Жиля.

Блаженствовалъ Крыжла, блаженствовалъ Суркинъ, блаженствовали Фабія, Гифштейнъ, Селезеневъ, слѣпой письмоводитель его и даже трагикъ Поразительный, обладавшій рѣдкою способностью перенимать манеры, походку, даже голосъ перваго встрѣчнаго, если только доводилось Поразительному слышать, хотя разъ, голосъ этого встрѣчнаго. Но хотя ощущенія блаженствовавшихъ въ этотъ день и были одинаковы, однакожь они происходили отъ причинъ, совершенно различныхъ. Евстафій Ивановичъ улыбался болотамъ Суркина, возможности проводить на нихъ всѣ будущія лѣта и осени до самыхъ заморозковъ, отдыхать на нихъ какъ отъ Хлѣбнаго Переулка, такъ и отъ ежедневной фразы, произносимой супругою: «пожалуйте денегъ на расходъ».

Михайло Михайловичъ трепеталъ отъ любви и счастія видѣть наконецъ Фабію подлѣ себя, называть ее просто Фабіею и говорить ей: *моя!*

Фабіи, ни мало не помышлявшей о будущемъ супругѣ, предстояло широкое поприще, украшенное всѣми наслажденіями, которыя доступны титлу «madame». Не пріобрѣтала ли она, въ вознагражденіе за неудовольствіе принадлежать блондину, привиллегію водить этого блондина за носъ, убирая голову блондина, домъ его, а слѣдовательно и свой собственный домъ тѣми украшеніями, которыя на гостинодворскомъ нарѣчіи именуются *рококовыми съ готиками?* Сверхъ того, не пріобрѣтала ли Фабія посредствомъ Михайла Михайловича значительной суммы денегъ, въ видѣ заемнаго обязательства, внесеннаго въ шнуровую книгу нотаріуса Селезенева? и отъ какого лица? отъ Андрея Романовича Ламинскаго, человѣка извѣстнаго, богатаго и умершаго очень кстати. Положимъ, что обязательство это выдано было не ей собственно, а жениху; но прелестной Фабіи знакомы были нѣкоторыя подробности этого дѣла, и на знаніи подробностей этихъ основывала она многое, даже очень многое и весьма хорошее.

Въ свою очередь, блаженствовалъ г. Гифтштейнъ отъ надежды получить когда нибудь отъ Суркиныхъ сто восемьдесятъ тысячь рублей, никогда не выданныхъ имъ, Гифтштейномъ; но этого не достаточно было бы, чтобъ заставить Еврея такъ лукаво улыбаться, встрѣчаясь съ Фабіею. Въ умѣ его таилась еще одна надежда — не денежная, правда, но... «хоросенькая», сказалъ бы Гифтштейнъ, «какой нѣтъ лутце на свѣтѣ».

Остается пройдти молчаніемъ Селезенева, письмоводителя его, и сказать слова два о трагикѣ Поразительномъ. Артистъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, проведен-

ныхъ частью въ Нижнемъ, въ Харьковѣ, въ Волочкѣ, на Коренной и другихъ ярмаркахъ, прошедшій всѣ амплуа, какъ комическія такъ и патетическія, не пріобрѣлъ и половины того, что вручилъ ему Михайло Михайловичъ въ день поѣздки своей въ контору Селезенева. Недавній житель Долговаго Отдѣленія, присоединивъ поношенную бархатную жакетку свою къ коллекціи театральныхъ костюмовъ, онъ одѣлся у лучшаго столичнаго портнаго и закутилъ на пропалую. Онъ попалъ бы навѣрное и въ какое нибудь крѣпкое мѣсто, если бъ предусмотрительный Гифтштейнъ не посовѣтовалъ ему дружески убраться по добру по здорову, и убраться немедленно; иначе Гифтштейнъ грозилъ сообщить конфиденціально, кому слѣдуетъ, о нѣкоторыхъ способахъ, которыми переходятъ изъ тюрьмы въ роскошную жизнь особы, одаренныя рѣдкою способностью перенимать всякаго встрѣчнаго. Осторожному Гифтштейну не предстояло никогда ни малѣйшей опасности, потому что Гифтштейнъ положилъ себѣ за правило: не касаться горячихъ угольевъ собственными руками, а загребать жаръ посторонними, чужими руками.

Поразительный послѣдовалъ дружескому совѣту Гифтштейна и оставилъ городъ. Имя Поразительнаго не встрѣчалось болѣе на губернскихъ аффишахъ, и куда дѣвался трагикъ, осталось тайною для новыхъ его пріятелей.

Между тѣмъ въ трехъ магазинахъ шилось и готовилось приданое Фабіи Антоновны; модистокъ торопили, и извѣстно было Хлѣбному Переулку, что свадьбу праздновать намѣрены Крыжловы въ самомъ непродолжительномъ времени. Михайло Михайловичъ нанялъ ужь домъ на Литейной, обклеилъ комнаты бумажками, перенесъ въ него рѣзную щукинскую мебель съ позолотою, развѣсилъ по стѣнамъ комнатъ добытыя на аукціонѣ

картины различныхъ школъ, но одного исправщика; купилъ даже у Знаменья старую карету и приказалъ сдѣлать ее какъ можно поголубѣе; гербъ же просилъ поставить покрасивѣе. Четверку добылъ женихъ не рысистую, а добрую; хомуты заказалъ въ лавкѣ Офицерскаго, съ тѣмъ однакожь, чтобъ Офицерскій не засовывалъ мочалъ въ постромки и чтобъ наборъ аплике не краснѣлъ, какъ дѣвушка, отъ малѣйшаго прикосновенія. Проводя все свободное отъ хлопотъ время съ невѣстою, Суркинъ получалъ довольно часто щелчки за свои любезности. Фабія гримасничала, примѣривая наряды, кричала на швей, перемѣняла горничныхъ, а съ Евстафіемъ Ивановичемъ обращалась ужь и Богъ знаетъ какъ... Такъ проходили дни въ благополучномъ жилищѣ Крыжловыхъ, въ ожиданіи торжественнаго дня бракосочетанія.

Въ Парголово не ѣздили болѣе ни Зиновій Макаровичъ, ни Гифтштейнъ, ни Михайло Михайловичъ, ни Поразительный. Тамъ распространилось то уныніе, которое, подобно заразительнымъ болѣзнямъ, переходитъ обыкновенно изъ дома въ домъ, отъ больнаго къ здоровому. Въ дачахъ, сосѣднихъ съ графской, умолкла ежедневная музыка, не слышны были ни романсы, ни аріи, ни галопы, ни пѣсни; уныло смотрѣли гулявшіе на опущенныя сторы дома Бронскихъ, на опустѣлый садъ ихъ и поблекшіе цвѣты балкона и подъѣзда. Тѣло усопшаго перенесли въ храмъ Владимірской Богоматери, а живые родственники графа послѣдовали за тѣломъ и переселились въ городъ.

Одинокій домикъ Ламинскаго сломанъ былъ тотчасъ же послѣ скромныхъ похоронъ его, а сложенныя въ кучу бревна хотя не пугали болѣе дѣтей, но и не производили на парголовскихъ жителей впечатлѣнія.

ГЛАВА XIV.

Насталъ, наконецъ, такъ давно желанный день бракосочетанія. Съ утра еще послано было въ Часть Евстафіемъ Ивановичемъ объявленіе о предстоявшемъ у него съѣздѣ экипажей. Съ утра же отправлены были печатныя приглашенія родным и знакомымъ, и съ ночи затопился кухонный очагъ, застучали поварскіе ножи, затолклись сахаръ, миндаль и всякія другія спеціи. Гаврику выдалъ самъ баринъ свой поношенный фракъ, желтый жилетъ, брюки и бѣлый галстухъ, и объявлено было, бариномъ же, что буде Гаврикъ осмѣлится нарѣзаться прежде конца брачнаго бала, то отосланъ будетъ на съѣзжую. Четверомѣстную, допотопную карету Евстафія Ивановича приказано было, наканунѣ, вымазать деревяннымъ масломъ, а порыжѣвшіе ремни ея вычернить, не простою, а голландскою сажею, такъ, чтобъ карета казалась съ иголочки. Въ домъ купца Устинова послано было за оффиціантами, бѣльемъ, посудою и серебромъ. Цѣлый ящикъ натуральныхъ винъ купилъ Крыжла въ долгъ, во здравіе молодыхъ; шампанское поставлено на ледникъ, въ которомъ не было ни кусочка льду.

Въ полдень, закусивъ наскоро, всѣ члены семейства Крыжлы приступили къ одѣванью Фабіи, только что привезенной изъ пятирублевой бани. Два молодые пріятеля Суркина присланы были женихомъ для исполненія должности шаферовъ. Одинъ изъ нихъ, завитой колечками, поднесъ невѣстѣ такой огромный букетъ всякой всячины, что держать его могъ только или одинъ сильный человѣкъ, или двое слабыхъ. Букетъ этотъ составлялъ самъ шаферъ, въ продолженіе цѣлой недѣли, прогуливаясь по петергофской дорогѣ; лучшіе же цвѣты

добыты имъ были на дачѣ барона Раля, знаменитой своею архитектурою; такъ, по крайней мѣрѣ, извѣстна была шаферу дача барона Раля.

Отличительною чертою одного изъ шаферовъ, присланныхъ женихомъ, было дерганье членами, то каждымъ порознь, то всѣми вдругъ. Говоря, юноша дергалъ носомъ, кривилъ ртомъ, моргалъ глазами и шевелилъ подбородкомъ. Ходя по комнатѣ, онъ билъ ногой о ногу, одной рукой по ляшкамъ, другой по собственной спинѣ, груди и бокамъ. Сидя на стулѣ, онъ трясъ ногами, терся спиною о спинку стула, налегалъ всѣмъ тѣломъ на ребро этой спинки и вскакивалъ судорожно, когда этого не ожидалъ никто; короче, въ движеніяхъ своихъ юноша подражалъ крѣпко скрученному куску гумми-эластика, брошенному на столъ.

Достаточно было одного взгляда Фабіи, чтобъ выбрать шаферомъ для собственной особы того, который былъ постарше, и препроводить молодаго кривляку къ будущему супругу. Сконфуженный юноша поморщился, состроилъ передъ публикою новый рядъ невиданныхъ гримасъ, сошелъ въ кабинетъ Евстафія Ивановича и, вытребовавъ трубку, растянулся на диванѣ. Тѣмъ временемъ Михайло Михайловичъ истощилъ всѣ извѣстные міру способы, чтобъ придать красоту своей особѣ; времени до вѣнца оставалось много, а амбре съ водою находилось тутъ же — стоило примачивать почаще лице. Рядомъ съ уборнымъ столикомъ Михайла Михайловича развѣшенъ былъ, по стульямъ, полный вѣнчальный костюмъ его, только что принесенный отъ портнаго. Не исключая бѣлаго атласнаго галстуха и такого же жилета, вся одежда блистала новизною и издавала тотъ пріятный для франтовъ запахъ, который такъ живо напоминаетъ закройщика (я разумѣю франтовъ не высокаго

полета, не покровителей тогдашнихъ Оливье и Рутча, а пожиже). И въ этотъ разъ приглашенъ былъ, на счетъ головы Михайла Михайловича, какъ и въ день помолвки, знаменитый Кузьма Приголубышевъ, образецъ цирюльниковъ, дергачей, жилорѣзовъ и красноразсказчиковъ. Приголубышевъ брилъ практику свою не дотрогиваясь ни до носа, ни до лица, и лишь изрѣдка почиталъ онъ необходимымъ засовывать палецъ свой за щеку практики; но дѣлалъ онъ это только въ тѣхъ случаяхъ, когда практика представляла ему пару глубокихъ впадинъ, осѣненныхъ двумя чрезмѣрно высокими скулами. Приголубышевъ былъ человѣкъ не высокій, но съ брюшкомъ, кругленькимъ, затянутымъ въ узкіе панталоны, не плотно доходившіе до нижняго сгиба ноги. Надъ брюками виднѣлся, бывшій нѣкогда бѣлымъ, коротенькій жилетъ съ стеклянными пуговками; сверхъ жилета лѣпился синеватый круглый фракъ, съ плисовымъ, засаленнымъ воротникомъ; манишка, почернѣвшая отъ употребленія и времени, а равно и черный галстухъ, побѣлѣвшій отъ употребленія и времени, сравнялись цвѣтомъ; на галстухѣ лежалъ трехъярусный подбородокъ, сливавшійся съ остальными принадлежностями пухлаго лица Кузьмы. Кредитъ, которымъ пользовался брадобрѣй у Суркина, былъ такъ великъ, что на Кузьму возложилъ Суркинъ какъ выборъ прически своей, такъ и выборъ запонокъ, булавки, цѣпочки и прочихъ вещей, почти вышедшихъ изъ употребленія.

Приголубышевъ, съ увѣренностью знатока, засучилъ сальные рукава фрака своего, подошелъ къ сидѣвшему противъ зеркала жениху и, разставивъ ножки, схватилъ его за чубъ. Минуты двѣ спустя, чубъ Суркина припекся щипцами, насалился жасминною помадою и сталъ коломъ. Приголубышевъ отошелъ отъ чуба на пять ша-

говъ, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и, качнувъ головой въ знакъ одобренія, снова подошелъ къ жениху и перенесъ дѣйствія свои на виски и затылокъ; виски взъерошилъ онъ такъ же какъ чубъ, а чубъ подстригъ и вычесалъ до крови. Для лица захватилъ Приголубышевъ восковой составъ, имѣющій свойство вырывать шерсть съ корнемъ и наводить на кожу лоскъ, наподобіе лака. Этимъ составомъ натеръ женихъ и руки; потомъ отрѣзалъ на пальцахъ ногти до самаго тѣла, надушился весь и приступилъ къ одѣванью. Въ полной увѣренности, что шаферъ его, то есть юноша съ подергиваньями во всемъ тѣлѣ, не преминетъ увѣдомить заблаговременно о часѣ вѣнчанія, Михайло Михайловичъ не торопился сборами и, не надѣвая фрака, преспокойно курилъ трубку, изрѣдка поглядывая въ окно.

Пробило семь часовъ, пробило восемь, четверть девятаго, половина, прошло еще нѣсколько минутъ—а шаферъ не являлся. Суркинъ начиналъ безпокоиться, и было отъ чего. Не знакомая съ брачнымъ уставомъ, Фабія одѣлась не торопясь, но, одѣвшись, не почла приличіемъ сидѣть у окна, а потому, поцѣловавъ мать, преспокойно усѣлась въ карету и, въ сопровожденіи Крыжлы, отправилась въ церковь. Избранный ею шаферъ, не имѣвшій экипажа, отправился пѣшкомъ и прибылъ на мѣсто нѣсколькими минутами позже невѣсты. Не видя жениха, Евстафій Ивановичъ приписалъ замедленіе его какому нибудь чрезвычайному случаю; Аделаидѣ же Ивановнѣ было не до того: она, какъ мать, почла себя въ необходимости выжать изъ собственныхъ глазъ нѣсколько слезинокъ.

Постоявъ, минутъ съ десять, Фабія спросила у Евстафія Ивановича, гдѣ Михайло Михайловичъ, и Евстафій Ивановичъ обратился съ вопросомъ этимъ къ шаферу

невѣсты. Тотъ обошелъ всѣхъ слугъ, осмотрѣлъ всѣ постороннія лица, стоявшія въ двѣ линіи, навѣдался у причетниковъ и, не отыскавъ Суркина, возвратился къ невѣстѣ. На второй вопросъ: «гдѣ же Михайло Михайловичъ?» шаферъ отправился на розыски не одинъ, а въ сопровожденіи Евстафія Ивановича, но результатъ поисковъ былъ такъ же неуспѣшенъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ; Фабія вспылила и не спросила ужь гдѣ женихъ, а приказала отыскать его. Испуганный Крыжла схватилъ шафера за руку, позвалъ всѣхъ людей и выскочилъ на улицу. Въ это время, къ крыльцу церкви подъѣхалъ дорожный дормезъ, за которымъ слѣдовало нѣчто въ родѣ крытой линейки, обтянутой чернымъ сукномъ. Изъ дормеза вышли трое: мужчина прекрасной наружности, блѣдный и серьезный; кудрявый мальчикъ лѣтъ четырнадцати и прехорошенькая дѣвочка, лѣтъ десяти. Всѣ трое были въ черныхъ платьяхъ съ плерезами. Увидѣвъ разряженную группу дамъ, съ цвѣтами на головахъ, старшій изъ трехъ пріѣхавшихъ, казалось, удивился, но встрѣтившій его причетникъ шепнулъ ему что-то на ухо и, получивъ отвѣтъ, подошелъ къ Евстафію Ивановичу и сталъ говорить съ нимъ въ полголоса. Фіолетовый господинъ, слушая причетника, пожималъ плечами, качалъ головой, возражалъ, но наконецъ снова пожалъ плечами и направился, нерѣшительнымъ шагомъ, на разряженную женскую группу.

— А знаете ли, что я думаю? сказалъ Крыжла, обращаясь къ Фабіи: женихъ-то нашъ чуть ли не занемогъ; такъ не лучше ли, вмѣсто того, чтобъ стоять въ церкви, возвратиться домой на часокъ времени, а, дождавшись отвѣта отъ Михайла Михайлыча, или отложить вѣнчаніе, или возвратиться съ женихомъ?

Лице невѣсты начинало ужь покрываться багровы-

ми пятнами гнѣва, и языкъ готовъ былъ отвѣчать фіолетовому господину очень не мягко, когда глаза Фабіи нечаянно встрѣтились съ глазами пріѣзжаго господина въ траурѣ. Взглядъ его былъ такъ выразителенъ, а дѣйствіе взгляда этого такъ сильно, что невѣста потупила взоръ, покраснѣла и молча послѣдовала за матерью и ея супругомъ.

Только дома объяснилась причина отсутствія Суркина, и найденный, на собственной половинѣ Евстафія Ивановича, юноша дергался по прежнему, но, на этотъ разъ, въ глубокомъ и непробудномъ снѣ. Легко можно представить себѣ все, что высказано было разбуженному шаферу, какъ самимъ Крыжлою, такъ и другимъ шаферомъ. Послѣдній изъявилъ даже готовность воздать виновному по заслугамъ, но хозяинъ собственной половины защитилъ угнетеннаго и замѣнилъ его Гавриломъ, который и былъ немедленно отправленъ за женихомъ.

Ровно въ десять часовъ вечера тронулся снова свадебный поѣздъ изъ дома Крыжлы, и первымъ предметомъ, повстрѣчавшимся имъ, были два зажженные факела, въ рукахъ двухъ черныхъ фигуръ, покрытыхъ круглыми погребальными шляпами; за первыми двумя слѣдовали вторыя двѣ, за вторыми третьи и такъ далѣе.

— Пошелъ живѣе! крикнулъ кучеру женихъ, сидѣвшій противъ невѣсты.

— Нѣтъ, нѣтъ! прикажите повернуть налѣво и объѣхать церковь съ другой стороны, воскликнула Фабія: что за ужасъ! какое дурное предзнаменованіе!

Приказаніе дѣвушки было выполнено немедленно: форрейторъ принялъ круто влѣво и, обогнувъ церковь Владимірской Божіей Матери, остановился, за нѣсколько шаговъ отъ крыльца.

— Это еще что? сказала Фабія: зачѣмъ они остановились?

Суркинъ высунулъ голову изъ дверецъ кареты, взглянулъ впередъ, и тотчасъ же, молча, сѣлъ на свое мѣсто.

Не получивъ отвѣта, Фабія взглянула въ свою очередь, вскрикнула, и не сѣла, а упала назадъ.

Евстафій Ивановичъ скрылъ настоящую причину, побудившую его предложить невѣстѣ возвратиться домой. Причетникъ, подошедшій сперва къ господину въ плерезахъ, а потомъ къ Евстафію Ивановичу, объявилъ ему, что въ девятомъ часу назначено было поднять тѣло графа Александра Бронскаго, стоящее въ склепѣ, и, по отслуженіи панихиды, отправить его въ деревню. Такъ какъ жениха еще не было, а братъ покойника, графъ Левъ Бронскій, прибылъ, и прочія лица, приглашенныя имъ на выносъ, не замедлятъ явиться, то покорнѣйше и просятъ невѣсту возвратиться домой и не присутствовать при столь печальной церемоніи. Въ то же самое время, когда четвероместная карета Крыжлы подъѣзжала къ церковному крыльцу, изъ самой церкви выносили ящикъ, въ которомъ задѣланъ былъ гробъ покойника. Ящикъ этотъ и причинилъ обморокъ Фабіи. За гробомъ слѣдовали, въ главѣ многочисленной толпы, графъ Левъ, Сережа, Анна, Николай Николаевичъ Ламинскій, а нѣсколько поодаль отъ нихъ, Густавъ Карловичъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой церемоніи начался брачный обрядъ. Сближеніе двухъ, совершенно противоположныхъ церемоній, до того поразило, какъ постороннихъ присутствовавшихъ, такъ и всѣхъ близкихъ къ новобрачнымъ, что на тѣхъ и на другихъ, какъ говорится, лица не было. Фабія не въ силахъ была выстоять обряда: ее поддерживали шаферъ и Евстафій Ивановичъ.

Черезъ растворенныя двери боковаго придѣла виднѣлся молодымъ серебряный галунъ на черномъ сукнѣ стѣны; черные фраки съ плерезами замѣшались между зрителями, и ко всему этому запахъ ельника, разсыпаннаго по церкви, запахъ ладана и ночной мракъ!...

«Страшная свадьба!» проговорилъ кто-то въ толпѣ. «И ничего добраго не предвѣщаетъ она!» прибавилъ тотъ же голосъ довольно громко.

Пріостановленная служба кончилась ровно въ полночь; когда же невѣста повернулась къ дверямъ — въ храмѣ, за исключеніемъ родныхъ, не было ни души: всѣ спѣшили удалиться. Съ сильнымъ біеніемъ сердца и шатаясь дошла новобрачная до кареты своей. Несчастный Суркинъ почелъ за лучшее перемѣститься въ чужой экипажъ и доѣхать до дому не съ молодой женою, а съ Евстафіемъ Ивановичемъ.

Положено было наканунѣ окончить свадебный вечеръ на новосельи у молодыхъ; туда и прибыли Крыжла съ Михайломъ Михайловичемъ. Не знавшіе о происшедшемъ въ церкви, гости приняли прибывшую чету за молодыхъ и веселою толпой поспѣшили къ нимъ на встрѣчу; въ ошибку эту впалъ и капельмейстеръ, махнувшій смычкомъ музыкантамъ своимъ, которые съ ожесточеніемъ грянули маршъ.

Унявъ и радость гостей и ожесточеніе артистовъ, прибывшая чета повѣдала, каждому присутствовавшему порознь, о несчастной встрѣчѣ своей съ чернымъ ящикомъ, съ факелами, плерезами и прочимъ; о новобрачной самъ женихъ не могъ ровно ничего сказать положительнаго. Надѣялся Суркинъ, что, отдохнувъ у матери, Фабія рѣшится наконецъ посѣтить и свое новое жилище, въ которомъ разставлены были съ такимъ искусствомъ двѣ дюжины креселъ краснаго дерева, съ золочеными

пѣтухами на ручкахъ, и диваны и шифоньеры, пока пустые, и столы краснаго же дерева. Раздѣлялъ ли фіолетовый господинъ надежды своего бѣлокураго фаворита, утвердительно сказать не могу, но былъ фіолетовый господинъ и угрюмѣе жениха и даже не выглядывалъ такъ часто въ дверь прихожей.

Наскучивъ долгимъ бездѣйствіемъ, музыканты сначала не выпускали инструментовъ изъ рукъ; потомъ, нѣсколько погодя, потребовали чего нибудь закусить, а главное, водки. Напившись же, многіе изъ нихъ сомкнули вѣжды и, вытянувъ члены свои, предались сладкимъ размышленіямъ, а другіе побрякивали по струнамъ, фантазировали на валторнахъ тѣ безъименные morceaux, отъ которыхъ нерѣдко содрогается зритель въ театрѣ и заливаются дѣти горючими слезами.

О новобрачной вѣстей не было; но изъ этого заключать не слѣдуетъ, чтобъ не были къ ней отправляемы гонецъ за гонцемъ. Первый шаферъ, прибывъ въ домъ Крыжлова, немедленно отправленъ былъ Аделаидою Ивановною за врачемъ. Втораго шафера, юношу, откомандировала тоже Аделаида Ивановна въ аптеку, за лавро-вишневыми каплями; третій, четвертый и пятый, не добившись толку отъ Гаврика, въ передней дома Крыжловыхъ, разсудили, что и благоразумнѣе и безопаснѣе отправиться домой, такъ что, изъ семи посланныхъ, не возвратился на квартиру молодаго ни одинъ.

Во второмъ часу по полуночи, часть посѣтителей взялась было за шляпы, но Евстафій Ивановичъ не допустилъ недовольныя лица ихъ до голодной ночи и рѣшительно приказалъ оффиціантамъ подавать ужинъ. Пробужденная музыка лѣниво разыграла увертюру изъ «Красной Шапочки», фальшиво прогремѣла нѣсколько тушей и, не дождавшись конца безконечной брачной по-

пойки, принялась, преспокойно, укладывать свои инструменты. Между капельмейстеромъ и блондиномъ произошелъ, по этому случаю, легкій споръ; но капельмейстеръ былъ, однакожь, совершенно правъ: онъ никогда еще не слыхалъ о существованіи брачныхъ баловъ, на которые невѣста не пріѣзжала бы вовсе. «Ну, а если и сегодня супругѣ вашей не вздумается пожаловать, и завтра, и послѣ завтра?» говорилъ капельмейстеръ, насмѣшливо улыбаясь.

Для Михайла Михайловича достаточно было этого, чтобъ, забывъ всѣ приличія, схватить шляпу, накинуть на плеча пальто и пуститься бѣглымъ шагомъ въ Хлѣбный Переулокъ. Едва онъ шагнулъ за порогъ своей квартиры, какъ гости, отыскавъ шляпы, послѣдовали его примѣру. Но вотъ бѣда: по отъѣздѣ гостей, у наружныхъ дверей дома новобрачныхъ, только что запертыхъ, раздался звонокъ, и вошла въ прихожую, закутанная въ широкое манто, Фабія; за нею слѣдовала мать.

Узнавъ отъ слуги объ отсутствіи супруга, новобрачная простилась съ Аделаидою Ивановною, вошла въ свою новую спальню и, подозвавъ всѣхъ слугъ, приказала имъ, такимъ голосомъ, котораго не слыхали еще слуги, чтобъ всѣ двери дома были заперты и всѣ ключи принесены къ ней. Слуги почтительно поклонились. Вслѣдствіе этого, не достучавшійся Суркинъ провелъ остатокъ брачной ночи на груди друга своего, Евстафія Ивановича Крыжлы.

ГЛАВА XV.

Въ Декабрѣ 18... года, въ одной изъ университетскихъ залъ, собралось ученое и блестящее общество. Явленіе было истинно интересное: двадцатидвухлѣтній

кандидатъ, молодой человѣкъ высшаго круга, защищалъ диссертацію на магистра. Трудный подвигъ его, къ большому удовольствію какъ ученыхъ именитостей, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ, въ особенности же дамъ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ и, при громкомъ рукоплесканіи, деканъ факультета поздравилъ юношу магистромъ. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, всѣ устремились впередъ; каждый желалъ еще разъ взглянуть на очаровательную наружность героя этого утра, услышать его голосъ, уловить его улыбку, подстеречь румянецъ той застѣнчивости, которая такъ чужда сдѣлалась двадцатидвухлѣтнимъ лицамъ мужчинъ нашего времени. Всеобщее и дружное стремленіе къ одной и той же цѣли произвело страшную давку; мужчины подняли вверхъ свои шляпы, а женщины принялись кричать на мужчинъ, говорить имъ пренепріятныя вещи, а все таки подвигались впередъ и, не безъ значительныхъ потерь бантиковъ, лентъ, кружевъ и прочаго, наконецъ достигли каѳедры, на послѣднихъ ступеняхъ которой разговаривалъ нашъ герой съ профессорами.

— Eh bien, cher comte, tout ce que j'ai à vous dire, c'est que vous avez été vraiment sublime... sublime dans toute l'acception de ce mot! крикнула, черезъ нѣсколько головъ, пожилая дама, раздвигая толпу, отдѣлявшую ее отъ каѳедры.

Услышавъ этотъ голосъ, тотъ, котораго старуха назвала cher comte, вспыхнулъ, улыбнулся и, поклонясь наскоро ученымъ, поспѣшилъ на встрѣчу къ старушкѣ.

— Но, какъ вы окружены, мой милый! до васъ добраться такъ же трудно, какъ до Гибралтара. Чуть не умерла на дорогѣ отъ моихъ креселъ, продолжала старуха: что за невѣжи эти господа! просто давятъ...

— Простите, княгиня, отвѣчалъ молодой человѣкъ,

цѣлуя ея руку: но могъ ли я ожидать, что вы сдѣлаете мнѣ честь?...

— Какъ, мой милый, отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ одной изъ первыхъ и написать графу Льву, что я сама, лично, присутствовала?

— Вы слишкомъ милостивы ко мнѣ, княгиня.

— Это фраза; а мои слова прямо изъ сердца, вѣрьте, Сергѣй Львовичъ, прямо изъ сердца. Поздравляю васъ, и отъ всей души...

Графъ Сергѣй Львовичъ Бронскій, то есть тотъ самый Сережа, съ которымъ разстались мы, столько лѣтъ назадъ, въ церкви Владимірской Богоматери, вторично прижалъ сморщенную руку сморщенной княгини къ губамъ своимъ, и тутъ же осажденъ былъ, со всѣхъ сторонъ, другими лицами и другими поздравленіями, краснѣлъ безпрестанно, кланялся, благодарилъ и былъ очень счастливъ, когда, незамѣтно подвигаясь впередъ, достигъ наконецъ лѣстницы.

Остановясь на первой ея площадкѣ, Бронскій пропустилъ мимо себя быстро катившійся потокъ сходившихъ зрителей и, высмотрѣвъ въ числѣ ихъ того, кого искалъ и дожидался, присоединился къ нему молча и, ужь вмѣстѣ съ нимъ, сошелъ остальныя ступени. На дворѣ университета ожидало молодаго графа его щегольское купе.

— Куда прикажете? спросилъ широкоплечій кучеръ.

— Куда бы ѣхать, Николай Николаевичъ? спросилъ, въ свою очередь, Бронскій у той особы, съ которою соединился на лѣстницѣ.

— Домой, полагаю, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, ступай домой, сказалъ кучеру молодой человѣкъ, садясь въ купе, рядомъ съ своимъ товарищемъ.

Кони съ мѣста приняли крупною рысью, а сидѣвшіе

въ купе крѣпко обнялись и дружески расцѣловались; глаза обоихъ были влажны.

— Довольны ли вы мной, мой драгоцѣнный, мой добрѣйшій другъ? воскликнулъ наконецъ магистръ, держа спутника своего за обѣ руки: признаюсь вамъ чистосердечно, я никогда не ожидалъ такого успѣха. Вѣрите ли, Николай Николаевичъ, голова моя и до сей минуты идетъ кругомъ.

— Вѣрю, но недоволенъ, отвѣчалъ Николай Николаевичъ Ламинскій, племянникъ покойнаго Андрея Романовича.

— Браво! Вотъ сюрпризъ! вы недовольны, вы?

— Недоволенъ до крайности.

— Я этого не ожидалъ.

— Вы поступили дурно, вы поступили очень дурно, не дождавшись съ диссертаціею и успѣхомъ ни отца вашего, ни Анны Александровны: сколько радости отняли вы у нихъ!

— Уфъ, отдыхаю! А мнѣ показалось, что причина неудовольствія вашего... впрочемъ, я и придумать не могъ. Не дождался я отца и Анны потому, мой другъ, что срокъ пріѣзда ихъ, вопервыхъ, не опредѣленъ еще; потомъ...

— Отговорка, и простите меня, Сергѣй Львовичъ, отговорка пустая: вы очень хорошо знали, что они выѣхали изъ Ниццы, въ Марсель, около 20 прошедшаго мѣсяца, пробыли въ Парижѣ не болѣе недѣли, и оттуда, не теряя ни одного дня, ни одного часа, намѣрены были ѣхать прямо въ свое помѣстье.

— Все такъ, мой добрый другъ, вы совершенно правы; но кто же сказалъ вамъ, что отецъ не засмотрится въ деревнѣ на свою кедровую рощу, покрытую снѣгомъ, которой не видалъ три года? кто поручится, что

Анна не сдѣлаетъ визитовъ всѣмъ своимъ козамъ, разбросаннымъ по всѣмъ хуторамъ, не займется туалетомъ любимыхъ дѣвушекъ крестьянокъ и не преобразитъ ихъ въ швейцарокъ?...

— За Анну Александровну поручусь я.

— Три года назадъ, согласенъ.

— И тогда, и теперь, графъ; три года могли только усовершенствовать невѣсту вашу.

— Невѣсту, невѣсту мою... преинтересное названіе! при этомъ словѣ сердце мое такъ и прыгаетъ отъ радости!... А все таки, другъ мой, три года... сколько мѣсяцевъ, дней, часовъ и минутъ...

— Знаю, что много, перебилъ Николай Николаевичъ; что жь изъ этого?

— То, что въ одну изъ этихъ минутъ могъ кто нибудь, не въ Италіи, такъ въ Англіи, а не въ Англіи, такъ во Франціи, доказать невѣстѣ моей, что есть люди, болѣе интересные и болѣе достойные, чѣмъ нареченный женихъ ея.

— Вы кокетничаете, Сергѣй Львовичъ!

— Клянусь вамъ, нѣтъ.

— А не кокетничаете, такъ дѣлаете во сто разъ хуже: оскорбляете дѣвушку подобными предположеніями.

— Да сохранитъ меня Богъ отъ подобнаго преступленія!...

— Стало, вы не допускаете возможности, чтобъ семнадцатилѣтняя дѣвушка обратила вниманіе свое на достойнаго человѣка?

— Какъ не допускаю, напротивъ, одобряю выборъ Анны Александровны.

— То есть, меня? спросилъ Бронскій, смѣясь.

— То есть, васъ, отвѣчалъ серьезно Николай Николаевичъ.

— Но вы пристрастны ко мнѣ; вы, по неслыханной добротѣ своей, смотрите на недостатки мои глазами излишняго снисхожденія. Скажите, случалось ли вамъ коснуться не ласково комара, который, преспокойно расположась на носу вашемъ, кусаетъ васъ до крови?

— Комаровъ я бью, а видѣть дурное въ прекрасномъ не умѣю; потому, можетъ быть, и не защитилъ бы ни одной диссертаціи, а слѣдовательно глупъ...

— Первая злая насмѣшка, и надо мною! Благодарю, Николай Николаичъ; начало прекрасно.

— Первое свѣтское разсужденіе, первая порочная мысль! Я вовсе не благодарю васъ, Сергѣй Львовичъ, отвѣчалъ Ламинскій тѣмъ же тономъ.—Отчего же, растолкуйте мнѣ, кандидату ни разу не случалось подозрѣвать графиню Анну въ непростительной, скажу больше, предосудительной вѣтренности?... не уже ли же со степенью магистра связана та недовѣрчивость, которую Французы называютъ: une noble défiance? не въ Артюры ли Эжена Сю вы ужь мѣтите, графъ?

— Ну, ну, не сердитесь! Я виноватъ, и провинился потому что люблю Анну. Вы никогда не испытали этого чувства; стало быть, и ревность незнакома вамъ.

— Любовь и уваженіе неразлучны, говорятъ, а ревность требуетъ пищи; при второмъ чувствѣ пришлось бы ей умереть съ голоду....

— Вы олицетворенная чистота, мой добрѣйшій Николай Николаичъ! Зачѣмъ не напишете вы диссертаціи о способѣ, которымъ достигаютъ люди степени вашего совершенства?

— Напишу, пожалуй, пробывъ съ отцемъ вашимъ и Анною еще съ годокъ времени.

— А меня въ сторону?

— Начинаете портиться: васъ въ сторону, и подальше, какъ можно.

— Нѣтъ, нѣтъ, душа моя, винюсь вторично и обязываюсь честнымъ, благороднымъ словомъ не заражаться романами! воскликнулъ молодой человѣкъ, смѣясь и съ жаромъ обнимая спутника своего, который, какъ ни былъ серьезенъ, не могъ не улыбнуться.

Купе остановилось на Малой Дмитровкѣ, у подъѣзда небольшаго, но красиваго двухъэтажнаго дома; пріѣхавшихъ встрѣтилъ, въ чистой прихожей, благопристойной наружности слуга, одѣтый во фракъ. Весь домъ этотъ занималъ графъ Сергѣй Бронскій, съ другомъ своимъ Николаемъ Николаевичемъ Ламинскимъ, къ которому питалъ столько же уваженія, столько же довѣренности, сколько любилъ его и цѣнилъ. Въ Ламинскомъ, загнанномъ и всѣми забытомъ при жизни старика дяди, нашелъ графъ Левъ Бронскій тѣ нравственныя сокровища, которыми обогатилъ онъ, впослѣдствіи, единственнаго своего сына. Сдѣлавшись, случайно, душеприкащикомъ Андрея Романовича, графъ хранилъ свято порученныя ему пятьсотъ тысячъ рублей ассигнаціями, назначенныя племяннику. Но, въ одно утро, подано было Суркинымъ ко взысканію то заемное обязательство, о которомъ говорили мы въ предшествующихъ главахъ нашего разсказа. Удивленный до крайности Бронскій, подозрѣвая подлогъ, готовъ былъ начать тяжбу и защищать наслѣдника всѣми зависящими отъ него способами, но Николай Николаевичъ въ первый разъ измѣнилъ себѣ, и съ энергіею, свойственною, впрочемъ, однимъ истинно благороднымъ и безкорыстнымъ душамъ, отказался отъ процесса, предложивъ въ уплату все свое наслѣдство. Безъ ропота и сожалѣнія уплатилъ онъ четыреста двадцать тысячъ Суркину; процентами же съ

остальныхъ восьмидесяти ограничилъ собственное существованіе.

Склонясь на убѣдительную просьбу графа Льва, переселился Николай Николаевичъ къ нему въ домъ, страстно полюбилъ дѣтей графа, занимался равно обоими, и сдѣлался для всей семьи человѣкомъ необходимымъ. Дружба умнаго и благороднаго Бронскаго пробудила усыпленную несчастіями душу Николая Николаевича. Увѣренный, что никто не обратитъ въ насмѣшку ни неловкости его, ни застѣнчивости, не свойственной зрѣлому возрасту, Ламинскій сдѣлался разговорчивѣе. Не краснѣя обращался онъ къ графу съ такими вопросами, которые разрѣшила бы Анна, пристрастился къ книгамъ серьезнымъ, учился читая, и когда, приготовленный дома къ кандидатскому экзамену, Сергѣй Бронскій отправленъ былъ отцемъ въ Москву, Николай Николаевичъ вызвался сопутствовать молодому человѣку и не разлучаться съ нимъ до возвращенія графа Льва и Анны изъ за границы.

Три года посвятилъ кандидатъ на приготовленіе свое къ степени магистра; три года, проживая въ столицѣ, не посѣщалъ онъ ни баловъ, ни гостиныхъ и еще менѣе будуаровъ. Наружность его, блестящее имя и уединенная жизнь такъ мало согласовались другъ съ другомъ, что многіе въ Москвѣ приписали это обстоятельство разсчетливости и даже скупости отца, не дававшаго Сергѣю Львовичу достаточно денегъ для приличнаго содержанія въ столицѣ. Знавшіе лично графа Льва улыбались, слушая нелѣпыя сплетни, и придумывали другія причины, болѣе подходившія къ истинѣ. Настоящею же причиною, заставившею отца не спѣшить появленіемъ сына на общественной сценѣ, былъ собственный опытъ. Левъ Бронскій страшился ранняго

разочарованія — той неизбѣжной тоски, которая развивается обыкновенно въ молодыхъ людяхъ нашего вѣка, одаренныхъ всѣми способами слишкомъ легкаго достиженія цѣлей, хотя и позволительныхъ, но пагубныхъ по своимъ послѣдствіямъ.

Задолго до разлуки съ другомъ и товарищемъ своего дѣтства, то есть съ Сережею, Анна начала пресерьезно грустить, плакать украдкою, и плакать неутѣшно, когда день разлуки приближался. День этотъ былъ, конечно, первымъ несчастнымъ днемъ прелестной дѣвушки, и жизнь ея въ той деревнѣ, гдѣ провела она столько счастливыхъ лѣтъ, сдѣлалась для Анны невыносимою. Долгое путешествіе по новымъ странамъ казалось графу Льву единственнымъ средствомъ разсѣять грусть ея, и онъ повезъ ее за границу. Въ три года посѣтили они почти всѣ европейскія государства и проводили зимы въ столицахъ. Лучшіе учители посѣщали Анну, усовершенствовали ея врожденные таланты, и въ семнадцать лѣтъ она могла ужь, по всей справедливости, быть образцемъ для дѣвицъ лучшаго тона. Сколько счастія приготовлялъ въ ней графъ Левъ своему сыну! съ какою гордостью смотрѣлъ онъ на твореніе свое! какъ свято чтилъ въ этомъ изящномъ сочетаніи наружныхъ совершенствъ съ внутренними память покойнаго незабвеннаго своего брата и единственнаго друга! «Какъ бы счастливъ былъ Александръ!» часто говаривалъ онъ, глубоко вздыхая....

Ошибались добрые Москвичи, обвинявшіе отца юнаго магистра въ разсчетливости и скупости. Стоило бы заглянуть имъ въ квартиру молодаго человѣка, чтобъ убѣдиться въ противномъ. Начиная отъ входа, до задней лѣстницы, все въ небольшомъ домѣ, занимаемомъ Сергѣемъ Бронскимъ, отличалось тѣмъ величавымъ кои-

фортомъ, который составляетъ исключительное свойство однихъ истинно порядочныхъ людей. Во всемъ убранствѣ комнатъ, какъ въ мебели, такъ и въ прочихъ предметахъ, замѣтна была не сценическая эффектность, а вкусъ и многоцѣнная простота; ни въ одной вещи не было лицевой стороны, потому что всѣ стороны были лицевыми. Шелковая ткань драпировокъ не поражала взоровъ граціозностью складокъ, сдѣланныхъ мастеромъ разъ навсегда; мраморъ, какой былъ въ комнатахъ, не родился подъ рукою русскаго мужичка, натирающаго обыкновенно благородный камень этотъ въ большей части нашихъ гостиныхъ; бронза, украшавшая комнату Сергѣя Львовича, не имѣла свойства чернѣть отъ пальцевъ слугъ, а блестящее плаке искуснаго господина Эмме и не заглядывало ни въ одинъ домъ, служившій жилищемъ Бронскихъ вообще.

Почетную должность домоправителя исправлялъ у молодаго человѣка старый знакомецъ нашъ Вильгельмъ Кроатце, замѣнившій егерскій костюмъ свой черньмъ фракомъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы. Привязанность добраго и вѣрнаго Швейцарца къ кудрявому Сережѣ не могла возрасти отъ времени, потому что привязанность эта достигла давно ужь высшей степени своего развитія, но въ настоящее время присоединилась къ ней безусловная покорность; остальная же домашняя прислуга находилась въ совершенной зависимости отъ Вильгельма.

Принявъ искреннее поздравленіе какъ отъ Кроатце, такъ и отъ всей прочей прислуги, Сергѣй Львовичъ снова обнялъ Ламинскаго и, совершенно довольный, бросился на софу. До поданнаго завтрака онъ не коснулся, хотя не ѣлъ еще въ это утро — но въ большой радости не ѣдятъ обыкновенно молодые люди. Обѣдъ имѣлъ ту

же участь; зато предвечерній сонъ (молодой человѣкъ въ первый разъ позволилъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ всегдашней привычки, ложась до полуночи, вставать въ шесть часовъ и не спать послѣ обѣда) щедро вознаградилъ его за всѣ прошлыя душевныя тревоги, за длинный рядъ мучительныхъ ночей, предшествовавшихъ послѣднему ученому испытанію.

Сонъ молодости имѣетъ предъ сномъ зрѣлаго возраста большое преимущество. Въ сладкомъ снѣ представляются юношѣ всѣ предметы въ чистой ихъ отдѣлкѣ; лица женщинъ всегда улыбаются имъ. Двадцатилѣтніе молодые люди не видятъ во снѣ повторенія домашнихъ сценъ и женскихъ капризовъ; по понятіямъ юношей неопытныхъ, подобныхъ магистру нашему, прекрасная женщина всегда прекрасна, глаза ея всегда нѣжны, всегда томны, голосъ сладкозвученъ въ самыхъ простыхъ рѣчахъ; гибкій станъ красавицъ постоянно обвернутъ въ роскошныя ткани; движенія ихъ полны нѣги... Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялся прекрасный полъ юному графу Бронскому; такъ, по крайней мѣрѣ, рисовался ему этотъ полъ въ предвечернемъ снѣ памятнаго для него дня—дня торжества и славы.

Молодой человѣкъ проспалъ бы до слѣдующаго утра, если бъ чей-то крикливый голосъ не послышался ему явственно, слишкомъ явственно. Кричалъ на ухо Бронскому нѣкто Константинъ Благинъ, родственникъ той старой княгини, которая, съ такимъ геройствомъ, пробилась сквозь толпу, окружавшую магистра въ залѣ университета. Благинъ началъ ѣздить въ свѣтъ только что не въ пеленкахъ. Онъ, то есть Константинъ, или Костя, въ двадцать лѣтъ ужь былъ и блѣденъ, и слабъ, и съ желтизною въ лицѣ, и съ синеватымъ отливомъ подъ глазами, и съ потухшимъ взоромъ, и съ испорчен-

ными зубами, и съ одышкою, и съ постоянно бѣлымъ языкомъ. На столахъ у Кости валялось ужь преизрядное количество рецептовъ, коробочекъ съ пилюлями, порошками и прочими принадлежностями тѣхъ лицъ, которыя слишкомъ рано знакомятся съ искусительнымъ міромъ. До восьмнадцати лѣтъ Благинъ увѣрялъ всѣхъ, что приготовляется къ университету; до девятнадцати—учился фехтовать и ѣздилъ у Фрейтага въ лосинныхъ панталонахъ, будто бы готовясь въ кавалергарды; въ двадцать—толковалъ, очень рѣшительно, о пользѣ, приносимой тѣми владѣльцами, которые занимаются улучшеніемъ сельскаго хозяйства; двадцати одного года задумалъ о супружествѣ и записался кандидатомъ въ члены Англійскаго Клуба. На скачкахъ ѣзжалъ Костя вмѣсто кучера и загонялъ безъ вознагражденія чахлую тройку свою на смерть; во всѣхъ домахъ считалъ себя домашнимъ человѣкомъ; нѣкоторыхъ старыхъ обжоръ называлъ полуименемъ и мѣстоименіемъ *ты;* карточные долги платилъ рѣдко; носилъ волосы безобразно длинные и одѣвался по модѣ, то есть мѣшкомъ. Не смотря на все это, Костя былъ принятъ всюду, куда бы ни вздумалось ему ѣхать. Въ этотъ день Благинъ заѣхалъ къ Бронскому безъ всякой цѣли; онъ даже не зналъ что въ этотъ день происходило въ университетѣ; ему, впрочемъ, было не до того: онъ, три дня назадъ, проигрался въ пухъ и, для избѣжанія собственной квартиры, съ помощью чужихъ экипажей рыскалъ по друзьямъ. Каждыя трое сутокъ одинъ разъ мѣнялъ Костя бѣлье свое, то есть то бѣлье, которое носилъ, а носилъ онъ иногда чужое и вымѣнивалъ на него все таки чужое. Эта безцеремонность вмѣнялась Костѣ въ оригинальность: онъ такъ мило жилъ на чужой счетъ и такъ наивно сознавал-

ся въ этомъ, что общество не считало себя болѣе въ правѣ осуждать его.

Разбудивъ Бронскаго, гость принялся обшаривать всѣ столы и, отыскавъ папироску, усѣлся въ кресла и началъ курить.

— Откуда ты? спросилъ графъ, протирая глаза: мы цѣлый вѣкъ не видались.

— Помилуй, душа моя, почемъ же я знаю, что со мною дѣлается? И не попади я на Малую Дмитровку, не видались бы еще вѣкъ, отвѣчалъ Костя потягиваясь. Представь себѣ, что тетка Дарья Борисовна повадилась таскать меня по дешевымъ товарамъ. «Князь Гаврила уѣхалъ въ Петербургъ, кавалера, говоритъ, нѣтъ: не ловко ей, восьмидесятилѣтней, безъ кавалера!» — «Помилуйте, тетушка, говорю, вамъ бы гайдука въ сажень съ тремя вершками: тотъ и поддержитъ васъ и вынесетъ.» — «Нѣтъ, какъ можно! кавалеръ нуженъ — тоска!» Я съ дуру и поѣхалъ разъ; что же ты думаешь? вползетъ еле-дыша въ магазинъ, запыхается, подавай ей стулъ, кричитъ: «умру!» Этого мало: начнетъ швырять матеріи, наберетъ дряни — совѣстно въ руки взять, и тащи все за ней до кареты. Пытка сущая! А ты, по прежнему, на лекціяхъ, за указкой?

— Нѣтъ, кончилъ.

— Какъ кончилъ? надоѣло, значитъ?

— Напротивъ, я магистръ, отвѣчалъ улыбаясь Бронскій.

— Шутишь?

— Ей ей, не шучу.

— Давно ли?

— Съ сегодняшняго утра.

— Браво! ну, поздравляю; а я вѣдь и не зналъ.

— Стоитъ ли?

— Однако все таки пріѣхалъ бы въ университетъ. Рано кончилось?

— Часа въ два.

— Ну, нельзя было бы: въ этотъ часъ съѣхались мы къ Борису: вѣсить Руслана его. Князь Григорій держалъ пари за Карскаго Асмодея, увѣрялъ, что легче тотъ.

— Чѣмъ же кончилось?

— Роспили ящикъ шампанскаго, а заплатилъ Борисъ; и ништо ему: вѣчно споритъ. Завтра бѣгъ; просилъ меня проѣхать вмѣсто цыгана его: тотъ занемогъ и ѣхать не можетъ. И скучно и холодно, руки зябнутъ, а отказать не ловко — добрый малый. Кстати, что твой философъ?

— Кто? Николай Николаичъ?

— Кому же быть больше?

— Здоровъ, благодарю.

— А куда скученъ, assommant!

— Прекрасный человѣкъ, замѣтилъ Бронскій горячо.

— Положимъ; но что толку? Какой-то умный человѣкъ сказалъ, впрочемъ, про книгу: une fois ennuyeux, que me fait le reste? То же скажу и я про твоего Николая Николаича. Онъ честный человѣкъ, благороденъ, непороченъ — ну и показывай его за извѣстную плату; найдутся, пожалуй, охотники, поѣдутъ смотрѣть! пусть бы увѣнчали чело его розовою гирляндою.... Но встрѣчаться съ нимъ, хотя и безплатно, когда не по сердцу онъ, пренепріятно — ты ужь извини меня, крайне непріятно.

— Какъ, однакожь, различны вкусы, Константинъ! На общество того же человѣка не промѣняю я ни князя

твоего Григорья, ни Бориса, ни Карскаго, и никого формально.

— Ну ты, братецъ, магистръ.

— Только съ сегоднишняго утра, замѣтилъ Бронскій: а съ Ламинскимъ живу почти десять лѣтъ.

— Здоровъ же ты, признаюсь!

— А тебѣ бы надо полечиться.

— И, ну его, твоего Ламинскаго! поговоримъ о чемъ нибудь другомъ; да, кстати, что ты дѣлаешь вечеромъ сегодня?

— Не знаю, право.

— Какъ не знаешь?

— Право не знаю. Поѣду, можетъ быть, къ твоей теткѣ.

— Къ Дарьѣ Борисовнѣ-то?

— Да.

— Охота тебѣ!

— Я никого не знаю.

— Трудная вещь познакомиться, очень трудная! сказалъ насмѣшливо Благинъ.

— Для тебя нѣтъ, для меня очень трудна эта вещь.

— Полно, пожалуйста, интересничать, корчить неприступнаго!

— Я? корчу?...

— Разумѣется. Ну, какъ бы на твоемъ мѣстѣ не заткнуть было за поясъ всѣхъ такъ называемыхъ львовъ московскихъ! Терпѣть ихъ, братецъ, не могу; умничаютъ, зазнаются, а изъ чего? желалъ бы спросить. Примѣрно сказать: долговязый Тубышевъ, и старъ онъ, и приторенъ — брянчитъ на фортепьяно, поетъ романсы; а знали бы наши красавицы, какого труда стоитъ бѣдному Генсену вбивать въ него эти романсы! Я однажды попалъ къ Тубышеву: Боже ты мой! въ семь ча-

совъ утра какъ начались симфоніи, какъ заигралъ онъ— мочи нѣтъ! Кричу ему: взмилуйся, дай хоть убраться не оглохнувъ! А этотъ румяный.... какъ его? ну, тотъ, что волочится за тою... какъ бишь? память отшибло; да прахъ ихъ возьми совсѣмъ... Ѣдемъ, братецъ, въ маскарадъ!

— Сегодня?

— Конечно, сегодня вторникъ; въ Благородномъ Собраніи маскарадъ. Тоска тамъ, правда; все же наткнешься, можетъ быть, на умную маску, хоть поболтаешь съ нею; а изъ Собранія къ тебѣ можно?

— Сдѣлай одолженіе, отвѣчалъ Бронскій: ужинъ будетъ ожидать насъ.

— Ну, и прекрасно; ѣдемъ, сдѣлай милость.

— Я бы охотно... но...

— Что же? какія препятствія? не латинь ли опять?

— О, нѣтъ, слава Богу! латини нуженъ отдыхъ, но....

— Тьфу ты пропасть! объяснись же по крайней мѣрѣ.

— Вотъ, видишь ли, Константинъ, я чувствую, что въ маскарадѣ моя особа будетъ играть пренеловкую роль.

— Это почему?

— Вопервыхъ, я никого не знаю.

— Тѣмъ лучше, братецъ, и тоска-то вся въ томъ, что мнѣ, напримѣръ, всѣ слишкомъ знакомы. Ну, посуди самъ, интересно ли слышать: «Благинъ, или мсье Благинъ, какая у тебя неблагообразная физіономія! вы, вѣрно, dans les vignes du Seigneur», или: «Благинъ, je te connais! tu es gris et insolent!» и тому подобное. А самое несносное, что очень хорошо знаешь, кто удостоиваетъ тебя подобными эпитетами. Ты же, братецъ, дру-

гое дѣло; тебѣ чудо какъ будетъ весело! Ѣдемъ, право, ѣдемъ; вѣдь ѣдемъ?

— Пожалуй.

— Прикажи же дать чаю, а билеты возьмемъ тамъ, у входа. А propos, черный галстухъ возьму у тебя и рубашку чистую.

— Возьми все, что хочешь, и распорядись самъ; мой Жоржъ къ твоимъ услугамъ.

— Спасибо.... люблю, братецъ, тебя за то, что ты живешь порядочнымъ человѣкомъ: и домъ на аристократической ногѣ, и экипажъ — прелесть, и камердинеръ Французъ—все чудесно! Философа бы только отправить куда нибудь подальше...

— Не по сердцу тебѣ Ламинскій? замѣтилъ графъ Сергѣй смѣясь.

— Не люблю его, что же дѣлать! смерть не люблю.

— Напрасно, повѣрь, напрасно.

— Превозмочь не могу отвращенія; сколько разъ принуждалъ себя быть съ нимъ любезнымъ; подойдешь, бывало... нѣтъ, слова замираютъ на языкѣ, ничего не придумаешь сказать! Однако, Бронскій, я надѣюсь, что его ты не потащишь съ нами въ Собраніе?

— Какая мысль! Онъ и самъ не поѣдетъ.

— Слава Богу!

— Онъ не любитъ шумныхъ сборищъ.

— И прекрасно дѣлаетъ. Гдѣ жь онъ въ эту минуту?

— Я полагаю, вышелъ куда нибудь.

— То есть со двора?

— Да, я думаю.

— Какъ хорошо!

— Желаешь узнать достовѣрно?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не безпокойся! Чего добраго, подумаетъ, что его зовутъ, явится, пожалуй; а я,

братецъ, слуга покорный, минуты съ нимъ не останусь, не прогнѣвайся!

Молодые люди напились чаю, проговорили до одиннадцати часовъ ночи, а ровно въ полночь вошли въ залу Московскаго Благороднаго Собранія.

ГЛАВА XVI.

Московскіе маскарады, по недостатку кавалеровъ, скучнѣе маскарадовъ въ другихъ столицахъ. Тѣ изъ мужчинъ, которымъ присвоено пышное названіе львовъ, до того присмотрѣлись и прислушались, что интриговать ихъ сдѣлалось не только трудно, но и невозможно. Понятно, какой эффектъ произвело на дамъ появленіе Бронскаго. Едва показался онъ въ дверяхъ, какъ десятокъ женскихъ домино вырвалось изъ когтей львовъ и бросилось къ интересному дебютанту.

— Bronsky, cher comte, comte Serge! раздалось со всѣхъ сторонъ. — Veux tu accepter mon bras? воскликнула одна громче другихъ, насильно отдавая руку свою смутившемуся магистру. Безотчетно принялъ онъ эту руку, и первый таинственный разговоръ начался, какъ начинается большая часть подобныхъ разговоровъ.

— Enfin te voilà, bel ermite! сказала маска, крѣпко сжимая руку Бронскаго и вперивъ въ него два черные глаза.

Бронскій покраснѣлъ до ушей; магистру нова была маскарадная короткость въ обхожденіи...

— Tu rougis? перебила маска.

— Hélas, oui, je me sens dépaysé! пролепеталъ молодой человѣкъ.

— Charmant!

— Par pitié, pas de sarcasmes, madame!

— Pas de «madame», jeune débutant; on dit simplement: masque.

— Je vous dirai donc, masque.

— On dit: tu!

— Trois fautes dans trois mots! замѣтилъ Бронскій, смѣясь.

— Tu fais une quatrième et la plus énorme en les relevant, отвѣчала маска.

— Merci, mon maitre!

— Maitresse m'irait mieux — je suis une femme.

Смущеніе магистра дошло до крайности; онъ не нашелся что отвѣчать; маска расхохоталась.

— Ecoute, comte, tu m'as forcé de te dire des folies; en allant de ce train tu m'en feras faire.

— J'y suis tout disposé...

— Vraiment, mon beau novice?

— Vraiment, cher masque.

— A-bas «le cher».

— Gentil masque.

— Plutôt.

— Et cela le plutôt possible, поспѣшилъ прибавить Бронскій, начинавшій ужь привыкать къ вольности маскарадной болтовни.

Первый разговоръ магистра продолжался съ первою маскою еще съ полчаса. Бронскій до утра переходилъ изъ рукъ въ руки, любезничалъ со всѣмъ прекраснымъ поломъ очень мило, заслужилъ прозванія: délicieux, incomparable и проч., а въ три часа, утомленный до нельзя, направилъ шаги свои къ выходу изъ залы. Въ ротондѣ встрѣтилъ его такой женскій взглядъ, что молодой человѣкъ невольно остановился. Взглядъ этотъ на-

правленъ былъ на него изъ подъ чернаго атласнаго капишона, обшитаго широкими кружевами. Ручка, державшая лорнетъ, была такъ мала, что не замѣтить ручки этой, не замѣтить и ножки, и граціозной позы, и пышности костюма, было рѣшительно невозможно. Маска сидѣла одна, совершенно одна.

Замѣть ее Бронскій въ началѣ вечера, онъ прибавилъ бы шагу и поспѣшилъ бы скрыться; но въ три часа утра дѣло было иное: новичекъ сдѣлалъ гигантскіе успѣхи; онъ не краснѣлъ болѣе отъ нѣжныхъ натисковъ маленькихъ ручекъ — онъ сдѣлался и смѣлѣе и опытнѣе.

Направивъ шаги прямо въ ту сторону, гдѣ сидѣла привлекательная маска, Бронскій подошелъ къ ней и попросилъ позволенія сѣсть рядомъ.

Маска указала пальчикомъ на кресла.

Она молчала, но не сводила большихъ голубыхъ глазъ своихъ съ Бронскаго, который, замѣтивъ это, начиналъ терять недавно пробудившуюся въ немъ увѣренность. Убѣдясь, что маска не расположена вступить въ разговоръ, молодой человѣкъ рѣшился наконецъ заговорить.

— Мнѣ показалось, что во взглядѣ твоемъ, маска, видно было желаніе сказать мнѣ что нибудь.

— Въ моемъ взглядѣ, графъ? спросила она серьезно.

— Слѣдовательно, я ошибся?

— Сказать вамъ что нибудь я не желала, Сергѣй Львовичъ.

— Вы знаете мое имя? воскликнулъ Бронскій съ удивленіемъ.

— Я знаю больше, чѣмъ имя ваше, равнодушно отвѣчала маска.

— Но, не смотря на продолжительное пребываніе въ Москвѣ, я почти никогда не посѣщалъ общества.

— Знаю и это: вы предпочли серьезныя занятія удовольствіямъ праздной толпы свѣтскихъ людей.

— Такой разговоръ въ маскарадѣ? замѣтилъ Бронскій, улыбаясь.

— Выходитъ изъ программы маскарадныхъ постановленій, перебила маска: а вамъ это не нравится, магистръ?

— Вы знаете и это?

— Я рукоплескала вамъ сегодня утромъ въ залѣ университета.

— Вы были тамъ?

— Да, графъ, въ числѣ прочихъ; и какъ отдѣлялись вы тогда отъ этой живой массы обыкновенныхъ людей! Какъ жалки казались мнѣ утромъ эти люди!

— А вечеромъ, то есть въ эту минуту?

— Мнѣ грустно за васъ, Бронскій, мнѣ жаль утренняго впечатлѣнія, мнѣ жаль себя!...

— Объяснитесь, ради Бога! Въ словахъ, въ голосѣ вашемъ такъ много поэзіи...

— Берегитесь, графъ: вы начинаете говорить любезности. Слова «ради Бога» и «поэзія» отзываются тѣми фразами, которыхъ, конечно, не произносили вы никогда до сегоднишняго бала... я разумѣю, въ разговорѣ съ женщинами и въ особенности съ тѣми женщинами, о которыхъ даже не имѣете никакого понятія.

— А инстинктъ, маска, а инстинктъ сердца?...

— Свойство животныхъ, ихъ преимущество предъ растеніями.

— Положимъ; но есть другіе проводники къ правильной оцѣнкѣ замаскированныхъ лицъ: есть глаза у масокъ, есть голосъ, есть...

— И у очень дурныхъ собою...

— Но ручаюсь, что вы...

— Напрасно ручаться, графъ; я не дурна, и это знаю.

— Вы видите...

— Себя? каждый день, и съ удовольствіемъ, перебила маска также серьезно. — Но перейдемъ къ предмету, болѣе меня интересующему — къ вамъ.

— Я предпочелъ бы васъ.

— Опять любезность!

— Нѣтъ, правда, сущая правда, клянусь вамъ! я не лгу.

— Знаю.

— Но отъ кого, какимъ способомъ?

— Очень просто; я изучила все, что касается до васъ. Прекрасный Сережа въ тринадцать лѣтъ выходилъ ужь изъ круга всѣхъ сверстниковъ; въ тринадцать лѣтъ онъ обѣщалъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ былъ онъ сегодня утромъ. Любя все прекрасное, все совершенное, не могла ли женщина предпочесть живое созданіе цвѣтку и слѣдить за развитіемъ человѣка необыкновеннаго съ тѣмъ же страстнымъ любопытствомъ, съ какимъ слѣдитъ ботаникъ за рѣдкимъ явленіемъ въ царствѣ растеній?

— Я въ отчаяніи, маска, что не въ правѣ благодарить васъ за всѣ похвалы.

— Благодарить за щедрость одарившей васъ природы, за выпавшія на долю вашу преимущества?... благодарите, но не меня, а все таки природу...

— Но вы первыя оцѣнили эти мнимыя преимущества, вы первыя обратили на нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на меня то вниманіе...

— На васъ собственно? Нѣтъ, графъ, не я была первая, или забыли вы разговоръ вашъ съ первою маскою?

— Вы слышали?

— Все.

— Невозможно!

— Все, до послѣдняго слова; хотите, повторю?

— Да, я прошу, умоляю...

— Извольте.

Маска повторила весь разговоръ молодаго человѣка съ тою маскою, которая у входа въ залу завладѣла рукою Бронскаго, и повторила разговоръ этотъ на такомъ чистомъ, на такомъ изящномъ французскомъ языкѣ, что, слушая ее, магистръ нашъ онѣмѣлъ отъ изумленія.

— Но кто же вы? воскликнулъ онъ наконецъ, всплеснувъ руками: не уже ли подобныя вамъ существа называются вообще свѣтскими женщинами? не уже ли голосъ этотъ я буду слышать во всѣхъ гостиныхъ, не...

— Вѣроятно.

— Нѣтъ, не можетъ быть! Почему же сегодня, въ этой самой залѣ, изъ всѣхъ подходившихъ ко мнѣ масокъ ни одна не говорила, какъ говорите вы, не смотрѣла, какъ смотрите вы?...

— Мой чередъ теперь благодарить васъ за комплиментъ.

— О нѣтъ, нѣтъ! Онѣ и вы не одно и тоже.

— Допустимъ, что во мнѣ найдете вы то же, что нашла я въ васъ; путь женщинъ не одинаковъ съ вашимъ путемъ и ведетъ онъ насъ къ обыкновенной цѣли — къ любви. Положимъ, что инстинктъ, какъ говорите вы, помогъ вамъ отгадать тѣ преимущества, которыми судьба меня, какъ и васъ, щедро наградила; скажу болѣе: я стою васъ... Какой удѣлъ готовитъ Бронскій той женщинѣ, которую почтетъ достойною себя? Вы молчите?

— Я новичекъ въ свѣтѣ, прелестная маска, застѣнчиво проговорилъ молодой человѣкъ: и сознаюсь, что не совсѣмъ понялъ настоящій смыслъ...

— Моего вопроса? перебила дама.

— Да.

— Я постараюсь сдѣлать его яснѣе; слушайте. Въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, я дѣвочкою встрѣчала васъ всюду; мы не говорили никогда, но видѣть васъ издали я считала ужь блаженствомъ. Дѣти любятъ, не понимая, что дѣлаютъ, и я любила еще ребенкомъ. Чувство это росло съ годами; вы уѣхали, я осталась и мечтала только о васъ. Мы встрѣтились снова, здѣсь, въ Москвѣ; первый успѣхъ Сережи (простите это названіе) отозвался въ сердцѣ моемъ такимъ счастіемъ, котораго оно еще не ощущало; успѣхомъ этимъ гордилась женщина, существованія которой вы и не подозрѣвали. Три года прошли съ тѣхъ поръ равно благополучно для меня, потому что, зная, что вы здѣсь, встрѣчая васъ часто и не предвидя разлуки, я блаженствовала. Сегодня утромъ въ первый разъ мнѣ стало грустно. Второй блистательный успѣхъ вашъ привлекъ на себя вниманіе общее, ему рукоплескали всѣ, а я?... я ревновала... мнѣ казалось... но кончимъ, графъ!... Вы подошли ко мнѣ... Привлекъ васъ, говорите вы, мой взглядъ, а меня привлекло на этотъ балъ то чувство, въ которомъ я созналась вамъ. Скажите, хотите вы, чтобъ тутъ, при всѣхъ, я сняла маску?

— Вы поклялись свести меня съ ума!

— Нѣтъ; но мнѣ хотѣлось бы оставить вамъ воспоминаніе.

— Воспоминаніе? повторилъ магистръ только что не съ отчаяніемъ.

— Да, графъ, мы должны разстаться.

— Но почему же?

— Мой мужъ и ваша Анна...

— Вы замужемъ?

— Увы, да, я не свободна! Прощайте; тамъ ждутъ меня.

— Нѣтъ, маска, кто бы вы ни были, мы не простимся...

— Насъ могутъ слышать, Сергѣй Львовичъ, насъ могутъ видѣть...

— Научите же меня, что дѣлать? Я такъ еще неопытенъ, такъ не ловокъ... Но разстаться съ вами въ эту минуту, когда и умъ и всѣ чувства мои направлены на одну васъ...

— Обѣщайте исполнить мою первую просьбу, сказала маска, крѣпко сжимая руку молодаго человѣка.

— Все исполню свято, клянусь честью.

— Вѣрю, графъ, и вотъ о чемъ прошу васъ: во-первыхъ, остаться здѣсь четверть часа и не выходить изъ ротонды; потомъ никогда и никому не повѣрять сегодняшняго разговора нашего, не стараться узнавать, кто я, не преслѣдовать меня и не требовать ничего... и никогда! прибавила маска, еще крѣпче сжимая трепещущую руку Бронскаго.

— Въ замѣнъ этихъ жертвъ? спросилъ магистръ.

— Мы будемъ видѣться.

— Гдѣ?

— Вездѣ. Прощай, прощай, Serge!

Послѣднее слово произнесла маска съ такимъ выраженіемъ въ голосѣ, что будь магистръ постарѣе, потолще и будь онъ одаренъ сангвиническимъ темпераментомъ, съ нимъ непремѣнно сдѣлался бы апоплексическій ударъ.

Маска граціозно вышла изъ ротонды въ дверь, ведущую къ лѣстницѣ, а юный дебютантъ, скрестя руки, склонилъ вскруженную голову свою на грудь и крѣпко задумался. Цѣлыя десять минутъ пробылъ онъ въ томъ сладкомъ безмолвіи, которое обыкновенно предшествуетъ первой маскарадной любви. По прошествіи же срока, вспомнилъ онъ о Костѣ Благинѣ, отыскалъ его въ сто-

ловой, задремавшаго между двумя неблагообразными и прожорливыми масками. Благинъ оканчивалъ вторую бутылку редерера, а спросилъ онъ вторую бутылку, потому что за первую заплатить было нечѣмъ. Съ появленіемъ Бронскаго въ столовой, задумчивое лице Кости совершенно прояснилось; онъ довольно невѣжливо представилъ ему сначала своихъ двухъ черныхъ собесѣдницъ, потомъ предложилъ ужинъ, назвавъ его предварительно сквернымъ ужиномъ, и только что не приказавъ графу заплатить за все, лѣниво поднялся на ноги и, надѣвъ шляпу нѣсколько криво, побрелъ въ большую залу.

Къ удивленію Ламинскаго, сожитель его въ первый разъ возвратился домой съ появленіемъ утренней зари.

ГЛАВА XVII.

Переходъ Сергѣя Бронскаго отъ совершеннаго уединенія къ шумному свѣту, отъ исключительнаго общества Николая Николаевича къ обществу женскихъ домино, совершился такъ внезапно, такъ быстро, что юная голова его закружилась не на шутку, а воображеніе разыгралось, какъ разыгрывается оно у вкусившаго хашишъ. Отпустивъ Жоржа и уложивъ едва двигавшагося Костю Благина, Бронскій бросился въ постель, сомкнулъ глаза, но заснуть не могъ. Какъ ясно являлась передъ нимъ послѣдняя маска! какъ отчетливо повторяла она по сту разъ тѣ же фразы, которыя слышалъ онъ наяву! Казалось, самый звукъ голоса этой женщины раздавался гдѣ-то въ спальнѣ его, близко, очень близко. Но кто же эта женщина, и точно ли она не мистифировала его, не смѣялась надъ его легковѣріемъ, надъ неопытностью новичка? а если нѣтъ, то зачѣмъ таинственность? зачѣмъ было ей обязывать его честнымъ словомъ не

*

пытаться узнавать ее? Вотъ вопросы, которые дѣлалъ самъ себѣ молодой человѣкъ, глотая съ жадностью стаканъ за стаканомъ холодную воду. Потомъ, хороша ли она и не желаетъ ли съ помощью маски завлечь его слишкомъ далеко, а тамъ... что же тамъ?

Магистръ то терялся въ догадкахъ, то останавливался на одномъ положительномъ заключеніи, то, самъ же опровергая его, переходилъ къ другому, совершенно противоположному. Въ семь часовъ утра услышалъ онъ надъ собою шумъ шаговъ Ламинскаго и тутъ только вспомнилъ, что почтенный другъ его не могъ не узнать о его позднемъ возвращеніи, и, что всего непріятнѣе, въ сообществѣ Кости, крайне не нравившагося Николаю Николаевичу.

Набросивъ на плеча халатъ, магистръ причесалъ наскоро голову, придалъ лицу выраженіе только что проснувшагося человѣка и отправился на антресоли, въ которыхъ добровольно помѣстился Ламинскій.

Въ первый разъ въ жизни долженъ былъ молодой человѣкъ, вопервыхъ, не казаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, то есть неспавшимъ во всю ночь, и вовторыхъ, скрыть отъ друга и наставника какъ встрѣчу, такъ и разговоръ свой съ незнакомою маскою. Тяжка была Сергѣю Львовичу его новая роль, но честное слово дано добровольно, и измѣнить ему онъ не могъ никакъ.

Стыдясь внутренно самого себя, протянулъ Бронскій руку свою удивленному раннимъ его появленіемъ Ламинскому.

— Но когда же имѣли вы время заснуть? спросилъ Николай Николаевичъ.

— Привычка просыпаться въ семь часовъ осталась при мнѣ, какъ видите, отвѣчалъ графъ, улыбаясь.

— Вы чрезвычайно блѣдны, Serge.

— Усталъ немного.

— А были вы?...

— Въ маскарадѣ.

— Одни?

— Нѣтъ, съ Константиномъ Благинымъ; онъ ночуетъ у меня въ низу.

— И веселились?

— Очень, мой другъ.

— Прекрасное начало, графъ!

— Вы смѣетесь?

— Нѣтъ, я радуюсь за васъ.

— Вы недовольны?

— Почему же? для перваго вступленія въ свѣтъ, какого спутника выбрать можно лучше Константина Благина, прекраснаго молодаго человѣка, извѣстнаго всѣмъ и пользующагося добрымъ мнѣніемъ людей порядочныхъ?

— Вы слишкомъ строги къ нему, Николай Николаичъ.

— А вы, Serge, слишкомъ снисходительны. Не осуждая Благина, я признаюсь вамъ, не желалъ бы, чтобъ вы входили съ нимъ въ одно время и въ одно и то же общество.

— У дверей Собранія мы разстались съ Костею.

— И замѣнили вы его?...

— Масками.

— То есть женскими?

— Конечно.

— Ну, это не много лучше.

— Гораздо лучше, Николай Николаевичъ.

— Вѣрю, и хотя самъ давно ужь не пользуюсь удо-

вольствіемъ посѣщать маскарады, однако помню, что въ былые годы...

— Не правда ли, мой другъ, что маскарадъ вещь чудесная? воскликнулъ обрадованный магистръ, прочитавъ въ послѣднихъ словахъ строгаго наставника возможность безпрепятственно видѣться съ таинственною маскою. Какъ дорого бы далъ Бронскій въ эту минуту, чтобъ взять назадъ свое слово и разсказать Ламинскому всѣ подробности встрѣчи своей! какъ бы легко было молодому человѣку смотрѣть Николаю Николаевичу прямо въ глаза! Но жребій былъ брошенъ — и истина скрыта, а слѣдовательно обманутъ честнѣйшій человѣкъ, искреннѣйшій изъ друзей.

Какъ бы для облегченія собственной совѣсти, разсказалъ Бронскій всѣ разговоры свои съ масками, повторилъ всѣ вопросы первыхъ и свои отвѣты, за исключеніемъ, однакожь, послѣдняго разговора.

— И не поразила васъ, Serge, свобода, съ которою обращаются дамы съ молодыми людьми? спросилъ Ламинскій.

— Сначала очень, но потомъ...

— Потомъ вы привыкли? такъ это бываетъ обыкновенно. Впрочемъ, прибавилъ Ламинскій, не рѣдко самыя смѣлыя маски, въ сущности, очень скромны и позволяютъ себѣ эту короткость только съ людьми порядочными, которые до такой степени хорошо воспитаны, что не употребятъ во зло невинной женской шалости. Графъ Левъ Сергѣевичъ разсказывалъ мнѣ какъ-то объ одной маскѣ, съ которою былъ онъ въ перепискѣ цѣлые три года; графъ даже читалъ мнѣ ея письма, и, признаюсь, ничего остроумнѣе, ничего занимательнѣе писемъ этихъ представить себѣ невозможно.

— Но зналъ ли отецъ, кто была эта маска? спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ.

— И не старался узнать?

— Также нѣтъ.

— Но почему же?

— Потому что отецъ вашъ далъ слово ограничить знакомство свое съ нею только одними маскарадами: такъ по крайней мѣрѣ желала этого незнакомка, и графъ выполнилъ капризъ ея.

— О, мой другъ, какъ я уважаю отца!

— И можете, отвѣчалъ Николай Николаевичъ, улыбаясь.

— Въ подобномъ случаѣ и я поступлю, какъ поступилъ онъ.

— Надѣюсь!

— А поступокъ этотъ имѣютъ ли право другіе назвать скрытностью или обманомъ?

— Нѣтъ, не полагаю; не говорить и обманывать не все равно, сказалъ Ламинскій: обязавшись молчать и исполняя обѣщаніе, вы только исполняете долгъ честнаго человѣка.

Новыхъ усилій стоило Сергѣю Бронскому, чтобъ не разцѣловать Ламинскаго за послѣднюю фразу; какой камень сдвинулъ онъ съ его сердца немногими словами!

Вздохнувъ совершенно свободно, молодой человѣкъ сознался другу своему, что не спалъ еще послѣ бала, и возвратился въ свою комнату.

Проспавъ до вечера, Костя Благинъ раскрылъ глаза, спросилъ сигару, потомъ чаю, потомъ освѣдомился о времени, и, узнавъ отъ Жоржа, что давно пробило семь, послалъ просить къ себѣ въ комнату Бронскаго.

— Ну, братъ, выспался я наиславнѣйшимъ образомъ!

сказалъ Костя, зѣвая и протягивая костлявую руку свою хозяину дома.

— Очень радъ; и никто не безпокоилъ тебя? спросилъ тотъ.

— Какое, братецъ, безпокоить! у тебя такіе ковры, что хоть въ каретѣ проѣзжай по нимъ — не услышишь. Одного сообразить не могу, во снѣ ли я видѣлъ или наяву...

— Что это?

— Будто очень долго разговаривалъ со мною... да скажи, пожалуйста, со вчерашняго дня приходилъ сюда тотъ черномазый... банкиръ онъ, что ли?

— Я не знаю никакихъ банкировъ, отвѣчалъ Бронскій: сюда же со вчерашняго дня не являлся никто; въ этомъ по крайней мѣрѣ я ручаюсь.

— Ну, не являлся, стало быть, видѣлъ все это во снѣ; тѣмъ лучше!

— Вѣрно, непріятный человѣкъ банкиръ твой?

— Нельзя сказать положительно, чтобъ былъ онъ непріятенъ, а въ настоящую минуту я не желаю его посѣщенія, потому что долженъ ему.

— И много?

— Кто его знаетъ!

— Не уже ли ты самъ не помнишь?

— Какъ же! есть мнѣ время заниматься такими пустяками! возразилъ презрительно Благинъ: они жиды, берутъ съ насъ проценты, они же пусть и помнятъ и записываютъ... а эта бестія, такой іезуитъ, такой винтъ, куда хочешь войдетъ... Нужны тебѣ деньги?

— Мнѣ? нѣтъ.

— Счастливецъ!

— Расходы мои такъ ограниченны... сказалъ Бронскій равнодушно.

— Были ограниченны, можетъ быть.

— И будутъ.

— Не думаю, замѣтилъ Благинъ, улыбаясь.

— Почему же ты не думаешь?

— Потому что ты магистръ; слѣдовательно, замѣнишь ужь ученость маскарадами и прочимъ тому подобнымъ.

— Не много на все это нужно.

— Пока...

— А что именно?

— Пока не расширится кругъ маскарадныхъ дѣйствій и не перейдетъ за стѣны Благороднаго Собранія.

— Не понимаю.

— О, невинность!

— Ей ей, не понимаю!

— Ты не понимаешь, что знакомство съ маскою можетъ не ограничиваться одними балами по вторникамъ? Ты не понимаешь, что, для большаго удобства, затѣваются разныя разности? сказалъ недовѣрчивымъ тономъ Благинъ: все это не приходило еще въ голову ученому магистру? Повѣрю я, какъ же? таковскаго нашелъ! Нѣтъ, братецъ, теткѣ моей Борисовнѣ пой ты эти пѣсни; она, пожалуй, плѣнясь невинностью твоей, чего добраго, предложитъ тебѣ въ супруги одну изъ тысячи своихъ внучекъ, а мнѣ...

— Ты можешь не вѣрить, Костя; но представляться, какъ ты говоришь, невинностью, по совѣсти, я не умѣю, и какъ ни смѣшно сознаться, что въ мои годы...

— Ты, небось, не волочился еще ни за одною женщиною?

— Нѣтъ!

— Что?

— Нѣтъ, ни за одной и никогда, отвѣчалъ магистръ, улыбаясь и краснѣя.

— Какъ благородный человѣкъ?

— Какъ благородный человѣкъ, повторилъ юноша.

— Ну, исполать тебѣ! воскликнулъ Благинъ, смѣясь и кашляя. Вотъ оригинально, вотъ рѣдкость! Ай да Сережа! смотри, пожалуй, какую штуку удралъ! Да узнай про это Москва, старухи начнутъ дѣлать тебѣ глазки.... Нѣтъ, не могу... не долженъ молчать, ты позволяешь?

— Что такое?

— Ѣхать объявить эту новость кое кому.

— Вѣчные фарсы!

— Клянусь, не фарсы. Помилуй, братецъ, какіе тутъ фарсы? Да понимаешь ли, какую прелесть придаетъ тебѣ эта штука? Да приди только вторникъ, увидишь самъ; и что бы стоило сказать это мнѣ вчера — какая разница!...

— Константинъ! довольно смѣяться.

— Вѣдь ты способенъ думать, что я смѣюсь надъ тобою...

— Признаюсь, и очень способенъ.

— Увѣряю тебя, что говорю серьезно.

— Ты говоришь вздоръ.

— Не вздоръ, братецъ, не вздоръ; а знай я вчера, что ты таковскій, шепнулъ бы только той маскѣ, что, помнишь, первая потащила тебя за руку...

— Что жь было бы?

— Что? А было бы все, что хочешь, отвѣчалъ Благинъ: вопервыхъ, не разсталась бы она съ тобою ни на одну секунду, потомъ начинила бы тебя любезностями, вскружила бы голову и увезла бы съ собою...

— Я бы не поѣхалъ.

— Этого не доставало! Да знаешь ли, кто эта маска? вѣдь не знаешь?

— Я никого не знаю.

— То-то же и есть; а маска эта хоть и не молода, правда, но что касается до ума, до декора — прелесть, чудо, что за женщина!... Однимъ словомъ...

— Постой, не договаривай; я не любопытенъ и знать не хочу, перебилъ Бронскій: маска эта меня не интересуетъ.

— Чудакъ! Ну, а эта, бѣлокурая, причесанная à la La Vallière?

— И та столько же.

— Но та молода, продолжалъ Костя: съ тою, братецъ, въ прошломъ году случилась презабавная вещь. Мужъ у нея, надо тебѣ сказать, въ родѣ Père Goriot, а она кокетка въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ, прошлою зимою...

— Право, не интересно. И зачѣмъ и на что мнѣ знать всѣ московскія сплетни? Ну, что я изъ нихъ сдѣлаю? Скажи мнѣ лучше, какъ ты узнаешь маски?

— Куда трудно, когда сами онѣ дѣлаютъ все, чтобъ ихъ тотчасъ узнавали! Напримѣръ, гдѣ же, кромѣ Москвы, станетъ женщина надѣвать въ продолженіе цѣлой зимы одно и то же домино — мало одно и то же, да еще розовое? Потомъ, браслеты тѣ же, платокъ съ вензелемъ, и голосъ тотъ же, и походка та же, а къ довершенію всего, потрудись только сойдти съ маскою къ подъѣзду, ручаюсь тебѣ, человѣкъ непремѣнно закричитъ: «карету такой-то!» Онѣ, братецъ, не безпокойся, не возьмутъ на себя труда входить въ подобныя бездѣлицы, чтобъ сохранить инкогнито; и зачѣмъ, отъ кого скрывать?

— Не уже ли нѣтъ ни одной маски, которая не дѣлала бы того же, что дѣлаютъ всѣ?

— То есть, какъ тебѣ сказать? есть у насъ и такія, есть [illegible] а что имъ за ра-

дость блуждать молча по заламъ и не смѣть даже выпить стакана шампанскаго?.. Въ первое время, помню, продолжалъ Благинъ: сколько сердечныхъ тревогъ вывозилъ я изъ этихъ маскарадовъ, сколько интереса, сколько надеждъ на чрезвычайный успѣхъ! Однажды, встрѣчаю домино, не высокое, не тонкое, правда, но атласное, черное, порядочное; въ рукахъ у него букетъ камелій; портъ-букѐ съ зеркалами и всякой всячиною; гляжу: подходитъ... Ожидаю пошлости — ничего не бывало, говоритъ: que je suis heureuse de vous rencontrer, de vous dire cela et cela! Плечи бѣлыя, ручка мягкая, подбородокъ немного отвисъ—какое дѣло! Хожу, любезный, съ нею до конца бала; а, разставаясь, проситъ позволенія писать и умоляетъ, чтобъ я не узналъ о ней.

— И съ тобой также?...

— Что ты говоришь? спросилъ Благинъ.

— Я.... я хотѣлъ сказать, отвѣчалъ Бронскій спохватясь: что подобное приключеніе разсказывалъ мнѣ, не помню именно кто, но...

— Погоди; приключеніе мое только что начинается, продолжалъ Костя.—Первое письмо получилъ я на слѣдующее утро; другое — день спустя, и такимъ порядкомъ переписка наша поддерживалась цѣлые два года... Понимаешь ли, цѣлые два года?

— Чѣмъ же кончилось?

— Чѣмъ? а тѣмъ, братецъ, что за любезностями и поэзіею послѣдовала въ письмахъ маски ревность, за ревностью, какъ водится, отчаяніе, за отчаяніемъ слезы, за слезами же свиданіе...

— И?...

— И... предстала передо мною пятидесятилѣтняя барыня! Я сказалъ, или хотѣлъ сказать нѣчто очень дезоближантное, и полно писать! Съ тѣхъ поръ, покор-

ный слуга! далъ себѣ слово, не отвѣчать на маскарадныя письма и держу слово... только кажется и держу, что это.

Глубоко задумался магистръ, выслушавъ повѣсть опытнаго Благина о маскарадныхъ хитростяхъ; а вчерашнее происшествіе имѣло такъ много сходства съ похожденіями Кости, что Бронскій едва не разсмѣялся внутренно надъ самимъ собою и своею ребяческою довѣрчивостью. Въ это время въ комнату вошелъ Ламинскій; поклонясь довольно сухо гостю, онъ молча передалъ графу два письма.

— Отъ кого это, мой другъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Одно изъ Марсели, другое по городской почтѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Изъ Марсели? значитъ, наши тамъ еще?

— Вѣроятно; письму четырнадцать дней; но вотъ узнаемъ.

Сергѣй Львовичъ, спрятавъ довольно не ловко въ карманъ записку, полученную по городской почтѣ, и покраснѣвъ, какъ то слишкомъ часто случалось съ нимъ, принялся распечатывать марсельское письмо. Во время же чтенія слѣдилъ за выраженіемъ лица магистра Николай Николаевичъ съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ слѣдятъ за смотрящимъ въ зрительную трубку.

— Ну, что пишетъ графъ Левъ Сергѣичъ? что Анна Александровна? спрашивалъ онъ безпрестанно.

— Отецъ здоровъ, но Анна...

— Что?

— Анна простудилась на морѣ и лечится.

— Однако не серьезна эта простуда?

— Нѣтъ, кажется, нѣтъ... отвѣчалъ молодой человѣкъ, продолжая чтеніе.—Нѣтъ, успокойтесь и прочти-

те сами; вотъ вамъ письмо, прибавилъ графъ Сергѣй, передавая отцевское посланіе Ламинскому: Анна сама приписываетъ послѣднія строки, сожалѣетъ о Ниццѣ, а о здоровьѣ ни полслова: значитъ не серьезно больна.

Николай Николаевичъ съ жадностью ухватился за письмо Бронскихъ, а магистръ прошелся по комнатѣ въ большомъ волненіи.

— Что жь ты не читаешь другаго посланія? спросилъ у него Благинъ.

— Ахъ, да! вѣдь я и забылъ!

— Не интересуетъ, такъ передай мнѣ.

— Что? это письмо?

— Ну, да.

— Но я не знаю отъ кого оно?

— Хочешь, скажу? И напередъ могъ бы сказать...

— Отъ кого же? спросилъ Бронскій, съ трудомъ удерживая краску, готовую выступить на лице.

— Разумѣется, не отъ пастушки Дарьи Борисовны и не отъ профессоровъ твоихъ, а отъ женщины.

— Полно, Константинъ; я, подобно тебѣ, не водилъ еще тайныхъ переписокъ.

— Начнешь, и очень скоро. Но читай, я не мѣшаю, сказалъ Благинъ, повертываясь лицемъ къ стѣнѣ.

Пользуясь усугубленнымъ вниманіемъ, съ которымъ разбиралъ Николай Николаевичъ письмо графа Льва, магистръ незамѣтно вышелъ изъ комнаты и, запершись на ключъ въ своемъ кабинетѣ, вынулъ изъ кармана тщательно сложенную, тонкую, но не размалеванную бумажку, припечатанную облаткою съ изображеніемъ готической коронки.

Содержаніе таинственной записки было слѣдующее:

Графъ!

«Всѣ заключенія, какія бы вы могли сдѣлать обо

«мнѣ, ошибочны; сомнѣніе въ искренности всего ска-«заннаго мною вчера, было бы для меня столько же оскорбительно, сколько вредна ваша нескромность. Зав-«тра балъ у графа Н.; вы получите приглашеніе и буде-«те — я васъ прошу объ этомъ.»

Подписи нѣтъ, почеркъ не искаженъ, написано по французски, безъ ошибокъ! «Свѣтская женщина!» подумалъ Бронскій, разрывая посланіе. «Но быть на балѣ у графа Н., когда меня ему не представляли — довольно трудно, полагаю».

Посидѣвъ въ кабинетѣ минутъ съ пять, Бронскій прошелся по всѣмъ комнатамъ и, выждавъ, что Ламинскій вышелъ отъ Благина, возвратился къ послѣднему. Костя смекнулъ, что излишніе вопросы о полученной запискѣ были бы не скромны, и завелъ рѣчь о постороннихъ предметахъ.

Въ девять часовъ одинъ изъ слугъ Бронскаго доложилъ ему, что княгиня Дарья Борисовна Чинкурузина прислала просить графа на вечеръ.

— Не уже ли сегодня? спросилъ Благинъ.

— Сегодня и не позже десяти часовъ приказано просить, отвѣчалъ слуга.

— Вотъ тебѣ и сюрпризъ! сказалъ Костя, вздыхая: ты поѣдешь, Сергѣй?

— Надобно.

— Ну, а я-то куда дѣнусь?

— Поѣдемъ со мною.

— Куда? къ теткѣ? ни за что на свѣтѣ! Хорошо тамъ вашей братьи, постороннимъ, а мнѣ, родственнику — да упаси Богъ!

— Полно, Константинъ, ты пожертвуешь сегодня собою и сдѣлаешь этимъ мнѣ пребольшое одолженіе. Я одинъ въ гостиную тетки твоей не войду, предупреж-

даю тебя: тамъ всегда множество народа; и называй меня чѣмъ и какъ хочешь, а первый шагъ въ общество стоитъ мнѣ здоровья, только что не жизни.

— Пригласи лучше философа.

— Онъ не поѣдетъ.

— Право, пригласи. За тетку я ручаюсь, довольна будетъ новому лицу; завтра же разскажетъ цѣлой Москвѣ, что Ламинскій присланъ съ того свѣта для изученія этого... что нибудь въ этомъ родѣ. Незнакомая физіономія, хоть рожа будь — истинный кладъ для тетки; особенныхъ рекомендацій не нужно.

— Все это прекрасно! А ты поѣдешь?

— Не знаю, никакъ не ручаюсь.

— Пожалуйста, прошу тебя.

— Ну, дѣлать нечего; быть по твоему!

Костя спросилъ, скоро ли обѣдать, потомъ спросилъ умыться и, закуривъ новую сигару, приступилъ и къ тому и къ другому занятію поочередно.

ГЛАВА XVIII.

Княгиня Дарья Борисовна Чинкурузина происходила отъ поколѣнія, нѣкогда обитавшаго гдѣ-то въ Абхазіи. Бывъ еще княжною, она отдала руку и сердце свое однофамильцу. Костя Благинъ попалъ въ родство Чинкурузиной потому, что одна изъ племянницъ одного Чинкурузина вышла замужъ за Русскаго и произвела знакомаго намъ молодца.

Супругъ княгини донашивалъ еще костюмъ той страны, къ которой принадлежалъ по крови. О неисчерпаемыхъ фамильныхъ сокровищахъ, столь же сомнительныхъ сколько сомнительно было все прочее вели-

чіе, разсказывали Чинкурузины много сказокъ, одна другой несообразнѣе. Они жили въ Грузинахъ, въ собственныхъ палатахъ. Рядъ высокихъ покоевъ ихъ убранъ былъ полувосточно; много фамильныхъ портретовъ висѣло по всѣмъ комнатамъ, много бухарскихъ ковровъ валялось по поламъ, много пыли лежало на мебели, на люстрахъ съ стекляными сосульками, бывшихъ очень недавно не въ модѣ и снова недавно же попавшихъ въ моду. Людей въ домѣ толкалось множество: они, по видимому, искали чего нибудь поѣсть — такъ былъ сухощавъ этотъ оріентальный народъ!

Дарья Борисовна принимала почти каждый день, а деньгами, вырученными за карты, платила за ламповое масло, стеариновыя свѣчи, плохой чай и печенье. Вечера эти имѣли цѣлью приманить молодежь, а въ томъ числѣ и женихов для двухъ синеволосыхъ дочерей съ абхазскими носами, черными какъ смоль бровями и парою глазъ величиною въ дѣтскій кулакъ. Зубы дѣвицъ играли главную роль въ регистрѣ ихъ прелестей: зубы эти были ровны, бѣлы и не попорчены; выставлялись они часто и не безъ улыбки.

Съ девяти часовъ вечера сидѣла ужь княгиня на длинномъ диванѣ въ гостиной. Передъ нею на столѣ стояло блюдечко, стаканъ воды, аптечная круглая коробочка, жестянка съ бобковымъ нюхательнымъ табакомъ, бронзовый колокольчикъ, черный тафтяный чехолъ для пальца, ножницы и раскрытая золотая табакерка. Ея сіятельство занималась растираніемъ табака въ блюдечкѣ и подсыпала въ него изъ коробочки кардамонный порошекъ. Съ правой стороны, у стола, сидѣла въ креслахъ старшая дочь княгини, княжна Поликсена, дѣвушка лѣтъ двадцати семи, и вышивала гладью рукавчики. Налѣво отъ Поликсены торчалъ засаленный

слуга, Абхазецъ, а еще лѣвѣе слуги, погруженный въ глубокую задумчивость и держась обѣими руками за бедра, стоялъ самъ князь въ національной одеждѣ; рукава костюма его были двойные и разноцвѣтные. Надо полагать, что разговоръ между ними начался ранѣе девяти часовъ, потому что ровно въ девять супруги ужь бранились.

— Не я, а ты виноватъ, сказала въ девять часовъ княгиня Дарья Борисовна князю Давыду Симеоновичу: ты фаля, старая фаля, путемъ дѣйствовать не можешь...

— Ну, ну, ну!... проговорилъ супругъ, переступая съ ноги на ногу.

— Виданная ли вещь, продолжала княгиня: чтобъ женщина таскалась всюду сама, чтобъ женщина семидесяти лѣтъ таскалась всюду сама?

— Ну, ну, ну, ну!...

— Зачѣмъ ты не съѣздилъ? зачѣмъ ты несъѣздилъ?

— Ну, ну, ну, ну!...

— Нечего нукаться, дѣлъ нуканьемъ не устроишь никогда; продали выгоны, продадутъ и степь, и домъ продадутъ.

— Ну, ну, ну, ну!...

— За дочками дашь вздоръ и самимъ перекусить будетъ нечего подъ старость! На что надѣешься?

— Ну, ну, ну, ну!...

— У графа-то на балѣ посмотрѣлъ бы ты на себя.... что хорошаго! Всѣ люди какъ люди, ты одинъ, батенька, наряжаешься по маскарадному. Не замѣтилъ развѣ, какъ графскія дѣтки такъ къ тебѣ, батюшка, и ластятся? да добро бы съ ласкою, нѣтъ, со страхомъ какимъ-то, пальцами указываютъ? Кто же захочетъ взять за себя дѣвицу, у которой отецъ ходитъ въ шальварахъ? кому же любъ такой тесть? Никому!

— Ну, ну, ну, ну!...

— Ну, дѣлалъ бы дѣла хорошо, скопилъ бы денегъ побольше, сказали бы: богатъ, Богъ съ нимъ. Нѣтъ, и денегъ нѣтъ! а только и добра, что подстриженъ липкой, да пестро одѣвается. Чего кобенился, когда были женихи? Кого искалъ? небось, своей братьи? Ну, выдавай за Бухарцевъ!

— Ну, ну, за Бухарцевъ отдамъ!

— Поди, батенька, поди, не серди меня; вѣдь говорить съ тобою, что пальцемъ писать по водѣ—толку не добьешься; поди, поди.

— Ну, ну, ну! отвѣчалъ князь, повертываясь въ сторону: ну, ну, ну! повторилъ онъ, выходя изъ гостиной.

Минуту спустя, повстрѣчался онъ въ бильярдной комнатѣ съ какимъ-то бариномъ, которому поклонился молча и указалъ на сидѣвшую вдали жену. Гость отвѣсилъ поклонъ въ свою очередь и направился на указанный княземъ предметъ.

Вслѣдъ за первымъ вошелъ и другой, и третій, и десятый, и двадцатый гость; въ числѣ ихъ были и дамы и дѣвицы. Послѣднія подсаживались къ княжнѣ Поликсенѣ, пересѣвшей въ уголъ. Наконецъ прибылъ на вечеръ и Костя Благинъ съ графомъ Сергѣемъ Бронскимъ. Благинъ взялъ Бронскаго за руку и подвелъ къ тетушкѣ.

— Да! воскликнулъ Костя, подумавъ: вѣдь вы знакомы; стало, ты, Сергѣй, можешь отправиться, куда заблагоразсудишь.

— Ахъ ты, вѣтреная голова! ахъ ты, взбалмошный! проговорила тетка, смѣясь и смотря на родственника. Вы, графъ, не взыщите съ него. Богъ знаетъ, въ кого онъ уродился....

— Въ князя, тетушка, и даже подозрѣваютъ...

— Молчи, негодный, не ври при дѣвицахъ.

— Право, тетушка, подозрѣваютъ, повторилъ Благинъ, становясь точно въ такую позицію, въ какой стоялъ князь за нѣсколько минутъ до появленія перваго гостя. Всеобщій хохотъ раздался въ гостиной. Смѣялась сама старуха; но, замѣтивъ отсутствіе второй дочери, Костя вдругъ повернулся налѣво кругомъ и подошелъ къ Поликсенѣ.

— Гдѣ же Саломѣ? спросилъ Костя.

— Сестра нездорова.

— Какъ, Саломѣ нездорова? Нѣтъ, этому не бывать; я вытащу ее!...

— Константинъ! Константинъ! закричала старуха, закричала и княжна, но напрасно. Благинъ бѣгомъ умчался изъ гостиной, и остановить его, вѣроятно, было бы ужь довольно трудно.

Графъ Бронскій пересмотрѣлъ всѣ присутствовавшія лица и, отыскавъ между ними одно только знакомое, то есть лице Поликсены, подсѣлъ къ ней.

— Вы были въ маскарадѣ вчера? сказала въ полголоса дѣвушка, скаля зубы.

— Былъ, княжна, въ первый разъ.... отвѣчалъ графъ.

— И весело вамъ было?

— Очень.

— Воображаю!

— Кто же сказалъ вамъ, что я былъ?

— Мнѣ сказали.

— Но кто?

— Я обѣщалась не говорить.

— Не уже ли тайна?

— Да, маленькая.

— Вы были тамъ сами?

— О, нѣтъ! отвѣчала дѣвушка, еще больше оскаливая зубы.

— Я почти увѣренъ...

— Нѣтъ, право нѣтъ; но видѣла васъ и говорила съ вами долго одна мнѣ знакомая дама.

— Въ черномъ домино?

— Онѣ всѣ черныя.

— Съ бирюзовымъ лорнетомъ?

— Можетъ быть.

— Съ браслетомъ изъ синей эмали съ брилліантами?

— Какъ вы все замѣчаете!

— Эта маска чрезвычайно умна и любезна, сказалъ Бронскій.

— Но я не согласилась, что мы говоримъ про одну и ту же, замѣтила Поликсена.

— Зачѣмъ же такая скрытность?

— Я обѣщала молчать. А вы не видали еще меньшой сестры моей, графъ?

— Не имѣлъ еще этой чести.

— Полагаю, что Constantin уговоритъ ее сойдти; она такая уморительная....

— Но вы сказали, что сестрица ваша нездорова.

— C'est pour le monde! Она здорова и устала немного послѣ дороги. Саломѣ пріѣхала изъ Тифлиса, гдѣ жила долго у тетушки, родной сестры папà...

— Поликсена! а Поликсена! воскликнула княгиня: про какой ты это романъ разсказывала мнѣ сегодня утромъ?

Дѣвушка вспыхнула и замялась.

— Ну, вотъ тамъ еще откопали какую-то барышню, продолжала старуха: и страхи такіе! глаза вывалились... и молодой человѣкъ тамъ влюбленъ былъ....

— Maman, я право не помню.

— Ахъ, матушка, какая ты странная! Можешь ли ты не помнить про то, что съ такимъ жаромъ разсказы-

вала сегодня утромъ? Поликсенѣ, прибавила княгиня, обращаясь ко всѣмъ: позволяю я читать такіе романы, въ которыхъ, разумѣется, нѣтъ ничего предосудительнаго, и для этого она обязана, прочитавъ, пересказывать мнѣ, что прочла. Иначе, чего добраго! наткнется, пожалуй, на дрянь какую нибудь; дѣвушкѣ неприлично.

— Вы, вѣрно, изволите говорить, княгиня, про романъ Дюма́ сына? спросилъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ, тутъ нѣтъ сына, или, можетъ, онъ такъ прошелъ у меня незамѣтно; вѣдь я, батюшка, стара — все можетъ случиться.

— Нѣтъ, княгиня, авторъ только зовется Дюма́ сыномъ, потому что и отецъ у него тоже Дюма́, а самый романъ: «la Dame aux Camélias»,

— Ну, да! ну, такъ, такъ точно! Спасибо вамъ! воскликнула старуха: онъ, онъ, самый онъ. Чувствительный такой, романъ-то; Поликсена моя плакала, какъ ребенокъ... Что это Французы-то, батюшка, какъ хорошо пишутъ! И странно, напримѣръ, у насъ, сколько учатъ молодежи и какъ дорого платятъ учителямъ, а сочинителей нѣтъ вовсе!

— Помилуйте, ваше сіятельство, какъ нѣтъ? перебилъ другой гость.

— И есть они, батюшка, да малость; лѣнятся видно — не слыхать стало. Въ прежнее время все, бывало, и тамъ говорятъ, и въ другомъ мѣстѣ говорятъ про книгу...

— И теперь есть прекрасная, ваше сіятельство: я читаю три журнала-съ, и много хорошаго, много даже интереснаго-съ встрѣчается.

— Не знала, батюшка.

— Какъ же-съ! Въ одной Москвѣ сколько хорошаго-съ выходитъ; чрезвычайный выборъ сдѣлать можно.

— Поликсенушка, а Поликсенушка! слышишь, мой другъ? Иванъ Андреичъ говоритъ, что въ самой Москвѣ много хорошаго выходитъ; такъ ты разспроси Ивана-то Андреича, да и запиши.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ, ваше сіятельство, сказалъ гость.

Княжна показала сначала много готовности разспрашивать гостя, но, замѣтивъ, что мать обратилась къ другому лицу, начала снова говорить съ Бронскимъ.

Господинъ, названный старухою Иваномъ Андреевичемъ, былъ тотъ же Пуганинъ, котораго встрѣчали мы въ поношенномъ сюртукѣ. Но въ эпоху, описываемую нами, Пуганинъ носилъ опрятный фракъ и читалъ русскіе журналы. Тутъ же, въ гостиной ихъ сіятельствъ, находилась и Фіона Ивановна, мало измѣнившаяся лицемъ, но столь же веселая и румяная, какъ и десять лѣтъ назадъ. Иванъ Андреевичъ получилъ выгодное мѣстечко, не малое жалованье и считался въ Бѣлокаменной добрѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ. Впрочемъ, и во всю прошлую жизнь свою не дѣлалъ Пуганинъ ничего особенно не хорошаго. Привычка хлопотать о чужихъ дѣлахъ осталась при немъ; онъ не разстроивалъ чужими дѣлами своихъ собственныхъ, и остается узнать, былъ ли онъ въ домашнемъ быту тѣмъ же снисходительнымъ мужемъ, какимъ знавали мы его въ Петербургѣ. Вопросъ рѣшить легко, и даже я считаю обязанностью исполнить это, потому что этотъ вопросъ касается и супруги Ивана Андреевича, Фіоны Ивановны. И такъ, да будетъ извѣстно, что съ той минуты, какъ пришли изъ полиціи спросить у Пуганина, не знакомъ ли ему Протолеонъ Протолеоновичъ и гдѣ находится имущество послѣдняго, незначительное, прав-

да, Фіона Ивановна не принимала никого рѣшительно во всѣхъ своихъ покояхъ, а принимала только въ гостиной и залѣ. Справлялись же объ имуществѣ Протолеона Протолеоновича потому, что онъ кончилъ дни свои на улицѣ, въ нетрезвомъ состоянiи. Не умри во время холеры Евстафій Ивановичъ и супруга его Аделаида Ивановна Крыжловы, ихъ, конечно, не тронула бы скоропостижная кончина Протолеона Протолеоновича, потому что Протолеона Протолеоновича Крыжловы не знали вовсе.

Такъ угасли три существованія, такъ исчезли три лица, нѣкогда дѣйствовавшія въ разсказѣ нашемъ. Въ утѣшеніе читателямъ остается ихъ еще много и даже, можетъ быть, слишкомъ много. Первый — Пуганинъ; Пуганина сохранили мы съ судьбою по крайней необходимости; но Пуганинъ въ настоящую минуту ни мало не занимался собою, а, напротивъ, всматривался въ лице Сергѣя Бронскаго и дивился сходству его съ тѣмъ кудрявымъ мальчикомъ, который, десять лѣтъ назадъ, такъ неучтиво посмѣялся надъ разсказомъ фіолетоваго господина, тогда живаго еще, а нынѣ отшедшаго въ вѣчность.

— Позвольте спросить-съ, шепнулъ Иванъ Андреевичъ въ первое попавшееся ему постороннее ухо: кто такой-съ вонъ тотъ молодой человѣкъ, что разговариваетъ съ княжною?

— Не знаю, а вотъ узнаю сейчасъ, отвѣчалъ сосѣдъ Пуганина, передавая вопросъ слѣдующему уху.

— Это графъ Сергѣй Львовичъ Бронскій.

— Какой же это-съ Бронскій? повторилъ Пуганинъ, и тутъ только вспомнилъ онъ, что никогда не зналъ ни имени, ни фамиліи кудряваго мальчика, почему и рѣшился обратиться прямо къ нему. Обойдя всю гости-

ную, Иванъ Андреевичъ приблизился къ Бронскому, и простоявъ съ полчаса времени, выжидалъ случая; и только что привсталъ молодой человѣкъ съ креселъ, какъ Пуганинъ произнесъ:

— Позвольте спросить, ваше сіятельство, не изволили вы находиться разъ въ Екатерингофскомъ Воксалѣ въ ночь на Петровъ день?

— По счастью, я былъ въ Екатерингофскомъ Воксалѣ только одинъ разъ и именно наканунѣ Петрова дня, почему и помню всѣ подробности моего тамъ пребыванія, отвѣчалъ Бронскій, улыбаясь.

— Вы извините-съ мой нескромный вопросъ-съ. Мнѣ крайне желательно знать, не вы ли-съ, ваше сіятельство, проживали въ ту пору....

— Въ Парголовѣ?

— Точно такъ-съ; и батюшка вашего сіятельства посѣщали-съ умершаго тамъ же-съ господина Ламинскаго?....

— Именно.

— Андрея Романыча?...

— Такъ точно.

— И у покойника остался племянникъ?...

— Николай Николаичъ Ламинскій, перебилъ графъ Сергѣй.

— Положительно такъ-съ, продолжалъ Пуганинъ: которому оставилъ Андрей Романычъ съ полмилліона?...

— И изъ этого полмилліона честный и благородный наслѣдникъ отдалъ четыреста тысячь для уплаты никому неизвѣстнаго долга.

— Объ этомъ собственно и желалъ я поговорить съ вашимъ сіятельствомъ.

— Не предпочтете ли вы мнѣ самого Николая Николаевича?

— Какъ, они здѣсь?

— Мы вмѣстѣ живемъ.

— Можетъ ли быть? воскликнулъ съ радостью Пуганинъ.

— Вотъ моя визитная карточка; на ней адресъ, сказалъ молодой человѣкъ, передавая Пуганину свою карточку.

Разговоръ Бронскаго съ Иваномъ Андреевичемъ прерванъ былъ Константиномъ Благинымъ, подошедшимъ къ Бронскому.

— Ступай, братецъ, скорѣе! тетка хочетъ представить тебя своей меньшой дочери; но, смотри, не влюбись, прибавилъ Костя: иначе, женятъ... право женятъ!

Бронскій послѣдовалъ за Благинымъ и, увидѣвъ ту, которой его хотѣли представить, невольно затруднился и потупилъ глаза. Тотъ же маневръ повторила и княжна Саломея, взглянувъ на графа.

Княжна Саломея родилась позже сестры своей, Поликсены, семью годами; походила она на мать и на отца, и на сестру, и на весь абхазскій край — носомъ. Носъ былъ нѣсколько великъ, но за то глаза, ротикъ и прочее, не исключая таліи и роста, отличалось отъ родственниковъ какъ размѣрами, такъ и красотою.

Бронскій молча поклонился княжнѣ, княжна молча присѣла Бронскому; оба снова взглянули другъ на друга, снова покраснѣли, улыбнулись и разошлись.

— Это меньшая дочь моя, графъ! воскликнула княгиня неожиданно.

Бронскій вздрогнулъ и повернулся назадъ; княжна сдѣлала тоже и новый книксенъ отвѣчалъ на новый поклонъ.

— Саломе сказала мнѣ, прибавила старуха: что ни-

триговала васъ вчера въ Благородномъ Собраніи, графъ, и нашла, что вы очень любезны.

Отъ этой новой неожиданности, личико хорошенькой Абхазки покрылось вишневымъ цвѣтомъ, а Бронскаго что-то ущипнуло за сердце.

— Не уже ли таинственная маска моя княжна Саломея? подумалъ магистръ: а талія похожа, ручка тоже; только глаза казались мнѣ голубыми... Онъ припомнилъ разговоръ съ маскою и успокоился.

— Дочерей моихъ отпускала я съ гувернанткою, сказала княгиня Чинкурузина, но ужь не Бронскому, а сѣдой барынѣ, сидѣвшей рядомъ съ нею: за дѣвицами нуженъ присмотръ; впрочемъ, въ Благородномъ Собраніи риску нѣтъ.

— Какъ ты объ этомъ думаешь, Serge? спросилъ Костя очень громко: вѣдь тетка-то у меня умная...

— Послушай, Константинъ, доставь мнѣ случай поговорить съ меньшою кузиною твоей, шепнулъ Бронскій очень тихо.

— Съ Саломе?

— Не кричи, пожалуйста.

— Саломе, Саломе! закричалъ Благинъ, ухвативъ за руку графа: рекомендую тебѣ моего друга, пріятеля et l'homme le plus comme il faut въ цѣлой Москвѣ. Ручаюсь тебѣ, что во всемъ Тифлисѣ и даже, пожалуй, въ Казани не видала ты подобнаго.

Княжна подошла къ своему двоюродному брату и пролепетала что-то весьма невнятно. Бронскій въ третій разъ поклонился Саломеѣ, попросилъ извинить поступокъ Кости и вступилъ съ нею въ рѣшительный разговоръ.

Сначала изъ прелестныхъ устъ смуглой дѣвушки вылетали краткія *oui*, и столь же краткія *non*; потомъ кня-

жна начала робко поглядывать на магистра, потомъ прибавлять, все-таки робко, къ своимъ oui и non слова: je vous assure, croyez moi, oh, ne pensez pas, m-r le comte! а подъ конецъ созналась, и очень мило созналась, что вчерашній маскарадъ доставилъ ей столько удовольствія, что никогда не изгладится впечатлѣніе этого вечера и проч. и проч. Бронскій не скучалъ, бесѣдуя съ Саломеею, а Костя изрѣдка нашептывалъ ему на ухо: «эй, женятъ, помяни мое слово!»

Забылъ было про свою маску графъ Сергѣй Львовичъ, забылъ и про записку, полученную по городской почтѣ; но пришлось вспомнить наконецъ. На лѣстницѣ княжескаго дома догналъ Бронскаго самъ князь Чинкурузинъ и просилъ его воротиться къ княгинѣ.

— Для чего бы это? подумалъ молодой человѣкъ.

Княгиня чуть не позабыла (видно по старости)! передать графу Сергѣю Бронскому письменное приглашеніе отъ родственницы: приглашали графа на завтрашній балъ и ужинъ графъ и графиня Н.

«Странно! такъ странно, что, не смотря на магистерство мое, кажется, меня дурачитъ девятнадцатилѣтняя Саломея!» сказалъ самъ себѣ Сергѣй Бронскій, садясь въ карету. «Впрочемъ, она не дурна и очень не дурна; мнѣ нравятся восточные типы...»

Фразу свою кончилъ онъ, ложась въ постель.

На другой день по утру, послѣ княжескаго вечера, доложили Ламинскому, что какой-то господинъ желаетъ переговорить съ нимъ.

— А сказалъ господинъ свое имя? спросилъ Николай Николаевичъ.

— Г. Пуганинъ.

— Какъ?

— Они назвали себя г. Пуганинъ.

— Пуганинъ! повторилъ Ламинскій: я никогда не слыхалъ подобной фамиліи; но, все равно, проси въ залу.

Въ залѣ Николай Николаевичъ раскланялся съ Иваномъ Андреевичемъ и очень вѣжливо освѣдомился, чѣмъ можетъ служить ему.

— Я имѣю дѣльце до васъ, отвѣчалъ гость.

— До меня? до Николая Николаевича Ламинскаго?

— Точно-съ.

— И вы убѣждены въ этомъ?

— То есть, что вы Николай Николаевичъ Ламинскій? Какъ же-съ, убѣжденъ, потому-съ единственно, что вы изволите называть себя-съ...

— О нѣтъ, я сомнѣваюсь не въ имени моемъ, а въ существованіи дѣла.

— Но дѣло-съ, позвольте доложить, еще не существуетъ.

— Такъ какому же случаю обязанъ я честію?...

— Я насилу отыскалъ васъ, Николай Николаевичъ, и по весьма интересному дѣльцу-съ...

— Которое, благодаря Бога, еще не существуетъ?

— Точно такъ-съ; но можетъ начаться, прибавилъ чиновникъ, сладко улыбаясь.

— Избави Богъ! воскликнулъ Ламинскій съ испугомъ.

— Напротивъ, доложу вамъ.

— Нѣтъ, покорный слуга. Но не угодно ли присѣсть? Простите, я не успѣлъ еще спросить, съ кѣмъ имѣю честь...

— О, это не касается-съ!... Впрочемъ, я Иванъ Андреичъ Пуганинъ, проговорилъ гость: фамилію эту выбралъ самъ дѣдъ... странный былъ человѣкъ; впрочемъ, доложу вамъ, и время было странное-съ. Родные, говорятъ, предлагали много другихъ фамилій позначительнѣе — нѣтъ-съ, назвался Пуганинымъ... чудакъ былъ!..

— А дѣло, о которомъ вы желали сообщить мнѣ?...

— Дѣло-съ интересное.

— Если предъявленъ новый долгъ покойнаго дяди моего, Андрея Романыча, то позвольте предупредить васъ, что все мое имущество состоитъ изъ двадцати трехъ тысячь серебромъ, которыя я готовъ предоставить немедленно; что же превышаетъ эту сумму...

— Помилуйте, какіе долги-съ могутъ быть-съ у покойнаго дядюшки вашего? перебилъ Иванъ Андреевичъ: долговъ у нихъ и быть-съ не могло, а напротивъ, мнѣ кажется... (тутъ чиновникъ оглянулся во всѣ стороны и, понизивъ голосъ, продолжалъ) мнѣ кажется, что и четыреста двадцать тысячь...

— Заплачены были тогда же, равнодушно замѣтилъ Николай Николаевичъ.

— Знаю-съ, что заплачены, безъ всякихъ то есть оговорокъ съ вашей стороны, даже и отзывца не изволили написать предварительно, и подписи не сличили-съ, и всякія другія упущенія сдѣланы были-съ по этому дѣлу.

— Законныя обязательства оспаривать и не честно и нельзя.

— Законныя-съ точно нельзя.

— Заемное письмо дяди видѣлъ я своими глазами, сказалъ Ламинскій: руку его я узналъ; чего же больше?

— Ахъ, ахъ! помилуйте-съ! да кто же поручился, примѣрно, вамъ-съ, что подпись не поддѣльная, что шрифтъ-съ не подведенъ мошенническимъ образомъ-съ, что шрифтъ-съ этотъ подвелъ не злодѣй какой нибудь?

— Мнѣ и въ голову не приходили подобныя мысли.

— Вотъ въ томъ-то-съ и вся бѣда! А я, то есть, доложу вамъ, что дѣло это весьма-съ темное. Занимаюсь, можно сказать, съ малолѣтства подобными разными

хожденіями, по процессамъ то есть-съ, и мнѣ не разъ случалось находить много подобныхъ казусовъ — всѣхъ и не припомнишь. На покойниковъ же писать можно, что угодно: спорить не станутъ.

— Что же даетъ вамъ поводъ думать, что обязательство дяди не законно?

— Многое-съ, очень многое-съ, отвѣчалъ Пуганинъ. Вопервыхъ-съ, участіе въ дѣлѣ... то есть не участіе собственно, а прикосновеніе къ дѣлу извѣстнаго мошенника Гифтштейна, бывшаго ужь восемьнадцать разъ по разнымъ дѣламъ въ наисильнѣйшемъ подозрѣніи.

— Я и этого имени не слыхалъ.

— И! гдѣ вамъ, помилуйте-съ! это чистая грязь, но богатый человѣкъ, съ большимъ оборотомъ. Второе обстоятельство, доложу вамъ, есть скорая кончина дядюшки вашего. Извѣстно ли вамъ, что заемное письмо подписано было покойникомъ наканунѣ смерти?

— Не можетъ быть! воскликнулъ Ламинскій.

— Я вамъ истинно докладываю, что наканунѣ кончины былъ покойникъ самъ лично у привиллегированнаго маклера Селезенева, и были дядюшка не одни-съ, а съ Михайломъ Михайлычемъ Суркинымъ, съ тѣмъ самымъ, кому и выдано обязательство.

— Но повторяю вамъ, что наканунѣ смерти Андрея Романыча былъ я неотлучно при немъ, отъ ранняго утра до ночи, и не до ночи, а до другаго дня, то есть до минуты смерти. Дядя почувствовалъ себя наканунѣ такъ дурно, что немедленно призванъ былъ медикъ, который подтвердитъ это самъ.

— Ни къ чему-съ не поведетъ!

— Какъ ни къ чему?

— Ни къ чему-съ рѣшительно, повторилъ стряпчій со вздохомъ. Въ процессѣ дѣйствительно только показа-

ніе трехъ постороннихъ свидѣтелей, а докторъ, вѣроятно, не находился при покойномъ цѣлыя сутки...

— Нѣтъ, но былъ я.

— Одного мало-съ, очень мало-съ.

— Зачѣмъ же и говорить о дѣлѣ, котораго начинать не зачѣмъ? спросилъ Николай Николаевичъ улыбаясь.

— Можно того-съ... прибѣгнуть къ другимъ средствамъ-съ.

— Я ихъ не знаю, этихъ другихъ средствъ.

— Поищу ихъ я-съ, съ разрѣшенія вашего-съ.

— Сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Деньги уплачены девять лѣтъ назадъ; тотъ, кому онѣ достались, можетъ быть, не существуетъ болѣе; капиталъ перешелъ къ дѣтямъ, невиннымъ въ поступкахъ отца; дѣйствія его были не чисты, а раззорять дѣтей не хочу, предупреждаю васъ.

— Дѣтей у Суркина и не бывало-съ, и нѣтъ-съ; самъ же онъ не умеръ, здравствуетъ, и живетъ припѣваючи-съ въ Москвѣ-съ — правда, въ разладахъ съ женою, но это-съ его дѣло, и осуждать не стану никого-съ, Богъ съ ними! Ваше же дѣло-съ, Николай Николаичъ, не плевое-съ, и помолясь, начать бы процессецъ не дурно, повѣрьте-съ. За успѣхъ ручаться не могу-съ, а мировая...

— Съ кѣмъ?

— Съ Суркинымъ-съ.

— Враговъ у меня не было, Иванъ Андреичъ, съ мошенниками я не знакомъ; если же къ числу ихъ принадлежитъ г. Суркинъ, и законамъ черное дѣло его не доступно, то пусть его пользуется моимъ достояніемъ; въ противномъ случаѣ, угрожать ему и безпокоить честнаго человѣка я неспособенъ, и вы также, надѣюсь... Оставимъ это дѣло; за участіе же ваше отъ всей души благодаренъ вамъ.

Съ послѣднимъ словомъ фразы своей Ламинскій всталъ

съ креселъ и только что не указалъ гостю на дверь прихожей. Бѣдный и, по прежнему, робкій Пуганинъ смутился до нельзя и, низко кланяясь, удалился.

ГЛАВА XIX.

Съ полученіемъ диплома на магистра, графъ Сергѣй Бронскій вдругъ измѣнилъ всѣмъ своимъ кандидатскимъ привычкамъ. Въ двое сутокъ успѣлъ онъ побывать на большомъ вечерѣ, на маскарадномъ балѣ, провести двѣ ночи безъ сна, продумать о двухъ женщинахъ до полудня и не обѣдать вовсе. Ламинскій хотя и не осуждалъ любимца своего за внезапную перемѣну, но и ни сколько не одобрялъ ея. Николай Николаевичъ ограничивался однимъ напоминаніемъ молодому человѣку объ отцѣ, объ Аннѣ, о планахъ графа Льва, о совершенствахъ Анны и о скоромъ ея возвращеніи изъ за границы. Добрый Ламинскій, чуждый обольщеній шумнаго свѣта, не вѣрилъ въ могущество женскихъ глазъ, ставилъ Сергѣя Львовича выше салонныхъ опасностей и боялся только разстройства здоровья Бронскаго — физическихъ болѣзней, обыкновенныхъ слѣдствій неправильной жизни

Но могъ ли Ламинскій уговаривать графа Сергѣя не ѣхать на балъ къ графу Н., одному изъ почетнѣйшихъ лицъ столицы, не платившему даже визитовъ? Графъ Н. былъ не просто графъ Н., а человѣкъ извѣстный всѣмъ и каждому. Домъ его былъ извѣстенъ столько же, сколько былъ извѣстенъ самъ графъ. Въ саду графа шелестили листьями вѣковые дубы; за столъ графа садились въ праздникъ сотни гостей; въ домашней церкви графа пѣла сотня пѣвчихъ, а имущество его никто и счесть не брался — такъ богатъ былъ графъ Н.

На балъ его рѣшился ѣхать Бронскій безъ Кости

Благина. Не безъ внутренняго трепета вспоминалъ онъ о той минутѣ, когда передъ нимъ распахнутся обѣ половины дверей залы и, незнакомый хозяевамъ, принужденъ онъ будетъ войдти въ эту залу, наполненную гостями. Сколько любопытныхъ взглядовъ доведется перенести! сколько вопросовъ возбудитъ его появленіе! Но какъ ни думалъ, какъ ни тревожился Бронскій, а въ одиннадцать часовъ доложили, что карета готова, и онъ сѣлъ въ нее.

— Какъ я подойду, что скажу графу? спрашивалъ самъ себя Бронскій: а графинѣ, этой умной, какъ говорятъ, немилосердо умной женщинѣ? Сказать ей: J'ai l'honneur de me.... и проч. нельзя; сказать другое не придумаю; а ничего не сказать — не ловко: подумаетъ, что я глупъ. Попросить развѣ княгиню Дарью Борисовну представить меня? Но кто же говоритъ, что она ужь тамъ? Потомъ, у княгини большой носъ и у дочерей такія вычурныя имена — опять не совсѣмъ ловко! А домъ сейчасъ. Вотъ площадь... Богъ мой, какое мученье! и быть одному въ подобныя минуты!... А каретъ-то, каретъ!...

— Держись ряда, эй ты, кучеръ! крикнулъ жандармъ, останавливая купе Бронскаго: куда суешься?

Бронскій внутренно благодарилъ строгаго блюстителя порядка за минутное промедленіе, но минута скоро прошла, и дверца отворилась у самаго подъѣзда.

Сбросивъ шубу на руки слугѣ, графъ Сергѣй, блѣднѣя отъ душевной тревоги, осмотрѣлъ пуговки перчатокъ, вмѣшался въ толпу, входившую по широкой лѣстницѣ и, пользуясь давкою у зальныхъ дверей, пробрался въ нее въ числѣ многихъ. Но, не подойдти къ хозяйкѣ было дѣломъ невозможнымъ; она, какъ нарочно, стояла на виду, и какъ хороша была еще графиня Н.! что за улыбка! что за взглядъ! А талія — какъ у дѣвушки въ

двадцать лѣтъ! Но, слава Богу, она не заговариваетъ ни съ кѣмъ, и представленіе ограничивается поклономъ — и только.

Утѣшая себя такою надеждою, Бронскій кашлянулъ, поправилъ рукою волосы и, дождавшись очереди, подошелъ рѣшительно къ хозяйкѣ дома и отвѣсилъ поклонъ. Онъ даже, не поднимая головы, отступилъ въ сторону, какъ вдругъ—о, ужасъ! восклицаніе и его собственное имя. Магистръ остановился, по обыкновенію покраснѣлъ и взглянулъ на графиню; она дѣйствительно говорила съ нимъ и говорила, что очень рада видѣть его у себя на балѣ; но голосъ этотъ.... браслетъ эмалевый.... Ну, конечно, въ Благородномъ Собраніи браслетъ этотъ былъ на первой, подошедшей къ нему маскѣ. Это она! это навѣрно она!...

— Madame la comtesse, l'honneur.... проговорилъ Бронскій.

— Point de phrases, mon cher comte; j'espère, que notre intimité est établie à jamais, depuis... pas plus de madame la comtesse, que de beau masque.... прибавила графиня, прелестно улыбаясь: quant au pourpre de vos joues, conservez le, il vous va à ravir!

Кто бы повѣрилъ, что одной этой фразы достаточно было, чтобъ заставить магистра забыть всѣ маски и всѣхъ княженъ въ мірѣ! Но таковы люди, и да простятъ ихъ минувшія поколѣнія, если, паче чаянія, люди минувшихъ поколѣній были лучше!

Графиня занялась вновь пріѣзжавшими гостями, а для Бронскаго оставался графъ; отыскать и его было не трудно: онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жены и разсѣянно слушалъ какого-то сѣдовласаго франта съ хохломъ. Едва услышалъ хозяинъ дома имя Бронскаго, какъ серьезныя уста его оживились привѣтливой

улыбкой. Онъ протянулъ обѣ руки свои молодому человѣку, крѣпко сжалъ его руку и, не выпуская ея, повелъ гостя къ женѣ.

— Я ужь имѣлъ честь представиться графинѣ, сказалъ магистръ.

— Но, вѣрно, не такъ, какъ бы слѣдовало. Pauline, Pauline! воскликнулъ супругъ прекрасной хозяйки: представь себѣ, что у моего несравненнаго Льва Бронскаго такой сынъ; каково счастіе этимъ Бронскимъ, право! Avez vous jamais vu quelque chose de plus intéressant, que ce beau garçon? hem? Regardez donc, ma chère, cela fera fureur, cela fera le désespoir de nous autres maris... Mais, que veux tu? amitié oblige: pousse le, protège le...

Графъ Н. пожалъ плечами и, передавъ Бронскаго женѣ, отошелъ на свое мѣсто. Графъ имѣлъ привычку говорить такъ громко, что каждое слово его долетало обыкновенно во всѣ углы комнаты, въ которой онъ находился, какъ бы комната эта ни была велика. Въ отзывѣ хозяина о молодомъ дебютантѣ было такъ много лестнаго, а взгляды и улыбки хозяйки такъ выразительны, что всѣ женскіе глаза направились на Бронскаго; а сердца наличныхъ львовъ — увы! облились желчью глубокой ненависти, впрочемъ, совершенно безвредной. Современные львы болѣе не подражаютъ «Неистовымъ Роландамъ»: когти ихъ и длинны, но мягче стали; зубы же потеряли и силу и энергію; большая часть львиныхъ зубовъ едва держится — такъ мало золота употребляютъ дантисты на зубные шарньеры. Главное наступательное оружіе нынѣшнихъ львовъ не мечъ, ни даже кинжалъ, а то глубокое презрѣніе, котораго не замѣчаетъ никто, надъ которымъ смѣются всѣ жертвы. Одно изъ подобныхъ свѣтскихъ чудовищъ, не высокое, но толстенькое и съ длинными волосами, услышавъ

слова графа Н., подошло къ одной прелестной дамѣ съ большими голубыми глазами, а подойдя, прищурило глазъ и, указавъ на Бронскаго, спросило тономъ, очень небрежнымъ: «не тотъ ли это юноша, что сошелъ недавно съ университетской скамьи?»

— Je vois le beau Serge Bronsky, отвѣчала дама, лорнируя молодаго человѣка.

— Вы находите его «beau»?

— Еще бы!...

— Это румяное лице съ пустымъ выраженіемъ?

— Эту интересную, эту умную наружность я нахожу очень и очень интересною и умною.

— Vous tombez dans la vieillesse, madame! замѣтилъ левъ съ насмѣшкою.

— Une fois tombée il n'est pas dit, monsieur, que vos avis ne deviennent les miens, отвѣчала дама съ убійственнымъ хладнокровіемъ, а выговоривъ это, отвернула приподнятое плечико свое отъ пораженнаго на смерть льва и принялась лорнировать Бронскаго.

Не замедлили прибыть на балъ и Чинкурузины въ полномъ комплектѣ. Впереди шла сама княгиня; за нею, гуськомъ, двѣ княжны; за княжнами князь Давыдъ Симеоновичъ; въ арьергардѣ княжескаго семейства шелъ Костя, подражая въ походкѣ Чинкурузину. Костя такъ же махалъ руками, какъ дядя, точно такъ же чесалъ брови, какъ дядя, и смѣшилъ всѣхъ.

Княжна Поликсена держала себя слишкомъ прямо и перегибала станъ нѣсколько назадъ; а Саломея вертѣла головкой до тѣхъ поръ, пока взглядъ черныхъ глазъ ея не упалъ на магистра. Пожавъ руку хозяйкѣ, старая княгиня побрела въ слѣдующую комнату, а обѣ дѣвушки разошлись въ разныя стороны. Старшая тотчасъ же присоединилась къ прочимъ дѣвицамъ, между тѣмъ

какъ младшая княжна, будто нечаянно, напала на самого Бронскаго.

— Ахъ, графъ, вы здѣсь? сказала Саломея, опуская длинныя рѣсницы свои: я никакъ не воображала...

— Княгинѣ обязанъ я этимъ баломъ, отвѣчалъ Бронскій, обрадованный встрѣчею съ знакомымъ лицемъ.

— А какъ много здѣсь!...

— Тѣмъ лучше, княжна, on est plus isolé...

— Это правда, графъ.... вы ангажировали кого нибудь на контрдансъ?

— Нѣтъ еще.

— А вы танцуете?

— Учился, но на балѣ...

— Я рѣшительно никого не знаю изъ кавалеровъ.

— За исключеніемъ одного, княжна, и этотъ одинъ...

— Кто же?

— Я.

— Вы хотите?...

— Предложить вамъ кавалера à titre d'ancienne connaissance...

— Ah, merci, comte... je ne demande pas mieux.... Саломея протянула ручку свою Бронскому, который, довольно не ловко, взялъ эту ручку и держалъ ее нѣсколько крѣпче чѣмъ бы слѣдовало, и тянулъ за собою сквозь толпу, пока не дотянулъ до полныхъ шестнадцати паръ, готовыхъ начать первую фигуру. Сколькихъ моральныхъ страданій стоило магистру пріискать vis-à-vis, и сколько путаницы надѣлалъ онъ въ продолженіе всего танца — исчислить невозможно; но назначено было, видно, свыше обращать всѣ неудачи Бронскаго въ его же пользу. Неловкость Бронскаго находили дамы charmante, застѣнчивость Бронскаго находили тѣ же дамы ravissante, а самого его distingué jusqu'au bout des ongles. Таковы

уже женщины, не въ обиду будь сказано московскимъ львамъ, похожимъ на того толстенькаго, которому не нравился Бронскій.

Чѣмъ больше говорилъ графъ Сергѣй съ Саломеею, тѣмъ больше желалось ему увѣрить самого себя, что письмо, полученное наканунѣ, написано ручкою Саломеи; но ему готовилось новое испытаніе. Въ продолженіе одной изъ послѣдующихъ кадрилей, позади магистра заговорилъ кто-то такимъ голосомъ, что магистръ, услышавъ этотъ голосъ, почувствовалъ, будто его обдало чѣмъ нибудь очень горячимъ. Онъ оглянулся. За нимъ стояла графиня Н., а рядомъ съ нею, и рука объ руку, другое женское существо, съ голубыми глазами на темномъ фонѣ, въ голубомъ платьѣ и головномъ уборѣ также голубомъ. Голосъ, поразившій слухъ магистра, былъ голосомъ не графини Н., а голубаго существа, очаровательнаго, какъ первый сонъ любви, какъ первый звукъ родимой пѣсни, услышанной на чужбинѣ, какъ первый страстный поцѣлуй... Встрепенулось еще сильнѣе, ужь и безъ того трепещущее сердце Бронскаго; забылъ онъ и стыдливость свою, и даму, съ которою танцовалъ, и недавнюю робость....

Кто эта дама въ голубомъ? Чей это голосъ? вотъ два вопроса, которые положилъ себѣ рѣшить молодой человѣкъ и рѣшить тотчасъ же, не теряя ни минуты, ни секунды. Но у кого спросить? У Саломеи—не ловко; княжна, впрочемъ, недавно въ Москвѣ, а вопросъ только возбудитъ подозрѣніе. У графини Н.? какая же возможность! Съ графинею говорилъ Бронскій только разъ, на балѣ Благороднаго Собранія. Нельзя же, не обмѣнявъ предварительно десятковъ трехъ фразъ о вещахъ постороннихъ, вдругъ сказать: permettez-moi de vous demander, qui est cette dame en bleu? Но какъ же сдѣлать?

Вотъ вамъ и университетское ученіе, и блистательное воспитаніе въ родительскихъ домахъ: научатъ всему, кромѣ самой бездѣлицы—знанію говорить. Такую рѣчь велъ внутренно магистръ, умирая отъ нетерпѣнія кончить пятую фигуру. Но, слава Богу, она кончилась и стоитъ подойдти къ кому нибудь...

И этого не нужно. Графиня Н. подводитъ къ Бронскому голубое существо. Они улыбаются другъ другу; существо это наклоняетъ голову къ плечу графа и шепчетъ ему два слова. Магистръ мѣняется въ лицѣ и отскакиваетъ отъ голубаго существа такъ быстро и такъ не ловко, что наступаетъ на ногу какому-то господину и извиняется; но тотъ морщится и увѣряетъ, что ничего, а физіономія его изобличаетъ боль нестерпимую.

А эти два слова, какъ просты они: «Je compte sur votre parole, Serge, n'interrogez personne; pour vous je suis une femme sans nom!»

Слово «Serge», само по себѣ есть только собственное имя.

«Serge», произнесенное отцемъ, наводитъ иногда страхъ.

«Serge», произнесенное матерью, возбуждаетъ готовность спросить: что вамъ угодно, маменька?

«Serge», произнесенное сестрою, вызываетъ не рѣдко фразу: оставь меня въ покоѣ.

«Serge», произнесенное женою, разумѣется, молодою, заставляетъ улыбнуться и повернуть голову въ ту сторону, гдѣ произнесено оно.

Но слово «Serge», вылетѣвшее изъ устъ женщины, которую мы видимъ въ первый разъ, и которую первую готовы любить — о! этотъ Serge, или это слово...

— Хочешь, чтобъ я привезъ къ тебѣ Фульда? спросилъ Благинъ, подходя къ Бронскому.

— Зачѣмъ это?

— Да ты знаешь, кто таковъ Фульдъ?

— Брилліантщикъ.

— Ну да; такъ привезти?

— Зачѣмъ же?

— Заказать, братецъ, обручальныя кольца и подарки — повѣритъ въ долгъ, если хочешь.

— Болтунъ! проговорилъ графъ.

— А ты, небось, думаешь, что дядя засовываетъ пальцы себѣ въ носъ такъ, pour son bon plaisir? продолжалъ Костя: какъ же! Нѣтъ, братъ, Сережа, самъ, своими ушами, слышалъ, какъ тетушка нашептывала ему въ ухо строжайшій ордеръ: не отставать отъ тебя и просить откушать завтра — такъ ты смотри, берегись...

— А ты, Константинъ, самый вѣроломный родной, самый опасный другъ!

— Вотъ тебѣ и благодарность за участіе!

— Но можно ли говорить такой вздоръ, который ты самъ же сочиняешь и выдаешь съ чужою подписью?

— Не вѣришь? не вѣришь, несчастный? Такъ хочешь, я повторю тебѣ, слово въ слово, весь теперешній разговоръ нашъ при теткѣ?...

— И ты рѣшишься?

— Ей ей рѣшусь, и ништо ей! не тронь пріятелей. Я предупредилъ старуху, что задумай она женить на дочкахъ кого хочетъ, слова не скажу, а за тебя вступлюсь всегда.

— Успокойся: никто о женитьбѣ моей и не думаетъ, а кузина твоя, Саломея, очень мила, Константинъ, сказалъ Бронскій.

— Такъ и есть, что влюбился! воскликнулъ тотъ.

— Нѣтъ еще, но не прочь...

— Пожалуй, сдѣлаешь пошлость... Глупость эта бу-

детъ не слыханная, навяжешь на себя всю Абхазскую область. Ужь не мѣтишь ли, подобно Давыду, въ шамхалы?

— Какому Давыду?

— Разумѣется, Симеоновичу Чин-чин-ку-ку! кому же другому забредетъ въ мозгъ такая чепуха?

— Болтунъ ты, Костя!

— Чѣмъ хочешь называй, только оставь, братецъ, въ покоѣ Азіятцевъ моихъ, не трогай ихъ; на обѣдъ же поѣзжай, да не забудь, спроси шампанскаго: для тебя подадутъ непремѣнно, а я выпью...

Никого не щадившій Благинъ, высмотрѣвъ какого-то знакомаго, направилъ шаги свои на него, а Бронскій, пользуясь удаленіемъ болтливаго пріятеля, прошелъ всю залу и вошелъ въ гостиную, въ надеждѣ снова повстрѣчаться съ голубымъ существомъ.

Удостовѣрясь въ томъ, что таинственная незнакомка маскарада не княжна Саломея, магистръ сталъ смотрѣть на Саломею довольно равнодушно. Бѣдная дѣву́шка упала въ его мнѣніи: съ потерею таинственности утратила она половину своей прелести. И какъ несправедливы мужчины и какъ мало нужно, чтобъ довести ихъ до этой страшной несправедливости!

Графъ Сергѣй засталъ голубое существо въ жаркомъ разговорѣ съ очень почтеннымъ господиномъ, тоненькимъ, лысымъ какъ ладонь, съ ногою, обутою въ блестящій башмакъ, и съ выдавшимся подбородкомъ. Разговоръ былъ ученый; лысый господинъ выражался отборными словами, сдвигалъ брови, смотрѣлъ съ высока и выставлялъ руку, пощаженную годами. Увидѣвъ проходившаго мимо нихъ Бронскаго, дама въ голубомъ назвала его по имени и спросила, тономъ давнишней знакомой, гдѣ графъ Левъ и Анна. Магистръ, пораженный

хладнокровіемъ назнакомки, отвѣчалъ, садясь подлѣ нея, что ожидаетъ отца въ самомъ непродолжительномъ времени.

— А кузину? спросила дама.

— И кузину также.

— Какъ мила была Анна еще ребенкомъ! Вы знали обоихъ графовъ, мсье Вадзинъ. Не правда ли, что дочь графа Александра очень походитъ на мать свою и вѣрно будетъ красавица? Какъ вы должны, графъ, любить будущую невѣсту вашу! Впрочемъ, je suis bien bonne de dire будущую — Аннѣ восьмнадцать лѣтъ; вѣдь такъ?

— Ей скоро минетъ девятнадцать, отвѣчалъ Бронскій...

— Да, да, я помню парголовскую дачу вашу — какая прелесть! И не случись на ней несчастія...

— Вы говорите о кончинѣ дяди Александра?...

— Ахъ! ужасно, ужасно! всѣ подробности ужасны! воскликнула голубая дама, закрывая платкомъ свое личико. Мы въ то время очень часто бывали въ Парголовѣ у мадамъ Б*; но послѣ этого случая я не имѣла духу... Mais pardon, мсье Вадзинъ, мы остановились на самомъ интересномъ мѣстѣ, сказала незнакомка, обращаясь снова къ лысому господину: вы утверждаете, что Китай...

— Я утверждаю, подхватилъ лысый господинъ, что Китай останется еще очень долго въ томъ положеніи или въ томъ моральномъ усыпленіи, въ которое повергъ его національный его принципъ. Развитіе всѣхъ отраслей дѣятельности не зависитъ ли...

Видя, что очаровательное голубое существо такъ близко принимаетъ Китай къ своему сердцу, магистръ почелъ себя лишнимъ въ ученомъ разговорѣ, вслѣдствіе чего и отправился въ буфетъ. У столовъ, покрытыхъ мно-

жествомъ разныхъ разностей, толпилось значительное количество записныхъ бальныхъ обжоръ, хватавшихъ за разъ руками своими гораздо болѣе сластей, чѣмъ бы нужно чтобъ окормить трехъ воздержныхъ смертныхъ. Костя Благинъ не отходилъ отъ шампанскаго, которымъ немилосердо поилъ дядю своего Чинкурузина. Чинкурузинъ начиналъ развеселяться и повторялъ за каждымъ новымъ стаканомъ любимое свое *ну*. Спросивъ мороженаго, Бронскій, отъ нечего дѣлать, сталъ прислушиваться къ отдѣльнымъ разговорамъ обжоръ, говорившихъ и глотавшихъ въ одно и то же время. Предметомъ большей части бесѣдъ былъ ужинъ послѣдняго бала у кого-то. Одни утверждали, что перепела отзывались рыбой, а другіе поносили заснувшаго будто бы въ Астрахани осетра, и дивились, какъ можно допускать подобнаго соню до порядочнаго общества. Магистръ, недовольный чѣмъ-то не совсѣмъ яснымъ для него самого, нашелъ и эту бесѣду не по себѣ, а услышавъ ритурнель мазурки, машинально возвратился въ залу. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ кто-то схватилъ его за плечо — передъ нимъ стоялъ графъ Н.

— Я за вами, сказалъ хозяинъ дома: жена ангажируетъ васъ на мазурку... Она тамъ, взгляните сюда, налѣво: видите высокаго конногвардейца, ну, съ длинными усами, видите? Подите въ ту сторону, найдете ее.

Бронскій, не ощущая особенной радости, пошелъ на высокаго конногвардейца и тотчасъ же нашелъ графиню. Обмѣнявшись съ нею нѣсколькими фразами, онъ приставилъ два стула къ длинному ряду ужь стоявшихъ, и мазурка началась.

— Я не успѣла еще сказать вамъ двухъ словъ, графъ, начала графиня Н.: но, на балѣ, хозяйка самое несчаст-

ное существо: долгъ ея заниматься только скучными людьми.

— Благодарю васъ, графиня, за невниманіе.

— И должны благодарить, мсье Бронскій: вами занималась я меньше, чѣмъ кѣмъ нибудь.

— Удвоиваю благодарность!

— И этого мало.

— Чувствую ее безгранично.

— Такъ лучше. Но вы не забыли сказаннаго мнѣ мужемъ?

— На счетъ мой, графиня?

— Да. Вы слышали, что онъ вмѣняетъ мнѣ въ обязанность протежировать васъ.

— Позвольте, графиня, почаще напоминать вамъ ваши обязанности.

— Всякій день; иначе забуду, предупреждаю.

— А я, графиня, предупреждаю васъ, въ свою очередь, что будущій вашъ protégé не приготовленъ еще къ дебюту.

— Мы начнемъ съ азбуки.

— Вы объяснили мою мысль и просьбу.

— Потомъ перейдемъ къ грамматикѣ, дойдемъ до глаголовъ, и когда мой новый ученикъ начнетъ спрягать, положимъ, хоть глаголъ aimer...

— То есть, скажетъ: je vous aime?

— Bravo, cher comte! comme vous y allez! vous auraisje déjà poussé si loin? Et mon pauvre mari? mais il l'a voulu lui même, воскликнула графиня, смѣясь отъ души...

— Comtesse, c'est votre tour! сказалъ сосѣдъ по мазуркѣ.

— Quoi? de l'aimer... lui? спросила графиня, указывая пальчикомъ на Бронскаго.

— Et de commencer la première figure, отвѣчалъ тотъ же сосѣдъ, низко кланяясь.

Эта выходка удвоила искренній смѣхъ хозяйки дома, и фигуру танца сдѣлала она только вполовину. Разумѣется, она ангажировала Бронскаго не для фигуръ, не для мазурки, а, вѣроятно, изъ повиновенія къ мужу, приказавшему ей особенно заняться сыномъ друга его, Льва Сергѣевича.

За ужиномъ графиня посадила кавалера своего между собою и голубымъ существомъ, съ которымъ, повидимому, была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Безъименная, въ продолженіе всего вечера, ни разу не измѣнила наружной своей холодности въ сношеніяхъ съ магистромъ, не называла его иначе, какъ «графъ,» и старалась чтобъ ея не называли по имени въ его присутствіи. Прощаясь, она поклонилась ему слегка, а графиня Н. протянула Бронскому свою ручку и не просила, а строжайше приказала являться ежедневно на урокъ. «En cas de désobéissance, je me plains à mon mari», сказала она вслѣдъ уходившему магистру. Съ страшнымъ хаосомъ въ головѣ возвратился Бронскій къ себѣ домой, съ тѣмъ же хаосомъ легъ въ постель, и только при звонѣ къ обѣднѣ сомкнулъ свои усталыя вѣжды.

Гораздо за полдень разбудилъ его Жоржъ и передалъ ему новое письмо, доставленное городскою почтою.

— Vous avez été charmant hier, mon bel ami — писала маска: je suis toute glorieuse de vos succès et ne vous en aime pas moins. A mardi!...

Это посланіе имѣло участь перваго, то есть разорвано было въ мелкіе куски. Впечатлѣніе, произведенное имъ, отличалось отъ впечатлѣнія, произведеннаго первымъ посланіемъ, тѣмъ только, что тогда Бронскій, прочитавъ его, не зналъ кого любитъ, а теперь зналъ, что

больше любить, какъ онъ, рѣшительно невозможно. Вторникъ сдѣлался для него цѣлью жизни, всею будущностью, предметомъ всѣхъ мыслей, всѣхъ желаній; прочіе дни могли бы и не существовать.

Но графиня Н., прелестная графиня Н., что дѣлать съ нею? спросилъ у самого себя Бронскій. Когда же, два часа спустя, Николай Николаевичъ спросилъ у Бронскаго, куда онъ ѣдетъ, тотъ отвѣчалъ: къ графинѣ Н. — Странно!

Въ концѣ первой недѣли свѣтскаго существованія магистра, Москва сдѣлала на его счетъ два самыя вѣрныя, безошибочныя заключенія. Вопервыхъ, что Бронскій, въ самомъ непродолжительномъ времени, женится на княжнѣ Саломеѣ Чинкурузиной, что ужь онъ помолвленъ и ожидаетъ только изъ за границы отца для оффиціальнаго обрученія. Второе, что Бронскій страстно влюбленъ въ графиню Н.

Первой вѣсти охотно вѣрило почтенное семейство Дарьи Борисовны, и крѣпко сомнѣвался одинъ только Костя, кричавшій во всеуслышаніе, что Бронскій не такъ глупъ, чтобъ вступилъ въ бракъ съ его кузиной; что вздумай онъ только жениться, такъ найдетъ невѣсту, можетъ быть, и не столь важную, какъ его кузина, за то менѣе угловатую.

Разъ вступивъ на путь разсѣянной жизни, Бронскій и не помышлялъ свертывать съ него. На замѣчанія Ламинскаго онъ отвѣчалъ, что, выполнивъ волю отца и собственную обязанность, считаетъ себя въ правѣ отдохнуть въ шумѣ свѣта отъ кабинетныхъ занятій. Почти каждый день отправлялся магистръ къ своему новому профессору, то есть къ прекрасной графинѣ Полинѣ. Отчета въ лекціяхъ не счелъ онъ нужнымъ отдавать Николаю Николаевичу; да тотъ и не требовалъ. Въ дѣй-

ствительности Бронскій только ѣздилъ часто къ прелестной графинѣ, думалъ же вовсе не о ней, а о маскѣ или голубомъ существѣ, выговаривавшемъ такъ мило слово «Serge».

ГЛАВА XX.

Есть въ Москвѣ мѣстечко, не всѣмъ извѣстное, за то и посѣщается оно почти одними и тѣми же лицами, принадлежащими преимущественно классу артистическому. Мѣстечко это не трактиръ, не гостинница, не кондитерская, не клубъ и не бѣлая харчевня; называется оно кофейною Печкина. Почему это мѣстечко называется кофейною — хорошенько не знаю. Пьютъ въ немъ болѣе всего водку, и думаю, что кофейною называется оно для приличія. Артисты, закуривающіе постоянно стѣны кофейной Печкина, приводятъ въ нее своихъ родственниковъ, знакомыхъ и не рѣдко любителей театра. Послѣднихъ знакомятъ съ мѣстечкомъ актеры. Въ немъ указываютъ они любителямъ на знаменитыхъ пѣвцовъ московскаго театра, на драматурговъ, на комиковъ, режиссеровъ, водевильныхъ капельмейстеровъ, и даже на таланты, употребляемые на сценѣ для размахиванія руками, выноса мебели, краткихъ докладовъ и всего прочаго, довольно интереснаго для пріѣзжаго театрала.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ описываемой нами эпохи, въ кофейную Печкина вошли двое мужчинъ. Одинъ былъ бѣлокурый, лѣтъ тридцати пяти, съ лицемъ одутловатымъ, съ мутными глазами, одѣтый ни дурно, ни хорошо; другой — полный, широкоплечій, длинноволосый, румяный, съ карими глазами и веселымъ лицемъ. Въ первомъ легко было узнать или пріѣзжаго недавно

въ Москву, или пришедшаго въ первый разъ въ кофейную; второй же, напротивъ, съ перваго шага изобличалъ въ себѣ только что не хозяина печкинскаго заведенія. Онъ назвалъ по имени и слугу, который снялъ съ него шубу, и слугу, закуривавшаго въ это время трубку, и слугу, записывавшаго въ книгу что-то такое, и слугъ, попавшихся на встрѣчу, и слугъ, просто стоявшихъ у притолки. Короче: румяный господинъ съ длинными волосами могъ бы, при случаѣ, назвать, и назвать безошибочно, обладателей длиннаго ряда калошъ, стоявшихъ въ прихожей, и хозяевъ шубъ, шинелей, бекешей и пальто, развѣшенныхъ по стѣнамъ; толстякъ зналъ кофейную наизустъ и рѣдко попадались ему въ ней такія руки, которыхъ бы не бралъ онъ въ свои и не сжималъ крѣпко.

— Какая же здѣсь духота! сказалъ бѣлокурый гость своему товарищу: изъ комнатъ дымъ валитъ столбомъ. Какъ бы, кажется, не догадаться растворить форточки...

— Нельзя, ихъ нѣтъ, отвѣчалъ толстякъ.

— Такъ задохнешься пожалуй....

— Мы привыкли, Михайло Михайлычъ, и вамъ душновато съ воздуха, а обсидитесь, привыкнете какъ разъ...

— Нечего дѣлать, сказалъ бѣлокурый, поднося платокъ къ носу и слѣдуя за товарищемъ въ другія комнаты, изъ которыхъ третья вмѣщала въ себѣ бильярдъ и цвѣтъ кофейнаго общества. Тутъ остановились румяный господинъ и товарищъ его.

Цвѣтъ общества игралъ à la guerre; состоялъ же онъ изъ сухопараго, низенькаго Грека, съ покривленною на сторону головою, посредственнаго пѣвца, роднаго брата перваго комика, роднаго брата первой актрисы, журнальнаго критика по части театровъ и двухъ юношей, изъ богатѣйшаго гостинодворскаго купечества. Присут-

ствовавшими при игрѣ были люди, похожіе частью на Грековъ, частью на родственниковъ артистовъ; сверхъ того, прохаживался вдоль и поперегъ бильярдной какой-то господинъ въ узкомъ черномъ фракѣ съ чрезвычайно узкимъ воротникомъ, со сборками на таліи и въ панталонахъ, похожихъ на лѣтнія. Черный галстухъ этого господина, а равно и сапоги его давно ужь утратили тотъ блескъ, который отличаетъ и шелковыя матеріи и кожаныя вещи, натертыя ваксой. Шея господина была тонка, плечи узки, рукава фрака коротки, жилетъ также, волосы суховаты, не причесаны и не завиты. Сморкался онъ, отвернувшись въ сторону, во что-то такое, что, не показывая, пряталъ въ карманъ. Подобныя лица часто встрѣчаются въ бильярдныхъ и постоянно съ трубкою или сигарою во рту. Ѣдятъ ли и пьютъ ли они, этого никто не видитъ. Они не молчатъ, не говорятъ, а изъявляютъ то восторгъ, возбуждаемый въ нихъ играющими, то сожалѣніе о неудачахъ тѣхъ же играющихъ. У этихъ господъ нѣтъ, кажется, ни фамиліи, ни званія, ни родства, ни занятія, разумѣется, нѣтъ и денегъ, не только имѣнія, но есть за то собственное имя и отчество, и имя это съ отчествомъ извѣстно ужь всѣмъ, какъ посѣтителямъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ прикомандированы судьбою эти господа, такъ и маркерамъ и половымъ. Сверхъ того, весь этотъ родъ трактирныхъ амфибій такъ учтивъ, что никогда не садится ни передъ кѣмъ и не посылаетъ никогда никого, ни зачѣмъ; ходитъ же родъ этотъ за всѣмъ лично. Нужна ли трубка, амфибія оглядывается, высматриваетъ углы, промежутки между стульевъ и, не находя вакантной, наблюдаетъ за трубками гостей. Едва послышится предсмертное трубочное хрипѣніе, только вылетитъ послѣднее чадное облако дыма изъ чьихъ бы то ни было устъ, амфибія подбѣгаетъ къ

устамъ этимъ и съ улыбкою спрашиваетъ обыкновенно: «позвольте-съ, или можетъ быть угодно свѣженькую?» Въ послѣднемъ случаѣ онъ закуренную трубку подноситъ самъ, а въ первомъ набиваетъ ее собственнымъ табакомъ.

Классъ этихъ кочующихъ кометъ различными угожденіями и услугами снискиваетъ расположеніе буфетчиковъ, приказчиковъ, маркеровъ и прочихъ почетныхъ членовъ трактирнаго штата; съ одними пьетъ чай, дѣлится съ другими остаткомъ растегая, кускомъ битой говядины, обрѣзкомъ бальика и прочимъ, проводитъ дни и вечера въ биліярдныхъ и выжидаетъ счастья. Кометы снабжаютъ кунеческихъ сынковъ различными адресами, бѣгаютъ за извозчиками, приносятъ огонь для трубокъ и получаютъ за трудъ то ласковое слово, то ходячую монету, а иногда и полъ-пары поношеннаго платья. Къ кометному созвѣздію этому принадлежалъ и тотъ господинъ, котораго засталъ въ печкинской кофейной знакомецъ нашъ Михайло Михайловичъ Суркинъ съ толстымъ, длинноволосымъ товарищемъ своимъ. Очень измѣнился супругъ Фабіи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія; не былъ онъ сѣдъ, правда, благодаря свойству бѣлокурыхъ волосъ, но крайне опустился. Неестроумное лице его выражало какое-то внутреннее безпокойство, какую-то постоянную тревогу, обращавшую на себя, съ перваго взгляда, вниманіе каждаго встрѣчнаго. Блондинъ окинулъ [illegible]мъ всѣхъ присутствовавшихъ, взглянулъ на дверь слѣдующей комнаты и, молча, сѣлъ противъ самыхъ дверей. Краснощекій товарищъ его пережалъ всѣ руки, переспросилъ всѣхъ о житьѣ бытьѣ, улыбнулся по очереди всѣмъ, потрепалъ по плечу маркера, назвалъ комету Викторомъ Протасьевичемъ и тогда только подсѣлъ къ Михайлу Михайловичу, когда убѣдился,

что не обошелъ привѣтствіемъ ни одного живаго существа, найденнаго имъ въ кофейной.

— Теперь не хлебнуть ли намъ чайку? спросилъ длинноволосый у Суркина.

— Пожалуй, отвѣчалъ тотъ равнодушно: кстати мнѣ холодно что-то.

— Нездоровы?

— Самъ не знаю.

— Спросить ромку?

— Дѣло!

— И лимонцу спросить? Эй, Алексѣй! (Комета подбѣжала). — Ахъ! Викторъ Протасьевичъ! прибавилъ ласково румяный толстякъ: сдѣлайте дружбу, прикажите Роману Ѳомичу, конторщику — вы знаете? прислать намъ полъ-порціи чаю, да и лимонцу съ ромкомъ.

— Ромку-то сколько прикажете?

— Рюмки двѣ, три.

— Сію минуту-съ.

— И трубочку мнѣ велите подать, Викторъ Протасьичъ.

— Табакъ свой-съ? спросила комета.

— Нѣтъ, не взялъ.

— Такъ прикажите-съ, я набью своимъ собственнымъ.

— Зачѣмъ же васъ раззорять?

— Помилуйте-съ, молоды-съ, сочтемся [redacted] нибудь, замѣтила комета, ухмыляясь.

— Ну, ну, набейте; спасибо вамъ.

— Кто это? спросилъ блондинъ, наклонясь къ товарищу.

— Добрый малый.

— Что же онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Трется, такъ, изъ бѣдности; занятія вѣрно нѣтъ постояннаго...

— Не актеръ онъ?

— Какъ можно!

— То есть не театральный?

— Куда! и въ «гости» не возьмутъ, и въ «черти» не попадетъ: вѣдь и адъ театральный требуетъ обхожденія.

— Ну, эти же господа, что играютъ, изъ вашихъ?

— Вотъ тотъ высокій не нашъ собственно, а братъ онъ того пѣвуна, знаете, что видѣли вчера въ «Чуровой Долинѣ».

— Помню, помню.

— А этотъ, въ синемъ, хотѣлъ поступить по драматической части, да оборвался, и память у него булыжная; разсмѣшилъ насъ однажды такъ, что и суфлера вытащили въ судорогахъ, насилу оттерли. Представьте себѣ: репетируетъ онъ для дебюта въ «Кузьмѣ Рощинѣ» или въ «Двумужницѣ», не помню, и приходится ему говорить въ трогательномъ мѣстѣ: «Ужь не я ли ее вырвалъ изъ рукъ....» тамъ, не помню, изъ чьихъ рукъ; дѣло-то въ томъ, что пришлось говорить—нѣтъ-съ, забылъ. Суфлеръ, знаете, и шепчетъ: «ужь не я ли ее», онъ услышалъ и повторилъ гробовымъ басомъ: «ужь не я ли ее», потомъ повторилъ второй разъ то же самое, въ третій... Суфлеръ кричитъ: «вырвалъ, вырвалъ».... покажись ему «выбралъ», какъ гаркнетъ: «ужь не я ли ее выбралъ!...» Мы и покатились, да такъ покатились, что многихъ схватилъ припадокъ...

— Этотъ же, черненькій, кто?

— Кривошейка?

— Да.

— Это Грекъ.

— А молодые?

— Купеческія дѣтки; у одного восемь домовъ за Москвой рѣкой, а у другаго лавокъ съ двадцать въ «городѣ». Оба подъ опекою за долги. Чуть ли не попадутъ скоро въ конкурсъ — теплые ребята! Тѣ же, что сидятъ на диванѣ, аферщики, торгуютъ всякой всячиной; попадись имъ въ лапы, не выпустятъ не обдувши — такой народецъ! Только увидятъ новое лице, такъ и льнутъ...

Слушая товарища, Суркинъ глубоко вздохнулъ. Казалось, при описаніи «аферщиковъ», въ головѣ блондина промелькнула какая-то тяжелая мысль.

Въ это время бильярдные игроки вели свою рѣчь и острились другъ надъ другомъ. Актеры посмѣивались надъ купеческими сынками, купеческіе сынки издѣвались надъ Грекомъ, Грекъ обыгрывалъ всѣхъ и не оскорблялся насмѣшками. Сидѣвшіе на диванѣ то хвалили ловкіе удары Грека, то давали совѣты противникамъ кривошейки и давали совѣты вредные для самихъ противниковъ. Въ скоромъ времени въ бильярдную возвратился и Викторъ Протасьевичъ, въ сопровожденіи служителя, принесшаго чайный приборъ, съ лимономъ, ромомъ и прочими принадлежностями. Комета вручила длинноволосому господину закуренную трубку и въ замѣнъ ея получила большую рюмку съ ромомъ, а впослѣдствіи получила и стаканъ чаю съ ломтемъ лимона — счастливая комета!

Во время распитія подкрѣпляющаго напитка, разсказы румянаго господина не прерывались ни на одну минуту. Слушая эти разсказы, Суркинъ безпрестанно поглядывалъ на часы и на дверь до тѣхъ поръ, пока не поклонился кому-то и не протянулъ кому-то руки своей, все таки смотря на дверь, ведущую въ буфетъ. Ново-

прибывшая особа, равно намъ знакомая и ни мало не измѣнившаяся, былъ господинъ Гифтштейнъ. Еврей измѣнился, впрочемъ, въ одномъ только: одежда его отличалась отъ прежней чрезвычайною изысканностью, щеголеватостью и даже опрятностью. Прежній потертый сюртукъ замѣнилъ онъ коричневымъ фракомъ, шнурокъ — золотою цѣпью, серебряную луковицу — женевскими часами, шелковый, грязный лоскутъ — черным шарфомъ, заколотымъ двумя блестящими алмазными булавками. Гифтштейнъ былъ распомаженъ, въ перчаткахъ и съ глянцовитою шляпою въ рукѣ. Отъ прежняго жида осталась на немъ только та же жидовская образина, съ тѣми же толстыми губами, совинымъ носомъ, красноватыми глазами и жидовскимъ запахомъ, усиленнымъ десятью годами.

Поморгавъ и пофыркавъ носомъ, Гифтштейнъ приблизился къ Суркину, посмотрѣлъ прищурившись на длинноволосаго господина, на всѣхъ прочихъ, и подсѣлъ къ чайному столику.

— Ну, говорите же скорѣе, почтеннѣйшій Осипъ Осипычъ, какъ дѣлишки? устроились ли вы? спросилъ блондинъ съ робостью и нетерпѣніемъ.

— То устроилъ; а есть новое... отвѣчалъ Еврей многозначительно.

— Какое новое? что еще?

— Не хорошее, такое не хорошее, что ужасъ!

— Вотъ тебѣ и новая радость! воскликнулъ Михайло Михайлычъ, опуская руки: ужь не новое ли взысканіе?

— Хуже; со взысканіемъ знаешь какъ потрафить, а это...

— Что жь такое, наконецъ? Вы просто пилите меня, Осипъ Осипычъ.

— Тотъ актеришка, что звался, помните, Поразительный...

— Ну, ну! Суркинъ побѣднѣлъ.

— Его видѣли.

— Въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ.

— Что же вы сдѣлали, Осипъ Осипычъ?

— А что же я буду дѣлать съ нимъ? Я его не знаю и дѣлъ никакихъ съ нимъ не дѣлалъ... а мнѣ же что въ немъ? пропади онъ!

— Какъ не дѣлали дѣла, какъ не дѣлали? а Ламинскій?

— Что же Ламинскій?

— Какъ что?

— Что же Ламинскій? повторилъ иронически жидъ: Ламинскій умеръ, а добро его пошло къ вамъ, либо пошло въ магазины черезъ ваши руки, Михайло Михайлычъ; я же и рубля не видалъ, и чистъ...

— Вотъ какъ говорите вы теперь, Осипъ Осипычъ, вотъ какъ! А заемное письмо мое въ 180 тысячь, удвоенное десятилѣтіемъ?

— Что же толку въ бумажкѣ? вы же не платили по немъ ни гроша; чего же и жалуетесь?

— Я не платилъ, а вы все таки протестовали заемное письмо, Осипъ Осипычъ, а вы все таки забрали и женины брилліанты, и закладную на все имѣніе, и всѣ вещи. Захотите только, и я пойду по міру съ сумою...

— Захочу, либо нѣтъ, Михайло Михайлычъ, а покуда моими деньгами располагайте какъ собственностью. Сколько чистыхъ перебрали, помимо вещей!

— Не я же перебралъ, Осипъ Осипычъ, и не я тратилъ деньги ваши, жалобно проговорилъ Суркинъ.

— Все равно, что мужъ, что жена.

— Нѣтъ, не все равно.

— Ваше дѣло...

— Знаю, что мое, да не знаю, чѣмъ все это кончится — вотъ чего не знаю.

— Не будь актеришки того, кончилось бы какъ нибудь.

— Чего же онъ хочетъ, этотъ злодѣй, этотъ ненасытный? чего требуетъ Поразительный? и будетъ ли конецъ его требованіямъ? Сколько ужь разъ клялся онъ не являться больше ко мнѣ, сколько разъ выжималъ онъ у меня послѣднюю копейку!

— Мошенникъ!

— Не мошенникъ, а чудовище! И какъ я рѣшился тогда на черное дѣло, и гдѣ была голова?

— Не женились бы на Фабіи Антоновнѣ, замѣтилъ Еврей насмѣшливо.

— И какъ бы хорошо сдѣлалъ!

— Попалась бы жена не красавица.

— Тѣмъ лучше.

— Чего лучше! никакого лучше нѣтъ; друзей бы не было...

— Вы смѣетесь надъ моимъ горемъ, Осипъ Осипычъ!

— Какъ же мнѣ смѣть смѣяться! Я послѣдняя спица у васъ на дому; надо мною Фабія Антоновна, что надъ псомъ ругается.

— Да, она крѣпко не любитъ васъ, отвѣчалъ Суркинъ въ разсѣянности.

— А не любитъ, а не любитъ, такъ и Богъ съ ней! проговорилъ Гифтштейнъ съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ и голосѣ, котораго перепугался самъ веселый длинноволосый толстякъ, не слыхавшій, впрочемъ, ни одного слова изъ разговора Еврея съ блондиномъ.

Игра на бильярдѣ продолжалась, продолжали вы-

летать и остроты изъ устъ игравшихъ, продолжалась и бесѣда за чайнымъ столомъ, но прерывалась она часто, и еще чаще покрывалось отчаянною блѣдностью лице Суркина. Изъ немногихъ словъ, сказанныхъ о Суркинѣ Николаю Николаевичу Иваномъ Андреевичемъ, не мудрено было заключить, что женитьба на Фабіи не принесла блондину большаго счастія. Настоящее же положеніе дѣлъ Михайла Михайловича было такого рода, что изъ за близкаго раззоренія выглядывало для Суркина и заслуженное наказаніе. Выслушавъ длинный разсказъ Гифтштейна о чемъ-то, блондинъ провелъ рукою по лбу и отчаяннымъ голосомъ прошепталъ, обращаясь къ Еврею:

— Что жь дѣлать? что жь дѣлать? Научите, хоть изъ жалости...

— И самъ не знаю, чтобъ такое предпринять... и самъ не придумаю, отвѣчалъ тотъ.

— Однако жь?

— Не надежно.

— Что не надежно?

— Ничего не надежно; коли бы еще деньги водились...

— Нѣтъ денегъ!

— Коли бъ вещи какія...

— И вещей нѣтъ.

— Осталось что нибудь у Фабіи Антоновны?

— Она не дастъ ничего; ей все равно.

— Чудная женщина!

— Ужасная женщина! воскликнулъ Суркинъ.

— А хороша! Пусть только взглянетъ на гроши — гроши подѣлаются червонцами; такіе глазки у Фабіи Антоновны...

— Для меня и этого не сдѣлаетъ; и будь она дѣй-

ствительно способна взглядомъ превращать мѣдь въ золото, не взглянула бы для моего спасенія...

— Ну, пусть сдѣлаетъ это для себя.

— Какъ для себя?

— Такъ, какъ бываетъ; не то, чего добраго, докажутъ, что она участвовала, что и она знала про дѣло, что черезъ нея и деньги прошли. Чего добраго, докажутъ...

— Какая мысль, Осипъ Осипычъ! какая безподобная мысль! и какъ вы ранѣе не вздумали объ этомъ! радостно воскликнулъ блондинъ. Да знаете ли вы, что этимъ способомъ мы все устроимъ, все исправимъ?

— Думайте о себѣ, Михайло Михайлычъ; мои же дѣла не ваши и ваши не мои.... Мнѣ, благодаря Бога, бояться нечего...

— Ну, все равно.

— Совсѣмъ не все равно.

— Ну, положимъ, я говорю про себя собственно и, воспользовавшись счастливою мыслью вашею, начну сегодня же... Прощайте, Осипъ Осипычъ, до завтра... Къ намъ не ѣздите: она не приметъ васъ; но здѣсь, въ эту пору, я буду завтра непремѣнно.... Поразительнаго подержите короткое время, поторгуйтесь съ нимъ, и мы увидимъ....

Схвативъ шляпу, Суркинъ выбѣжалъ вонъ изъ кофейной, а Еврей проводилъ его до дверей такими глазами, какими, вѣроятно, смотритъ духъ искуситель на свои жертвы. Какую же пользу надѣялся извлечь Михайло Михайловичъ изъ счастливой мысли Еврея, это узнаемъ мы въ самомъ непродолжительномъ времени.

ГЛАВА XXI.

Дождался наконецъ слѣдующаго вторника влюбленный магистръ. Увѣривъ Николая Николаевича Ламинскаго, что ѣдетъ въ маскарадъ для того только, чтобъ послушать новыя польки, недавно показавшіяся въ свѣтъ и производившія фуроръ, Бронскій одѣлся будто не хотя и выѣхалъ изъ дома позже обыкновеннаго. На этотъ разъ, для избѣжанія докучныхъ масокъ, предполагалъ онъ явиться въ Собраніе не въ бальномъ костюмѣ своемъ, а въ черномъ домино, заказанномъ наканунѣ и ожидавшемъ его въ магазинѣ мадамъ Лебуръ. Предусмотрительный магистръ внутренно благодарилъ судьбу за счастливую мысль, пришедшую ему въ голову. У первыхъ дверей залы, вѣроятно, стерегли его двѣ женскія маски; въ первой узналъ онъ графиню Н., во второй — княжну Саломею. Обѣ онѣ бросили другъ на друга непріязненные взгляды, обѣ не обратили вниманія на скромное домино, скрывавшее Бронскаго.

«Но вотъ и она, моя очаровательная незнакомка!» сказалъ самъ себѣ графъ Сергѣй, подходя къ голубому когда-то, а теперь къ черно-атласному существу, облеченному въ черныя кружева. Бросивъ быстрый и проницательный взоръ на капуцина, незнакомка улыбнулась глазами и схватилась ручками своими за его правую руку.

— Какъ ты милъ, что пріѣхалъ и пріѣхалъ въ этомъ нарядѣ! сказала она.

— Я твой сегодня, шепнулъ капуцинъ.

— А я всегда, прибавила маска.

— За исключеніемъ всѣхъ дней недѣли, замѣтилъ капуцинъ.

— Не исключая ни одной минуты! отвѣчала маска страстнымъ голосомъ. — Но не уже ли ты не вѣришь, Serge, что я люблю тебя, что я живу тобою?...

— А я страдаю!

— Ты?

— Да, я страдаю, сомнѣваюсь и въ словахъ твоихъ и....

— Неблагодарный!

— За что же, скажи, благодарить тебя? къ чему испытаніе? зачѣмъ таинственность? На балѣ у графини Н. не убѣдился ли я, что ты прекрасна, что сфера твоя высшее общество, что взгляда твоихъ глазъ жаждутъ всѣ, а словомъ гордятся....

— Ты любишь, какъ любятъ всѣ.

— То есть, всѣмъ сердцемъ, всѣми чувствами, доступными людямъ.

— То есть обыкновеннымъ людямъ!

— Чего же хочешь ты, говори?... какихъ требуешь жертвъ?

— Ты любишь другихъ?

— Нѣтъ!

— Ты любишь Анну. Она твоя невѣста...

— Тѣмъ хуже для нея, потому что, при одной мысли о женитьбѣ, сердцу моему становится холодно, отвѣчалъ капуцинъ.

— Кромѣ любви, Serge, продолжала незнакомка: всею дружбою твоею овладѣлъ Ламинскій.

— Онъ мой наставникъ.

— Я ненавижу Ламинскаго, я ревную его...

— Ламинскій еще не знаетъ о твоемъ существованіи: Ламинскаго обманулъ я, обманулъ друга, и все таки для тебя!...

— Упрекъ?...

— Нѣтъ, доказательство...

— Чувствъ?

— Да.

— Любви?

— Страсти.

— Serge, отдай мнѣ права Ламинскаго на твою дружбу; безъ нея чувство не полно.

— Ты смѣешься?

— Нѣтъ; я дитя, капризное, упрямое, избалованное дитя! Отдай мнѣ, чего требую, и женись на Аннѣ, пожалуй; ея я не боюсь!

— Ты требуешь невозможнаго; ты требуешь не жертвы, а неблагодарности...

— Прощай!

— Нѣтъ; я не кончилъ, маска, перебилъ Бронскій, судорожно удерживая ее за руку. Ты можешь сдѣлать со мною все, ты можешь болѣе, чѣмъ могъ бы я самъ. Ламинскій не другъ мнѣ; вотъ мое слово, довольно ли?

— Почти.

— Что же? что еще?

— Я требую ненависти къ этому человѣку.

— Объясни мнѣ это чувство.

— Старайся выкупить дружбу враждою, старайся поселить въ другѣ то чувство, которое вытѣснило бы собою все прошлое расположеніе — понимаешь?

— Да, понимаю и ужасаюсь!

— Ребенокъ! А я? а мои чувства, а любовь моя со всѣми жертвами?... прибавила маска, останавливаясь.

— Гдѣ оружіе ненависти, гдѣ вражда? Укажи скорѣе, я выполню... проговорилъ магистръ голосомъ, задыхавшимся отъ страсти.

— Искать не нужно, но пользуйся ими, когда пред-

ставится случай, шепнула маска, увлекая Бронскаго въ ротонду.

— Теперь сядемъ, и довольно объ этомъ....

Безъименная сняла душистую перчатку съ дѣтской ручки своей и ручку эту отдала магистру.

До трехъ часовъ не выходила рука кружевнаго домино изъ трепещущихъ рукъ Бронскаго; до трехъ часовъ промчалось время и промчалось въ очаровательныхъ предположеніяхъ о будущемъ счастіи, въ ожиданіи котораго единственный сынъ добродѣтельнаго графа Льва Бронскаго превратился въ человѣка довольно обыкновеннаго, въ мелочнаго свѣтскаго злодѣя, въ Донъ-Жуана средней руки. И какъ искренно смѣялся онъ и надъ Ламинскимъ, и надъ графинею Н., безпрестанно проходившею мимо ротонды, и надъ всею Абхазскою Областью, начиная съ представительницы ея, княжны Саломеи, и надъ всѣмъ безъ исключенія...

Лампы погасали ужь, когда сошелъ съ лѣстницы капуцинъ, державшій за руку безъименную красавицу. Въ обширныхъ сѣняхъ присѣли они еще разъ, въ ожиданіи каретъ своихъ. Сердце магистра билось неровно, голова его кружилась.

— Vous frissonnez, Serge, сказала маска, запрятывая руку капуцина въ свою соболью муфту: vos mains sont froides comme de la glace»... et moi je brûle, regardez... Лѣвою рукою она приподняла снизу маску свою, а правою поднесла руку Бронскаго къ своимъ щекамъ.... рука магистра коснулась устъ незнакомки...

— Карета графа Бронскаго! крикнулъ жандармъ у наружныхъ дверей большаго подъѣзда.

— Allez, mon ami, allez, шепнула маска, убѣгая въ лѣвую дверь, ведущую на малый подъѣздъ.

На другой день утромъ, магистръ получилъ записку слѣдующаго содержанія.

«Mon cher Bronsky!

«Si vous n'êtes pas mort, vous avez fait pire que cela, en manquant à votre parole de gentilhomme. Manquer à une femme, c'est se deshonorer!

Comtesse P. N.»

«Venez vous justifier; mon mari est désolé de ne pouvoir vous faire les honneurs de son diner: il est absent.»

Графиня въ этотъ день заперла дверь свою для всѣхъ, за исключеніемъ Бронскаго. За минуту до обѣда сконфуженный магистръ сидѣлъ ужь передъ сконфуженнымъ судьею своимъ, одѣтымъ въ очаровательный пеньюаръ.

— Отчего вы не были вчера въ Собраніи? былъ первый вопросъ судьи.

— Я былъ и видѣлъ васъ, графиня, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Вы были съ букетомъ бѣлыхъ камелій.

— Кто вамъ сказалъ?

— Могъ бы сказать баронъ Гриненфельдъ, вчерашній кавалеръ вашъ.

— Бронскій! вы не были въ маскарадѣ...

— Графиня! баронъ увезъ съ бала цвѣтокъ, котораго не достаетъ въ вашемъ букетѣ; гдѣ букетъ?

— Я не видала васъ, Serge.

— Я видѣлъ и барона, и букетъ, и цвѣтокъ въ петлицѣ баронова фрака; я слышалъ...

— И не остались вы?...

— Остался онъ, графиня.

— Enfant! сядьте тутъ, возлѣ меня и цѣлуйте ручку; я не сержусь болѣе, сказала хозяйка дома, улыбаясь и протягивая юношѣ свою бѣленькую ручку.—Но можно

ли же дѣлать подобныя вещи? заставить меня дожидаться, скучать до утра, и изъ за чего же?...

— Я пробылъ вѣчныхъ пять минутъ въ Собраніи.

— Въ другой разъ мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Въ другой разъ я не поѣду вовсе, графиня, отвѣчалъ магистръ, настроивая голосъ свой подъ тонъ ревниваго Отелло.

— Mauvaise plaisanterie...

— Qu'une fleure à la boutonnière d'un beau baron?...

— Qu'un mauvais garnement comme vous, monsieur! Но полно смѣяться, Serge; я, пресерьезно, разсердилась на васъ и бранила всѣхъ сегодня. Мужъ не избѣгъ общей участи и уѣхалъ на цѣлый день — довольны вы?

— Нѣтъ; присутствіе графа избавило бы меня отъ необходимости сказать вамъ очень непріятную для меня новость, графиня.

— Par exemple?

— Письмо отца вызываетъ насъ съ Ламинскимъ въ Варшаву.

— Что вы говорите!

— Отецъ желаетъ видѣть меня и друга нашего, Николая Николаича Ламинскаго, скорѣе. Завтра мы ѣдемъ.

Лице графини мгновенно измѣнилось; уста ея раскрылись, голосъ замеръ, она чуть не заплакала.

— Я не могъ отказать себѣ въ грустномъ счастіи проститься съ вами, прибавилъ Бронскій.

— Нѣтъ, вы пошутили, Serge?... вы хотите помучить меня за вчерашній балъ, за этого несноснаго барона? проговорила графиня, стараясь улыбнуться.

— Ни мало не шучу; письмо отца...

— Но, Богъ мой! Serge, вамъ ѣхать теперь невозможно, вы не можете ѣхать....

— Обязанность....

— Обязанность, обязанность! воскликнула хозяйка: этого слова не нужно было бы вамъ произносить; это слово...

— Отецъ не проститъ невниманія....

— И я, надѣюсь, имѣю нѣкоторое право на вниманіе ваше, графъ; долгъ сына — священный долгъ, не спорю... но долгъ...

— Вѣрьте, графиня, я въ совершенномъ отчаяніи.

— Я повѣрю дѣйствію, а не словамъ.

— Изобрѣтите средство.

— Вы занеможете, Serge; мой докторъ станетъ посѣщать васъ два раза въ день; чрезъ два три дня больной оставитъ постель, будетъ принимать друзей, близкихъ... и мы увидимся, не правда ли?

— Средство прекрасное для женъ противъ мужей, замѣтилъ, съ сардоническою улыбкою, Бронскій: но отецъ...

При этомъ замѣчаніи, въ графинѣ Н. пробудилась вся ея врожденная гордость; станъ ея какъ бы выросъ, голова приподнялась, а глаза сверкнули пламенемъ.... Взора недавно еще сантиментальной графини не вынесъ Бронскій и потупилъ глаза; на колкое замѣчаніе свое не дождался онъ отвѣта; до слуха его долетѣлъ звонъ колокольчика.

— Позвать дѣтей и гувернантку, сказала хозяйка дома вошедшему слугѣ: онѣ будутъ обѣдать съ нами. А вы, графъ, простите мое минутное отсутствіе, я тотчасъ возвращусь.

Роли перемѣнились; и если бъ кто нибудь взглянулъ на оставленнаго съ самимъ собою молодаго человѣка, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, подумалъ бы, что ѣдетъ въ Варшаву по обязанности не графъ Сергѣй Бронскій, а графиня Полина Н.

Хозяйка возвратилась въ гостиную, минуту спустя послѣ вошедшей въ нее гувернантки съ прелестными дѣтьми пяти и четырехъ лѣтъ. Старшій изъ дѣтей былъ мальчикъ, а меньшая—дѣвочка, оба живыя изображенія отца, нѣкогда очень красиваго мужчины. Во все продолженіе обѣда рѣчь не коснулась ни разу ни до вчерашняго бала, ни до отъѣзда Бронскаго. Графиня смѣшила дѣтей, смѣялась съ гувернанткою, дразнила собачку, а по выходѣ изъ за стола, сѣла за фортепьяно и заставила дѣтей полькировать. Часъ спустя, она объявила гувернанткѣ о намѣреніи своемъ ѣхать кататься въ саняхъ, пожелала магистру счастливаго пути и отправилась въ свой кабинетъ, напѣвая что-то веселое.

Оскорбленный до глубины души, Бронскій откусилъ длиннѣйшій изъ всѣхъ ногтей своихъ и, не заставъ у графскаго подъѣзда кареты, отосланной имъ же самимъ, взялъ перваго попавшагося ему извощика и возвратился домой.

Случай сдѣлать Николаю Николаевичу первую непріятность, самъ собою представился благоразумному магистру. Ламинскій позволилъ себѣ въ первый разъ спросить у графа, отчего онъ возвратился такъ рано?

— Право, Николай Николаичъ, угодить вамъ нѣтъ никакой возможности, отвѣчалъ Бронскій не ласково: то позднее мое возвращеніе тревожитъ васъ, то слишкомъ раннее возбуждаетъ...

— Неумѣстное любопытство, вы хотите сказать? спросилъ удивленный Ламинскій.

— Не неумѣстное, но...

— Приблизительно?

— Да, почти, или приблизительно, отвѣчалъ магистръ, разваливаясь въ креслахъ.

*

— Вы, кажется, разстроены чѣмъ-то необыкновеннымъ, Сергѣй Львовичъ?

— Необыкновеннымъ? нѣтъ; но надоѣло мнѣ обыкновенное препровожденіе времени дома, Николай Николаичъ.

— Средства къ излеченію этого недуга искать не нужно; полагаю, оно найдено.

— То есть, дѣлать то, что я дѣлаю, и уѣзжать?

— Да, дѣлать то, что вы дѣлаете, и уѣзжать.

— Но остаются ночи... утра, наконецъ...

— Утра, можетъ быть; ночи же...

— Новое замѣчаніе!

— Совершенно новое, графъ, потому что дѣлаю его въ первый разъ, отвѣчалъ Ламинскій очень спокойно.

— Всякое начало, Николай Николаичъ, называютъ философы кражею времени у собственной жизни, когда конца этому началу не предвидится...

— Кончите же рѣчь вашу, Сергѣй Львовичъ, отвѣчалъ Ламинскій, садясь противъ любимца своего: начало я постараюсь упомнить.

— Но я говорилъ не про себя...

— Про кого же?

— Про первое, какъ вы сказали, замѣчаніе ваше.

— Мое? повторилъ Ламинскій: моимъ замѣчаніямъ положитъ конецъ тотъ, кто въ правѣ возвысить голосъ въ моемъ присутствіи, графъ. Мои замѣчанія разсудитъ графъ Левъ Сергѣичъ; вамъ говорить о нихъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ; вы только магистръ передъ свѣтомъ, передо мною же вы ученикъ... а забудетъ ученикъ свою роль, наставникъ напомнитъ. Не даромъ же платитъ отецъ наставнику и дружбою и довѣренностію....

— Какой тонъ, какія выраженія сегодня у васъ, учи-

тель мой! сказалъ насмѣшливо молодой человѣкъ: сообщество полуистлѣвшихъ in-folio вашихъ превратятъ васъ въ Сенеку!

— Молите небо предостеречь меня отъ подобнаго превращенія; иначе замѣчанія...

— Мнѣ какое до нихъ дѣло, почтеннѣйшій Николай Николаичъ? И природа и общество полагаютъ предѣлъ всему, не исключая назидательныхъ и общеполезныхъ совѣтовъ, а равно и замѣчаній. Курсъ ученія конченъ, и ученикъ дѣлается свѣтскимъ человѣкомъ; рожденіе обозначаетъ въ свѣтѣ мѣсто, которое ему назначено, а средства помогаютъ вступающему поддержать себя на занятомъ имъ мѣстѣ; все это ясно, мнѣ кажется.

Выслушавъ терпѣливо магистра, Ламинскій медленно приподнялся съ своего мѣста.

— Вы сегодня въ какомъ-то раздражительномъ состояніи, сказалъ онъ: и останься я здѣсь долѣе, не ручаюсь, вы, пожалуй, наскажете мнѣ еще больше вздору... и потому совѣтую одуматься, отдохнуть, если устали, и прійдти въ себя.

— Новый совѣтъ!

— Все таки первый въ этомъ родѣ.

— Родъ мнѣ не нравится, Николай Николаичъ.

— Тѣмъ хуже...

— Для васъ, потому что подобныхъ совѣтовъ я впредь выслушивать не намѣренъ.

— Что?

— Ни такихъ, ни какихъ иныхъ совѣтовъ я давать себѣ не позволю, прибавилъ юноша голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣва: домъ этотъ мой и хозяинъ въ немъ — я!...

— Чести же имѣть меня гостемъ своимъ вы недо-

стойны, графъ, отвѣчалъ Ламинскій, медленно выходя изъ комнаты.

— Карету мою! крикнулъ Бронскій, вставая, въ свою очередь.

Благовоспитанный молодой человѣкъ вышелъ наконецъ изъ тѣхъ границъ, которыя начертали ему воспитаніе, и примѣръ друга, и все, все прошлое. Вспомнивъ о вчерашнемъ требованіи безъименной маски, магистръ только что не торжествовалъ побѣды, одержанной имъ надъ своими добрыми свойствами и надъ терпѣніемъ наставника. «Теперь я принесъ первую жертву», думалъ Бронскій: «еще нѣсколько дней и я заставлю маску выполнить условіе!»

Довольно высокою цѣною покупалъ графъ Сергѣй Львовичъ постепенное пріобрѣтеніе сердца голубаго существа. Не купилъ ли онъ цѣною скрытности названіе Serge? не солгалъ ли Serge два раза за второе свиданіе, въ сущности не принесшее ему, Сержу, ничего? не обманулъ ли тотъ же Serge графини Н.? Не доставало еще большихъ дурачествъ, и большія дурачества сдѣланы. Ламинскій часа не остался гостемъ въ домѣ магистра и переѣхалъ въ гостинницу, а переѣхавъ, слегъ въ постель. За врачемъ тотчасъ же послалъ Вильгельмъ Кроатце, проводившій его до гостинницы и плакавшій вмѣстѣ съ нимъ.

Вотъ что дѣлаетъ женскій взглядъ и ласковое слово, произнесенное кстати!

ГЛАВА XXII.

Въ понедѣльникъ, наканунѣ послѣдняго маскарада въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, въ тотъ са-

мый вечеръ, когда Михайло Михайловичъ Суркинъ вознамѣрился извлечь изъ счастливой мысли мудраго Гифштейна множество пользы, блондинъ возвратился къ себѣ домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Блондинъ занималъ чуть ли не самый великолѣпный домъ во всемъ Аѳанасьевскомъ Переулкѣ. За наемъ этого дома заплатилъ Михайло Михайловичъ полторы тысячи ассигнаціями въ годъ, а за отдѣлку платила Фабія Антоновна вдесятеро. За меблировку взялъ одинъ пикъ не вѣсть что. Стоили также не мало и драпировка, и бронзы, и мраморъ, и статуэтки и вся необходимая въ нашъ вѣкъ утварь, какъ-то: севрскія вазы, дрезденскія фарфоровыя пастушки, «буря» Айвазовскаго, «глиняный нищій Гювера», и пр., и пр. Всѣмъ этимъ снадобьемъ напичкано было жилище Фабіи Антоновны; и не будь самого Михайла Михайловича, очень счастливо проживала бы въ домѣ этомъ достойная дщерь покойной Аделаиды Ивановны Крыжковой.

Супругъ Фабіи, не снимая теплой бекеши, прошелъ прямо въ дѣвичью и спросилъ, дома ли барыня.

— Развѣ вамъ нужно? спросила удивленная горничная, не привыкшая къ повелительному тону блондина.

— Вѣрно нужно, когда спрашиваю.

— Барыня изволитъ почивать.

— Врешь.

— Посмотрите сами; чего я стану врать? какая мнѣ нужда врать? большая мнѣ крайность!

— Такъ поди же въ спальню и доложи барынѣ, что я хочу войти.

— Подите сами, а я докладывать не стану, сказала горничная.

— Ахъ, ты дура!

— Нечего дура; пусть и дура, и всякая, а не пойду.

— Да знаешь ли, что я съ тобою сдѣлаю?

— Ничего не сдѣлаете.

Горничная, видно, знала Михайлу Михайловича коротко, потому что онъ дѣйствительно ровно ничего не сдѣлалъ горничной, и, поперхнувшись, просилъ ее только доложить супругѣ своей, что онъ имѣетъ до нея крайнюю нужду.

Ласка взяла свое, и быстроглазая наперсница Фабіи Антоновны рѣшилась наконецъ постучаться въ дверь ея спальни.

— Кто тамъ? раздалось за дверью.

— Я, сударыня.

— Ты, Жаклина?

— Я, сударыня.

— Что тебѣ нужно?

— Михайло Михайлычъ хочетъ войти къ вамъ.

— Кто?

— Михайло Михайлычъ, сударыня.

— Онъ съ ума сошелъ?

— Я докладывала, что вы изволите почивать.

— Почиваю или нѣтъ, а все таки ходить ему сюда не зачѣмъ. Скажи, Жаклина, что не зачѣмъ.

— Нѣтъ, есть зачѣмъ! воскликнулъ изъ за двери Михайло Михайловичъ.

— Ахъ!..

— Есть такія новости, сударыня, что сонъ и на умъ не пойдетъ.

— Штуки! старыя штуки! мы знаемъ...

— Какъ хотите, только бы не раскаяваться потомъ, когда поздно будетъ.

— Говорите, что такое?

— Всего сказать нельзя.

— Пустяки! можно.

— Пароль донеръ, онъ не пе па.

— Вздоръ, вздоръ!

— Экуте; же ву жюръ, онъ не пе па парле; сетъ филь экутера, ту экутера!

— Ахъ, какъ скучно! и ночью покою нѣтъ отъ васъ. Ну, что тамъ за важныя дѣла? Отъ одного французскаго языка вашего тошно дѣлается. Жаклина, не выходи изъ корридорчика, пока я не позову тебя, слышишь?

— Слушаю, сударыня.

— Ну, войдите; только пожалуйста объяснитесь поскорѣе: я спать хочу, сказала Фабія, садясь въ постели и окутывая хорошенькую шейку свою угломъ одѣяла.

Обдумавъ заблаговременно планъ атаки, Суркинъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія касательно приказанія, отданнаго горничной, и, придавъ лицу своему отчаянно спокойное выраженіе, подобное тому, съ которымъ вѣшаются Англичане, перешагнулъ черезъ порогъ спальни и остановился, скрестивъ свои руки на груди, противъ самой жены.

— Ну, скорѣе; какая новость? спросила Фабія.

— Такъ, бездѣльная... отвѣчалъ Суркинъ.

— Не стоило и безпокоить меня.

— А вотъ судите! стоило ли: сообщникъ нашъ, Поразительный, въ Москвѣ!

— Только?

— Какъ-съ?

— Только-то? говорю я.

— Не только, а сообщникъ нашъ, Поразительный, требуетъ новой суммы, превышающей всѣ предъидущія.

— Платите, если можете.

— И нечѣмъ, и не хочу.

— Какъ вамъ угодно, замѣтила Фабія гримасничая.

— Мнѣ, сударыня, угодно предупредить васъ, про-

должалъ торжественно блондинъ: что оставаться дуракомъ я рѣшительно не намѣренъ, и жизнь эта мнѣ не по силамъ.

— Надоѣла жизнь — умрите, и прекрасно сдѣлаете, потому что безъ денегъ васъ могутъ изобличить въ преступленіи; а по мнѣ смерть лучше позора...

— Сообщникъ нашъ и грозитъ мнѣ позоромъ.

— Зачѣмъ же говорите вы «нашъ»? Не нашъ сообщникъ, а «вашъ», замѣтила Фабія.

— Обоихъ насъ, сударыня, а не мой — такъ правильнѣе!

— Ни чуть; я ничего не знаю.

— Вы требовали отъ меня этого преступленія, вы включили даже въ условіе брака будущій позоръ мой. Мнѣ, влюбленному, не ясно казалось все это дѣло; теперь же, разочарованному, порокъ не кажется мнѣ болѣе слабостью, и адскій, злобный смѣхъ — улыбкою невиннаго ребенка...

— Прибавьте тираду изъ «Гамлета» и убирайтесь вонъ.

— Нѣтъ, договорю прежде, сударыня, и вы дослушаете.

— Говорите же скорѣе; смерть надоѣли...

— Извольте. Сію минуту объявилъ мнѣ Гифтштейнъ, что первое мое дѣло пріостановлено имъ на время. Вы знаете, о чемъ я говорю: объ искѣ и описи движимости нашей, о стыдѣ быть изгнану изъ собственной квартиры...

— Знаю, знаю; что же дальше?

— Дальше? повторилъ блондинъ: дальше еще лучше. Поразительный возвратился изъ Казани въ Москву и сообщилъ Гифтштейну, что проигралъ тамъ пятьдесятъ тысячь рублей на честное слово, и что если этихъ де-

негъ не получитъ онъ, Поразительный, въ недѣльный срокъ, то предастъ и себя и насъ обоихъ...

— Какая чушь!

— Вы не вѣрите?

— Надѣюсь, что чушь и больше ничего! Охота же ему изобличать себя въ преступленіи!..

— Вы забываете, сударыня, записку, подписанную мною въ послѣднее мое съ нимъ свиданіе. Не вынужденъ ли я былъ расписаться въ томъ, что, склонивъ Поразительнаго къ переодѣванью и прочему, я сдѣлалъ это для того только, чтобъ подшутить надъ родственникомъ моимъ, старикомъ Ламинскимъ, которому и желалъ возвратить заемное письмо, но не успѣлъ, по случаю его кончины...

— Какая тонкая, какая надежная мѣра къ его сохраненію! Подите увѣрять другихъ, что подобная записка спасетъ сообщника вашего... Меня же не напугаете ни онъ, ни вы всѣми этими нелѣпостями...

— Послушайте, Фабія, перебилъ блондинъ: объясняться поздно; удерживать сообщника моего я не буду: дѣлайтесь съ нимъ какъ сами знаете. Гиѳтштейнъ не только не намѣренъ выручить насъ въ настоящую минуту, но совѣтовалъ самъ пострашать васъ, не знаю съ какою цѣлью; но стращать глупо, а вотъ мое послѣднее слово: если только Поразительный донесетъ на меня, я запутаю васъ.

— Желала бы видѣть!

— Честью клянусь вамъ, выполню обѣщаніе, а гибнуть, такъ гибнуть вмѣстѣ. Если оправдаетесь вы передъ законами, по неимѣнію съ моей стороны достаточныхъ уликъ, то на лобномъ мѣстѣ услышите имя ваше...

По всѣмъ жиламъ Фабіи пробѣжала лихорадочная дрожь. Въ голосѣ мужа было столько правды, столько

спокойствія, что невольное сомнѣніе запало въ душу безпечной женщины, не ожидавшей мести такого рода.

Подумавъ съ минуту, Фабія смягчила голосъ и спросила у мужа, точно ли онъ видѣлъ Гифштейна и говорилъ съ нимъ.

— Мы разстались съ четверть часа назадъ въ Печкинской кофейной, отвѣчалъ блондинъ.

— И онъ дѣйствительно отказался отъ участія?

— Отъ всякаго и на отрѣзъ.

— Завтра привезите его обѣдать, а тамъ увидимъ. Записка же, данная вами Поразительному, повѣрьте, ничего не стоитъ, и упоминать о ней онъ даже не подумаетъ.

Блондинъ молча отправился въ свою комнату, а супруга продумала до утра и придуманное привела въ исполненіе нѣсколькими часами позже. Обласканный и обвороженный Еврей согласился выпроводить Поразительнаго, положивъ такое условіе, чтобъ по прошествіи шести недѣль, Михайло Михайловичъ, или она, то есть супруга Михайлы Михайловича, уплатили Гифштейну сто пятьдесятъ тысячь рублей въ счетъ обязательства, выданнаго Суркинымъ Еврею.

Маскарадъ и выѣздъ Ламинскаго изъ дома магистра послѣдовали тотчасъ же за заключеніемъ трактата. О переѣздѣ же наставника своего въ гостинницу узналъ Сергѣй Бронскій по возвращеніи своемъ отъ Чинкурузиныхъ, у которыхъ провелъ весь тотъ вечеръ и гдѣ совершенно успокоилъ его Костя Благинъ, злѣйшій врагъ Николая Николаевича.

Въ продолженіе первой ночи по разлукѣ съ Ламинскимъ, самолюбіе напѣвало магистру, что ты молъ сдѣлалъ прекрасно, что Костя говорилъ правду, и педан-

тизмъ Николая Николаевича становился наконецъ не выносимымъ; что въ двадцать два года человѣкъ не дитя и самъ знаетъ, что для него лучше: слушать ли Ламинскаго, или любить, какъ любятъ порядочные люди, несравненныя голубыя существа, дозволяющія любить себя только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ предварительно выгнать Николая Николаевича съ глазъ долой. И велика важность дружба Ламинскаго какого нибудь въ сравненіи съ любовью безъименной! «Да Богъ съ нимъ совсѣмъ!» подумалъ магистръ, смыкая усталые глаза и перевертываясь лицемъ къ стѣнѣ, а спиною ко всѣмъ прозаическимъ воспоминаніямъ юности, проведенной, хотя и въ честныхъ по совѣсти, но пресерьезныхъ родительскихъ стѣнахъ.

Въ три послѣдующіе дня самолюбіе зашептало въ уши Бронскому такъ громко, что гласа совѣсти не стало и слышно. О Николаѣ Николаевичѣ Сергѣй Львовичъ даже не почелъ нужнымъ справиться; о ненависти же своей къ этому человѣку онъ нетерпѣливо желалъ сообщить кружевному домино въ первый вторникъ.

ГЛАВА XXIII.

Послѣ разрыва своего съ графинею Н. и Ламинскимъ, графъ Бронскій старался какъ нибудь убить время, чтобъ дожить поскорѣе до вторника. Одиночество сдѣлалось для него невыносимо. Правда, Костя Благинъ, пользуясь отсутствіемъ Николая Николаевича, гораздо чаще сталъ посѣщать графа и даже привозить къ нему многихъ изъ друзей своихъ, большею частью львовъ самаго фешенэбльнаго круга; но новые знакомые не только не разсѣявали постоянной его задумчивости, а не рѣдко досаждали ему.

— Когда же придетъ этотъ вторникъ? когда же, наконецъ, достигну я своей цѣли? спрашивалъ магистръ у самого себя. Дни и ночи тянулись нестерпимо долго, не смотря на мѣры, принятыя героемъ нашимъ для сокращенія ихъ. Не проводилъ ли онъ ночей этихъ то въ Англійскомъ Клубѣ, играя въ кегли и проигрывая, разумѣется, бездѣлицу? Не просиживалъ ли онъ до утра за гастрономическимъ ужиномъ Шевалье и не купалъ ли онъ друзей своихъ въ морѣ шампанскаго, къ которому имѣлъ сначала непреодолимое отвращеніе? Не лилось ли то же шампанское у Цыганъ, куда завезъ его Костя? За всѣ эти удовольствія платилъ, разумѣется, одинъ Бронскій и сущую бездѣлицу; но все напрасно! и вторникъ, одинъ вторникъ могъ излечить первый сердечный недугъ молодаго человѣка. Подобно институткѣ, вычеркивающей протекшіе дни изъ длиннаго реестра дней, остающихся до выпуска, вычеркивалъ Бронскій каждый протекшій часъ; другой, болѣе серьезной заботы у него не было. Но, о ужасъ, о несчастіе! во вторникъ, столь нетерпѣливо ожиданный, первая маска, встрѣтившая магистра въ залѣ Благороднаго Собранія, была не безъименная, а княжна Саломея.

— Epargne moi, beau masque, l'ennui de t'amuser ce soir! сказалъ ей любезный графъ, отворачиваясь и проходя далѣе; но и далѣе кружевнаго домино не было. Гдѣ же она? что съ нею? спрашивалъ Бронскій у стѣнъ залы, у канделабръ, у колоннъ, у музыки, у хоровъ... Онъ начиналъ выходить изъ себя, готовъ былъ наговорить кучу дерзостей ротондѣ, залѣ, люстрамъ. Ему становилось даже досадно, что ни одна изъ постороннихъ масокъ не подходитъ къ нему въ этотъ вечеръ, и что самый Костя съ друзьями занимается не имъ. «Подожду часъ и уйду», сказалъ самъ себѣ магистръ. Онъ проси-

дѣлъ два, просидѣлъ три, просидѣлъ четыре часа и не уѣхалъ. «Хоть бы графиня Н. разсѣяла меня; я готовъ отъ скуки и грусти простить ей послѣднюю сцену; готовъ даже быть любезнымъ... но, нѣтъ, она занята барономъ, она слишкомъ занята барономъ! О женщины, о вѣроломныя созданія! Самъ пойду къ ней — вотъ она!»

— Charmant masque, шепнулъ магистръ, подходя къ графинѣ Н.

— Monsieur!...

— Un mot!

— J'écoute.

— Ton bras?

— Excusez, baron, je suis à vous tout-à-l'heure, сказала графиня, обращаясь къ кавалеру своему, который, почтительно поклонясь ей, отошелъ въ сторону.

— Votre mot, monsieur?

— Tu m'en veux, délicieux masque, проговорилъ Бронскій улыбаясь.

— Un peu plus de politesse, monsieur, s'il vous plait, сухо замѣтила графиня.

— Но ваши уроки, графиня, въ первомъ маскарадѣ? отвѣчалъ магистръ вспыхнувъ.

— Тогда вы говорили съ маскою, теперь же мы слишкомъ хорошо знакомы; но вы хотѣли мнѣ что-то сказать, графъ?

— Я виноватъ передъ вами, графиня, прошепталъ Бронскій.

— Вы? въ чемъ это?

— Послѣднее свиданіе наше...

— То есть, послѣдній визитъ вашъ.... прощальный, сколько мнѣ помнится. Да, скажите, что графъ Левъ? вы были въ Варшавѣ?

— Графиня, самая причина проступка моего должна бы извинить...

— Проступка вашего?

— Я очень виноватъ!

— Но въ чемъ, предъ кѣмъ виноваты вы, графъ?

— Вмѣните мнѣ, графиня, въ наказаніе и теперешнее равнодушіе ваше, и столько долгихъ дней разлуки...

— Съ кѣмъ?

— Съ вами, графиня.

— Какъ, нѣсколько дней, проведенныхъ въ разлукѣ со мною, привели васъ въ такое отчаяніе? Бѣдный, несчастный Бронскій, какъ мнѣ жаль васъ! Графиня расхохоталась.

— Этотъ смѣхъ не натураленъ, замѣтилъ обиженный юноша.

— А вы, графъ, предпочли бы искреннее сожалѣніе? Странно!

— Я предпочелъ бы прощеніе ваше.

— Только-то? Успокойтесь и вѣрьте, что въ сердцѣ моемъ не осталось и тѣни негодованія. Хотите доказательства, хотите?

— Да.

— Черезъ полчаса заѣзжайте ко мнѣ; я буду дома. Будете?

— Конечно...

— И такъ до свиданія!

Графиня освободила руку свою изъ руки Бронскаго и, догнавъ барона, снова пошла съ нимъ. Бронскій обошелъ въ послѣдній разъ всѣ залы Собранія, заглянулъ во всѣ глаза женскихъ масокъ и, внутренно проклиная отсутствующую, приказалъ слугѣ отыскать карету.

Позвонивъ у подъѣзда дома графа Н., магистръ спро-

силъ швейцара, возвратилась ли графиня изъ маскарада; швейцаръ отвѣчалъ, что ихъ сіятельство дома и приказали просить.

Молодой человѣкъ сбросилъ шубу въ прихожей и бѣгомъ поднялся по знакомымъ ступенямъ широкой лѣстницы. Очень многое напомнили Бронскому и запахъ растеній, обвивавшихъ перилы, и атмосфера великолѣпныхъ комнатъ, и всѣ предметы, попадавшіеся ему на пути; ему казалось, что онъ встрѣчалъ ихъ снова послѣ долгой, долгой разлуки. «Графиня, вѣрно, встрѣтитъ меня сухо; она не позволитъ ни себѣ, ни мнѣ ни одного лишняго слова. О, я начинаю постигать женскую натуру и не поддамся ей!» подумалъ опытный молодой человѣкъ и, въ ожиданіи хозяйки дома, принялся разсматривать головку Юдиѳи Алори, совершенство въ своемъ родѣ.

Въ будуарѣ накрытъ ужь былъ столъ; на немъ поставлено два прибора; недоставало хозяйки. Но вотъ и она, въ знакомомъ бѣломъ пеньюарѣ. Но гдѣ же суровость? гдѣ тотъ холодъ, котораго страшился Бронскій? Напротивъ, графиня весело и съ очаровательною улыбкой протянула алебастровую ручку свою гостю и указала ему на то самое мѣсто, которое онъ занималъ и прежде.

— Vous êtes poli, comme un roi, mon cher comte, сказала графиня: я не ждала васъ ни минуты лишней; но сегодня мы долго сидѣть не будемъ, я ужасно устала.

— Вы никогда не говорили мнѣ этого прежде, графиня! замѣтилъ съ упрекомъ магистръ.

— Il ne faut jamais revenir sur le passé, Bronsky, c'est le dernier conseil que vous donne une amie.

— Aujourd'hui «amie» est une insulte.

— C'est peu de chose, j'en conviens!

— И вы смѣетесь, графиня?

— Успокойтесь: надъ собою, Serge; мнѣ въ голову пришла презабавная мысль.

— Эта мысль не тайна?

— О, нѣтъ; мой характеръ вы знаете: я безразсудна, вспыльчива, но не злопамятна и непріятныхъ вещей не помню. Есть, однакожь, вещи, которыхъ не прощаетъ себѣ ни одна женщина.

— И эти вещи?

— Я выразилась не ясно, а потому, если только вамъ не скучно слушать, то, можетъ быть, сегоднишній разговоръ нашъ принесетъ ученику моему нѣкоторую пользу...

— Когда же, графиня, не слушалъ ученикъ вашъ съ наслажденіемъ лекцій своего очаровательнаго учителя?

— Эта фраза неумѣстна, графъ. Впрочемъ, вотъ что хотѣла я сказать вамъ. Женщины (vous devez comprendre, mon cher, que je parle des femmes de ma caste) соединяютъ въ себѣ два совершенно противоположныя свойства. Онѣ снисходительны, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ судей неумолимѣе ихъ. Женскій приговоръ неизмѣнимъ. Васъ любятъ: лишите любящую васъ всѣхъ благъ земныхъ, принесите женщину эту въ жертву страстямъ вашимъ, возьмите у нея жизнь — она умретъ, прощая васъ! Измѣните ей, забудьте ее — она поплачетъ, пострадаетъ и пострадаетъ долго, всю жизнь, можетъ быть, но все таки проститъ; а возвратите ей сердце ваше — женщина забудетъ зло и первая улыбнется вамъ съ тою же улыбкою первой любви.

— Иначе я и не думалъ, графиня.

— Постойте, я еще не кончила. Есть у тѣхъ же слабыхъ созданій рѣдкая способность сердца: въ одинъ

мигъ, за одно неосторожное слово не только переставать любить... но...

— Графиня!

— Мнѣ невѣроятно, Serge, чтобъ вы когда нибудь могли мнѣ нравиться, продолжала графиня, смѣясь и протягивая магистру свои обѣ ручки: и такъ невѣроятно, что, прошу васъ, испытайте меня, скажите, кого бъ вы желали любить — я буду вашею повѣренною... короче доставьте мнѣ случай оправдать передъ собою послѣдніе пятнадцать дней...

— Такое раскаяніе!

— Раскаяніе? въ чемъ? въ снисхожденіи моемъ къ вамъ? Нѣтъ, графъ, я хуже, чѣмъ вы думаете, замѣтила графиня, смѣясь.

— Простите неопытность; но ничего другаго придумать не могу, отвѣчалъ Бронскій, стараясь улыбнуться.

— О! вѣрю, и вѣрю вамъ отъ души. Вы такъ молоды, что можете не знать, и такъ самолюбивы, что можете не допустить возможности, чтобъ женщина, любившая васъ три дня назадъ, могла нынче... Тутъ графиня расхохоталась такъ громко и такъ искренно, что магистръ не вынесъ этого смѣха и всталъ.

— Не сердитесь, графъ, я сумасшедшая, но вы мнѣ другъ и обязаны быть ко мнѣ снисходительны... Богъ мой! не уже ли разсвѣтаетъ? такъ поздно!... воскликнула графиня, дернувъ за сонетку... Мы ждемъ ужина! сказала она вошедшему слугѣ. Какъ скоро мчится время! и жаль его, а останавливать не зачѣмъ, продолжала съ глубокимъ вздохомъ та же женщина, которая смѣялась минуту назадъ.

— Я долженъ быть очень смѣшонъ и очень жалокъ въ вашихъ глазахъ, графиня? спросилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, обиженный герой нашъ.

— Немножко смѣшны, да; но жалки почему же?

— Не это ли чувство побудило васъ остановиться на словѣ «нынѣче»?... Вы не кончили полнаго сознанія, графиня.

— Это правда, и не раскаяваюсь.

— Я приготовилъ себя на все.

— Для уравненія оружія скажу: приготовьтесь, mon cher ex-élève, быть впредь совершенно равнодушнымъ къ бывшему учителю вашему; а теперь рекомендую этотъ майонезъ: онъ чрезвычайно вкусенъ, сказала графиня, пододвигая принесенное блюдо къ своему гостю.

Не хладнокровно перенесъ графъ Сергѣй Бронскій первый ударъ, первую рану, нанесенную его самолюбію, и чѣмъ больше старался онъ скрыть предъ торжествующимъ врагомъ своимъ внутреннее страданіе сердца, тѣмъ явственнѣе обнаруживалось это страданіе. На всѣ вопросы графини о вещахъ совершенно постороннихъ отвѣчалъ онъ не связно, не любезно и слишкомъ рѣзко. До ужина онъ не касался — новый промахъ! воду глоталъ онъ стаканами, а, вставъ изъ за стола, не принялъ даже изъ рукъ хозяйки предлагаемую ему папиросу, но простился сухо и, схвативъ шляпу, вышелъ вонъ.

Въ этотъ вторникъ молодой человѣкъ не привезъ въ свое жилище ни утомительныхъ надеждъ, ни пламенныхъ воспоминаній. Не убаюкивали тревожнаго сна его тѣ легкія полувоздушныя видѣнія, которымъ улыбаются полузакрытыя уста засыпающаго юноши, влюбленнаго до безумія; нѣтъ! ему слышался то смѣхъ графини, то голосъ ея, голосъ полный иронiи...

На другой день, въ полдень, Бронскій пораженъ былъ небывалымъ еще для него явленіемъ. Домоправитель его, Вильгельмъ Кроатце, предсталъ предъ своимъ гос-

подиномъ съ кучею тетрадокъ и объявилъ ему о совершенномъ неимѣніи денегъ для расхода.

Надобно замѣтить, что никогда еще не касалась магистра ни одна прозаическая забота жизни, и всѣ хлопоты, всю тяжесть домашнихъ распоряженій несъ на себѣ Николай Николаевичъ. По отъѣздѣ Ламинскаго, деньги и все относившееся къ хозяйству, поручено было честному Швейцарцу; но съ отъѣздомъ Ламинскаго образъ жизни молодаго хозяина до того измѣнился, а издержки до того увеличились, что деньги, долженствовавшія обезпечить цѣлые полгода, прошли незамѣтно, въ нѣсколько дней. Не знавъ еще цѣны деньгамъ, Бронскій не ожидалъ и представить себѣ не могъ, чтобъ когда нибудь прозаическое «денегъ нѣтъ» коснулось его слуха.

— Но гдѣ же я ихъ возьму? спросилъ магистръ.

Кроатце молчалъ.

— Спроси у Николая Николаича.

— Я получилъ отъ него и всѣ деньги, и всѣ отчеты, сказалъ Швейцарецъ.

— Куда же дѣвались деньги?

— Расходъ записанъ, вотъ онъ.

— Зачѣмъ? Я вѣрю, и скучно.

— Что же прикажете дѣлать, графъ?

— Что хочешь.

Кроатце продолжалъ стоять молча.

Подумавъ съ минуту, молодой человѣкъ не изобрѣлъ ничего лучшаго, какъ написать къ Костѣ Благину и просить его о первой ссудѣ денегъ. Бронскому и въ голову не приходило, чтобъ мѣра эта могла быть неосновательна и даже вредна для его репутаціи.

Къ великой чести Благина, надобно сказать, что онъ не заставилъ долго ждать отвѣта на просьбу и, пока-

завъ мимоѣздомъ записку графа Сергѣя двумъ тремъ пріятелямъ, явился лично къ нему.

— Браво, какъ скоро! воскликнулъ магистръ, завидѣвъ входившаго Костю.

— Далеко ли, помилуй, Сережа? съ Поварской на Дмитровку два шага, отвѣчалъ тотъ. Ко мнѣ же кстати заѣхалъ Вихровъ; я взялъ его Разумнаго, да и маршъ къ тебѣ. Ну, что? не говорилъ я развѣ, что безъ знакомства съ банкиромъ моимъ не обойдешься... не говорилъ?

— Съ какимъ банкиромъ?

— Ну, съ тѣмъ, что ищетъ меня по всей Москвѣ?

— Тотъ, кому ты долженъ?

— Ну, да.

— Зачѣмъ же онъ мнѣ, твой банкиръ?

— Развѣ ужь досталъ?

— Что?

— Денегъ?

— Нѣтъ, не досталъ, отвѣчалъ Бронскій.

— Такъ имѣешь въ виду?

— Кого?

— Тьфу ты пропасть! ну все таки деньги же?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Такъ какъ же быть?

— А ты не привезъ?

— Денегъ?

— Да.

— Сарказмъ!

— Сарказмъ? повторилъ магистръ, не понимавшій Кости.

— Надѣюсь, сарказмъ, и самый злой—предполагать деньги у Благина! Да знаешь ли, Сережа, что скажи мнѣ другой, а не ты, подобную вещь, я бы обидѣлся?

— Не ясно мнѣ все это.

— Да скажи, сдѣлай милость, продолжалъ Костя съ жаромъ: какой порядочный человѣкъ унизится до сальности держать у себя предметы, прошедшіе предварительно чрезъ всѣ руки, всѣ рты извозчиковъ, всѣ карманы Армянъ и Грековъ, всѣ чулки Евреевъ, всѣ комоды.... Но довольно этого... однимъ словомъ, какой джентльменъ потерпитъ у себя долгое пребываніе не только ассигнацій, рѣдко новыхъ, но самаго золота, и тотчасъ не употребитъ всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ, чтобъ разсовать эту дрянь повсюду — такъ какія же деньги надѣялся ты занять у меня? Занимаютъ, mon cher, у ростовщиковъ и дѣлаютъ имъ тѣмъ п честь и одолженіе, а обижать пріятеля за что же? Хочешь занять? одѣвайся и ѣдемъ.

— Куда?

— Къ банкиру моему, пребезподобному персонажу, съ такимъ же абхазскимъ хоботомъ, какъ у дяди Давыда Симеоновича Чин-чин-ку-ку-ру-ру! такой же упрямый человѣкъ, какъ тотъ, но острѣе будетъ. Я, правда, не былъ у него никогда; деньги занимаю, все таки у него же, чрезъ посредство Петруши Крещова. Но не безпокойся: Гифтштейна знаютъ всѣ, и пошли кого нибудь на биржу, тамъ первый маклеръ пришлетъ тебѣ адресъ.

Не сдѣлавъ никакихъ замѣчаній, Бронскій позвалъ Вильгельма и приказалъ ему справиться о настоящемъ мѣстѣ жительства банкира. Черезъ часъ пріятели, снабженные всѣми необходимыми свѣдѣніями, были ужь на пути къ Гифтштейну.

Еврей не столько обрадовался старому знакомцу своему Благину, сколько сыну графа Льва Бронскаго. Онъ пододвинулъ ему кресла, обитыя малиновымъ сукномъ, и скамью подъ ноги, и раскланивался предъ нимъ, и улыбался ему, и не зналъ, что бы такое сдѣлать еще.

Въ квартирѣ Гифтштейна вся мебель была обита малиновымъ сукномъ; и гардины оконъ, и занавѣсъ, скрывавшая постель, были того же цвѣта. Представитель израильскаго поколѣнія не жилъ, подобно братьѣ своей, на еврейскомъ подворьѣ: въ иностранномъ паспортѣ его не упоминалось ни слова о его происхожденіи, и самъ онъ тщательно скрывалъ его.

Въ глазахъ почетнаго гостя прочелъ жидъ цѣль посѣщенія и тотчасъ же приготовился ко всѣмъ предварительнымъ оговоркамъ. На первый вопросъ Благина: есть ли деньги? жидъ отвѣчалъ, шутя, что считаетъ онъ у себя въ наличности ту сумму, которую долженъ ему Благинъ.

— Ну, это мимо, мой драгоцѣнный г. Гифтштейнъ! сказалъ Благинъ, махнувъ рукой: мой долгъ впереди.

— И такъ впереди, что и не догонишь никакъ, замѣтилъ Еврей, смѣясь.

— Объ этомъ послѣ. Теперь же вотъ рекомендую вамъ пріятеля моего и прошу за него, продолжалъ Костя, указывая на Бронскаго.

— Что же имъ нужно?

— Нужно золото.

— А много?

— Сколько тебѣ, Сергѣй? говори, братецъ, просто. Что тутъ церемониться! Тысячи двѣ три серебромъ какихъ нибудь, или немного менѣе, немного болѣе?

— Почти столько; думаю, что не болѣе, проговорилъ магистръ съ явнымъ безпокойствомъ. Въ присутствіи ростовщика молодой человѣкъ чувствовалъ себя какъ-то не ловко.

— Когда же нужна эта сумма его сіятельству? спросилъ Гифтштейнъ, оскаливъ зубы.

— Сей часъ, если можно.

— Можно и сей часъ; но изволите видѣть: въ наличности не хватитъ всѣхъ; а гдѣ достать, у кого достать? всѣ жмутся, всякъ страшится, кредитъ упалъ; куда боязливы стали! охъ–охъ, черезчуръ робки стали!

— Il refuse? шепнулъ Бронскій Благину.

— Allons donc, mon cher, ce n'est que la preface du bel ouvrage qu'il va vous dédier, отвѣчалъ тотъ въ полголоса. — Объ одномъ просимъ васъ, драгоцѣнный и многолюбезнѣйшій будущій господинъ Ротшильдъ: вы, пожалуйста, не мучьте насъ по пустому. Бронскій не жидъ... ахъ, извините, ради Бога, я хотѣлъ сказать, что пріятель мой занимаетъ деньги въ первый разъ и не знакомъ съ оборотами этого рода; онъ даже такъ мало опытенъ, что принимаетъ преамбулы ваши за отказъ.

— Почему отказъ? какъ отказать такому хорошему, такому благородному человѣку?

— То-то же, дорогой г. Гифтштейнъ, успокойте его сами; иначе, чего добраго, поѣдетъ на Кузнецкій Мостъ, да займетъ у соотчича вашего...

— Полторы тысячи серебромъ есть.

— Мало.

— Ну, ну, наберется мелочью и до двухъ.

— И этого мало.

— Что же дѣлать, помилуйте! всѣ деньги въ долгахъ, помилуйте! никто не платитъ, и не найдешь; сами вы изволите знать...

— Я рѣдко бываю дома, мой драгоцѣннѣйшій г. Гифтштейнъ, но въ моихъ рукахъ сумма ваша растетъ, какъ здоровый младенецъ у молодой кормилицы; оставьте дитя ваше въ покоѣ и пошарьте по уголкамъ, не отыщется ли еще тысяча какая нибудь.

— Ни-ни, и искать нечего. А не нужны ли графу

рѣдкія вещи, перстни алмазные, прозрачнѣйшей воды, рѣдкостной воды, безъ пятнышка?

— Куда же ему съ водою? развѣ возьметъ соотчичъ вашъ за половину цѣны? замѣтилъ Благинъ.

— Возьметъ всякій, всякій возьметъ и съ малой уступкою: вещица дорогая, купилъ я по рѣдкому случаю...

— Вѣримъ, вѣримъ.

— Клянусь.

— Теперь вѣримъ меньше, и все таки вѣримъ. Покажите же перстень, почтеннѣйшій.

Еврей вытащилъ рѣдкую вещицу изъ кармана панталонъ и принялся вертѣть ею въ воздухѣ.

— А что цѣна? спросилъ Костя.

— Даромъ отдамъ.

— Въ такомъ случаѣ беру перстень, а ему онъ не нуженъ, воскликнулъ Благинъ, выхватывая перстень изъ рукъ оторопѣвшаго ростовщика, который и увѣренъ былъ внутренно, что Костя шутитъ, но все таки не могъ не броситься за перстнемъ.

— Весельчакъ вы! куда какой весельчакъ!

— Да безъ гроша! вотъ что плохо, дорогой мой, дорогой и потому, прибавилъ Благинъ, что стоите мнѣ кучу денегъ процентами одними! А сколько же ихъ еще припишется?

— Поквитаемся, и приписывать болѣе не стану.

— Атанде, мой милый, и очень атанде. Однакожь полно шутить, кончимъ скорѣе. Берешь ты перстень, Бронскій?

— Я, право, не знаю.

— Опять заикнулся! Ну, говори просто: не нуженъ, и ѣдемъ къ другому; я всѣхъ знаю.

— Зачѣмъ къ другому? перебилъ жидъ: все равно и

у другаго тоже будетъ. Возьмите перстень—и кончено, и деньги двѣ тысячи возьмите — и кончено, о чемъ толковать?

— Нужно заемное письмо?

— И письма не нужно; благородное слово лучше письма.

— Ай да благодѣтель! вѣдь усовершенствовался, ей Богу не узнаю!

— Простая расписка на простомъ лоскуткѣ, прибавилъ Гифтштейнъ, вынимая листъ изъ письменнаго стола своего — для памяти собственно, а то и расписки не нужно; и не знакомъ, а коротко знаю, и батюшку зналъ ихняго, и дядюшку зналъ — всѣхъ зналъ...

Очень довольный скорою развязкою и счастливымъ окончаніемъ переговоровъ, Бронскій взялъ изъ рукъ Еврея перо и принялся ужь писать расписку подъ диктовку Кости, знавшаго наизустъ всѣ условія кредитора своего, какъ вдругъ послышался за дверью шумъ шаговъ, и въ комнату неожиданно вошелъ Николай Николаевичъ. Непріязненно взглянулъ на вошедшаго Костя Благинъ; не менѣе непріязненно взглянулъ на него и банкиръ; Бронскій же чуть не выронилъ пера; онъ вспыхнулъ отъ стыда и внутренняго волненія.

— Простите, графъ, что отрываю васъ на минуту отъ серьезныхъ занятій, сказалъ спокойно Ламинскій, обращаясь къ магистру: но, узнавъ нечаянно, гдѣ вы, я поспѣшилъ предупредить г. Гифтштейна и предложить вамъ ваши собственныя деньги: ихъ вручилъ мнѣ на непредвидѣнные расходы графъ Левъ Сергѣичъ. Надѣюсь, прибавилъ Николай Николаевичъ, что г. Гифтштейнъ извинитъ меня, что я лишаю его случая оказать вамъ услугу, и извинитъ онъ племянника, въ уваженіе давнишняго и короткаго знакомства его съ дядею,

Андреемъ Романычемъ Ламинскимъ. Не правда ли, благородный г. Гифтштейнъ, что вы даже разговаривали съ нимъ за сутки до его кончины... помните, у нотаріуса Селезенева?

При этихъ словахъ лице банкира почернѣло, губы задрожали, а самъ онъ прислонился къ притолкѣ, чтобъ удержаться на ногахъ — такъ тяжко было доброму банкиру воспоминаніе о почтенномъ другѣ его, Андреѣ Романовичѣ Ламинскомъ!

Николай Николаевичъ раскланялся съ обществомъ, найденнымъ имъ въ квартирѣ Еврея, и вышелъ, а оставшіеся долго еще переглядывались съ удивленіемъ и покашливали отъ нечего дѣлать.

Подкрѣпленный неожиданнымъ денежнымъ пособіемъ, Бронскій отвезенъ былъ Костею къ Шевалье; а Гифтштейнъ сцарапавъ всю кожу съ своего носа, отправился въ Аѳанасьевскій Переулокъ.

Въ великолѣпномъ жилищѣ Суркиныхъ засталъ Еврей одну хозяйку. Михайло Михайловичъ рано отлучался изъ дома; Михайло Михайловичъ любилъ московскія древности и въ томъ числѣ Печкинскую кофейную. Пріобрѣтя дружбу того длинноволосаго господина, котораго встрѣтили мы ужь разъ въ обществѣ Суркина въ печкинскомъ заведеніи, блондинъ съ утра до вечера таскался съ нимъ по всѣмъ интереснымъ мѣстамъ, не столько изъ любознательности, сколько изъ удовольствія быть какъ можно рѣже въ обществѣ возлюбленной супруги своей.

Гифтштейнъ приказалъ доложить о себѣ и прошелъ прямо въ кабинетъ Фабіи, которую нашелъ прелестною въ утреннемъ неглиже.

— Я въ страшной душевной тревогѣ, Фабія Антоновна, проговорилъ твердымъ голосомъ Еврей.

— Опять тревога, опять новости?

— Опять, Фабія Антоновна.

— Куда же бѣжать отъ нихъ и отъ васъ? воскликнула г-жа Суркина съ нетерпѣніемъ.

— Ужь коли бѣжать, то въ Калифорнію, и меня возьмите съ собой, отвѣчалъ жидъ.

— Вы и тамъ найдете средство терзать и мучить меня своими ежедневными новостями, а что все хуже...

— Страстью, несчастною страстью, хотите вы сказать?

— Отвратительно!

— Ахъ, Фабія Антоновна, неужто же и нѣтъ человѣка хуже меня? не ужто же и на цѣломъ свѣтѣ не найдется хуже?..

— Искать не стану, конечно.

— А какъ же я васъ люблю! пролепеталъ Еврей съ нѣжностью: пошелъ бы въ кабалу за васъ, Фабія Антоновна...

— Куда какъ льстятъ самолюбію моему подобныя жертвы! замѣтила Фабія съ презрѣніемъ.

— Что же мнѣ дѣлать? чувства не вывернешь наизнанку.

— По крайней мѣрѣ вывернули бы лице: авось не такъ противно будетъ.

— Смѣхъ вамъ, а мнѣ слезы: глаза проплакалъ.

— Просто золотуха.

— Фабія Антоновна!..

— Новости скорѣе, и отправляйтесь; мнѣ нужно ѣхать къ графинѣ.

— Все графини, все графини! а бѣдному Осипу ничего, какъ ничего.

— Ну, скорѣе, скорѣе.

— Что скорѣй! скоро придется бѣжать, а куда и

Бо̀гъ вѣсть! Измѣняютъ намъ, продаютъ насъ съ головою, Фабія Антоновна. Былъ у меня сегодня Ламинскій...

— Николай Николаичъ?

— Да что Николай Николаичъ? пусть бы звался себѣ и другимъ именемъ, да не говорилъ такихъ дурныхъ рѣчей.

— Онъ не опасенъ.

— Знаете вы!...

— Онъ не опасенъ, повторяю; его прогналъ отъ себя графъ Бронскій.

— Положимъ, что прогналъ; а сегодня, какъ пріѣхалъ графъ занимать деньги, онъ же, Ламинскій, помѣшалъ, онъ же привезъ ему кучу ассигнацій, да все сотенныя, все широкія такія...

— Бронскій былъ у васъ?

— Былъ у меня съ тѣмъ потаскушкою, что долженъ мнѣ и носа не показываетъ.

— Бронскій хотѣлъ занять денегъ! воскликнула Фабія.

— Три тысячи цѣлковыхъ, и ужь взялъ было...

— Послушайте, Гифтштейнъ, скажите мнѣ, извѣстно ли вамъ состояніе Бронскаго?

— То есть, отца?

— Все равно, отца или сына.

— Охъ, не все равно, куда не все равно! За старикомъ родовое, правда, продать можетъ и деньги промотать, коли захочетъ.

— Онъ страстно любитъ сына.

— Что пользы! разлюбитъ!

— Нѣтъ, этому не бывать.

— Положимъ и такъ; а какъ пролюбитъ до ста лѣтъ? Онъ самъ молодъ, куда молодъ!

— Все равно, вы должны дать сыну какъ можно больше денегъ.

— Много нельзя.

— Я говорю, что можно! перебила Фабія гнѣвно: молодаго необходимо завлечь въ издержки, запутать и дѣйствовать имъ противъ Ламинскаго.

— А какъ же дать ему денегъ, когда онъ не беретъ? спросилъ Еврей, внутренно ободрявшій планъ Фабіи: онъ не тотъ мотыга, что ѣздитъ съ нимъ; его насильно не принудишь.

— Это дѣло не ваше!

— Чье же?

— Не ваше, повторяю; но бьетъ два часа; разскажите подробно про утреннее свиданіе и отправляйтесь отсюда; чрезъ полчаса я ѣду непремѣнно.

Послушный Гифтштейнъ передалъ, слово въ слово, все, съ нимъ случившееся, и, съ глубокими вздохами, принужденъ былъ убраться изъ дома Суркиныхъ ровно въ четверть третьяго.

ГЛАВА XXIV.

Наступилъ канунъ новаго года; улыбнулся Москвѣ трескучій морозъ; выставилъ Люке на гигантскія окна свои нескончаемые ряды бумажныхъ сюрпризовъ, m-me Annette припечатала о полученіи прямо изъ Парижа такихъ головныхъ уборовъ, лентъ и всякихъ нарядовъ, что и самъ Парижъ не повѣрилъ бы, что онъ изобрѣлъ такія чудеса. Захлопали въ ладони кучера у всѣхъ магазиновъ; ожилъ Монигетти, и закоптились въ трубахъ его тысячи отраслей свинаго поколѣнія; сколько ихъ было, по случаю новаго года, названо именемъ кабановъ, сколько русскаго свинцу пошло на обертку будто бы любской колбасы! Страшно подумать, но не страш-

но покупать все это въ Бѣлокаменной. Отъ Рено до скромнаго Поплюйкина, всѣ подняли цѣну на залежавшіяся шерстяныя матеріи, атласы, трико и прочую пестроту полубумажныхъ тканей; все повылѣзло изъ подваловъ и перешло въ швальни. Въ городѣ заговорили о двухъ невиданныхъ еще праздникахъ; потребовались бархатъ pensée и бусы; мадамъ Вуато купила мѣсто для будущаго дома и дала задатокъ за кирпичъ: у мадамъ Вуато кроились костюмы всѣхъ націй. У подъѣзда Матіаса устроилось гулянье, а на обширномъ дворѣ Магазина Русскихъ Издѣлій была непроходимая толпа.

Противъ желанія своего, Бронскій рѣшился встрѣтить новый годъ у блестящаго графа Н. «Не быть на этомъ балѣ, значитъ сказать Москвѣ, что я больше не принятъ въ домѣ графа—не ловко!» подумалъ магистръ, посовѣтовался съ Костею Благинымъ, послалъ одного слугу за парикмахеромъ, другаго за новыми башмаками, и сѣлъ за туалетный столъ.

Благинъ, для шутки, послалъ кузинѣ Саломеѣ букетъ камелій отъ имени Бронскаго: букеты вѣрились еще на книжку. Обманутая княжна чуть было не бросилась на шею принесшему букетъ; но, узнавъ въ немъ Кириллу, слугу Кости, поморщилась, а все таки обманутая, вручила ему полтинникъ.

Съ букетомъ Благина встрѣтился ничего не подозрѣвавшій магистръ, только что не на лѣстницѣ дома графа Н. Саломея придерживалась входа для скорѣйшаго изъявленія Бронскому своей сердечной благодарности, и едва показался въ дверяхъ Бронскій, какъ ужь слово *merci* вылетѣло изъ розовыхъ устъ дѣвушки.

— За что жь, княжна? спросилъ молодой человѣкъ съ удивленіемъ.

— За прелестный букетъ.

— Букетъ?

— Не скрывайте; посланный вашъ былъ менѣе скроменъ... Кирилла...

— Кирилла? повторилъ Бронскій: кто такой Кирилла?

— Камердинеръ моего cousin.

— Его зовутъ Кириллой? Клянусь вамъ, я не зналъ.

— Можетъ быть, но онъ измѣнилъ тайнѣ...

— Часъ отъ часу не легче! подумалъ магистръ, теряясь въ догадкахъ.

— Вы много потеряли, продолжала княжна, что не пріѣхали къ намъ въ четвергъ, графъ; пѣла Barbe...

— Вѣрно, арію изъ «Лючіи».

— Да, и пѣлъ князь Дмитрій очень мило, а mr Grégoire показывалъ прехорошенькія штучки à la Hermann; Онъ закутался въ шаль maman и роздалъ всѣмъ множество букетовъ...

— Изъ кресъ-салата?

— Не знаю; но преинтересныя passe-passes. Сестра Поликсена узнала секретъ, и много другихъ секретовъ передалъ сестрѣ mr Grégoire...

— А вы, княжна, не такъ любопытны, какъ сестрица ваша?

— Ахъ, я боюсь...

— Чего же?

— Мнѣ кажется, что во всемъ этомъ il y a de la magie... это ужасно страшно!

— Даже есть оно, по мнѣнію вашему, и въ шали maman?

— Вы смѣетесь надо мною, графъ?

— Нисколько: но завидую человѣку, обладающему такими сверхъестественными свойствами.

— Скажите же, пожалуйста, не шутя, какие

зомъ является у него такъ много букетовъ? Онъ, впрочемъ, кромѣ букетовъ, показывалъ изъ подъ шали пропасть другихъ вещей. На папà выпустилъ онъ канарейку, и прехорошенькую, на Constantin вылилъ стаканъ воды; мнѣ предлагалъ пламя.

— Что жь вы сдѣлали?

— Я отказалась.

— Счастливецъ Grégoire!

— Опять насмѣшка!

— Повѣрьте нѣтъ, княжна! Я въ отчаяніи, что не былъ у васъ въ прошлый четвергъ. Графини нѣтъ въ этой залѣ?...

— Она прошла сію минуту съ какимъ-то военнымъ... вѣроятно, она возвратится скоро...

— Вотъ она идетъ; простите, княжна, я долженъ оставить васъ, но меня такъ интересуетъ...

— До первой кадрили, графъ!

Бронскій поклонился и пошелъ далѣе.

Къ зардѣвшейся, какъ маковъ цвѣтъ, княжнѣ подскочилъ Благинъ.

— Вы очень довольны, очень счастливы, belle cousine? спросилъ Костя, подмигивая однимъ глазомъ: а все я, я несравненный этакой! Что жь, не хорошъ букетъ? скажите, не хорошъ?

— Прелестный, Constantin!

— То-то, а вѣдь Бронскій отыскалъ его лично, проѣздилъ всю ночь, обшарилъ всѣ цвѣточные магазины, всѣ теплицы. У Финтельмана не нашелъ, поскакалъ въ Царицыно; а денегъ столько заплатилъ, что, попадись деньги эти дядюшкѣ Давиду, онъ могъ бы смѣло прицѣпить къ парчевымъ рукавамъ своимъ еще пары съ четыре.

— Vous ne faites grâce à personne, Constantin.

— Pas même à vos beaux yeux, belle cousine, pas même à votre bouche vermeille, que je voudrais...

— Finissez donc...

— Не скажу больше, а Бронскаго возненавижу, чувствую, что возненавижу!

— За что? спросила Саломея, жеманясь.

— За васъ, mon coeur.

— Онъ и не думаетъ.

— Знаете вы много...

— Ручаюсь, что не думаетъ.

— Не мнѣ бы слушать. Впрочемъ, вы Азіятка, тонкая, коварная Азіятка, хотите вырвать у меня нашу тайну; не проболтаюсь, даромъ ни слова не скажу, а для большей безопасности отправляюсь...

— Constantin! Constantin! закричала ему вслѣдъ княжна: вы пренесносный! ваши полуслова всегда выводятъ меня изъ терпѣнія... Куда вы идете?

— Иду прочь.

— Отъ меня? какъ любезно!

— Отъ опасности; далъ, кузина, честное слово Бронскому не говорить вамъ прежде времени...

— Но про что же, Богъ мой?

— Въ этомъ-то и le piquant de la chose.

— Constantin, милый Constantin, скажите пожалуйста....

— Ахъ, какъ нѣжно!

— Ну, пожалуйста, je vous supplie.

— Не подходите къ нему ни разу во весь вечеръ, скажу.

— Это что за вздоръ?

— Ей ей, иначе не скажу ни четверти слова.

— Я должна танцовать [illegible] ль.

— Отложить [illegible] ь.

— Нѣтъ, пожалуйста, нѣтъ.

— Кузина, глаза ваши подобны искусительному яблоку. Знаете вы, что такое искусительное яблоко, belle cousine?

— Знаю, наивно отвѣчала княжна.

— А знаете, такъ вотъ точно такое дѣйствіе производитъ на меня взглядъ вашъ, и этотъ злодѣй Бронскій...

— Такъ мучить безчеловѣчно...

— Мучусь и терзаюсь я, кузина.

— Полно, Constantin!

— Хотите, я передамъ тайну графа дядюшкѣ; вотъ онъ жалуетъ прямо къ намъ. Дядюшка! закричалъ Благинъ, подзывая князя Чинкурузина: красивый дядюшка, мы съ Саломеею говоримъ про пріятеля моего Бронскаго; она и слышать о немъ не хочетъ; вотъ какая!

— Ну, ну, ну, промычалъ князь.

— Говоритъ, слишкомъ молодъ и не Грузинъ, не годится. Вотъ какова дочка-то у васъ, дядюшка!

— Ну, ну, ну, ну!

— Право; говоритъ, зачѣмъ русскій графъ, а не абхазскій, и костюмъ носитъ не такой...

— Не вѣрьте, папа́, не вѣрьте ему; онъ нарочно.... воскликнула Саломея, обнимая съ нѣжностью отца своего. — Constantin такой непріятный сегодня.

— Ну, ну, ну, не нравится Русскій, въ родъ пошла.

— Да не правда, не правда!

— Въ родъ пошла, ну, ну, ну! повторилъ князь нюхая табакъ.

На выручку Саломеи явилась и старшая сестра, Поликсена. Выслушавъ жалобу Саломеи, она, жеманясь, взяла Костю за ухо, но тотъ закричалъ такъ пронзительно, такъ неблагопристойно громко, что половина гостей,

находившихся въ большой залѣ, повернула головы свои къ нему. Перепуганныя княжны бросились въ разныя стороны, а Благинъ пресерьезно увѣрялъ всѣхъ, что дядя Давидъ укусилъ его, Костю, за палецъ, и укусилъ за то, что Костя находилъ дядю ни мало не похожимъ на Ипсиланти. Привыкшая къ вѣчнымъ фарсамъ Благина, Москва постоянно смѣялась надъ нимъ и называла его хотя и безалабернымъ, но очень добрымъ малымъ.

Графъ Сергѣй Бронскій въ этотъ разъ подошелъ къ хозяйкѣ бала если не такъ застѣнчиво, какъ въ первое, но и не съ тою увѣренностью, какъ въ прочія посѣщенія. Магистръ понялъ, наконецъ, что характеры иныхъ женщинъ стоятъ самыхъ непреклонныхъ мужскихъ, и что снова войдти въ милость графини Н. было для него дѣломъ невозможнымъ.

Графиня Н., замѣтивъ подходившаго къ ней Бронскаго, улыбнулась ему очень мило, спросила что-то довольно громко и, не дождавшись отвѣта, направила лорнетъ свой въ другую сторону. Самъ графъ Н. не восхищался болѣе красотою сына счастливца графа Льва, и только легкимъ, едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы отвѣчалъ на поклонъ молодаго человѣка. Съ внутреннею досадою замѣшался магистръ въ толпу, двигавшуюся по всѣмъ комнатамъ; въ ней не искалъ онъ никого, напротивъ, старался не встрѣчаться съ знакомыми лицами, и особенно съ княжною Саломеею, привѣтствовавшею его такъ странно при самомъ входѣ.

Высмотрѣвъ пустыя кресла на самомъ концѣ анфилады, молодой человѣкъ помѣстился въ нихъ и предался размышленіямъ, нисколько не веселымъ и не утѣшительнымъ. Онъ вспомнилъ о первомъ дебютѣ своемъ этомъ же самомъ паркетѣ; о тѣхъ блестящ дахъ, которыя поселилъ въ немъ

чѣмъ же кончились эти блестящія надежды? Минутнымъ капризомъ одной только свѣтской женщины, мистификаціею другой неизвѣстной, и слишкомъ серьезнымъ расположеніемъ абхазской княжны — вотъ и все.

— A quoi pensez vous, Serge? раздалось возлѣ самаго его уха.

Магистръ вздрогнулъ и оглянулся. *Она*, но не въ голубомъ, а въ чемъ-то бѣломъ, воздушномъ, съ гирляндою живыхъ цвѣтовъ на головѣ, съ букетомъ на груди — и какъ мила!

— Вы не добры ко мнѣ! воскликнулъ Бронскій съ чувствомъ и вздохнувъ такъ глубоко, что воздушное существо услышало этотъ вздохъ.

— Что за грусть, что за отчаяніе? спросила она съ выраженіемъ искренняго участія: вы страхъ перемѣнились, другъ мой...

— Я боленъ.

— Да сохранитъ васъ небо, Serge, и да сохранитъ для меня.

— Зачѣмъ я вамъ?

— Какой вопросъ!

— Нѣтъ, довольно сладкихъ словъ — они губительны; а вѣрить имъ, и вѣчно вѣрить имъ однимъ, я не въ силахъ; жить несбыточной надеждой—страданье страшное; я боленъ!

— Дайте мнѣ руку, графъ; здѣсь могутъ насъ подслушать, сказала безъименная, и маленькая ручка ея помогла магистру встать съ креселъ. — Не осуждайте меня, не выслушавъ, Serge! продолжало бѣлое существо страстнымъ голосомъ: и не оскорбляйте меня сравненіями...

— Съ кѣмъ?

— Съ другими... съ тѣми, которыхъ предпочли мнѣ.

— Я?

— Вы, графъ, вы.

— Васъ обманули!

— Нѣтъ!

— Клевета!

— Нѣтъ, графъ; но я прощаю вамъ минутное забвеніе; вы молоды, васъ завлекли, обворожили васъ; графиня Н. очаровательна...

— Я ненавижу эту женщину.

— Тѣмъ хуже; haïr c'est encore aimer.

— Я никогда не любилъ ея...

— Хотѣла бы вѣрить!

— Повѣрьте честному слову, повѣрьте клятвѣ...

— Не нужно клятвъ; я вѣрю, Serge, и, видите, не плачу, какъ эти дни, какъ эти ночи. Ахъ, другъ мой! ужасна ревность для тѣхъ, кто любитъ не умомъ, а сердцемъ... Вы любите меня?

— Но кто же вы, наконецъ? проговорилъ магистръ, съ страшнымъ отчаяніемъ сжимая руку незнакомки.— Зачѣмъ же длите мое мученье? зачѣмъ скрываете имя ваше отъ меня и не дозволите мнѣ одному изъ всѣхъ произносить его глазъ на глазъ съ самимъ собою, съ моею страстью?...

— Меня не знаетъ здѣсь никто, отвѣчала таинственно безъименная.

— Но графиня Н., ея мужъ?...

— И только!

— Два исключенія?

— Единственныя два, Serge! Но зачѣмъ вамъ мое имя?...

— Я сойду съ ума...

— Отъ счастія? позволяю.

— Вы демонъ искуситель! Другъ истинный не поступилъ бы такъ.

— Я намѣрена слишкомъ долго любить васъ, Serge, и потому ограждаю будущее счастіе отъ всякаго посторонняго вліянія; одной себѣ хочу я быть обязана всѣмъ. Не свѣтская женщина, блестящая и молодостью, и красотою, и значеніемъ въ свѣтѣ, окруженная роскошью, предлагаетъ графу Бронскому свое изсохшее сердце, а предлагаетъ его созданіе безъ имени и безъ званія.... Да, Бронскій, любите меня одну, безъ имени, гдѣ нибудь въ уединеніи; сердце мое принадлежитъ вамъ...

Слушая незнакомку, магистръ чуть не бросился къ ногамъ ея; вся кровь его превратилась въ пламя; онъ любилъ въ эту минуту, какъ рѣдко любятъ магистры нашего времени—и понятно! Бѣлое существо достойно было и не такого еще пламени. Забылъ онъ, что онъ на балѣ, забылъ, что, за исключеніемъ его, никто изъ гостей не ощущалъ въ домѣ графа Н. той страсти, которую ощущалъ онъ одинъ, и что кровь присутствующихъ, не превратясь въ пламя, не мѣшала имъ, а въ томъ числѣ и Саломеѣ, разслышать ритурнель перваго контрданса. Въ тотъ самый мигъ, когда герой нашъ стремился мысленно къ седьмому небу, абхазская княжна, ухвативъ кузена своего за локоть, устремилась съ нимъ вмѣстѣ на поискъ кавалера, обѣщавшаго ей первую кадриль. Закипѣлъ негодованіемъ Бронскій, услышавъ свое имя; онъ готовъ былъ вылить на Азіятку всю желчь, возмущенную въ немъ однимъ звукомъ ея голоса; онъ, пожалуй, и сказалъ бы что нибудь необязательное, но бѣлое существо шепнуло ему: allez et revenez!— два слова только, и магистръ, возведя взоръ къ небу, повелъ Абхазку въ большую танцовальную залу.

Пятнадцать дней, послѣдовавшихъ за баломъ, по-

стоянно пропадалъ графъ Сергѣй съ утра до самой ночи. Напрасно въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль искали Бронскаго и Костя Благинъ и друзья Кости Благина. На вопросы ихъ у привратника: гдѣ баринъ? привратникъ отвѣчалъ, что барина нѣтъ дома, что баринъ уѣхалъ рано со двора, а куда уѣхать изволили — неизвѣстно.

Глубоко вздыхала по магистрѣ смуглая Саломея, вздыхалъ по немъ же и Вильгельмъ Кроатце, посѣщавшій ежедневно Николая Николаевича Ламинскаго, вздыхалъ и самъ Ламинскій — но что пользы? Молодыхъ людей въ двадцать два года передѣлать трудно, а иныхъ передѣлать и невозможно; къ послѣднимъ принадлежала единственная мужская отрасль графовъ Бронскихъ, вообще отличавшихся твердостью характера.

Неизвѣстно по какимъ причинамъ, магистръ сталъ беречь собственныхъ рысаковъ своихъ и ѣздить на первомъ попадавшемся ему извозчикѣ; послѣднихъ бралъ на улицѣ и бралъ самъ. Слѣдовъ не оставлялъ за собою молодой человѣкъ, дѣлавшійся часъ отъ часу скрытнѣе и опытнѣе.

Показалось однажды Костѣ, что изъ дому банкира Гифтштейна выходитъ кто-то, тщательно закутанный въ шубу. Походка выходившаго напоминала Бронскаго; даже шуба походила на шубу графа. Обрадованный Благинъ выскочилъ было изъ саней своихъ, погнался за шубою, называлъ шубу эту Сергѣемъ, и Сережею, и моншеромъ, и графомъ, и Бронскимъ, но крики Благина не повели ни къ чему, а стоявшій на углу улицы лихачъ помогъ шубѣ отдѣлиться отъ Кости на такое разстояніе, что и криковъ его не стало слышно. Забѣжалъ Костя къ Гифтштейну и разспрашивалъ о Бронскомъ, но Осипъ Осиповичъ говорилъ правду тогда только, ко

находилъ въ правдѣ какую нибудь ощутительную пользу; отъ Благина же, по словамъ Еврея, произошелъ для него одинъ только большой вредъ.

Въ разговорахъ своихъ съ высокимъ и статнымъ барономъ, графиня Н. не поставляла себѣ въ обязанность вспоминать о Бронскомъ и ему подобныхъ. Прелестная графиня обладала рѣдкимъ и похвальнымъ свойствомъ, идти постоянно впередъ по пути жизни своей и никогда не оглядываться. То, что оставалось позади ея, даже не записывалось ею въ расходъ.

Михаилъ Михайловичъ привыкъ къ атмосферѣ Печкинской кофейной и просиживалъ въ ней по цѣлымъ суткамъ. Викторъ Протасьевичъ набивалъ ему трубку собственнымъ табакомъ, выхаживалъ верстъ по пяти вокругъ стола, за которымъ кушалъ Суркинъ янтарный чай, остатки же сахара и сухарей клала комета въ карманъ своего исподняго, не совсѣмъ чистаго платья. Длинноволосый пріятель блондина познакомилъ его еще съ тремя родственниками первыхъ драматическихъ сюжетовъ—людьми плохо одѣтыми, но не безъ талантовъ. Одинъ изъ родственниковъ свисталъ чижомъ, другой прыгалъ сорокою...

Костѣ Благину, называвшемуся единственнымъ другомъ Бронскаго, не давали прохода въ родственной семьѣ князя Чинкурузина. Княгиня Дарья Борисовна честила племянника холоднымъ родственникомъ, равнодушнымъ къ счастью общему; даже изъ устъ Давида Симеоновича вырывалось отъ времени до времени слово: «Русакъ ты этакой, ну, ну!» У Саломеи же, у бѣдной Саломеи, при имени графа Сергѣя, навертывались слезы. Несчастная, забытая княжна возилась по цѣлымъ суткамъ съ букетомъ своимъ, цѣловала его, лелѣяла и держала камеліи въ стаканѣ воды; но увядали цвѣтки и

пурпуръ листьевъ ихъ уступалъ желтизнѣ; камеліи морщились камеліи умирали...

— Вы бы скушали ихъ, belle cousine, говаривалъ плачевнымъ голосомъ Костя своей неутѣшной родственницѣ: иначе отъ измѣнника Бронскаго останется у васъ въ воспоминаніе пучекъ только что не розогъ.

— Отстаньте отъ меня, несносный! отвѣчала обыкновенно неутѣшная красавица, роняя слезу за слезой.— Я убѣждена, что всему причиной вы!

— Въ чемъ это обвиняете вы меня, belle cousine? спросилъ однажды Благинъ у Саломеи.

— Какъ въ чемъ?

— Да такъ, въ чемъ бы, напримѣръ?

— Вы отвлекли Бронскаго отъ нашего дома; вы возите его по всѣмъ другимъ мѣстамъ.

— Узнаю слова тетушки.

— Maman, или другой кто говорилъ, все равно; а вы не хорошій, Константинъ, и мы никакъ не ожидали отъ васъ подобныхъ вещей.

— Ахъ, belle cousine, belle cousine! какая же вы неблагодарная, нечувствительная! Обвинять меня такъ безбожно, такъ жестоко, когда я, можно сказать, подобно доброму генію вашему, пекусь о васъ словно нѣжная малиновка о своихъ птенцахъ.

— Я не хочу быть ни чьимъ птенцомъ.

— Ну, не хотите, и не нужно, настаивать не буду; а хлопотать, какъ хлопоталъ я все это время, и получить въ награду выговоры отъ васъ, понукиванье отъ дяди Давыда и только что не побои отъ тетушки—нѣтъ, это нестерпимо, это просто превосходитъ всѣ примѣры древней, средней и новой исторіи!...

— Вы хлопочете не о насъ!

— О васъ, сударыня!

— Знаю, что не обо мнѣ.

— Знаете, знаете! повторилъ Костя, скорчивъ гримасу: ничего вы не знаете, даже того не знаете, что въ мебельномъ магазинѣ Шика куплено Бронскимъ множество мебели для женскаго будуара и спальная мебель à la Maintenon — вотъ вы и этого не знаете.

— Я не выѣзжала одна, отвѣчала княжна, краснѣя.

— И я рыскаю, правда, одинъ по магазинамъ, а для чего? а для кого? не уже ли для себя?...

— Constantin, Constantin! вы лжете!

— Милое выраженіе!

— Ручаюсь, что вы говорите не правду, прибавила, покраснѣвъ еще больше, Саломея.

— А если не лгу?

— Не можетъ быть!

— А если мебель куплена Бронскимъ и куплена à la Maintenon, что тогда, belle cousine? что скажетъ тогда про холоднаго, равнодушнаго роднаго будущая comtesse Salomée Bronsky?

— Молчите!

— То есть говорите...

— Молчите, молчите, противный Костя! закричала княжна, топая ножкою отъ радости: не смѣйте называть меня этимъ именемъ, слышите?

— Небось, дурно имя? звучитъ непріятно? Эхъ, плутовка, большая плутовка азіятская!.. А пріѣзжай сію минуту Сережа, да поведи дядю Давида въ кабинетъ, да скажи ему «за честь и счастье почту вступить въ Абхазію» и проч.; то-то бы запрыгала belle cousine! чего добраго, въ попыхахъ расцѣловала бы и меня!

— Пусть пріѣдетъ!

— Что жь, откажете?

— Пусть пріѣдетъ! Костя, Костя, я зацѣлую васъ!

воскликнула Саломея, прыгая и хлопая въ ладоши, какъ утѣшенное игрушкою дитя.

Вѣсть, привезенная Благинымъ изъ мебельнаго магазина Пика, сообщилась въ одинъ мигъ всѣмъ членамъ восточнаго семейства. Подобно электрической искрѣ пробѣжала эта вѣсть изъ бельэтажа въ антресоль, съ антресоли въ rez de chaussée, оттуда въ подвалы къ прачкамъ, отъ прачекъ въ кухню, изъ кухни въ сараи и конюшни, изъ конюшней въ будку сторожей, отъ нихъ выскочила на улицу, заглянула въ мелочную лавочку, въ сосѣднюю харчевню, въ погребокъ, изъ погребка же разлетѣлась по всѣмъ Грузинамъ, по Малой и Большой Прѣснѣ и, выбравшись подъ Новинское, пустилась частью вдоль Садовой, а частью по направленію къ Крымскому Броду. Увѣряютъ, что въ этотъ же самый день три старухи, шесть молодыхъ вдовъ и одна дѣвица, жившая въ одной улицѣ съ роднымъ своимъ дядею, заѣзжали въ мебельный магазинъ Пика и прицѣнялись къ мебели à la Maintenon, точно такой, какую купилъ для свадьбы своей съ княжною Саломеею графъ Сергѣй Львовичъ Бронскій.

— Но зачѣмъ же скрываетъ графъ намѣренія свои? спрашивали многіе у многихъ, и многіе отвѣчали многимъ, что о женитьбахъ не принято говорить громко ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ.

Княгиня Дарья Борисовна начинала ужь бояться, чтобъ графъ Сергѣй, по молодости, не польстился на розовый домъ, что на бульварѣ, потому что хотя домъ этотъ и красивъ и комфортэбеленъ, но сыръ до крайности, а прислугѣ и дѣваться нѣкуда; службы въ немъ тѣсны и холодны. Княгиня Дарья Борисовна съ нетерпѣніемъ ожидала официяльнаго посѣщенія не для того, чтобъ знать нам

Саломеѣ (княгиня ужь знала навѣрное, что женится), а хотѣла, какъ добрая мать и другъ, поговорить съ нимъ откровенно на счетъ Поликсены. Вѣдь все жь не чужая какая нибудь, а свояченица; вѣдь нельзя жь оставить Поликсену такъ! Чрезъ годъ у меньшой дочери пойдутъ дѣти, а старшая не замужемъ — грустно родительскому сердцу! Надобно чтобъ Бронскій принялъ свои мѣры на счетъ Поликсены. Надобно, чтобъ Бронскій свозилъ Поликсену на воды на какія нибудь, гдѣ Поликсена, вопервыхъ, могла бы полечиться отъ своей странной боли подъ ложечкой, а потомъ могла бы сдѣлать и партію. Вотъ о чемъ крайне желала поговорить княгиня Чинкурузина съ графомъ Бронскимъ; но не являлся Бронскій...

Подобно стаду куликовъ, слетались на родственныя совѣщанія къ старымъ Чинкурузинымъ и всякіе другіе Чинкурузины, близкіе и дальніе родственники. Между ними прокидывались образцы другихъ племенъ Востока; были и такіе, что не говорили по русски, а говорили Богъ знаетъ на какомъ нарѣчіи. Сколько фарсовъ выкидывалъ Благинъ на этихъ совѣщаніяхъ! Сколько карикатуръ наводнило бѣлокаменную съ той поры, какъ рѣшили Абхазцы участь ничего не подозрѣвавшаго Сергѣя Бронскаго, отказавшагося очень рѣшительно отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, отъ всѣхъ баловъ и даже — кто бы подумалъ! отъ самихъ маскарадовъ Московскаго Благороднаго Собранія! Прошли еще пятнадцать дней, и забыла Бѣлокаменная о самомъ существованіи магистра. По счастью для бѣдной Саломеи, прибылъ въ первопрестольный градъ какой-то пѣвецъ, красоты необычайной. Онъ далъ концертъ, пропѣлъ «Viti, vitita», или нѣчто въ родѣ этого — и всѣ сердца затрепетали энтузіазмомъ, всѣ женщины устремили взоры свои къ

небу — и пошли музыкальные вечера... Прости литература! На долго запряталъ юный поэтъ свое посланіе къ Афродитѣ; разстроились и домашніе спектакли; стало плохо и львамъ московскимъ: всѣ пріуныли, и производилъ фуроръ одинъ пѣвецъ. Во всѣхъ модныхъ будуарахъ появились дагерротипныя изображенія знаменитаго артиста. Въ окнахъ Даціаро выставилъ тотъ же артистъ свой литографированный портретъ. Сколько князей запѣло по итальянски, сколько львицъ собралось путешествовать въ Италію, тотчасъ же по отъѣздѣ пѣвца. Во время перваго прощальнаго концерта забросали тенора цвѣтами, во второй послѣдній концертъ всѣ кружевные платки слушательницъ оросились слезами умиленія, на третій же послѣдній, и все таки прощальный концертъ, кажется, не поѣхалъ никто, потому что билетовъ на этотъ концертъ достать было невозможно. До магистра нашего не доходили столичныя новости, и не слыхалъ онъ о проѣздѣ артиста черезъ Москву, но доложилъ ему однажды вечеромъ Вильгельмъ Кроатце, что заѣзжалъ къ нему на квартиру графъ Левъ Сергѣевичъ.

— Отецъ! крикнулъ Сергѣй Львовичъ, блѣднѣя.

— Ja, Herr Graf.

— Но ты съ ума сошелъ, Вильгельмъ.

— Wie das? флегматически спросилъ Швейцарецъ.

— Какъ же докладывать мнѣ объ этомъ такъ спокойно?

Кроатце молчалъ.

— Скорѣе извощика, карету, что нибудь; дай мнѣ одѣться, но, ради Бога, поскорѣе. Гдѣ остановился графъ? оставилъ онъ адресъ?.. Когда онъ заѣзжалъ, въ которомъ часу?

— Графъ приказалъ просить васъ къ себѣ завтра, утромъ; остановился онъ у Варгина, отвѣчалъ Кроатце.

— Ну, такъ прикажи, пожалуйста, подать мнѣ воды, сказалъ молодой человѣкъ, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ.

Вильгельмъ вышелъ исполнить приказаніе, а магистръ, оставшись одинъ, впалъ въ глубокое раздумье. Прежде всего на память пришелъ ему Ламинскій.

«Что я скажу отцу о разрывѣ своемъ съ Николаемъ Николаевичемъ? спросилъ онъ самъ себя; какую причину представлю я?... А Анна?... Анна вѣрно съ нимъ— новая забота!... Не кстати этотъ пріѣздъ, такъ не кстати, что хоть бѣги на край свѣта... И охота же, право, возвращаться въ Россію въ трескучіе морозы, когда въ Италіи лѣто! и какъ можно рисковать такъ... дивлюсь отцу; куда дѣвалась осторожность его!.. Что жь я скажу про Ламинскаго? Эй, Жоржъ, кто нибудь!.. Гдѣ Жоржъ? спросилъ онъ у вбѣжавшаго слуги.

— Онъ здѣсь, ваше сіятельство; прикажете позвать?

— Нѣтъ; но дайте мнѣ воды — я воды спрашивалъ.

— Вода подана, ваше сіятельство.

— Да, вотъ она. Ну, хорошо, ступай... или постой; который часъ?

— Половина втораго.

— Только? Графъ ничего не спрашивалъ?..

— Ихъ сіятельство спросили только, гдѣ живетъ Николай Николаичъ.

— А! онъ спросилъ про него?

— Точно такъ, ваше сіятельство, и кажется, отправились отсюда къ нимъ.

— Къ Ламинскому?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— А больше ничего не говорилъ, ни съ кѣмъ?

— Ни съ кѣмъ. Господину управляющему очень изволили обрадоваться.

— Да, отецъ любитъ Вильгельма.

— Очень обрадовались, повторилъ слуга.

— Ну, хорошо, ступай; да позови же Жоржа.

Французъ явился на зовъ, помогъ магистру раздѣться, пожелалъ ему покойной ночи и пошелъ преспокойно спать. Но не то было съ его господиномъ: Сергѣй Бронскій не тушилъ свѣчи своей и выкурилъ, до девяти часовъ слѣдующаго утра, три пачки папиросъ.

Нѣтъ на землѣ сына, который бы, послѣ трехлѣтней разлуки съ отцемъ, не почувствовалъ невольнаго внутренняго волненія, дотрогиваясь до ручки тѣхъ дверей, за которыми ждутъ его отцевскія объятія. Магистру нашему это внутреннее волненіе было приличнѣе всякаго другаго, потому что онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи какъ на ученомъ, такъ и на свѣтскомъ поприщѣ... На сколько разнородныхъ вопросовъ долженъ былъ онъ отвѣчать отцу! Обманывать его онъ не рѣшился бы ни за что: Сергѣй Бронскій не смѣшивалъ Льва Бронскаго съ прочими обитателями земнаго шара.

Часовъ въ одиннадцать утра прибылъ герой нашъ въ гостинницу Варгина. На вопросъ, въ которомъ нумерѣ остановился графъ Бронскій, швейцаръ указалъ на лѣстницу и на правую дверь бельэтажа — значило близко, идти долго не нужно. Съ сильнымъ стукомъ въ вискахъ, съ сильнымъ біеніемъ сердца дошелъ онъ до указанной швейцаромъ двери и взялся за звонокъ. Звукъ колокольчика раздался внутри нумера. Послышались чьи-то осторожные шаги.

— Вѣрно, Кузьма; я узнаю его походку! подумалъ Бронскій. Замочный ключъ щелкнулъ, и дверь отступила.

— Такъ и есть; здравствуй старикъ! воскликнулъ молодой человѣкъ, обнимая отцевскаго камердинера. — Ну, что же графъ? здоровъ ли онъ?

— Они ожидаютъ васъ съ восьми часовъ, Сергѣй Львовичъ, тихо проговорилъ отцевскій камердинеръ, цѣлуя молодаго человѣка въ плечо. — Какъ вы изволили похудѣть!..

— Это такъ, мой милый; я плохо спалъ сегодня, отвѣчалъ магистръ, снимая калоши. Въ это же время раздался звонокъ и за слѣдующими дверьми. Сыну послышался отцевскій голосъ; сынъ вскрикнулъ, вскрикнулъ отецъ, а чрезъ секунду, крѣпко обнявшись, стояли ужь оба, и въ глазахъ обоихъ, въ голосѣ обоихъ дрожали слезы, слезы радости.

— Ну, слава Богу! сказалъ, наконецъ, графъ Левъ, глубоко вздыхая: а то вообрази себѣ, Serge, мою тревогу. Про нетерпѣніе не стану говорить. Пріѣхалъ я въ Москву вчера вечеромъ. Посылаю къ тебѣ — дома нѣтъ. Умылся, одѣлся, ѣду самъ — опять нѣтъ; но гдѣ же? спрашиваю, никто не знаетъ. Понятно, но легче ли отъ этого?

— Я былъ въ отчаяніи...

— Воображаю; однако ты что-то блѣденъ: здоровъ-ли?

— Совершенно, mon père...

— Ну, ты живешь en grand seigneur; réduit премилый, я все высмотрѣлъ, и слышалъ: très répandu, fort goûté, fort gaté... Анна поручила передать тебѣ тысячу прекрасныхъ вещей.

— Она не съ вами?

— Нѣтъ, мой другъ, куда ей! съ дороги она устала, и не зачѣмъ въ Москву. Я, согласно съ ея желаньемъ, завезъ ее въ деревню.

— Въ Бронское?

— Да; пусть поскучаетъ, но вѣдь не на долго.

— Какъ, mon père?

— Да, мой другъ, дѣла... но объ этомъ послѣ. Скажи же ты мнѣ, Serge, бываешь ты у родныхъ?

— Я мало выѣзжаю.

— Право?

— Право, mon père.

— Наскучилъ свѣтъ ужь? Рано немножко.

— Нѣтъ; но объ этомъ послѣ, mon père; теперь же поговоримъ о васъ. Сколько интереснаго должно быть въ путешествіи вашемъ!

— Мы провели три года чрезвычайно пріятно. Италія чудесная страна. Анна собрала тамъ цѣлую коллекцію акварелей, антиковъ и проч. Въ Парижѣ пробыли мы долѣе, чѣмъ предполагали; тамъ получилъ я первую вѣсть о блистательномъ успѣхѣ твоемъ, Serge, и мы устроили праздникъ по этому случаю. Письмо Ламинскаго опоздало тремя сутками; онъ въ отчаяніи... Я, признаюсь, крайне удивился, когда сказалъ мнѣ Вильгельмъ, что Николай Николаичъ переѣхалъ въ гостинницу...

— Вы видѣли его, mon père? спросилъ съ безпокойствомъ магистръ.

— Заѣхалъ вчера, прямо отъ тебя, отвѣчалъ графъ Левъ: и засталъ его за бумагами... Бѣдный Ламинскій! и кто бы могъ ожидать такого процесса? Виноватъ я...

— Процесса?

— Ну, да! съ этими... не помню фамиліи, за долгъ дяди.

— Я не слыхалъ.

— Какъ же! тяжба en forme. Но не по этому ли случаю и разстался съ тобою Николай Николаичъ? Не ловко, говоритъ, принимать у тебя разныя лица, адвокатовъ, приказныхъ и т. п. Онъ постарѣлъ, ужасно по-

ремѣнился, страхъ похудѣлъ; глаза впали; мнѣ грустно было смотрѣть на него. Анна привезла ему прекрасное изданіе Вальтера Скотта, Купера и прочихъ любимыхъ его авторовъ; отвезу ему самъ. Разскажи же мнѣ, Serge, про какую княжну говорилъ мнѣ одинъ баринъ въ Твери; мы встрѣтились на станціи... Ты влюбленъ?

— Какая мысль, mon père! Московская вѣсть:..

— Но существуетъ княжна?

— Ихъ много, чрезвычайно много!

— Et pas une n'a captivé ton coeur?

— Pas une, mon père.

— Сколько я помню, и имя княжны этой префантастическое...

— Не Саломея ли?

— Именно; но разочаруйся, мой другъ, Саломея-то русская Соломонида.

— Знаю, и въ отчаяніи за княжну.

— А другихъ предметовъ любви не существуетъ? спросилъ графъ Левъ.

Магистръ смутился.

— Полина Н., напримѣръ, продолжалъ отецъ, улыбаясь.

— Я часто бывалъ у графини.

— И прекрасно дѣлалъ, Serge. Женщины этого рода много содѣйствуютъ успѣху молодыхъ людей.

— Мы поссорились.

— Да?

— Да, mon père, но безъ всякой огласки, отвѣчалъ магистръ: одно слово мое не понравилось графинѣ, которой, между прочимъ, понравился баронъ.

— Ну, это не важно; однако заѣду и къ нимъ. Мужъ ея мнѣ пріятель; когда-то служили и дрались вмѣстѣ. Ты не поѣдешь со мною?

— Нѣтъ.

— Не ловко, понимаю, и не настаиваю. Тайны ваши остаются для меня неприкосновенными... Ба! ты краснѣешь, это мило! Браво! еще, еще...

— Преглупо въ мои годы!

— Напротивъ, Serge, ничто не можетъ быть интереснѣе, какъ краснѣющій магистръ. Но какъ жаль, что не видитъ этого румянца та, которой обязанъ я подобнымъ сюрпризомъ! quel triomphe pour elle!

При этомъ замѣчаніи румянецъ, покрывшій щеки Сергѣя Бронскаго, распространился и по всей остальной части лица, не исключая ушей. Молодой человѣкъ, закусивъ губы, рвалъ перчатку и не нашелъ ни одного слова въ отвѣтъ отцу, который, смѣясь, предложилъ ему стаканъ воды и обязался не касаться болѣе до чувствительной струны его, то есть до сердечныхъ тайнъ.

— Ихъ нѣтъ у меня... отъ васъ, по крайней мѣрѣ, проговорилъ молодой человѣкъ въ смущеніи.

— А есть онѣ?

— Можетъ быть.

— Браво, Serge! Я начинаю понимать негодованіе графини...

— Графиня Н. не подозрѣваетъ о существованіи ихъ, замѣтилъ очень серьезно молодой Бронскій.

— Прости, Serge, любопытство старости; но произнесъ ты послѣднюю фразу такимъ магистерскимъ тономъ, что откладывать признанія твои, просто, не могу, не въ силахъ.

— Время ли теперь?

— Всегда, мой другъ, время, и чѣмъ скорѣе подѣлишься со мною очень, повидимому, серьезными тайнами своими, тѣмъ, повѣрь, легче будетъ тебѣ...

— Я люблю, mon père...

— Вѣрю.

— И люблю въ первый разъ.

«Бѣдная Анна», подумалъ графъ Левъ.

Магистръ продолжалъ:

— Страсть эта развилась во мнѣ такъ неожиданно, такъ быстро, что остановить ее я былъ не въ силахъ.

— Зачѣмъ же, мой другъ, останавливать то чувство, которое не противно ни чести, ни совѣсти? замѣтилъ отецъ. Предметъ любви твоей не можетъ быть не достоинъ тебя.

— Она очаровательна.

— И свободна, конечно?

— Не знаю, mon père, не знаю даже, кто она.

— То есть предметъ твоей любви? спросилъ графъ Левъ съ удивленіемъ.

— Ничего не знаю.

— Странно, чрезвычайно странно! но присядемъ вотъ тутъ, и разскажи мнѣ, сдѣлай дружбу, всѣ подробности страстной исторіи твоей. Начало обѣщаетъ много новаго.

Обрадованный снисходительностью отца, его участіемъ и тономъ, вовсе не строгимъ и не насмѣшливымъ, графъ Сергѣй, расположась въ креслахъ, противъ графа Льва, началъ длинный разсказъ о первыхъ встрѣчахъ своихъ съ маскою, о свиданіи съ нею на балѣ графа Н., о всѣхъ разговорахъ, условіяхъ безъименной, и дошелъ наконецъ до бала, даннаго графомъ Н., наканунѣ новаго года.

— Цѣлый романъ, mon cher, и романъ современный, замѣтилъ отецъ, прерывая разсказъ сына.—Понимаю, мой другъ, что въ настоящее время упоминать о давнишнихъ проектахъ нашихъ и объ Аннѣ не кстати; впрочемъ, вы были тогда дѣтьми, и соображаться съ

желаніями родныхъ ты, можетъ быть, не станешь. Къ тому жь кузина твоя не принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣвушекъ, для которыхъ бы нужно было искать женіховъ; шансовъ на хорошую партію множество... Но въ сторону Анну и возвратимся къ тебѣ. Кстати, чтобъ не забыть, сдѣлай милость, не стѣсняй себя деньгами и не дѣлай долговъ.

— Я ужь сдѣлалъ ихъ, mon père, проговорилъ магистръ, опуская глаза.

— И много?

— Да, порядочно.

— Тысячь сто?

— О, нѣтъ, mon père, гораздо менѣе! воскликнулъ обрадованный молодой человѣкъ: половина этой суммы.

— Ну, это не раззорительно; но впередъ, Serge, для избѣжанія непріятныхъ встрѣчъ съ лицами, подобными мольеровскому скупцу, ты относись въ контору моего банкира. Кредитъ тебѣ я открою у него. Однако, не время ли отправляться съ визитами? Оно скучно, а дѣлать нечего, прибавилъ графъ Левъ, вставая. — Я очень счастливъ, что вижу тебя. Дней пять проживемъ вмѣстѣ, а тамъ и ѣхать пора...

— Не уже ли такъ скоро?

— Я не въ правѣ прибавить ни дня, ни часу, мой другъ. Петербургъ возьметъ у меня по крайней мѣрѣ недѣлю; когда же возвращусь домой — посуди...

Въ продолженіе туалета, отецъ и сынъ разговаривали о вещахъ, весьма любопытныхъ для нихъ исключительно. Графъ Левъ передалъ графу Сергѣю нѣкоторыя подробности своего путешествія, встрѣчи съ общими знакомыми, короче все... но не говорилъ ни слова объ Аннѣ.

Условясь съѣхаться вечеромъ на квартирѣ магистра,

графъ Левъ отправился съ визитами, а графъ Сергѣй вышелъ изъ варгинской гостинницы на площадь, оглянулся во всѣ стороны и, не отвѣчая на предлагаемыя услуги извозчиковъ, отправился къ Тверскому Бульвару, хотя и усыпанному желтымъ пескомъ, но грустному и пустому въ это время года.

ГЛАВА XXV.

Удивляюсь, что до настоящей минуты московскіе медики не включили еще Тверскаго Бульвара въ свои рецепты и не прописываютъ бульвара этого точно такъ же, какъ прописываютъ магнезію, кремортартаръ и прочія спасительныя вещества. Извѣстно всѣмъ, что князь Юрій дожилъ до ста двадцати шести лѣтъ; а отчего дожилъ князь Юрій до ста двадцати шести лѣтъ? Оттого, что ровно въ часъ по полудни онъ подъѣзжалъ къ бульвару съ лѣвой стороны, а Аѳанасій Степановичъ съ правой. Аѳанасій Степановичъ не дожилъ еще, но намѣревался дожить до ста двадцати шести лѣтъ, и въ сорокъ минутъ втораго оба встрѣчались у той деревянной будки, что называютъ кандитерскою, и оба, раскланявшись, продолжали идти далѣе.

Въ одно утро не встрѣтился Аѳанасій Степановичъ съ княземъ Юріемъ и, въ недоумѣніи, вытащилъ откуда-то огромные золотые часы свои и внимательно посмотрѣлъ на циферблатъ. Стрѣлка показывала половину втораго. «Странно!» подумалъ Аѳанасій Степановичъ и прямо отправился въ Англійскій Клубъ, гдѣ и поднялъ страшную тревогу — и было изъ чего! Аѳанасій Степановичъ ставилъ часы свои по часамъ клуба; а какъ въ половинѣ втораго князя Юрія онъ на бульварѣ не по-

встрѣчалъ, то и значило, что клубные часы были невѣрны.

— Я членъ! воскликнулъ Аѳанасій Степановичъ, и живу такъ долго потому только, что живу аккуратно. Если жь станутъ вертѣть стрѣлками произвольно, какое же средство не умереть? невозможно; а умирать я не хочу.

— Что же прикажете, Аѳанасій Степанычъ? спросилъ почтительно экономъ.

— Какъ что? Кажется, очевидна мѣра, которую должны вы употребить, сударь, отвѣчалъ членъ: извольте приставить къ часамъ вашимъ благонадежнаго человѣка.

— Но часы клуба вѣрны, ручаюсь вамъ.

— Извините-съ, невѣрны!

— Право, вѣрны, Аѳанасій Степанычъ.

— Невѣрны, невѣрны, невѣрны! кричалъ разгнѣванный членъ: я не встрѣтилъ сегодня князя Юрія на бульварѣ въ половинѣ втораго, а этого не случалось ни разу еще...

— Но его сіятельство скончался въ прошлую ночь, отвѣчалъ экономъ, самодовольно улыбаясь.

— Скончался! повторилъ Аѳанасій Степановичъ: отчего бы это было ему скончаться? Кажется, не для чего было ему скончаться-то...

— Отъ старости, вѣроятно, замѣтилъ экономъ.

— Отъ старости!... а можетъ быть, что и отъ этого... отвѣчалъ Аѳанасій Степановичъ, возвращаясь на бульваръ.

Впрочемъ, графъ Сергѣй Бронскій избралъ Тверской Бульваръ цѣлью прогулки своей не для повѣрки часовъ, а какъ мѣсто, весьма удобное для размышленія. Ему надлежало извлечь изъ свиданія своего съ отцемъ какое

нибудь положительное заключеніе. Магистръ почти не доволенъ былъ, что графъ Левъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на страсть его къ безъименной красавицѣ.

«Этотъ полунасмѣшливый тонъ, эти улыбки, замѣчанія, очень деликатныя, слишкомъ деликатныя въ откровенномъ разговорѣ отца съ сыномъ, все это странно, думалъ молодой Бронскій: и рѣшительно я не доволенъ разговоромъ съ отцемъ. Мнѣ во сто разъ пріятнѣе было бы, чтобъ онъ просто разбранилъ меня за Ламинскаго вопервыхъ; пусть бы разбранилъ даже и за страсть мою къ моей таинственной незнакомкѣ... Потомъ, упоминая о прежнихъ намѣреніяхъ его — соединить меня съ Анною, не ввернулъ ли отецъ какія-то выраженія, не то, чтобъ собственно выраженія, а что-то такое, очень, очень для меня непріятное? Онъ говоритъ, что Анна не изъ числа тѣхъ дѣвушекъ, для которыхъ нужно было бы искать женіховъ, то есть, онъ хочетъ сказать мнѣ, что для нея найдетъ онъ жениха не хуже меня, что она достойна лучшаго мужа, что Анна — совершенство. Согласенъ и вѣрно такъ: она обѣщала быть совершенствомъ. Но зачѣмъ же напоминать это мнѣ и прибавлять, что настоящею страстью моею разстроиваются всѣ прежніе планы, всѣ предположенія? Вообще, отецъ престранно принялъ откровенное сознаніе мое въ первой страсти — очень, очень странно!»

Магистръ приказалъ слѣдовавшей за нимъ каретѣ отправиться домой, а первому попавшемуся извозчику отвезти его на Старую Басманную, гдѣ жертвы, приносимыя таинственною красавицею влюбленному юношѣ, ограничивались страстными пожатіями рукъ, значительными улыбками, увѣреніями во взаимности и взглядами, полными пламенныхъ чувствъ...

У Красныхъ Воротъ магистръ расплатился съ извоз-

чикомъ, запряталъ лице въ соболій воротникъ шубы и пѣшкомъ отправился въ Старую Басманную, составлявшую цѣль его ежедневныхъ поѣздокъ. Въ улицѣ этой онъ остановился у заржавленной рѣшетки весьма ветхаго дома, оглянулся назадъ, взглянулъ впередъ и вошелъ въ калитку. Пройдя скорыми шагами обширный дворъ, обошелъ онъ нежилое каменное строеніе и вбѣжалъ на крылечко только что отдѣланнаго вновь прехорошенькаго домика, совершенно скрытаго со стороны улицы. Дверь домика онъ отперъ самъ.

Таинственное убѣжище молодаго человѣка состояло только изъ четырехъ комнатъ, весьма небольшаго размѣра. Первая была прихожая, вторая и третья походили на будуары; въ послѣдней стоялъ металлическій шкафъ съ духовою печью, придѣланною къ нему снизу. По стѣнамъ перваго будуара, обтянутаго блѣдно лиловою тканью, пестрился серебристый узоръ; драпировка оконъ, дверей и обивка мебели были изъ той же шелковой ткани. Небольшая люстра, изъ накладнаго серебра, и зеркало, въ такой же рамкѣ, довершали убранство. Второй будуаръ заставленъ былъ всѣми предметами роскошныхъ необходимостей. Рядомъ съ роялемъ Лихтенталя стоялъ въ немъ затѣйливый рабочій столикъ, снабженный всѣмъ, кромѣ самой работы; тутъ же, изъ за стеколъ рѣзной этажерки, выглядывали новѣйшія произведенія французской литературы. Въ другомъ углу будуара, на бѣлой мраморной доскѣ стола, ожидалъ искусной руки рисовальный снарядъ; лѣвѣй стола, въ большой фарфоровой вазѣ, отживалъ свою раннюю весну огромный букетъ душистыхъ цвѣтовъ. На темномъ бархатѣ стѣнъ, изъ подъ золотыхъ рамокъ, улыбалось лѣто пейзажами Пуссена и Гаспара. Вокругъ рамокъ

вился зеленый плющъ, цѣпляясь за бронзу консолей, страстныхъ пастушечьихъ группъ и готическаго рѣзнаго карниза. Далѣе проползалъ онъ по фрескамъ потолка и снова опускался по тремъ цѣпямъ до самой опаловой лампы.

Въ этой комнатѣ ожидало магистра безъименное существо, съ своими голубыми глазами. Съ восторгомъ, граціозно побѣжало оно на встрѣчу Бронскому и самымъ сладкозвучнымъ голосомъ спросило: отчего такъ поздно видитъ его?

— Я прямо отъ отца, отвѣчалъ юноша.

— Онъ въ Москвѣ? воскликнула съ испугомъ безъименная.

— Со вчерашняго дня.

— И ты говорилъ съ нимъ, Serge?

— Провелъ у него все утро.

— Я рада за обоихъ васъ, мой другъ, но за себя...

— Онъ ѣдетъ скоро; впрочемъ, счастію нашему, повидимому, не противится.

— Какъ, ты повѣрилъ ему, Serge?...

— Наши тайныя сношенія? да, я признался ему во всемъ, во всемъ.

— И онъ?

— Онъ рѣдкій отецъ, онъ любитъ меня и...

— А Анна? перебила безъименная.

— Анна осталась въ деревнѣ.

— Ты поѣдешь къ ней?

— Зачѣмъ? между нами все кончено.

— Mercі, мой Serge, mercі, мой безцѣнный, несравненный другъ!

— Презабавное слово «мой», когда произносишь ты его вмѣстѣ съ моимъ именемъ. Я скрылъ отъ отца на-

стоящія отношенія наши; пусть думаетъ, что ты любишь меня и не смѣешься надо мною, сказалъ магистръ, садясь въ кресла. Лице его было крайне не весело.

— Serge, Serge! я въ первый разъ вижу тебя такимъ мрачнымъ, въ первый разъ слышу подобные упреки, замѣтило таинственное существо.

— Мы говоримъ въ первый разъ объ отцѣ моемъ, отвѣчалъ Бронскій.

— Ты забылъ обѣщанія, клятвы свои..,

— Вырванныя насильно.

— Serge, возьми ихъ назадъ и забудь меня.

— Не въ силахъ, къ несчастью.

— Преступить мои обязанности я не могу, ты знаешь, и не потребуешь...

— Когда же наконецъ?

— Когда, когда... повторило существо съ голубыми глазами: знаю ли я, когда судьба развяжетъ меня съ моимъ врагомъ? Знаю ли я, когда пошлетъ она мнѣ къ тому средства? Повторяю тебѣ, другъ мой, что сердце отдала я тебѣ потому только, что сердце это было свободно, и руку отдамъ тебѣ, Serge, отдамъ безусловно, съ счастіемъ, со слезами благодарности... но отдамъ, когда буду свободна.

— Какихъ же средствъ ожидаешь ты отъ судьбы? и во власти ли они смертнаго? воскликнулъ юноша, воспламеняясь: скажешь ли ты, наконецъ, гдѣ эти средства? что называешь ты ими, и въ силахъ ли я помочь тебѣ?

— Скажу и скоро, мой другъ, отвѣчала безъименная томнымъ голосомъ: скажу сегодня, можетъ быть, завтра; но зачѣмъ спѣшить, Serge? Или не любишь ты болѣе ни уголка этого, ни цвѣтовъ моихъ, ни моего взгляда, ни голоса? Зачѣмъ пробуждаться отъ очаровательна-

го сна? намъ такъ хорошо! Ты не знаешь еще, другъ мой, какъ тяжко женщинѣ страстно любящей, вспоминать, что подчинена она матеріальнымъ условіямъ.... Нѣтъ, Serge, есть вещи, о которыхъ я никогда не рѣшусь говорить съ тобою. Въ прошедшемъ моемъ много, очень много страшныхъ тайнъ.

Безъименная закрыла ручками своими личико и такъ глубоко вздохнула, что кружева, прикрывавшія плечи ея и часть груди, чуть не разорвались. Вздохъ этотъ проникъ огнемъ сердце Бронскаго. Она или плакала или желала казаться плачущею. Отчаяніе красавицы продолжалось вплоть до самаго вечера. Равномѣрно столько же продолжалъ и графъ Сергѣй свои постоянныя просьбы о сообщеніи ему тѣхъ средствъ, которыми она надѣется устранить тяжкія для него препятствія.

Но въ вечеръ этотъ обязался магистръ явиться на свиданіе въ собственную квартиру, а заставить ждать отца не почелъ себя въ правѣ, и потому одинокій домикъ Басманной заперся въ восьмомъ часу за Сергѣемъ Бронскимъ, а въ девятомъ заперся за прелестнымъ безъименнымъ существомъ.

Въ дополненіе къ сказанному прибавлю, что платоническая любовь таинственнаго существа къ магистру и первая любовь магистра къ этому существу, ни мало не мѣшала имъ обоимъ вкушать различныя яства, такъ вкусно приготовляемыя у Шевалье, Матерна, Rocher de Cancale, Люке и проч., и проч. Все привозимое разогрѣвалось въ томъ самомъ металлическомъ шкафѣ, о которомъ мы упоминали выше.

На квартиру свою магистръ явился за полчаса до того времени, въ которое обѣщалъ прибыть къ нему графъ Левъ. Въ передней онъ увидѣлъ чью-то шубу и калоши.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ у слуги.

— Николай Николаевичъ Ламинскій, отвѣчалъ тотъ.

— У меня Николай Николаичъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

Все еще не вѣря ни слугѣ, ни ушамъ своимъ, магистръ не безъ волненія прошелъ слабоосвѣщенную залу и вошелъ въ кабинетъ. Ламинскій задумчиво сидѣлъ въ креслахъ, но, завидя молодаго человѣка, нежданный посѣтитель всталъ и молча поклонился.

Какъ ни былъ скоръ въ разрѣшеніи ученыхъ вопросовъ, во время защищенія диссертаціи своей, Бронскій, а встрѣтясь глазъ на глазъ съ прежнимъ наставникомъ и другомъ, не нашелся и сконфузился до того, что даже не отвѣчалъ поклономъ на поклонъ. Гость первый прервалъ довольно продолжительное молчаніе.

— Вы должны понять, Сергѣй Львовичъ, что, отказавшись отъ предложенія батюшки вашего: провести этотъ вечеръ вмѣстѣ съ вами, я подалъ бы ему поводъ думать, что между нами произошло неудовольствіе... Но такъ какъ оставилъ я домъ этотъ не съ неудовольствіемъ, а съ горемъ въ сердцѣ, то и возвратился сюда потому только, что къ горю привыкаютъ люди, привыкъ и я.

— Вы тогда дурно поняли меня, Николай Николаичъ проговорилъ магистръ, запинаясь: я вспылилъ и раскаяваюсь.

— Нѣтъ раскаянія въ томъ человѣкѣ, который продолжаетъ жить дурно, предосудительно.

— Предосудительно?

— Да, предосудительно, спокойно повторилъ Ламинскій.—Скрытны должны быть одни только добрыя дѣла, а вы ихъ не дѣлаете.

— Предположеніе ваше оскорбительно, Николай Николаичъ!

— Кто же мѣшаетъ вамъ, графъ, употребить и въ этотъ разъ, на собственную защиту, единственное оружіе ваше? кто мѣшаетъ вспылить и заставить меня молчать? Раскаяніе придетъ въ свое время,

— Я готовъ извиниться предъ вами.

— А я ни мало не готовъ извинить васъ. Бой между нами неравенъ, и Ламинскій столь многимъ обязанъ графу Льву Сергѣичу, что не оскорбитъ сына его унизительнымъ прощеніемъ. Безразсудный поступокъ вашъ долженъ выкупиться не имъ, а вами.... Но оставимъ этотъ разговоръ, и знайте, что отношенія наши при графѣ будутъ тѣ же, какія были прежде.

Николай Николаевичъ умолкъ и сѣлъ снова, а магистръ провелъ рукою по влажному лбу, подавилъ невольный вздохъ и медленно вышелъ изъ кабинета. Сергѣй Бронскій не переставалъ глубоко уважать Николая Николаевича; онъ бы съ радостью бросился къ нему на шею, но стыдъ, ложный стыдъ остановилъ его. Сколько благороднаго подавляетъ въ людяхъ это малодушное свойство!...

Графъ Левъ не замедлилъ явиться въ назначенный имъ часъ; онъ былъ еще такъ моложавъ и такъ хорошъ собою, что, безъ всякаго сомнѣнія, много женщинъ предпочло бы сыну отца. Въ сынѣ недоставало той мужественной красоты, которая внушаетъ прекрасному полу глубокое чувство. Молодыхъ людей любятъ женщины какъ драгоцѣнную собственность, льстящую и сердцу и самолюбію. Съ какимъ наслажденіемъ выставляютъ онѣ на показъ передъ свѣтомъ свое сокровище, и сколько радости внушаетъ имъ посторонняя зависть! То же чувство, возбужденное въ женскомъ сердцѣ не юношею, а мужемъ, проникаетъ глубже, утверждается крѣпче и хранится въ сердцѣ женщины, какъ хранитъ

вѣрный рабъ богатство, ввѣренное ему любимымъ господиномъ, на котораго полагаетъ онъ и надежду и защиту свою.

Графъ Левъ протянулъ обѣ руки свои какъ другу, такъ и сыну, обоимъ улыбнулся одною улыбкой, и спросилъ у Ламинскаго, получилъ ли онъ подарокъ Анны.

— Получилъ и не благодарю, потому что Анна Александровна точно съ такимъ же удовольствіемъ даритъ мнѣ моихъ Англичанъ, съ какимъ я принимаю подарокъ этотъ, отвѣчалъ Николай Николаевичъ.

— Передамъ слова эти Аннѣ, и придется благодарить ей, замѣтилъ Левъ Бронскій смѣясь.

— Приму и благодарность, приму все отъ нея.

— Она васъ очень любитъ, мой другъ, и я ревную.

— Вѣрю, графъ, и горжусь ревностью вашею: по моимъ понятіямъ, чувство это не раждается безъ основательныхъ причинъ...

— Я съ вами совершенно согласенъ; а какъ чувство это, въ сущности, крайне непріятно, то и прекрасно дѣлаютъ тѣ, которые ограждаютъ себя матеріяльно отъ укушенія этой змѣи.

— Матеріяльно, графъ?

— Да, матеріяльно, отвѣчалъ Левъ Бронскій, указывая съ улыбкою на магистра.

— Простите: не понялъ, сказалъ Николай Николаевичъ, пожимая плечами.

— И я не понималъ до сегоднишняго утра; но бесѣда ученаго моего магистра познакомила меня съ такимъ новымъ міромъ, съ такимъ новымъ взглядомъ на вещи....

— Не бесѣда, а излишняя откровенность, можетъ быть, замѣтилъ графъ Сергѣй.

— Излишняя? у сына съ отцемъ? но не только отъ меня, я полагаю, ты не скрылъ и отъ Николая Николаича новаго способа своего любить въ четырехъ стѣнахъ и любить предметъ, незнакомый ни съ кѣмъ, невѣдомый никому, не имѣющій даже ни собственнаго имени, ни фамиліи. Короче, я спрашиваю, есть ли возможность внушить ревность, не существуя для другихъ, по крайней мѣрѣ въ мнѣніи любовника? Что вы на это скажете, почтенный другъ?

— Про таинственный предметъ Сергѣя Львовича не скажу ничего, отвѣчалъ Ламинскій: магистръ нашъ уменъ и такъ опытенъ, что не унизитъ чувствъ своихъ выборомъ недостойнымъ. Потомъ, въ высшемъ обществѣ, къ которому принадлежитъ магистръ, и встрѣтиться мудрено съ существами, подобными той, про которую я хотѣлъ разсказать вамъ.

— Про женщину? поздравляю съ успѣхами, Николай Николаичъ! вы разскажете намъ что нибудь про женщину?...

— Да, графъ, про предметъ всѣхъ моихъ настоящихъ думъ, цѣль всѣхъ дѣйствій...

— И вы, мой другъ, подобно Сергѣю?...

— Живу пока однимъ желаніемъ.

— Не уже ли желаніемъ сосредоточить всѣ блага земныя въ маленькомъ, отдѣльномъ домикѣ?

— Нѣтъ, графъ, но обнаружить дѣло болѣе чѣмъ интересное.

— Разскажите, пожалуйста.

— Я говорю о цѣломъ процессѣ.

— А не про женщину?

— Женщина играетъ въ немъ главную роль, и вотъ въ чемъ дѣло. Въ хорошенькую кокетку влюбился честный, но довольно обыкновенный человѣкъ, который

и предложилъ ей руку. Кокетка смѣялась надъ влюбленнымъ, но употребляла, между тѣмъ, всѣ средства, чтобъ завлечь его какъ можно болѣе, и наконецъ вмѣнила ему въ обязанность сдѣлать преступленіе.

— А преступленіе?...

— Состоитъ въ томъ, что какой-то мошенникъ переодѣлся въ такой костюмъ, въ какомъ прогуливался одинъ богатый, больной холостякъ, перенялъ его походку, надѣлъ парикъ и, разыгрывая очень удачно роль этого холостяка, выдалъ влюбленному въ семнадцатилѣтнюю кокетку значительное заемное обязательство, поддѣлавшись притомъ и подъ самую руку больнаго старика. Старикъ умеръ; небывалый долгъ заплатилъ наслѣдникъ; влюбленный разбогатѣлъ, сдѣлался мужемъ кокетки, и все кончилось весьма благополучно для всѣхъ кромѣ...

— Кромѣ васъ, Николай Николаичъ, воскликнулъ графъ Левъ: потому что процессъ этотъ вашъ, и наслѣдникъ стараго холостяка вы сами.

— Да, я, графъ, и, по настоятельнымъ требованіямъ весьма опытнаго адвоката, я рѣшился наконецъ начать тяжбу, не столько изъ видовъ корысти, сколько изъ желанія изобличить главнаго злодѣя.

— То есть хорошенькую, семнадцатилѣтнюю злодѣйку? И вы видѣли ее, Николай Николаичъ?

— Я видѣлъ ее только разъ и не желалъ бы видѣть никогда.

— Значитъ, подурнѣла?

— Напротивъ, не желалъ бы изъ осторожности. Представьте себѣ, графъ, что причастны преступленію три лица: безобразный Еврей, кочующій актеръ, тотъ самый, который такъ искусно разыгралъ роль дяди Андрея Романыча, и мужъ кокетки. Всѣмъ тремъ внушила

она непреодолимую страсть; всѣ трое пожертвуютъ собою для ея спасенія.

— Прекрасный сюжетъ для романа! воспользуйся имъ, Serge. Развязку романа беру на себя, и не позже, какъ завтра, дѣлаю по этому случаю два оффиціальные визита.

— Не знаю, нужно ли: развязка придетъ сама собою. Мужъ, Еврей и актеръ находятся ужь подъ тайнымъ присмотромъ; главный же двигатель внѣ всякой опасности; предусмотрительность этого демона предохранила его отъ уликъ... Но адвокатъ мой, преоригинальное существо — короче, тотъ самый Иванъ Андреевичъ Пуганинъ, который, помнится, графъ, самъ взыскалъ съ меня долгъ дяди въ пользу теперешнихъ моихъ противниковъ; но онъ въ то время не зналъ о подлогѣ и совершенно невиненъ. До Ивана Андреича дошло какими-то путями, что героиня романа нашего обязалась добыть, никому неизвѣстными способами, полтораста тысячь рублей, и деньгами этими надѣется она, вопервыхъ, удалить актера, а потомъ уничтожить и самый процессъ. Въ способѣ добыванія денегъ этихъ и надѣется Пуганинъ открыть прямой путь къ ея обличенію. Предоставивъ адвокату всѣ хлопоты, я лично не вмѣшиваюсь ни во что, но не скрываю, что веселымъ днемъ будетъ для меня тотъ день, когда заплачетъ эта женщина.

— Я на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы рѣшительнѣе, Николай Николаичъ, сказалъ графъ Левъ, подумавъ: преступникъ мужъ, а онъ на лице—начните съ него.

— Онъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ другихъ.

— И онъ воспользовался плодами обмана?

— Нѣтъ, промотала наслѣдство мое она же. Часто-

любіе этой женщины, красота, умъ и средства открыли передъ ней двери лучшихъ домовъ.

— Этому я не удивляюсь и не осуждаю общество. Оно судитъ по одной наружности; иначе и поступить не можетъ...

— Согласенъ; но легковѣріе нашихъ дамъ, графъ, нерѣдко сближаетъ ихъ съ ничтожнѣйшими существами.

— Правда!

— Рѣзкимъ примѣромъ можетъ служить, въ настоящемъ случаѣ, графиня Н.

— Графиня Н.! воскликнулъ до того молчавшій магистръ, блѣднѣя.

— Да, графиня Н., равнодушно повторилъ Ламинскій: домъ ея доступенъ слишкомъ многимъ; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ... и обвиняютъ мужа.

Остальнаго разговора отца съ Николаемъ Николаевичемъ магистръ не слыхалъ. Въ головѣ его толпились мысли: онѣ прыгали, тѣснились прядями, подобно стаѣ бѣшеныхъ коней, выпущенныхъ на обширную степь. Въ ушахъ магистра слышался то разсказъ о процессѣ, то звучный голосъ безъименнаго существа, напѣвающаго о святости обязанностей, то звонъ цѣпей, привязывающихъ существо это къ ненавистному ей человѣку. Какъ ни напрягалъ магистръ свои умственныя способности для водворенія порядка въ головѣ — все было безполезно. На вопросы отца отвѣчалъ онъ несвязно.

— Ты усталъ, Serge, сказалъ наконецъ графъ Левъ, вставая.

— Я не спалъ всю ночь.

— Ложись же пораньше, а завтра, въ двѣнадцать часовъ, буду ждать васъ обоихъ у себя

Простясь съ сыномъ, Левъ Бронскій предложилъ завезти Николая Николаевича въ его гостинницу и вышелъ съ нимъ въ одно время.

ГЛАВА XXVI.

Недѣлю спустя послѣ объясненія Гифтштейна съ Фабіею, часу въ седьмомъ утра, на квартиру Михайлы Михайловича Суркина прибѣжалъ тотъ же Гифтштейнъ, блѣдный и разстроенный, съ пѣною у рта, съ глазами налитыми кровью. Ногти на пальцахъ его были совершенно сини, голосъ дрожалъ — онъ задыхался.

— Разбудите Фабію Антоновну, разбудите сей часъ, сію минуту разбудите! закричалъ Гифтштейнъ горничной, еще лежавшей въ постели.

— Вы съ ума сошли, что ли? воскликнула пробужденная Жаклина съ гнѣвомъ: съ чего вы взяли, чтобъ я стала будить барыню изъ за васъ?

— Ей ей-же худо будетъ тебѣ, если не разбудишь! продолжалъ кричать Еврей, ломая руки: вотъ увидишь, что худое сдѣлается!

— Ну, зачѣмъ она вамъ?

— Не твое дѣло.

— Какъ же я ей скажу?

— Скажи просто: Гифтштейнъ пришелъ.

— Этого мало.

— Ну, скажи, что Гифтштейнъ проситъ позволенія поговорить о важномъ дѣлѣ.

— Не въ спальнѣ ли?

— Все равно, хоть въ погребѣ; теперь не до спальни.

— Пожаръ, видно, въ домѣ, замѣтила насмѣшливо Жаклина, надѣвая башмаки. Ступайте же въ сѣни и погодите, пока одѣнусь.

— Только пожалуйста поскорѣй, сдѣлай милость поскорѣй.

— Хорошо, хорошо, ступайте.

Еврей вышелъ въ сѣни, а горничная, продолжая ворчать, встала съ постели, накинула на плеча мантилью, поправила рукой волосы и пошла осторожно въ спальню барыни.

Появленіе Еврея въ такой ранній часъ уничтожило всякое сомнѣніе въ истинѣ словъ его; къ тому же и сама Фабія ожидала чего-то особеннаго, почему не спала еще въ семь часовъ утра, и не долго противилась просьбѣ Жида явиться прямо въ спальню.

— Зови его, сказала красавица съ притворнымъ спокойствіемъ.

Горничная отправилась за посѣтителемъ, а супруга Михайлы Михайловича воспользовалась этимъ временемъ, чтобъ вылить на голову свою полстклянки о-де-колона и проглотить тридцать лавровишневыхъ капель.

Густыя тучи, висѣвшія надъ Москвою и темныя гардины оконъ помѣшали Фабіи разсмотрѣть въ это утро наружность Гифтштейна и помѣшали Гифтштейну замѣтить блѣдность Фабіи. По голосу же Суркиной судить о внутреннемъ безпокойствѣ ея было дѣломъ довольно труднымъ.

Выславъ горничную, Фабія подозвала Еврея къ самой постели и равнодушно спросила: что новаго?

— Мы погибли, совсѣмъ погибли! прошепталъ Еврей съ отчаяніемъ.

— Не совсѣмъ еще, потому что вы здѣсь; стало быть свободны, замѣтила Суркина.

— Какая свобода, когда я насилу вырвался изъ дома! Меня ищутъ, хотятъ взять...

— Кто?

— Кто же, какъ не начальство?

— Но за что? по какому случаю?

— Почемъ я знаю! помилуйте, Фабія Антоновна! почемъ мнѣ знать бѣдному — бѣдному, беззащитному? завопилъ жалобно Гифтштейнъ.

— Но какъ же вы пробрались ко мнѣ?

— Черезъ лавочку, заднимъ выходомъ. Спасибо доброму человѣку: онъ и сказалъ мнѣ втихомолку, что надзиратель спрашиваетъ Гифтштейна... Боже мой, Боже мой! Домовый же писарь говорилъ мнѣ, а ему сказывалъ хожалый, что приказано строжайше смотрѣть за мною; а что я сдѣлалъ такое? Самимъ вамъ извѣстно, Фабія Антоновна, человѣкъ я заѣзжій...

— Ну, о дѣлахъ вашихъ говорить теперь не время, замѣтила Фабія, повторяя пріемъ капель своихъ: придите въ себя, садитесь и дайте мнѣ подумать. Про дѣла мужа стали говорить, продолжала Суркина, помолчавъ: и это мнѣ не ново; но странно одно только обстоятельство...

— Что? что такое странно? спросилъ Еврей.

— Странна мнѣ кажется болѣзнь одного человѣка, прибавила Фабія, какъ бы говоря сама съ собою — цѣлую недѣлю...

— Кого же это, не Ламинскаго ли?

— Нѣтъ, тотъ здоровъ... но... но... впрочемъ, это не ваше дѣло. Спрячьтесь куда нибудь покуда, отправляйтесь хоть за городъ, только спрячьтесь.

— Съ чѣмъ же я поѣду, помилуйте! Ни гроша нѣтъ при мнѣ. Я умру съ голоду или замерзну...

— Возьмите денегъ у мужа: у него есть.

— У мужа? упаси Богъ! Скажи я ему только, что надъ нами такая бѣда, онъ, со страху, во всемъ повинится; самъ, добровольно, погубитъ насъ, пуще враговъ самихъ.

— Ну, полноте, разбудите его и позовите ко мнѣ; да скажите, гдѣ живетъ актеръ... какъ его зовутъ?

— Поразительный.

— Да, да, гдѣ его найдти?

— Жилъ онъ на подворьѣ, что у Чугуннаго Моста.

— Хорошо, я не забуду. Ступайте же за мужемъ... ступайте!

Гифштейнъ на цыпочкахъ и со вздохами отправился на половину Суркина, а Фабія позвала горничную и приказала подать себѣ все нужное для письма.

Въ это же утро получилъ Сергѣй Бронскій записку отъ своего безъименнаго существа. Безъименная умоляла магистра прибыть немедленно въ домикъ на Басманной; а если онъ все еще боленъ, то удалить всѣхъ изъ дому и принять безъименную у себя. Отвѣтъ свой долженъ былъ магистръ вручить подателю записки.

Не смотря на слабость, слѣдствіе недѣльной болѣзни, Сергѣй Бронскій предпочелъ домикъ квартирѣ, и тотчасъ же приказалъ запрячь карету.

Влюбленные съѣхались въ Басманной въ одно и тоже время. Оба перепугались взаимной перемѣнѣ — оба страшно похудѣли.

— Ты лишаешь меня даже возможности страдать вмѣстѣ съ тобою, сказалъ съ нѣжностью магистръ.

— Сегодня, если хочешь, мы положимъ конецъ всѣмъ препятствіямъ, Serge, отвѣчала та: сегодня насталъ рѣшительный день, и откровенности моей не будетъ границъ; но здѣсь холодно...

— Я растоплю каминъ.

— Да, пожалуйста.

Бронскій раздвинулъ бархатъ, закрывавшій каминъ артистическаго будуара, и принялся за топку. Безъ-

именное существо придвинуло къ нему козетку и, дрожа всѣмъ тѣломъ, улеглось на ней со всевозможною граціей. Блѣдность красавицы придавала лицу ея еще болѣе прелести; въ это утро она была обворожительна.

Черезъ минуту темный будуаръ освѣтился яркимъ пламенемъ, гардины оконъ упали, и въ полумракѣ, противъ камина, расположились влюбленные и составляли одну изъ самыхъ счастливыхъ группъ.

— Будь ты виновна, я бы простилъ тебѣ въ эту минуту, сказалъ съ восторгомъ герой нашъ.

— Что за мысль! спросила испуганная красавица.

— Мысль, не оставляющая меня ни на минуту, мой другъ; мысль, уложившая меня въ постель, недѣлю назадъ.

— Какой вздоръ!

— Да, вздоръ, конечно, сумасшествіе; но Ламинскій...

— Ты принимаешь его?

— Онъ былъ у меня съ отцемъ; онъ разсказывалъ отцу о своемъ процессѣ, ужасномъ дѣлѣ, и дѣлу этому причастна женщина... Я думалъ... мнѣ пришло въ голову, что чудовище это...

— Я?

— Прости мнѣ эту мысль. Скромность твоя, красота и любовь, которую ты должна внушать всѣмъ...

— Назвалъ ли Ламинскій свое чудовище?

— Да, кажется, назвалъ.

— Ты помнишь имя ея?

— Нѣтъ.

— Вспомни же; мое имя — Фабія! сказала рѣшительно и совершенно спокойно безъименная. Не смотри на меня такъ страшно, другъ мой! Ламинскій благороденъ и не могъ обвинять жену за поступокъ мужа.

— Фабія, Фабія! повторилъ Бронскій, схватившись обѣими руками за голову. Я сплю, это сонъ, это зловѣщій сонъ...

— Нѣтъ, Serge, ты не спишь, но и не слушаешь, перебила съ тѣмъ же спокойствіемъ супруга Михайлы Михайловича. Ненависть моя къ обманщику не достаточно ли ужь оправдываетъ меня въ твоихъ глазахъ... Я выдана была за мужъ ребенкомъ, я не знала, я не слыхала ни про дѣло, ни про него самого.

— Но сто пятьдесятъ тысячь?.. воскликнулъ Бронскій, не сводя помутившагося взора своего съ глазъ Фабіи.

— Эту сумму требуетъ все таки онъ за мою независимость.

— Фабія, да помилуетъ Богъ твоихъ злодѣевъ, если ты невинна!

— Я прощаю ихъ...

— Фабія! повторилъ трагическимъ голосомъ магистръ: да накажетъ тебя Богъ, если слова твои лживы! Я люблю тебя страстно; но Ламинскій мой благодѣтель, наставникъ, другъ и другъ испытанный. Солгалъ онъ, я обличу лжеца...

— Обманутъ Ламинскій, обманутъ злодѣями.

— Докажи мнѣ это; придумай средство доказать.

— Очевидности достаточно?

— Говори же, объясни мнѣ, раскрой глаза.

— Успокойся, другъ мой, сказала, улыбаясь, Фабія: вся жизнь моя такъ кратковременна, что передать ее по днямъ, по часамъ, по минутамъ легко и въ нѣсколько минутъ... Потомъ, что же общаго между дѣломъ Ламинскаго и моею къ тебѣ привязанностью?

— Твое участіе.

— Въ преступленіи?

— Въ низкомъ, неслыханно низкомъ дѣлѣ! перебилъ магистръ.

— И самъ Ламинскій не вѣритъ въ возможность моего участія, Serge, клянусь тебѣ за него.

— Голова моя кружится, Фабія... Понимаю, что тебя должно или любить, или ненавидѣть.

— И должно многимъ, Serge, очень многимъ.

— Говори, я слушаю.

— Разсказъ коротокъ, продолжала Суркина. — Въ шестнадцать лѣтъ мнѣ показали кого-то и назвали его женихомъ; я заплакала; въ семнадцать меня обвѣнчали и скоро я должна была возненавидѣть этого человѣка. Но случилось разъ, что сама судьба вручила мнѣ оружіе противъ него: она, чрезъ посредство одного бродяги, познакомила меня съ его преступленіемъ. Клятва, данная мною изобличить его, возвратила мнѣ свободу и съ того времени жизнь моя отдѣлена отъ его жизни; знакомые мои его не знаютъ... Цѣль же всей будущности моей, Serge, былъ все таки ты отъ малолѣтства и до настоящей минуты... Ты знаешь все теперь...

Окончивъ разсказъ, Фабія сначала вздохнула, потомъ произнесла еще разъ слово «Serge», еще и еще разъ, но менѣе громко и болѣе нѣжно...

Сергѣй Бронскій былъ влюбленъ, и ошибетесь вы, если подумаете, что обвинена была имъ Фабія — извините: обвинены были всѣ, кромѣ Фабіи!

Въ этотъ же день графъ Левъ крайне обрадовался, не заставъ дома больнаго сына своего, но крайне удивился, не заставъ его ни вечеромъ, ни позже.

Пріятно ли провелъ остатокъ дня этого Гифштейнъ и успокоилъ ли его Михайло Михайловичъ Суркинъ, осталось неизвѣстнымъ для многихъ. Зналъ только лавочникъ того самаго дома, въ которомъ проживалъ

банкиръ, что Осипъ Осиповичъ, пользуясь сумерками, заходилъ на свою квартиру посредствомъ задняго выхода, а, выходя обратно на улицу, казался нѣсколько толще въ плечахъ и груди — обстоятельство, до крайности распотѣшившее лавочника.

ГЛАВА XXVII.

Не забывъ давнишней дружбы своей къ старому товарищу, Левъ Бронскій посѣтилъ въ одно утро графа Н. и встрѣченъ былъ съ отверстыми объятіями. «Полина, Полина!» кричалъ женѣ обрадованный супругъ, забывая, по обыкновенію, что у Полины, какъ у многихъ богатыхъ графинь, отдѣльная половина въ домѣ, весьма отдаленная отъ мужнина кабинета. Вспомнивъ, наконецъ, расположеніе собственныхъ комнатъ, графъ Н. пересталъ кричать и засыпалъ Бронскаго такою кучею вопросовъ, что на одни отвѣты не достало бы цѣлаго дня.

— А какъ я старъ въ сравненіи съ тобою, душа моя, сказалъ, въ заключеніе вопросовъ, супругъ Полины: и самъ не постигаю, отчего бы это. Кажется, служили мы въ одно время...

— То есть ты былъ ротмистромъ, когда я только что поступилъ въ полкъ, замѣтилъ Бронскій, смѣясь.

— Постой, постой! вѣдь точно, ротмистромъ, дѣйствительно такъ; куда давно!

— Четверть вѣка, не больше.

— Приблизительно; но Богъ съ нимъ, съ прошедшимъ; настоящее, mon cher, все лучше; по крайней мѣрѣ чувствуешь [illegible] если оно дѣйствительно хорошо, не пра[illegible]

— Согласенъ.

— Ну, а Александръ-то, скажи, пожалуй, отправился несчастный и въ какихъ страданіяхъ! Говорили мнѣ; волосъ дыбомъ становится, не правда ли? а?

— Всѣ годы, послѣдовавшіе за кампаніею, были для него рядомъ страданій.

— Да, да, слышалъ... оставилъ дочь, и прехорошенькую, а?

— Названная племянница моя живетъ со мною, и не дурна.

— Слышалъ, слышалъ! И богата, очень богата, не правда ли? а?

— Не бѣдна.

— То-то же; блестящая невѣста будетъ, когда подрастетъ, mon cher! Привози ее къ намъ, въ Москву. Полина даетъ балы, прекрасные, весь городъ принимаетъ... Правда, и дряни много, да куда же дѣваться отъ нея? Избѣгнуть нельзя, не правда ли? а? Молодежи мало порядочной, не то, что было въ наше время, Бронскій; помнишь въ полку-то, въ полку-то, не правда ли? а?

— Сколькихъ нѣтъ!

— Да, да, подлинно сколькихъ ужь нѣтъ! А, вѣдь, грустно, mon cher, становится, когда начнешь припоминать! Напримѣръ, братья Азурины, тотъ еще чудесный малый, князь Павелъ, вѣдь, были цвѣтомъ тогдашняго общества. Теперь же, куда сравнить: мизинца ихъ не стоятъ молодые люди, не правда ли! а?

— Не пристрастно ли судимъ молодыхъ мы, старики? замѣтилъ Бронскій: и тогда были порядочные люди и теперь они есть; но взглядъ нашъ на нихъ ужь не тотъ, и сердце стало тверже.

— Не стану спорить, mon cher, не стану, чтобъ не

согрѣшить. Такъ ли, не такъ, а скучно что-то жить становится — не радуетъ ничего. Ты какъ думаешь? а?

— Я думаю, любезный Н., что женѣ твоей можетъ показаться странно, что я такъ долго у тебя и не являюсь къ ней.

— Да, да, она ждетъ, вѣрно, ждетъ; къ тому же, я послалъ предупредить ее; такъ идемъ, идемъ.

Пріятели взялись за руки и, продолжая разговоръ, прошли на половину хозяйки дома. Отца приняла графиня Н. въ томъ же будуарѣ, въ которомъ принимала нѣкогда сына. При входѣ Льва Бронскаго, прекрасное лице графини покрылось тѣмъ легкимъ розовымъ отливомъ, который говоритъ такъ много понимающимъ это розовое нарѣчіе. Понялъ его и Левъ Бронскій, но онъ былъ на столько свѣтскій человѣкъ, что улыбнулся своей проницательности. Послѣ первыхъ привѣтствій, рѣчь, разумѣется, коснулась магистра. Графиня называла его: charmant jeune homme, fort distingué и, при этихъ похвалахъ молодому человѣку, выдержала характеръ — не покраснѣла, но помогъ ей при этомъ супругъ, повторившій, при графѣ Львѣ, приказъ, отданный женѣ касательно юнаго дебютанта.

— И не могу, mon cher, не отдать Полинѣ полной справедливости, прибавилъ мужъ: она подвинула его впередъ и значительно подвинула. Въ послѣднее время я замѣчалъ за нимъ и остался очень, очень доволенъ... онъ и развязнѣе какъ-то сталъ, и любезнѣе, и не такъ застѣнчивъ, право! Но съ нѣкоторыхъ поръ я не вижу его вовсе.

— Serge былъ боленъ.

— Право?

— Да; не серьезно, правда; но докторъ запретилъ ему выѣзжать. Молодой человѣкъ затанцовался.

— Не влюбленъ ли онъ, mon cher?

— Кажется, отвѣчалъ Бронскій, смѣясь и не смотря на графиню, лице которой покрылось яркимъ румянцемъ: и влюбился онъ, если не ошибаюсь, на вашихъ балахъ... Впрочемъ, gardez moi le secret, comtesse, спѣшилъ прибавить графъ Левъ: Serge способенъ бросить мнѣ перчатку за мою нескромность.

— Влюбился на нашихъ балахъ? проговорила Полина остывая: въ кого бы это? не въ княжну ли Саломею?

— О, нѣтъ!

— Въ Barbe Гремину?

— Она замужемъ?

— Нѣтъ.

— Такъ и не въ нее, графиня.

— Богъ мой! въ кого же можно влюбиться? въ Natalie? Serge не знаетъ... Ахъ, pardon, comte, слушая, какъ вы называете сына вашего просто Serge...

— Ты, мой другъ, называла такъ сына гораздо ранѣе пріѣзда отца, сказалъ супругъ, смѣясь: такъ называй и теперь не иначе, а то мнѣ какъ-то не ловко будетъ.

— Поищите, графиня, между дамами, перебилъ Бронскій, будто не слыхавшій послѣднихъ словъ супруговъ.

Графиня перечла поспѣшно всѣхъ молодыхъ женщинъ, посѣщавшихъ балы ея, и не остановилась ни на одной.

— Ты забыла одну, мой другъ, и красавицу! воскликнулъ м ужъ.

— Кто жь это?

— Ну, какъ же ту, сосѣдка она твоя, что ли? однимъ словомъ, le bleu de ciel.

— Ахъ, Богъ мой! Фабію...

— Какъ, какъ?

— Фабію, повторила съ гримасою графиня Н; но кто жь говоритъ о подобной ничтожности? Я никакъ припомнить не могу, какому случаю обязана я была ея знакомствомъ.

— Давно ли, ma chère, такое нерасположеніе къ бѣдной моей блондинкѣ?...

— Съ тѣхъ поръ, какъ долетѣли до меня престранные слухи о какомъ-то ужасномъ дѣлѣ...

— Я самъ что-то слышалъ, но не помню отъ кого; а все таки она очень, очень не дурна.

— Во всякомъ случаѣ, графъ Сергѣй не можетъ влюбиться въ женщину, подобную m-me Суркинъ.

— Суркинъ, Суркинъ, повторилъ Левъ Бронскій, припоминая что-то.

— Не правда ли, что одна фамилія прелестной блондинки способна разочаровать и охладить самую пламенную страсть?

Согласившись во всемъ какъ съ графинею, такъ и съ графомъ Н., Левъ Бронскій не могъ, однакожь, никакъ согласиться, чтобъ одной фамиліи «Суркинъ» достаточно было для охлажденія первой любви его сына, если только носило фамилію эту то безъименное существо, о которомъ говорилъ ему магистръ.

«Какое странное сцѣпленіе обстоятельствъ!» подумалъ графъ Левъ: «желать ли, или не желать, чтобъ предметъ Сергѣя была Суркина? Не она это — тѣмъ хуже; а если онъ попалъ на Фабію, то это такъ хорошо, что, убѣдись я только въ этомъ, отправлюсь изъ Москвы совершенно спокойно».

Давъ слово графу и графинѣ Н. отобѣдать у нихъ на другой день, Левъ Бронскій поспѣшилъ сообщить предположенія свои Николаю Николаевичу. Ламинскій про-

думалъ съ четверть часа и обѣщалъ графу, не позже завтрашняго утра, разузнать достовѣрно, въ рукахъ ли Фабіи сердце магистра.

— А средства ваши, мой другъ? спросилъ тотъ.

— Не замысловаты, графъ.

— Можно знать мнѣ?

— Конечно, можно, отвѣчалъ Ламинскій: въ рукахъ моихъ участь всѣхъ лицъ, причастныхъ тяжбѣ. Предложи я прощеніе актеру, тому самому, который такъ искусно принимаетъ всѣ виды и всѣ наружности, ручаюсь вамъ, что сегодня же онъ проникнетъ въ таинственный домикъ магистра нашего, подслушаетъ голоса, самые разговоры, и завтра тѣми же голосами передастъ намъ все.

— А вѣдь вы, мой другъ, способны сдѣлать злодѣю вашему подобное предложеніе?

— То есть прощеніе?

— Да, эту бездѣлицу.

— Какъ, графъ, если даже предметъ любви сына вашего Фабія?

— Какая же разница, и что вамъ до этого? спросилъ Бронскій, не понимая словъ Ламинскаго.

— И вы считаете меня способнымъ продолжать процессъ и преслѣдовать женщину, любимую сыномъ вашимъ?

— Другъ мой, вы нездоровы!

— А вы несправедливы ко мнѣ, графъ.

— Николай Николаевичъ! перебилъ Левъ Бронскій серьезно: знаете ли, что вы сдѣлаете новымъ доказательствомъ расположенія вашего къ сыну? Вы отдадите ему ваше состояніе.

— Я говорилъ про несчастнаго бродягу...

— Преступленіе сдѣлано не имъ однимъ и, прекращая тяжбу, не отказываетесь ли вы добровольно отъ всего наслѣдства покойнаго дяди?

— Я не отказываюсь ни отъ чего, графъ, потому что деньгами, омытыми слезами, хотя и преступными, не воспользовался бы я никогда... и не коснусь я ихъ, точно такъ же, какъ не коснусь участи тѣхъ, которые хотя минуту одну были близки друзьямъ моимъ... Слова безполезны, графъ, я сказалъ — и сдѣлаю.

— Вы неподражаемый человѣкъ! проговорилъ съ чувствомъ Бронскій, обнимая и цѣлуя Николая Николаевича. — Дѣлайте, что хотите и какъ хотите; довѣренность къ доброму вліянію вашему на нашу общую участь такъ велика во мнѣ, что на него и полагаю я всю надежду. Завтра прощусь я съ сыномъ, обниму васъ еще разъ и поѣду. Вспоминайте иногда обо мнѣ, и почаще объ Аннѣ — вотъ послѣдняя моя просьба!

Левъ Бронскій уѣхалъ домой, а Николай Николаевичъ, не теряя времени, послалъ трактирнаго слугу за трагикомъ Поразительнымъ. Артистъ, знавшій уже на опытѣ снисходительность и доброту Ламинскаго, не заставилъ себя ждать долго. Сколько разъ, съ начала тяжбы настаивалъ Иванъ Андреевичъ, чтобъ замѣшанныя по дѣлу лица подвергнуть заключенію. Сколько разъ подносилъ по этому случаю различныя бумаги Ламинскому, который постоянно прочитывалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и всегда отсрочивалъ подписываньe, находя выраженія въ нихъ то слишкомъ сильными, то самый слогъ казался ему кудреватымъ, то мѣшали орѳографическія ошибки... Короче, Ламинскій расположенъ былъ менѣе къ Ивану Андреевичу, чѣмъ къ виновникамъ собственнаго раззоренія. Въ предположеніяхъ же графа Льва видѣлъ Николай Николаевичъ возможность при-

лично прекратить тяжбу и молилъ судьбу, чтобъ безъименное существо любимца его была Фабія Суркина.

«Вотъ ему и урокъ, этому бѣшеному, этому негодному Сергѣю!» твердилъ Ламинскій, расхаживая скорыми шагами по маленькой своей комнаткѣ: «онъ выгналъ меня изъ дома... а какимъ молодцемъ онъ выпроводилъ меня тогда — прелесть! Какъ идетъ ему и тонъ этотъ и всѣ движенія. «Я не позволю давать себѣ совѣтовъ,» сказалъ онъ мнѣ; оно глупо въ сущности, но онъ хорошо, онъ прилично выговорилъ эту фразу. Когда я вспылю, когда я выйду изъ себя, нарочно, разумѣется — вѣдь у меня не выходитъ изъ этого ничего порядочнаго; я даже нахожу, что нерѣдко прорывается вздоръ какой-то. Ѳедосѣй мой не можетъ не смѣяться; онъ и смѣется, я увѣренъ въ этомъ. Поди же, смѣйся надъ этимъ бѣшенымъ! Намедни сижу у него въ ожиданіи графа Льва; думалъ два часа, что бы сказать такого суроваго; придумалъ пошлость, а труда какого стоило! Догадайся жь онъ, да протяни мнѣ руку — пропалъ бы совсѣмъ, расплакался бы, осрамился бы просто. Нѣтъ, дядя былъ правъ: въ головѣ моей сидитъ или какая нибудь козявка, или кустъ растетъ дрянной; а что-то непремѣнно есть, непремѣнно есть... и мѣшаетъ мнѣ быть какъ другіе, думать какъ другіе, и говорить мнѣ мѣшаетъ. Нужны мнѣ очень деньги! А Фабія... если онъ только любитъ Фабію... да только полюби онъ ее въ самомъ дѣлѣ... Нѣтъ, нельзя, не должно! Анна... вотъ кто прежде всего, для кого создано сердце Сергѣя! А сердце-то какое! вѣдь чудесное, рѣдкое сердце!»

Вскорѣ явился и Поразительный. Трагикъ утратилъ въ послѣднее десятилѣтіе всю остальную молодость и большую часть волосъ своихъ. На темени его образовалась плѣшинка, виски обнажились также, щеки впали,

кожа на лицѣ сморщилась, и зубы свои началъ онъ ужь показывать какъ рѣдкость. Поразительный измѣнилъ бархатной жакеткѣ своей въ пользу бархатнаго же сюртука, съ большими бронзовыми пуговицами, изображавшими звѣриныя головы; кочующій артистъ былъ хотя и нарумяненъ, но находился въ горестномъ и отчаянномъ положеніи.

— А! вотъ и вы! сказалъ Ламинскій, ласково обращаясь къ низкокланявшемуся трагику.

— Лечу на зовъ вашъ, Николай Николаичъ!

— Благодарю, благодарю; но я все забываю имя ваше.

— Зовутъ меня различно, Николай Николаичъ; настоящаго имени не помню.

— Однако?

— Не называйте только негодяемъ — вотъ вся моя претензія, отвѣчалъ актеръ смиренно.

— Пока законы не осудили, честь при васъ, и оскорбительныхъ словъ вы не заслуживаете, мой любезный, замѣтилъ Ламинскій весело: прозываетесь же вы, сколько мнѣ помнится, Утѣшительнымъ.

— Нѣтъ, перебилъ артистъ: Утѣшительнымъ назвалъ Гоголь одного изъ знаменитыхъ игроковъ своихъ, а я, въ подражаніе ему, именовался долго Поразительнымъ.

— Да, да, теперь вспомнилъ. Такъ вотъ видите ли, господинъ Поразительный, послалъ я за вами съ цѣлью...

— И вѣрно съ благородною, Николай Николаичъ, вотъ и плохо.

— Шутки въ сторону. Вы мнѣ очень можете быть полезны.

— Удивительно!

— Право полезны.

— Распоряжайтесь мною, Николай Николаичъ, и вѣрьте, что, начиная съ кожи, вѣроятно годной для турецкаго барабана, все мое и весь я къ услугамъ вашимъ...

— Вы, по всей справедливости, должны представить и для меня кого нибудь, сказалъ Ламинскій, смѣясь.

— Покойнаго дядюшку? Не стану, что хотите дѣлайте.

— Нѣтъ, его мы оставимъ въ покоѣ; а желалъ бы я провѣдать, что дѣлается въ одномъ домѣ, въ который ни мнѣ самому, ни знакомымъ моимъ проникнуть невозможно.

— Пожалуйте адресъ.

— Погодите и выслушайте сначала, въ чемъ дѣло. Одинъ молодой человѣкъ, мнѣ очень близкій, видится съ одною женщиною ежедневно гдѣ-то, не знаю. Желательно было бы мнѣ развѣдать, гдѣ они видятся и кто эта женщина.

— Безъ имени знакомаго вашего, Николай Николаичъ, врядъ ли удастся мнѣ проникнуть тайну.

— Разумѣется, его назову я вамъ; молодой человѣкъ этотъ графъ Сергѣй Львовичъ Бронскій.

— Онъ живетъ на Малой Дмитровкѣ?

— Да.

— Когда же прикажете явиться съ отвѣтомъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Имѣю честь кланяться, Николай Николаичъ.

— Прощайте, мой любезный, прощайте; вотъ вамъ пока на издержки, и до свиданія, сказалъ Ламинскій, вручая уходившему артисту ассигнацію.

Поразительный сошелъ съ лѣстницы гостинницы, постоялъ съ минуту у крыльца, подумалъ, потеръ себѣ лобъ грязною перчаткой и пустился вдоль по Тверской.

ГЛАВА XXVIII.

Было почти свѣтло на дворѣ, когда магистръ возвратился домой съ Басманной. Онъ привезъ въ этотъ разъ съ собою, на Малую Дмитровку, полную увѣренность въ любви къ нему несравненной Фабіи. И какое же сомнѣніе могло оставаться въ молодомъ влюбленномъ, послѣ столькихъ увѣреній со стороны любимаго предмета! Магистру доложили, что Левъ Сергѣевичъ три раза заѣзжалъ во время его отсутствія. Молодой человѣкъ задумался.

«Скажу отцу, что бралъ ванну... нѣтъ, нелѣпо... скажу, что былъ у Чинкурузиныхъ... опять нелѣпо... съ какой стати ѣздить больному къ Чинкурузинымъ? Нѣтъ, я просто выдумаю что нибудь; вѣдь не ловко сознаться...»

Не смотря на раннее утро, Сергѣй Львовичъ взялъ холодную ванну, напился кофе и прилегъ на диванъ. Спать ему не хотѣлось; мыслямъ его было не до прозаическаго сна. Кто очень счастливъ, тотъ дорожитъ дѣйствительностью и не мѣняетъ свѣжихъ воспоминаній на сомнительную надежду увидѣть во снѣ что нибудь отраднѣе.

Съ чѣмъ можетъ сравниться первая любовь юноши? какими цвѣтами, душистыми и привлекательными, украшаетъ онъ предметъ своей страсти! Для Бронскаго Фабія была всѣмъ въ это утро — и другомъ, и богатствомъ. Фабію не промѣнялъ бы онъ ни на Ламинскаго, ни на Анну. За Фабію онъ готовъ былъ, въ это утро, вызвать на бой цѣлый земной шаръ, разорвать всѣ родственныя связи, отказавшись отъ всѣхъ матеріальныхъ средствъ къ существованію, бѣжать съ нею на

какой нибудь островъ, не открытый еще ни однимъ Коломбомъ, и посвятить ей всю свою жизнь.

«И кто же въ состояніи любить, какъ любитъ она? Чтобъ умѣть любить такъ, недостаточно одного сердца, нуженъ умъ,» твердилъ магистръ самъ себѣ, лежа на диванѣ: «нужна красота и души и тѣла, нужно еще что-то, чего нѣтъ, чего не можетъ быть у другихъ женщинъ. Нѣтъ, не сто пятьдесятъ тысячь, а жизнь спроси у меня кто нибудь за выкупъ Фабіи, и жизни не пожалѣю... конечно, разумѣется, не пожалѣю.

Но просили у магистра не жизни, а ста пятидесяти тысячь, въ сущности, менѣе драгоцѣнныхъ чѣмъ жизнь, а все таки довольно цѣнныхъ.

Къ довершенію своего благополучія, въ это же утро узналъ Сергѣй Бронскій, отъ самого графа Льва, что графъ Левъ уѣзжаетъ въ тотъ же день изъ Москвы, съ увѣренностью увидѣть въ скоромъ времени сына своего у себя, въ деревнѣ.

— Мы обѣдаемъ сегодня вмѣстѣ съ Ламинскимъ; но гдѣ бы лучше? спросилъ, между прочимъ, Левъ Бронскій.

— Конечно, у Шевалье, mon père, отвѣчалъ сынъ.

— Пріѣзжай же туда ровно въ четыре часа, а я пока заѣду въ разныя мѣста, куплю кое-что на дорогу и постараюсь не опоздать. Къ Николаю Николаичу пошлемъ сей часъ; онъ будетъ, конечно. Прощай.

Обѣдъ у Шевалье слишкомъ извѣстенъ каждому Москвичу, слѣдовательно, описывать его не стоитъ труда. Кромѣ сына и Ламинскаго, графъ Левъ пригласилъ графа Н., который и ораторствовалъ все время. Разсказамъ его, болѣе веселымъ, чѣмъ занимательнымъ, не было конца. Воспоминанія стараго сослуживца мѣшались съ современными анекдотами, поливались шам-

панскимъ, подправлялись пармезаномъ и лились рѣкою во всѣ стороны. Въ одно время съ десертомъ явился, неожиданно въ отдѣльную комнату обѣдавшихъ, Костя Благинъ, одѣтый чрезвычайно оригинально. На немъ былъ свѣтлозеленый полуфракъ, широкіе панталоны съ чудовищными клѣтками, жилетъ à la Louis XV и галстухъ съ огромнымъ бантомъ. Онъ не много ѣлъ въ это утро у Шевалье, не много выпилъ и касался пола только какъ бы изъ снисхожденія: въ такой готовности былъ онъ полетѣть — на полъ, разумѣется.

— Сережа, Сережа, какими судьбами? закричалъ Благинъ, завидѣвъ магистра: да ты мышью сдѣлался Крылова... плюешь на насъ, любезный! Скверно, братъ, скверно... ah! excusez! прибавилъ Костя, разсмотрѣвъ графа Н.: виноватъ, принялъ васъ, графъ, Богъ знаетъ за кого... лечусь гидропатіею, да ошибся сегодня: принялъ вино за воду... c'est égale, je transpire... Здоровы ли вы?

— Вотъ, рекомендую тебѣ, mon cher, нашего московскаго Йорика, сказалъ графъ Н., обращаясь къ Льву Бронскому и заливаясь звонкимъ хохотомъ: удивительное существо, душа моя. Вообрази, что нѣтъ въ Москвѣ ни одной старухи, которая не дралась бы съ нимъ, а любимъ мы его страстно! Графъ Бронскій! прибавилъ мужъ Полины, обращаясь къ Благину.

— Сережу знаю, другъ мнѣ, а вашу дружбу постараюсь снискать, сказалъ Костя, кланяясь графу Льву.

— Отецъ благодаритъ васъ за расположеніе ваше къ сыну, отвѣчалъ Левъ Бронскій, улыбаясь.

— Какъ? что? вы отецъ Сержа? Après tout, cela c'est vu; тѣмъ лучше, потому что стоитъ захотѣть ему, вы бы могли быть моимъ троюроднымъ дядюшкою.

— Какъ это?

— Не слушайте его, mon père, онъ ужасный пустомеля, сказалъ магистръ.

— Пустомеля, говоришь ты, эгоистъ этакой! Пустомеля я за то, что вступаюсь за кровь свою, мало за кровь свою, защищаю одинъ и безъ оружія, какъ видите, цѣлую область, цѣлую Абхазскую Область, да!

— И защищаете противъ моего сына?

— J'espère, ma foi, противъ кого же другаго? Другіе не хотятъ, а онъ, злодѣй, хочетъ, да стыдится должно быть, или Богъ знаетъ что его удерживаетъ. У насъ все готово, честью клянусь, все! Всѣ матеріи самъ выбиралъ, и ужь мѣсяцъ, какъ пошили приданое.

— Вотъ какъ!

— Foi de Constantin Благинъ! Графъ, вы, вѣрно, недавно пріѣхали, такъ не знаете, что Грузины закупили всѣ наличныя плошки. А носовъ-то сколько застужено въ этотъ мѣсяцъ! что день, то сдвигались они въ ожиданіи его — monsieur votre fils!

— Mon père, право не слушайте: онъ никогда не кончитъ.

— Вотъ же кончу сей часъ, а ты не виляй; кончу сію минуту. Что же это въ самомъ дѣлѣ? продолжалъ Костя устанавливаясь противъ графа Льва. Всю зиму волочился онъ за моею кузиною Саломеею...

— Ah! nous voilà! воскликнулъ Левъ Бронскій, все таки смѣясь.

— Ну, да! вы слышали? Да какъ не слыхать, когда говорили про эту свадьбу даже по татарски? Слѣдовательно, вещь рѣшеная, а сомнѣваться Сергѣю въ успѣхѣ глупо, пошло, безсмысленно. Чего жь онъ ждетъ? чтобъ выхватилъ у него кузину мою кто нибудь? этого онъ ждетъ? Такъ нѣтъ же, ни кто не польстится, soyez tranquille... никто формально! Я знаю и ручаюсь головой.

— А кружится она у тебя? спросилъ графъ Сергѣй.

— Немножко, братецъ.

— Что же ты стоишь?

— Неужто я стою? Скажи пожалуй! Мнѣ же казалось, carissime, что я совсѣмъ не стою, а балансирую.

Всѣ расхохотались надъ пестрымъ Благинымъ, который въ это время взялъ у магистра пустой стаканъ, наполнилъ его шампанскимъ и выпилъ однимъ глотком. Наговоривъ кучу вздору, Костя принялся было обнимать поочереди всѣхъ присутствовавшихъ, но, наткнувшись невзначай на Ламинскаго и узнавъ его, отскочилъ съ ужасомъ, потомъ, шатаясь, вышелъ въ другія комнаты.

— Кто этотъ молодой человѣкъ? спросилъ Левъ Бронскій у графа Н.

— Премилый, превеселый, и преумный малый! отвѣчалъ тотъ.

— Но странно видѣть умъ въ подобной оболочкѣ.

— Согласенъ, mon cher, и съ перваго разу Благинъ шокируетъ. Мы такъ привыкли къ нему: онъ всегда веселъ, вѣчно смѣется — а это такая рѣдкость въ нашъ вѣкъ!

Въ восемь часовъ того же вечера графъ Левъ Бронскій прижалъ сына къ груди своей, обнялъ Ламинскаго; пожалъ руку графу Н. и сѣлъ въ свой зимній дормезъ, въ то же время отъѣхалъ и графъ Н.

На крыльцѣ гостинницы Шевалье остались Ламинскій и магистръ.

— Не угодно ли будетъ вамъ, Николай Николаичъ, пройтись пѣшкомъ до Тверской? спросилъ Сергѣй Бронскій своего бывшаго наставника.

— Очень охотно, отвѣчалъ тотъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами.

— Говорите, я слушаю.

— Какъ велика та сумма, которую принесетъ вамъ выигрышъ процесса вашего, Николай Николаичъ?

— Полмилліона. Что жь далѣе?

— Я желалъ бы перевести эту сумму на себя.

— То есть...

— Я желалъ бы купить у васъ этотъ искъ.

— Странное желаніе!

— Фантазія....

— Странная фантазія!

— Согласны вы?

— На что?

— Продать мнѣ искъ.

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Потому что деньги сами собою, а наказаніе виновныхъ своимъ чередомъ.

— Дѣло не ясно, Николай Николаичъ! замѣтилъ иронически магистръ.

— Для васъ, можетъ быть, а для меня очень ясно, отвѣчалъ Ламинскій отрывисто и съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха: но крайне не ясна для меня фантазія ваша, Сергѣй Львовичъ; не угодно ли пояснить ее?

— Могутъ быть тайны...

— Къ несчастію, у васъ есть онѣ.

— Можетъ быть.

— Повторяю, что есть.

— Ихъ никто не знаетъ, и касаются онѣ одного меня.

— Да еще Фабіи Суркиной.

— Что вы сказали? воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Сказалъ: еще Фабіи Суркиной, спокойно повторилъ Ламинскій.

— Николай Николаичъ, я прошу васъ не повторять этого имени.

— Почему же? Вѣдь здѣсь полиціи нѣтъ, безопасно для нея.

— Вы ищете случая сдѣлать мнѣ непріятное.

— Неправда, не ищу даже случая встрѣчаться съ вами.

— Если вы знаете, что я люблю эту женщину, то мнѣ легче будетъ объясниться съ вами.

— Самое вѣрное средство кончить скоро непріятный для меня разговоръ. Что же вамъ угодно?

— Избавьте Фабію отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій.

— Потомъ?

— Вотъ въ чемъ и заключается просьба моя.

— А мужъ ея и прочіе сообщники? спросилъ иронически Ламинскій: или пріятно вамъ будетъ видѣть супруга любимой вами женщины у позорнаго столба?

— Не предлагалъ ли я вамъ купить искъ?

— Въ полмилліона?

— Что жь? состоянія отца моего достанетъ.

— Его — да, а вашего — нѣтъ.

— Обезпечьте себя чѣмъ хотите, я готовъ на все.

— Прежде я удовольствовался бы однимъ словомъ вашимъ.

— А теперь?

— Не могу; вы защищаете преступниковъ, вы покровительствуете обману и злодѣянію.

— Фабія невинна!

— Виновнѣе всѣхъ другихъ.

— Не вѣрю...

— А мнѣ какое дѣло!

— Не вѣрьте и вы, Николай Николаичъ.

— Я врагъ неправды, графъ. Фабію вашу осуждаю по убѣжденію и совѣсти.

— Честью клянусь вамъ, что женщина эта невинна.

— Кто измѣнилъ дружбѣ, тотъ измѣнитъ и чести, графъ.

— Николай Николаичъ! изъ уваженія къ прошедшему, я не буду отвѣчать вамъ на новыя оскорбленія, проговорилъ графъ Сергѣй, едва удерживаясь,

— Сергѣй Львовичъ! перебилъ спокойно Ламинскій: изъ уваженія къ прошедшему, вы не должны бы дѣлать мнѣ денежныя предложенія. Вы богаче меня, и потому подарки могу дѣлать одинъ я изъ насъ двоихъ; и я дарю вамъ вашу Фабію: возьмите ее; кстати возьмите въ придачу и Жида, влюбленнаго въ Фабію... Скажите хоть слово, или откажитесь отъ драгоцѣннаго подарка, завтра же заберутъ ихъ всѣхъ, прибавилъ Николай Николаевичъ насмѣшливо. Ну, къ чему же ведетъ вспыльчивость ваша, графъ? Куда дѣвалась ваша непреодолимая гордость? Вы молчите — бѣдное дитя!...

— Я люблю, Николай Николаичъ, едва внятно проговорилъ юноша.

— А меня, конечно, любить не за что было... Ступайте же къ ней, къ вашей возлюбленной! сказалъ Ламинскій, уходя скорыми шагами отъ любимца своего, не успѣвшаго и въ этотъ разъ броситься на шею къ своему наставнику.

ГЛАВА XXIX.

Обязавшись открыть мѣсто тайныхъ свиданій молодаго графа Бронскаго съ неизвѣстною дамою, трагикъ Поразительный составилъ въ умѣ своемъ планъ кампаніи, и на слѣдующее утро, надѣвъ нагольный тулупъ, за-

сѣлъ противъ дома магистра. Едва выѣхала карета Бронскаго, со двора, на улицу, какъ артистъ нашъ сѣлъ ужь на извозчика, и вышелъ изъ саней не прежде, какъ остановилась карета графа въ Басманной, но не у самаго домика, а довольно далеко отъ него. Отпустивъ кучера своего, магистръ отправился пѣшкомъ; за нимъ послѣдовалъ и трагикъ. Магистръ пріостановился у старой желѣзной рѣшетки и оглянулся во всѣ стороны; трагикъ, не оглядываясь, прошелъ рѣшетку, а домикъ разсмотрѣлъ нѣсколько минутъ позже.

«Тутъ!» сказалъ самъ себѣ артистъ, усаживаясь на тумбу противъ самой рѣшетки: домика не видно, но жилой онъ одинъ. И не безъ слугъ же этотъ домикъ».

Поразительный не ошибся въ своихъ предположеніяхъ: въ пятомъ часу вечера подъѣхалъ, къ той же рѣшеткѣ, какой-то человѣкъ въ волчьей шубѣ, покрытой синимъ сукномъ. Расплачиваясь съ извозчикомъ, человѣкъ этотъ очень ясно показалъ Поразительному нѣсколько серебряныхъ судковъ, скрывавшихъ, вѣроятно, обѣдъ посѣтителей уединеннаго домика. Человѣкъ съ судками прошелъ во дворъ, а трагикъ приблизился къ рѣшеткѣ и прикинулся спящимъ. На возвратномъ пути человѣка, артистъ догналъ его на углу Басманной и спросилъ, не потерялъ ли онъ ключа.

— Какого ключа?

— Большаго, словно отъ дверей..

— Не было у меня никакого ключа, любезный, отвѣчалъ человѣкъ въ волчьей шубѣ, продолжая путь свой.

«Стало быть, дверь-то домика отворяютъ изнутри», подумалъ Поразительный, повертывая вправо. Тѣмъ и кончилось наблюденіе перваго утра.

На другой день прибылъ трагикъ въ Басманную не въ тулупѣ, а въ волчьей шубѣ, покрытой синимъ

сукномъ, и съ шестью посеребрёными судками, взятыми артистомъ напрокатъ. Ровно въ три часа постучался онъ у дверей отдѣльнаго домика, и дверь отперлась предъ нимъ.

— Зачѣмъ такъ рано? спросилъ кто-то, когда Поразительный былъ ужь въ прихожей.

— Барыня приказала, ваше сіятельство, отвѣчалъ съ увѣренностью трагикъ, не снимая шапки и точно такимъ голосомъ, какимъ сказалъ вчера человѣкъ въ волчьей шубѣ, что ключа у него никакого не было.

— Фабія, ты заказала обѣдъ къ тремъ часамъ? спросилъ Бронскій, проходя въ слѣдующую комнату.

— Не думала, мой другъ, проговорилъ голосъ, слишкомъ знакомый Поразительному.

— Должно быть, ослышался, ваше сіятельство, сказалъ послѣдній, поспѣшно выходя на крыльце и унося съ собою пустые судки.

Поразило трагика его открытіе и поразило до такой степени, что онъ, въ раздумьѣ, едва не ушелъ на Сокольничье Поле. За исполненіе возложеннаго на него порученія, получилъ онъ еще ассигнацію отъ Ламинскаго, но, противъ привычки своей, не прокутилъ тотчасъ же этихъ денегъ, а спряталъ ихъ и впалъ въ меланхолію.

Вскорѣ, по отъѣздѣ графа Льва Бронскаго изъ Москвы, повѣренный его написалъ ему, что выдано было его сіятельству, графу Сергѣю Львовичу, изъ хранящагося въ Опекунскомъ Совѣтѣ капитала пятьдесятъ тысячь серебромъ. Графъ Левъ получилъ письмо это въ Петербургѣ и поморщился. «Впрочемъ, я увѣренъ, что Сергѣй мой суммою этою расплатился за свои проказы», подумалъ отецъ: «а ужь коснулся любимый предметъ до денегъ, то онъ не опасенъ болѣе!» И графъ Левъ весело улыбнулся.

Почти въ то же самое время Михайломъ Михайловичемъ Суркинымъ заказанъ былъ у Печкина обѣдъ, по три рубля серебромъ съ персоны, и пировали за обѣдомъ этимъ вмѣстѣ съ Суркинымъ: длинноволосый господинъ, Викторъ Протасьевичъ, еще два новые знакомца кофейной и Осипъ Осиповичъ Гифтштейнъ. Но по какому случаю пировали они, про то извѣстно было только Суркину и Гифтштейну. Веселость, царствовавшая во время пиршества, сообщилась не только трактирной прислугѣ, но и маркерамъ, сбѣжавшимся со всѣхъ сторонъ. Всѣ они были угощены самимъ блондиномъ, выпившимъ за здоровье не только всѣхъ живыхъ, но и умершихъ, Евстафія Ивановича Крыжлы и супруги его, Аделаиды Ивановны. Послѣ обѣда разсказывалъ Михайло Михайловичъ гостямъ своимъ со слезами на глазахъ о тамерлашкѣ.

— Вотъ была собака! говорилъ Суркинъ несвязнымъ голосомъ: вотъ былъ не песъ, а другъ, истинный другъ, господа! Бывало, только взглянешь косо, вѣдь понималъ, право, все понималъ: зачнетъ визжать, ползать по полу, лизать руки...

— Ну, что вспоминать объ этомъ, Михайло Михайлычъ! говорилъ, обнимая Суркина, длинноволосый господинъ, такъ подгулявшій. А ты... какъ тебя? поставька новый валъ, да пусти намъ изъ «Аскольдовой Могилы», хоть вѣтерокъ пусти!...

— Что за могилы такія? Поддай веселенькую, а то печаль безъ могилы беретъ, замѣтилъ третій участникъ пира, даваемаго блондиномъ, по случаю совершеннаго прекращенія Ламинскимъ начинавшейся тяжбы.

За «Аскольдовой Могилой» потребованы были гостями русскія пѣсни и цыганскіе романсы, и только грянулъ органъ «Вдоль по улицѣ метелица мететъ»,

какъ большая часть обѣдавшихъ замахала руками, запѣла дикимъ голосомъ и повалилась со стульевъ.

Изъ всей пировавшей компаніи сохранилъ нормальный видъ свой и присутствіе ума одинъ Гифтштейнъ. Еврей пилъ не мало, но, видно, вино не имѣло свойства веселить его, или онъ былъ особенно озабоченъ въ этотъ счастливый для Суркина день. На все вниманіе ифитріона отвѣчалъ красноглазый Гифтштейнъ одними: «ну, хорошо, хорошо, пейте только сами, а я послѣ ыпью; ну, хорошо, хорошо» и тому подобными возгласами. Не догадывался Михайло Михайловичъ, что давнишній и испытанный другъ его, Осипъ Осиповичъ, скорбѣлъ о немъ же, или, что все равно, о драгоцѣннѣйшей половинѣ его, Фабіи. Половину эту любилъ онъ больше всего цѣлаго, и попробуй, улыбнись ему половина благосклонно, онъ, не поморщившись, запряталъ бы, пожалуй, другую половину въ тюрьму. Частыя отлучки Фабіи поселили въ Евреѣ сперва безпокойство, а потомъ и ревность, но ревность такую, какую испытываютъ цѣпныя собаки, при видѣ воровъ.

«Шалитъ она!» думалъ Гифтштейнъ; но не доставало у Гифтштейна довольно мужества, чтобъ, подобно Поразительному, развѣдать, гдѣ красавица; не доставало у него и благоразумія, чтобъ подавить чувства свои. Но провѣдалъ какъ-то и отъ кого-то Осипъ Осиповичъ, что у Фабіи Антоновны появились гроши — и надежда выручить что нибудь хоть по своимъ счетамъ заглушила въ немъ голосъ страсти.

Поразительный не проболталъ никому тайны своего открытія и чахнулъ въ грязномъ подворьѣ отъ страсти къ той же Фабіи. Артистъ, какъ большая часть артистовъ, воспламенился не постепенно, а вдругъ, и вспышка эта произошла въ немъ еще въ ту эпоху, ког-

да Фабію встрѣчалъ онъ невѣстою. Но могъ ли онъ, кочующій Поразительный, въ своемъ бархатномъ нарядѣ съ фортами и бахрамою, надѣяться на успѣхъ? Могъ ли допустить въ себѣ жалкій трагикъ мысль о блестящей Фабіи? Нѣтъ, онъ могъ любить, но любить въ тиши подворья, глазъ на глазъ съ репертуаромъ, съ поношеннымъ трико и потертою испанскою шляпою — единственными остатками закулисныхъ трофеевъ, не прожитыхъ еще въ вихрѣ большихъ дорогъ. Была минута въ которую трагикъ хотѣлъ отмстить любимой женщинѣ за счастіе, которое даритъ она не ему, но вспомнивъ, что счастливецъ этотъ былъ богатый Бронскій, артистъ оборвалъ съ отчаянія обшлагъ послѣдняго сюртука и предался нѣмой печали.

Между тѣмъ графъ Левъ былъ правъ: съ выдачею Фабіи упомянутой выше суммы, Сергѣй Бронскій не сталъ ужь смотрѣть на первый предметъ любви своей, какъ на исключительное существо. Скоро, какъ сказано выше, провѣдалъ о существованіи у Фабіи ста пятидесяти тысячь почтенный г. Гифштейнъ и началась между Евреемъ и красавицею ужасная война.

На убѣдительныя просьбы Осипа Осиповича подѣлиться съ нимъ, Фабія отвѣчала смѣхомъ. На угрозы Жида подать вексель Суркина ко взысканію, она отвѣчала громкимъ смѣхомъ. На угрозы того же Жида изобличить ее передъ графомъ Сергѣемъ, она переставала смѣяться и принималась только улыбаться, но улыбаться такъ мило, такъ нѣжно, что глаза Осипа Осиповича слипались отъ страсти...

ГЛАВА XXX.

Въ концѣ поста Сергѣй Бронскій получилъ разомъ три письма отъ названной кузины своей, Анны. Письма эти задержалъ временно графъ Левъ и выслалъ въ Москву въ одно время съ своимъ. Пробѣжавъ съ жадностью первое, магистръ схватился за второе, болѣе длинное, а прочитавъ третье, съ равнымъ наслажденіемъ принялся снова за первое посланіе. Не получивъ еще никакого извѣстія о перемѣнѣ въ женихѣ своемъ, Анна Бронская не перемѣнила непринужденныхъ и свободныхъ отношеній своихъ къ магистру, и потому прежняго Сережу называла она письменно Сережею, повѣряла ему свои надежды, нетерпѣніе видѣть, разцѣловать его, обнять какъ обнимала въ Парголовѣ, и быть для него тою же Анною, какою была прежде.

Припомнивъ прошлое, магистръ забылъ было поэтическій домикъ свой и чуть не приказалъ Вильгельму Кроатце, вопервыхъ попросить въ кабинетъ свой Ламинскаго, а вовторыхъ послать за подорожною. Но, увы! Николая Николаевича давно ужь не стало въ домѣ, а Фабія ожидала магистра не позже нынѣшняго вечера... Магистръ крѣпко, крѣпко задумался и долго пролежалъ онъ молча на диванѣ. Пропустилъ онъ [illegible] свиданія, пропустилъ еще часъ, и нехотя сѣлъ въ карету.

Фабія не дождалась въ Басманной предмета страсти своей, и куда какъ обрадовался этому Бронскій! Пошелъ въ Грузины! крикнулъ онъ кучеру, или, нѣтъ, ступай къ графинѣ Н.

У графини сидѣлъ какой-то поэтъ; онъ читалъ ей Альфреда Мюссе; графиня была очень весела.

— Графъ Сергѣй Львовичъ Бронскій, доложилъ вошедшій слуга.

— Ахъ, какъ не кстати! сказала блестящая Полина: но проси, дѣлать нечего!

Поэтъ сложилъ книгу, взялъ со стола папиросу и закурилъ; хозяйка дома опустила ножки свои съ дивана на полъ, поправила платье, головной уборъ и взглянула довольно сухо на входившаго гостя.

— Откуда, графъ? спросила она небрежно и не протягивая даже Бронскому руки своей. Мы думали, что вы давно уѣхали.

— Нѣтъ, графиня, я не оставлялъ Москвы.

— Право?

— Право, графиня.

— Да, Constantin какъ-то говорилъ про васъ.

— Мы давно не видались съ нимъ.

— Il est si drôle! Monsieur Alexis, сказала хозяйка дома, обращаясь къ поэту: не правда ли, что оригинальнѣе Constantin Благина вы, конечно, не встрѣчали никого? вы его знаете?

— Я видѣлъ его на всѣхъ балахъ здѣшнихъ и смѣялся отъ души.

— Я люблю его видѣть изрѣдка; но pardon, comte, je crois qu'il est de vos amis.

— Какъ всѣ, графиня.

— Не больше?

— Какъ большая часть молодыхъ людей. Благинъ смѣшитъ всегда, но смѣяться всегда невозможно.

— N'est-ce pas?

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, графиня, и дивлюсь мсье Благину, замѣтилъ поэтъ: il n'est pas dépourvu de bon sens ce jeune homme, il est même parfois piquant.

— Mordant, vous voulez dire?

— C'est encore vrai.

— Впрочемъ, продолжала графиня Н.: въ немъ есть по крайней мѣрѣ та особенность, которая не встрѣчается въ другихъ... Ахъ, chère ami, вотъ сюрпризъ! воскликнула вдругъ хозяйка, смотря на дверь: вотъ мило и любезно, ни какъ не ожидала, chère Agate!

Бронскій и поэтъ привстали и поклонились вошедшей дамѣ, сухой, смуглой, съ длинными тирбушонами. Вошедшая держала двойной лорнетъ свой передъ носомъ и страшно раздвигала губы, улыбаясь.

— Je vous tombe d'une soirée, ma belle, mais d'une soirée... Ахъ, monsieur Alexis!... она протянула руку свою поэту.

— Comte Bronsky! произнесла, въ видѣ рекомендаціи, Полина.

Пріѣзжая сухо отвѣчала на новый поклонъ магистра и принялась усаживаться на диванѣ, рядомъ съ хозяйкою.

— Ну, вечеръ, графиня! ахъ, тоска какая! начала гостья, лорнируя сосѣдку свою: ни лица новаго, ни слова новаго, ни мысли свѣжей, ma belle. Москва становится невыносима. Вы же Mr. Alexis, манкировали сегодня?

— Я не далъ слова.

— И хорошо сдѣлали; а обѣщанія не помните?

— Обѣщанія?

— Не помните пародіи на...

— Ахъ, стоитъ ли...

— Нѣтъ, не прощу и вытребую непремѣнно! Avez vous lu, ma belle, le nouveau roman de ce fat, de ce... а вы читали?

— Я ничего не читаю, отвѣчалъ поэтъ.

— Стоитъ, стоитъ, но вообразить себѣ не можете,

какую галиматью печатаютъ теперь; впрочемъ, и автора самого нахожу я столько же непріятнымъ, какъ и его произведенія.

— За что такая антипатія? спросила графиня, улыбаясь.

— Сама не знаю, ma chère comtesse, а человѣкъ этотъ съ перваго взгляда мнѣ не понравился, и сестра его, эта дѣвчонка, страшно умничаетъ. Потомъ, ma belle, кузины разсказывали мнѣ про нихъ ужасы — они были какъ-то знакомы прежде — ужасы, графиня, и злы они, и никого не щадятъ. Вдругъ вздумалъ онъ критиковать меня, представьте себѣ, Mr. Alexis, но вѣдь какъ! и скучна я, и натянута я, и думаю о себѣ много.

— Но правда ли это, chère Agate?

— Еще бы, ma belle, не правда! Кузины не выдумаютъ, и скажи одна, положимъ, могла бы еще ошибиться какъ нибудь, а то вѣдь всѣ подтвердили... За себя, впрочемъ, я бы и не вступилась, но критиковалъ онъ и друга моего...

— Ah, votre corde sensible!

— Je crois bien, ma belle, que l'on tient à l'amitié d'un homme comme lui; много ли же у насъ такихъ?

— Я не спорю.

— А вы, Mr. Alexis?

— Что это?

— Вы не съ нами въ эту минуту? замѣтила брюнетка, щуря глаза.

— Я все слышалъ и во всемъ соглашаюсь, кромѣ, однакожь, одного.

— Чего это? чего?

— Изъ пяти кузинъ вашихъ могли говорить только двѣ, потому что говорятъ только двѣ, отвѣчалъ очень довольный собою поэтъ.

— Comme c'est méchant, comme c'est méchant! повторила брюнетка, неимовѣрно расширяя ротъ свой: а вотъ я передамъ имъ это.

— Я ѣду завтра.

— Какъ? не уже ли завтра? воскликнула графиня Н.

— То есть послѣ завтра, хотѣлъ я сказать.

— Оставайтесь долѣе; я не поссорю васъ съ кузинами моими, сказала брюнетка: впрочемъ, не шутя, онѣ очень добрыя и милыя.

Графъ Бронскій, замѣтивъ, что присутствія его въ будуарѣ графини даже не замѣчаютъ, подошелъ сначала къ камину, потомъ къ двери, а наконецъ и вышелъ изъ комнатъ, все таки никѣмъ не замѣченный. А нельзя не согласиться, что менѣе всего мѣняется въ нашъ вѣкъ расположеніе комнатъ въ тѣхъ домахъ, куда суждено намъ ѣздить!

Подъ вліяніемъ и сухаго пріема графини Н. и всего прочаго, написалъ магистръ пренѣжное письмо къ своей кузинѣ. Разумѣется, онъ не упоминалъ въ немъ ни о первой любви своей къ таинственному предмету, ни о сознаніи, сдѣланномъ отцу, и ни о чемъ, по видимому, еще неизвѣстномъ кузинѣ. По разсчету Сергѣя Бронскаго, отвѣтъ на посланіе можно было получить въ началѣ Страстной недѣли; и дѣйствительно, въ это время прибылъ ожидаемый отвѣтъ, но не отъ кузины Анны, а отъ графа Льва... Отецъ довольно рѣзко упрекалъ сына въ неумѣстной нѣжности къ Аннѣ, напоминалъ ему о послѣднемъ свиданіи, о послѣднемъ разговорѣ въ Москвѣ, о страсти къ таинственной незнакомкѣ, о потерѣ правъ его на кузину Анну, а кончалъ письмо свое тѣмъ, что считаетъ дальнѣйшую переписку магистра съ молодою дѣвушкою неприличною, почему и брался приготовить послѣднюю къ новымъ отношеніямъ ея съ бывшимъ же-

нихомъ, а нынѣ только съ дальнимъ родственникомъ, Сергѣемъ Бронскимъ.

Прочитавъ отцевское посланіе, магистръ отправился къ Шевалье, и спросивъ завтракъ, запилъ его бутылкою шампанскаго, въ надеждѣ затопить виномъ неизъяснимую тоску свою. Голова Бронскаго отяжелѣла, но тоска осталась при немъ. Куда дѣваться? Что предпринять? Не ѣхать ли къ Фабіи? Но зачѣмъ, Богъ мой? подумалъ молодой человѣкъ. Не для того ли, чтобъ встрѣтить ту же улыбку у порога, услышать ежедневныя нѣжности, прослушать знакомый, черезчуръ знакомый романсъ Шуберта, капризъ Гензельта, и посидѣть противъ камина?... Нѣтъ, пойду за городъ: погода теплая, воздухъ освѣжитъ меня и мнѣ, можетъ быть, сдѣлается легче. Бронскій приказалъ кучеру своему перепрячь лошадей въ сани и возвратиться какъ можно поскорѣе.

За Тріумфальными Воротами, въ это время года, въ рѣдкій день не наткнетесь вы на тѣсную толпу людей, ожидающихъ по цѣлымъ часамъ чего-то чрезвычайнаго, именно скачки.

Вы, можетъ быть, предполагаете, что на скачкѣ этой глазъ вашъ пораженъ будетъ рѣдкою красотою англійскихъ фольблутъ, легкихъ какъ лань? Ничего не бывало. Тамъ увидите вы двѣ или три русскія тройки, запряженныя въ большія сани, съ дугою и упряжью очень обыкновенными. Одна изъ нихъ, къ великому удовольствію, поскачетъ, какъ скачутъ всѣ русскія тройки, отъ Всесвятскаго къ Химкамъ, то есть по петербургской дорогѣ, а другая изъ Всесвятскаго же къ Москвѣ. И зябнетъ толпа въ ожиданіи первой встрѣчи троекъ на возвратномъ пути, зябнетъ въ ожиданіи второй и третьей; а какъ одна изъ нихъ должна опоздать или минутой, или нѣсколькими минутами, то и есть надъ чѣмъ по-

смѣяться зрителямъ, и есть кому покричать: «Ай да славно! ай да лихо!» На троичную скачку попалъ, въ этотъ разъ, и магистръ нашъ, искавшій развлеченія въ загородныхъ пустыняхъ отъ непреодолимой тоски своей. Только что поравнялось дышло саней Бронскаго съ группою, стоявшею посреди шоссе, какъ раздался голосъ Благина. Къ нему присоединилось еще нѣсколько голосовъ и, услыша имя свое, магистръ не хотя остановился.

— Куда ты заѣхалъ такъ далеко, Сережа? кричалъ Костя: не нужно, братецъ, стой съ нами: тутъ развязка, а не тамъ; слѣзай съ саней, да отошли ихъ въ сторону.

— Ахъ, князь! ахъ, Дмитрій Петровичъ, и вы здѣсь! Monsieur Чорба, какъ я радъ! вотъ встрѣча! безъ умолку долженъ былъ говорить Бронскій, входя въ привилегированную группу и обращаясь попеременно ко многимъ изъ членовъ ея.

— А вы, графъ, какими судьбами попали къ намъ? Вѣдь вы не охотникъ до этихъ продѣлокъ? спросилъ толстѣйшій изъ прочихъ.

— Я ѣхалъ въ Паркъ.

— Какъ въ Паркъ? къ Яру, можетъ быть?

— Нѣтъ, самъ не знаю куда, отвѣчалъ Бронскій разсѣянно.

— Вотъ это такъ. Въ Паркѣ проѣзда нѣтъ никакого. А вѣдь вы похудѣли, графъ.

— Всѣ находятъ.

— Отчего бы?

— Не понимаю.

— Врешь, понимаешь, перебилъ Костя: влюбленъ!

— Замолчи хоть на минуту.

— А тебѣ пора свататься.

— Ваши бѣгаютъ сегодня? спросилъ магистръ, снова обращаясь къ толстому члену группы.

— Нѣтъ, сегодня пускаетъ Рудинъ съ ямщикомъ Ильюшкою; у Рудина въ корню сибирякъ, лихой меренъ!

— А великъ призъ?

— Сто рублей.

— Стоитъ ли!

— Охота вѣдь, а не деньги.

— И то правда.

— Въ прошедшую среду скакали мои, и лихо скакали; Мерзлявкинъ надсадилъ обѣихъ пристяжныхъ; жаль правую, а лѣвая безъ того должна была пасть — постромокъ не уносила. Я, графъ, добылъ наконецъ наѣздника, слава Богу. Лѣтомъ милости просимъ на бѣгъ; пущу двухъ сыновей Богатыря: оба въ отца; мать чистокровная. А батюшка вашъ здоровъ?

— Благодарю васъ, здоровъ; онъ въ деревнѣ.

— Собираетъ тысячки для сынка; балуетъ онъ васъ, Сергѣй Львовичъ, куда балуетъ! прибавилъ членъ рысистыхъ бѣговъ, понизивъ голосъ.

Тутъ отвлеченъ былъ членъ отъ Бронскаго появленіемъ вдали тройки Рудина. Завидѣвъ ее, народъ мгновенно ожилъ, заговорилъ, засвисталъ, замахалъ руками и одобрительными криками проводилъ первенствующую тройку громкими рукоплесканіями. Ямщичьи лошади опоздали тремя минутами и одною секундою, за что и освистали бѣднаго Ильюшку, убивавшаго въ эту минуту послѣднихъ лошадей своихъ изъ за ста рублей. Выигралъ призъ торжествующій Рудинъ, и все поѣздническое общество разсѣлось по санямъ своимъ и вмѣстѣ отправилось въ Пѣвческій. Магистра полунасильно увезъ туда Дмитрій Петровичъ; къ ночи у магистра раз-

болѣлся желудокъ, а, шесть дней спустя, встрѣтилъ онъ свѣтлый праздникъ въ совершенномъ одиночествѣ и грустномъ уединеніи. Не занимали его болѣе ни предстоявшіе послѣдніе балы, ни Фабія.

Разукрасило Новинское балаганы свои расписными холстами, загримасничали на нихъ паяцы, завертѣлись карусели, и гаркнулъ въ палаткѣ хоръ цыганъ. Потянулась, вкругъ гулянья, сначала одна нить купеческихъ, посредственныхъ экипажей. Потомъ эта нить удвоилась, утроилась, учетверилась, а въ послѣдніе праздничные дни появились между купечествомъ и цугъ англійскихъ коней въ роскошныхъ шорахъ, и тяжелыя ландо съ гербами, и голубыя кареты, и множество уродливыхъ наѣздниковъ; стѣснилась молодежь въ кучу. Блеснули корнеты; съ балкона деревянной кофейной поднялся къ небу столбъ табачнаго дыма. Разсѣвшись, подобно стаду воронъ, по деревяннымъ надолбамъ гулянья, московскіе львы посылали проѣзжавшимъ дамамъ улыбки свои, утомленные взоры, и только избраннымъ кричали львы; что экипажъ ихъ очень милъ, и сами онѣ милы, и отчего нѣтъ на гуляньи милыхъ мужей ихъ, и проч. Въ числѣ послѣднихъ находился и тотъ толстенькій, съ подвитыми волосами, который, на первомъ балѣ графа Н., дѣлалъ на счетъ магистра колкія замѣчанія. Господинъ этотъ, впрочемъ, произвелъ себя въ степень льва самъ. Удерживался же онъ на этой степени рѣзкими сужденіями обо всемъ, нескончаемыми разсказами о своихъ подвигахъ, а главное, самымъ вычурнымъ французскимъ языкомъ, съ примѣсью трехъ, заученныхъ имъ въ лексиконѣ, новыхъ выраженій. Видя проходившаго Бронскаго, толстоватый левъ скорчилъ было гримаску, но, встрѣтясь съ его взглядомъ, все таки снялъ шляпу и протянулъ ему руку.

— Сегодня весь большой свѣтъ здѣсь, замѣтилъ, пріостановясь, графъ Сергѣй.

— Всѣ, или почти всѣ, отвѣчалъ левъ.

— Тутъ графиня Н.?

— Она въ тюльбюри барона.

— А это кто?

— Ва палевой шляпкѣ?

— Да!

— Не уже ли вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Не знаете мамзель Пармансье? спросилъ будто бы удивленный левъ.

— Слышу въ первый разъ.

— D'ou arrivez vous donc, juste ciel? жить въ Москвѣ и не знать m–lle Parmensier, mais c'est exorbitant, monstrueux!

— Все таки не знаю.

— Мамзель Пармансье дебютируетъ во вторникъ въ «Pour et Contre», проговорилъ левъ такъ громко, что палевая шляпка оглянулась, узнала льва и кивнула ему головкой. Левъ, обрадованный вниманіемъ актрисы, схватилъ трость свою и бѣгомъ пустился за ѣхавшимъ рысью экипажемъ. Коротенькія ножки крикливаго господина и круглая спина его напоминали вовсе не льва, а совершенно иное животное.

Бронскій не счелъ долгомъ поклониться проѣхавшей вторично графинѣ Н. Но вотъ длинное нѣчто, похожее на линѣйку; сидитъ тамъ множество лицъ и задомъ, и бокомъ, и низко, и высоко, и криво... короче, экипажъ этотъ зовется иногда лодкою, иногда омнибусомъ, иногда даже и ничѣмъ не зовется. «Но кто бы могъ плыть въ немъ?» подумалъ магистръ. «Ахъ, Боже мой! князь Давыдъ, княжна Поликсена, Костя Благинъ, Саломея! Она

узнала меня, она кланяется, дѣлаетъ какой-то знакъ! сдѣлаю, будто не замѣчаю... но, о несчастіе! корабль останавливается, Благинъ машетъ рукою, онъ зоветъ, онъ зоветъ меня! Несносный Благинъ!» проговорилъ Бронскій, но улыбнулся и подошелъ къ омнибусу.

— Графъ! закричали всѣ сидѣвшіе въ колымагѣ: какъ мы рады! и, кстати, у насъ свободное мѣсто: садитесь съ нами, вотъ сюда. Саломе! подвинься немного! сказала мать: пусти графа! Графъ, вотъ сюда, не церемоньтесь, никого не стѣсните. Князь! а князь! сойди, пожалуйста; тебѣ велѣно ходить пѣшкомъ.

— Ну, ну, ну!

— Нечего, ну, дядинька, а велитъ тетенька сойдти, такъ маршъ! прокричалъ Костя, сдвигая Давида Симеоновича съ его мѣста.

Чинкурузинъ впился было ногтями въ подушку лодки, бросилъ на Благина абхазскіе взоры свои и повторялъ: «ну, ну, ну;» но Благинъ принялся щекотать Давида Симеоновича и тотъ соскочилъ на мостовую. Омнибусъ тронулся и поплылъ за переднимъ экипажемъ.

Захваченный Абхазцами, магистръ нашелся вынужденнымъ отвѣчать разомъ на всѣ вопросы, лгать въ одно время всѣмъ и мѣняться выразительными взглядами съ княжною Саломеею. Увѣривъ княгиню Дарью Борисовну, что сильнѣйшій сплинъ удерживалъ его такъ долго въ постели, а черноглазую княжну, что сплиномъ этимъ обязанъ ей, Бронскій завязалъ съ послѣднею предлинный разговоръ о чемъ-то, весьма неинтересномъ для обоихъ. Молодому человѣку хотѣлось занять Саломею, пока новая встрѣча съ кѣмъ нибудь не подастъ ему возможности бѣжать съ корабля и выйдти тѣмъ изъ непріятнаго положенія. Абхазцы думали

иначе: поймавъ разъ Бронскаго, выпустить его, не объяснившись, казалось княгинѣ Дарьѣ Борисовнѣ непростительнымъ. Вслѣдствіе того и шепнула она кучеру, чтобъ онъ свернулъ съ Арбата въ первый переулокъ налѣво. Протестовать противъ насилія магистру было не ловко, броситься за бортъ корабля — страшно. Что же оставалось дѣлать, какъ не повѣрить себя произволу судьбы и плыть въ Грузины? Плѣнникъ попалъ въ домъ Чинкурузиныхъ до своего и послѣ ихъ обѣда — обстоятельство, удвоившее дурное расположеніе его духа. Когда же Дарья Борисовна, выгнавъ всѣхъ своихъ изъ гостиной, приступила къ Бронскому съ объясненіями, онъ потерялъ послѣднее терпѣніе и отвѣчалъ рѣзко. Могъ кончиться этотъ день для абхазской семьи весьма не благополучно, еслибъ Костя Благинъ не подоспѣлъ на выручку своего пріятеля. Костя, шуточнымъ тономъ, объявилъ тетушкѣ, что всякія объясненія графъ приметъ, пожалуй, за желаніе княгини развестись съ княземъ Давыдомъ Семеновичемъ и вступить въ бракъ съ Бронскимъ, что время увозить женіховъ не настало еще, а если и хочетъ начать тетушка, то поставляетъ онъ, Костя, себѣ въ обязанность оградить друга своего отъ предстоящей опасности и, если необходимость потребуетъ, то и кричать караулъ...

— Какую претензію имѣете вы на Сергѣя? продолжалъ Благинъ: ну, какую, тетушка? Не ѣздитъ онъ часто въ домъ вашъ? объ этомъ сожалѣть можете наединѣ, можетъ сожалѣть и дядюшка, могутъ сожалѣть и кузины, пожалуй...

— Молчи, дрянной! вскричала Дарья Борисовна: оставь кузинъ своихъ въ покоѣ.

— То же дѣлаетъ и Бронскій; такъ нѣтъ, вотъ вы завезли его къ себѣ насильно...

— Молчи, негодный!

— Отпустите же насъ, или впустите къ намъ кузинъ.

— Поѣзжай, куда хочешь.

— Одинъ не поѣду!

— Погоди, мой милый, я перевѣдаюсь съ тобою! погоди!

— Угрозы, тетушка? угрозы? такъ не видать вамъ ни меня, ни Сергѣя до скончанія вѣка! Пойдемъ, Бронскій, отправимся, душа моя, подальше отъ этого не гостепріимнаго дома. Ну, не говорилъ ли я тебѣ, что не предпринимай ничего до кончины почтеннѣйшихъ князя Давыда и княгини...

— Ахъ ты, негодный этакой! завопила, съ ожесточеніемъ, старуха, силясь встать съ дивана: ахъ ты зловѣщая...

Но послѣдовавшія за тѣмъ слова долетѣли до Благина и шедшаго за нимъ магистра въ третьей комнатѣ, въ которой ожидали съ нетерпѣніемъ обѣ княжны окончанія разговора. Пропустивъ Бронскаго, Саломея съ безпокойствомъ подбѣжала къ Благину и шепотомъ спросила:

— Ну, что, Constantin?

— А что, belle cousine! отказали пріятелю и все тутъ! отвѣчалъ тотъ глубоко вздыхая.

— Vous plaisantez? произнесла княжна, блѣднѣя.

— Клянусь, что правда.

— Слышишь, Поликсена?

— Что такое, ma chère?

— Ему отказали!!

— Кому?

— Графу...

— Быть не можетъ!...

— Отказали, отказали! отвѣчала Саломея, обливаясь горючими слезами. Старшая сестра бросилась было догонять Костю, но простылъ и слѣдъ Кости!...

ГЛАВА XXXI.

Чтобъ порядочному человѣку не умереть отъ скуки, нужно быть ему или артистомъ, или ученымъ, или чиновникомъ, или, наконецъ, членомъ Англійскаго Клуба. Артистомъ не былъ Сергѣй Бронскій, отъ ученыхъ отсталъ ужь, въ службу не вступилъ еще, а членомъ въ клубъ могъ только надѣяться попасть, по вѣрному клубному разсчету, въ 1963 году. Къ несчастію молодаго человѣка, всѣ старые члены переняли у покойнаго князя Юрія привычку прогуливаться ежедневно по Тверскому Бульвару и встрѣчаться другъ съ другомъ въ четыре часа безъ двадцати двухъ минутъ. Вслѣдствіе всѣхъ вышеисчисленныхъ причинъ, и умиралъ отъ скуки графъ Сергѣй Бронскій въ Бѣлокаменной. Съ бѣгствомъ отъ Чинкурузиныхъ утратилъ онъ послѣдній домъ, который былъ открытъ ему съ утра до вечера; правда, не заглядывалъ онъ въ домъ этотъ два мѣсяца сряду, но, потерявъ его, сожалѣлъ о немъ искренно. Домикъ на Басманной посѣщалъ онъ очень рѣдко; на записки Фабіи не отвѣчалъ. Повѣренный увѣдомилъ графа Льва, что его сіятельство, графъ Сергѣй Львовичъ, значительно сократилъ расходы свои и большихъ издержекъ болѣе не дѣлаетъ. Фабія отказалась отъ всѣхъ блистательныхъ знакомствъ своихъ и занялась продажею всей движимости и галантерейныхъ вещей. Не только совершенно опустѣла квартира ея, но и маленькій домикъ утратилъ роскошнѣйшую часть

своего убранства, какъ-то: серебряныя консоли, люстру, готическіе часы, рояль Лихтенталя и много другаго.

Трагикъ Поразительный велъ также съ нѣкотораго времени жизнь странную. Онъ добылъ себѣ пристойное платье, переселясь на житье въ подвалы шиповскаго дома, на Лубянку, заплатилъ за треть года впередъ за уголъ свой и сталъ пропадать изъ него съ утра до поздней ночи. Что дѣлалъ изъ жизни своей артистъ и гдѣ скитался по цѣлымъ суткамъ, не зналъ никто, ни даже почтенный Осипъ Осиповичъ, который, однакожь, крайне интересовалъ Поразительнаго. Еврею было не въ догадъ, что выкупленный имъ изъ тюремнаго заключенія актеръ, вѣроятно изъ участія, не спускалъ его съ глазъ и справлялся ежедневно о его драгоцѣнномъ здоровьѣ.

Однажды (это было въ послѣднихъ числахъ апрѣля) явился къ содержателю небольшой кандитерской въ Сокольникахъ какой-то человѣкъ, довольно опрятно одѣтый.

— Что, братецъ, тебѣ нужно? спросилъ кандитеръ.

— Ищу мѣстечка, отвѣчалъ тотъ.

— Какого же, братецъ, мѣстечка?

— Хоть въ лакейскую должность.

— Теперь еще рано мнѣ набирать людей; вотъ придетъ лѣто, посмотримъ!

— Нѣтъ, ужь коли нанимать, такъ извольте нанять теперь.

— Это, братецъ, почему?

— Потому что оченно довольны останетесь.

— Тобою?

— Хоть бы и мною-съ.

— Что же въ тебѣ такого особеннаго, братецъ?

спросилъ кандитеръ, улыбаясь и осматривая пришельца съ ногъ до головы.

— А вотъ что особеннаго, отвѣчалъ человѣкъ: примѣрно, транспаранты умѣемъ дѣлать сами, и фейверки скрутимъ не хуже никого, и кадриль сыграемъ на скрипкѣ, на флейтѣ свищемъ, а жалованье положимъ самую малость.

— Сколько же, примѣрно?

— Цѣлковыхъ три положите?

— Харчи чьи? спросилъ обрадованный хозяинъ кандитерской.

— Что въ харчахъ? отъ пріѣзжихъ господъ питаться будемъ; я же мало употребляю пищи: стаканъ какой нибудь чаю...

— Ну, въ жалованьи-то сойдемся какъ нибудь.

— Иду-то я къ вамъ, перебилъ пришлецъ, понизивъ голосъ, по правдѣ сказать, по той причинѣ, что паспорта моего не высылаютъ господа; старый же просроченъ; такъ въ городѣ сомнительно...

— А есть ли у тебя по крайней мѣрѣ видъ какой нибудь?

— Видъ найдемъ.

— То-то же, братецъ, чтобъ не попасть въ бѣду.

— Въ евтомъ безпокоиться не извольте, закладъ положимъ, сказалъ искатель лакейской должности, вынимая изъ кармана панталонъ три золотыя монеты.

— Ну, завѣряешь, такъ вѣримъ, замѣтилъ кандитеръ, не принимая золотыхъ. Перебирайся, когда хочешь, а теперь осмотри заведеніе; тутъ вотъ, рядомъ съ лавкою, и домъ мой.

Поклонясь хозяину, пришлецъ внимательно осмотрѣлъ такъ называемую кандитерскую лавку, потомъ прошелъ въ небольшой садикъ, принадлежавшій тому

же хозяину, и вошелъ въ самый домъ. Смотря на вниманіе, съ которымъ заглядывалъ новый служитель во всѣ углы, можно было подумать, что онъ видитъ домъ и садъ и лавку въ первый разъ. Но отложимъ вопросъ этотъ до другаго раза и возвратимся къ герою разсказа нашего, Сергѣю Бронскому.

Не дожилъ, а дотянулъ онъ жизнь свою до перваго мая въ стѣнахъ умолкнувшей Москвы. Письма, получаемыя имъ отъ отца, были и рѣдки и холодны; сквозь обычную любезность графа Льва прокидывалось нѣчто, вовсе не любезное. Досадовалъ Сергѣй Львовичъ, читая эти посланія, и отвѣчалъ на нихъ съ меньшею искренностью, съ меньшимъ увлеченіемъ, чѣмъ прежде. Съ какою бы радостью разстался магистръ съ Москвою и бѣжалъ бы хоть въ деревню, хоть бы въ страшную глушь, лишь бы только оставить далеко за собою тѣхъ людей, которые такъ скоро разочаровали его, которые въ самое короткое время познакомили молодаго человѣка со всѣми сторонами обманчиваго свѣта.

Перваго мая, рано утромъ, доложили магистру, что желаетъ видѣть его Николай Николаевичъ.

— Гдѣ же онъ? воскликнулъ съ невольною радостью молодой человѣкъ.

— Они въ прихожей.

— Проси, проси въ гостиную; я только одѣнусь.

— Не нужно! раздалось у дверей, и Ламинскій вошелъ въ кабинетъ. Лице его сіяло радостью; онъ протянулъ руку свою магистру и спросилъ, свободенъ ли онъ.

— Всегда, Николай Николаичъ! отвѣчалъ Бронскій, не знавшій еще, чему приписать перемѣну къ нему его бывшаго наставника.

— Но вы забыли, можетъ быть, что сегодня многіе не принадлежатъ себѣ.

— По какому случаю?

— По случаю гулянья въ Сокольникахъ.

— Что же мнѣ до него?

— А прелестная Фабія?

— Вчера узналъ я, что Фабія больна и на гулянье не поѣдетъ.

— Жаль! сказалъ Ламинскій.

— Жаль, говорите вы?

— Да, жаль, потому что сегодня, вопреки всѣмъ моимъ привычкамъ, я расположенъ бѣситься и желалъ предложить Фабіи пикникъ. Знаете ли, Сергѣй Львовичъ, что предметъ любви вашей не ненавистенъ мнѣ болѣе?

— Можетъ ли быть?

— Даю вамъ честное слово, и не только не ненавистенъ, а я почти готовъ полюбить ее.

— Чему же приписать, Николай Николаичъ, и перемѣну въ васъ и веселость вашу?

— Обстоятельству чрезвычайному...

— Объяснитесь, если можно.

— Еще бы нельзя! но начну съ начала...

— Сдѣлайте милость.

— Вы не можете не знать, любезный графъ, почему я такъ противился страсти вашей къ свѣтскимъ развлеченіямъ...

— Я полагаю, что равнодушіе ваше къ удовольствіямъ и боязнь по дружбѣ...

— Говорите яснѣе и проще, мой любезный. Вы полагали, что собственно особа ваша занимала первый планъ всѣхъ моихъ мыслей? Нисколько! Мужчина отвѣчаетъ самъ за свои глупости, платитъ самъ впослѣд-

ствія и за промахи, и за слабости, и за все прочее. Жаль же мнѣ было не васъ, а кузину вашу. Обманутыя надежды могли сильно подѣйствовать не только на характеръ, но даже на самое здоровье Анны. По пристрастію моему къ вамъ, представилось мнѣ, что вѣсть о послѣднихъ похожденіяхъ жениха, о совершенной перемѣнѣ его образа жизни, привычекъ и самыхъ чувствъ, убьетъ графиню...

— Но вы ошиблись, не правда ли, Николай Николаичъ? спросилъ магистръ съ горькою улыбкою.

— Ошибся? этого мало, а надѣлалъ глупостей, поссорился съ вами; за что же? спрашиваю. Или, въ самомъ дѣлѣ, вы не въ правѣ издерживать время свое на что хотите? Короче: въ 22 года мужчина не дитя и знаетъ, что дѣлаетъ.

— Николай Николаичъ, вы говорите не откровенно... замѣтилъ Бронскій.

— Угоди же вамъ.

— Зачѣмъ угожденія? И нейдетъ наставнику поддѣлываться подъ ладъ ученика. Не правъ былъ я, и чувствую это въ полной мѣрѣ.

— Забудемъ прошлое, Сергѣй Львовичъ, и порадуемся настоящему, сказалъ весело Ламинскій: кузина ваша, прелестная Анна...

— Что же Анна?

— Кажется, нашла себѣ жениха.

— Анна? Анна? повторилъ магистръ въ смущеніи.

— Да; но извѣстіе это не оффиціально, и назвать будущаго супруга кузины вашей не смѣю.

— Мнѣ все равно, кто бы онъ ни былъ, воскликнулъ Бронскій...

— То есть, вы одинаково полюбите всякаго, кого изберетъ подруга вашего дѣтства, Сергѣй Львовичъ? По-

нятно; иначе и быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что графиня Анна жила до восьмнадцати лѣтъ для однихъ васъ, съ одною мыслью, съ одною надеждою въ сердцѣ... и если не сбылись ея надежды, то...

— Довольно объ этомъ, Николай Николаичъ! перебилъ Бронскій, худо скрывая внутреннее свое волненіе. — Я радуюсь вашему извѣстію.

— И ѣдете на свадьбу, я надѣюсь? спросилъ Ламинскій.

— А развѣ скоро?

— Полагаю.

— Не уже ли же имя жениха должно оставаться тайною для одного меня?

— Я этого не говорю, и сегодня же, за бокаломъ шампанскаго, готовъ пить съ вами за его здоровье.

— Гдѣ? какъ? когда хотите?

— Разумѣется, въ Сокольникахъ; и на гулянье меня, надѣюсь, возьмете съ собою: въ щегольскомъ фаэтонѣ вашемъ я не имѣлъ еще чести сидѣть.

— Въ которомъ часу ѣхать?

— Часовъ въ семь, полагаю; теперь же оставить васъ однихъ?

— Нѣтъ, Николай Николаичъ, напротивъ: если вы простили меня, такъ не оставляйте одного. Я чувствую съ нѣкотораго времени странныя боли въ головѣ: она будто кружится.

— Давно ли эти припадки?

— Кажется, давно, а, можетъ быть, недавно.

— Такъ возьмите холодную ванну.

— Я думаю, что надобно взять.

— Позвонить?

— Да, пожалуйста.

Ламинскій, внутренно радуясь впечатлѣнію, произве-

денному новостью на бывшаго воспитанника своего, не оставилъ, однакожь, безъ вниманія головной боли магистра и послалъ за врачемъ. Врачъ предписалъ холодную воду, а назвалъ болѣзнь разстройствомъ нервовъ; причины не понималъ врачъ, но понималъ ее Николай Николаевичъ.

Въ восьмомъ часу вечера того же дня, начиная съ Мясницкой, всѣ улицы, ведущія къ Сокольничьему Полю, заставлены были экипажами. Господствующій цвѣтъ большей части лошадей, волосъ и женскихъ нарядовъ, былъ цвѣта шоссе, или просто известковой пыли, лежавшей густымъ облакомъ надъ головами едва двигавшихся Москвичей. Къ удовольствію прогулки присоединялись и другія, какъ-то: наслажденіе видѣть на плечахъ своихъ конецъ дышла ѣдущаго сзади экипажа, иногда встрѣчаться съ дышломъ этимъ въ самой внутренности кареты, слышать дикій крикъ женщинъ, напуганныхъ суетливостью лошадей, брань кучеровъ и проч. и проч., нераздѣльное съ гуляньями вообще и въ особенности съ Сокольницкимъ, на которое выѣзжаетъ до четырехъ тысячь экипажей.

Предусмотрительный и осторожный Ламинскій предложилъ магистру избрать другой путь и достигъ гулянья песчаными переулками, соединяющими Сокольничій Лѣсъ съ Крестовскою Заставою.

— Мы оставимъ экипажъ близъ старой кандитерской, сказалъ Бронскому Николай Николаевичъ: а на обратномъ пути напьемся въ ней чаю, или поужинаемъ.

— Согласенъ на все, отвѣчалъ тотъ разсѣянно.

— Такъ подождите меня минутку: а я забѣгу и распоряжусь заблаговременно; кандитерская въ двухъ шагахъ.

Съ этимъ словомъ Ламинскій вышелъ изъ фаэтона,

дошелъ до крыльца небольшой, намъ ужь знакомой кандитерской, и спросилъ вновь опредѣлившагося слугу.

Предъ Ламинскимъ предсталъ тотъ самый лакей, котораго принялъ съ такою радостью кандитеръ за искусство его дѣлать транспаранты.

— Мнѣ нужна особенная комната въ домикѣ и ужинъ, сказалъ Николай Николаевичъ.

— Угодно выбрать любую? отвѣчалъ лакей.

— Очень охотно.

— Пожалуйте же.

Оба прошли изъ лавки въ садъ и въ небольшой деревянный домъ, обращенный окнами въ переулокъ и дверьми въ тотъ же садъ.

— Будутъ ли? шепнулъ гость на ухо слугѣ.

— Будутъ непремѣнно, и вотъ гдѣ, слуга показалъ гостю угловую комнату съ большимъ диваномъ.

— А насъ куда посадите?

— Васъ въ эту, и дверь запрется съ вашей стороны.

— Въ которомъ часу пріѣзжать?

— Въ одиннадцать, не раньше.

— Хорошо, до свиданья; но будьте осторожны...

— Буду остороженъ, отвѣчалъ лакей съ злобною улыбкою, провожая гостя обратно въ лавку и до крыльца.

Гулянье перваго мая въ Сокольникахъ, конечно, можетъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ программѣ этого рода увеселеній. Поднимитесь въ аэростатѣ и взгляните съ большой высоты на эту движущуюся, пеструю массу, состоящую изъ полутораста тысячь людей и нѣсколькихъ тысячь экипажей — вы будете очарованы, вамъ захочется присоединиться къ массѣ и взять свою часть наслажденій. Но вы ошибетесь: наслажденій въ Сокольникахъ перваго мая не много...

Что жь дѣлаютъ на этомъ гуляньи? То же самое, что

и подъ Новинскимъ. Дамы лорнируютъ львовъ съ тою же свободою; молодые люди, распомаженные и завитые, какъ и подъ Новинскимъ, проходятъ группами между экипажей; мѣняется только на нихъ фасонъ жабо, величина бантовъ на галстухахъ, да цвѣтъ слишкомъ короткаго платья; остальное все то же и всегда то же... Зачѣмъ и мѣняться, если все хорошо?

Бронскій, подобно другимъ отростившій себѣ волосы, одѣлся мѣшкомъ и, лежа въ фаэтонѣ, ѣздилъ молча по безконечнымъ рядамъ, безъ цѣли и плана. Полупотухшій взоръ нѣкогда живаго Сережи, а нынѣ обыкновеннаго молодаго человѣка, не искалъ никого и ничего, а, напротивъ, избѣгалъ встрѣчи съ знакомыми лицами. Самый Костя не развлекалъ его болѣе своими фарсами. Магистръ думалъ о чемъ-то, казалось, сожалѣлъ о чемъ-то, скучалъ чѣмъ-то и тяготился разговоромъ, который поддерживалъ одинъ Ламинскій.

Въ десять часовъ вечера линіи экипажей стали замѣтно рѣдѣть. Цвѣтъ общества перешелъ въ большой павильонъ, въ которомъ обыкновенно дается балъ перваго мая; размалеванныхъ купчихъ развезли мужья по домамъ; общество мужчинъ средняго круга разбрелось по цыганскимъ палаткамъ. Классъ промышленный разсѣлся пить чай вкругъ столиковъ, разставленныхъ по рощѣ, и остались въ аллеяхъ только тѣ, которымъ не зачѣмъ было торопиться домой, а именно: подмастерья въ халатахъ, лавочные прикащики, и отцы семействъ, провѣтривающіе дѣтокъ своихъ всѣхъ возрастовъ.

— Не пора ли и намъ? спросилъ магистръ зѣвая.

— Пожалуй, поѣдемъ, отвѣчалъ тотъ: но переждать бы, пока уляжется пыль.

— Пожалуй, переждемъ.

Николай Николаевичъ взглянулъ на часы и ровно въ

одиннадцать приказалъ кучеру ѣхать къ старой кандитерской. Въ ней ожидала ихъ та самая комната, которую показывалъ лакей Николаю Николаевичу.

— Ну, что? тутъ они? шепнулъ украдкою Ламинскій, проходя мимо стоявшаго у дверей слуги.

— Только что пожаловали, отвѣчалъ тотъ весело.

— Хорошо же, я выйду сей часъ, сказалъ Николай Николаевичъ: а вы принесите чай.

Слуга скрылся, а Ламинскій положилъ шляпу на стулъ, снялъ пальто и, будто вспомнивъ что-то, послѣдовалъ за слугою. Остался въ комнатѣ одинъ Бронскій. Изъ за дверей, справа, долетѣло до слуха молодаго человѣка нѣсколько веселыхъ возгласовъ; ему покалось даже, что самый громкій принадлежалъ Костѣ Благину, вѣроятно пировавшему съ друзьями. Съ лѣвой стороны ничто не долетало до ушей его: комната слѣва или была пуста, или говорили въ ней очень тихо. Во всякомъ случаѣ, послѣднимъ сосѣдствомъ своимъ Бронскій былъ довольнѣе перваго; въ настоящемъ расположеніи духа, общество Благина было бы для него совершенною роскошью. На столѣ лежала Полицейская Газета; въ ней всегда такъ много интереснаго, что не пробѣжать ея почти невозможно; то же сдѣлалъ и Сергѣй Львовичъ, въ ожиданіи чая. Но вдругъ, за стѣною слѣва, послышался женскій смѣхъ; магистръ быстро приподнялъ и повернулъ голову. Смѣхъ прекратился. Магистръ принялся было снова за чтеніе, но, не дочитавъ первой страницы, сошелъ съ дивана, пододвинулъ кресла свои къ лѣвой двери и, держа газету въ рукахъ, сталъ внимательно вслушиваться. Новый женскій смѣхъ, нѣсколько несвязныхъ словъ!... Бронскій выпустилъ газету изъ рукъ и бросился было къ самой двери — новое молчаніе, и онъ остановился.

«Или воображеніе мое разстроено до сумасшествія, или сходство?... удивительно! подумалъ магистръ, пересаживаясь съ креселъ на прежній диванъ... Скорѣе воображеніе, потому что сходство не можетъ быть столь разительно.»

Шумъ, произведенный молодымъ человѣкомъ, видно, обратилъ на себя вниманіе пирующихъ сосѣдей, потому что они притихли на минуту, а въ замочной скважинѣ дверей, справа, показался сначала глазъ, а за глазомъ растворилась дверь, и въ ней появился самъ Благинъ.

— Ты что здѣсь дѣлаешь, пріятель? крикнулъ онъ, собираясь броситься въ объятія Бронскаго, но тотъ рукою зажалъ ему ротъ.

— Молчи! шепнулъ магистръ.

— А что?

— Мнѣ нужно, чтобъ ты молчалъ; поди, затвори дверь и попроси своихъ пріятелей не входить въ эту комнату.

Благинъ на цыпочкахъ возвратился къ своимъ, передалъ имъ просьбу Бронскаго и, подойдя къ нему обратно, спросилъ на ухо, изъ чего онъ хлопочетъ.

Принявъ на себя веселый видъ, Сергѣй Бронскій, все таки шепотомъ, отвѣчалъ Костѣ, что за стѣною, кажется, происходитъ какое-то объясненіе, и любопытно подслушать. Благинъ приложилъ палецъ ко рту, сталъ на колѣна и приблизилъ ухо свое къ дверной ручкѣ.

— Ну, что? слышно? спросилъ первый.

— Погоди; мнѣ кажется...

— Что, что?

— Одинъ голосъ знакомый.

— Не можетъ быть, воскликнулъ магистръ, вспыхнувъ.

— Клянусь тебѣ знакомый.

— Женскій?

— Нѣтъ.

Магистръ вздохнулъ свободнѣе.

— Узнаю я мужчину, продолжалъ Благинъ: но досадно, что разсмотрѣть нельзя въ эту проклятую щель!

— Кто жь это?

— Вообрази себѣ, нашъ Еврей банкиръ, однимъ словомъ, Гифтштейнъ.

— Ты ошибаешься!

— Какъ бы не такъ! Но послушай самъ. Ну, слышишь, онъ въ чемъ-то клянется... Но вотъ говоритъ и она.

Бронскій подалъ Благину знакъ къ молчанію и, принявъ самъ позу Кости, подставилъ ухо къ самому ключу, оставленному, какъ нарочно, съ ихъ стороны.

— «Не вѣрю словамъ, не вѣрю, произнесъ женскій голосъ довольно явственно; мнѣ нужно доказательство».

Тутъ послѣдовало довольно долгое объясненіе, но такъ тихо, что ни Благинъ, ни Бронскій не могли разслышать ни слова... Потомъ, послѣ краткаго молчанія, долетѣлъ до ушей пріятелей шумъ бумаги, и женщина произнесла явственно «хорошо».

Подслушивавшій магистръ, какъ безумный, схватилъ за руку Благина, но, опомнившись, улыбнулся и лѣвою рукою оперся объ стѣну.

— Что ты это? спросилъ Костя.

— Чуть не упалъ, устали колѣнки, отвѣчалъ Бронскій.

Благинъ повѣрилъ сказанному и снова перенесъ вниманіе свое на дверь.

— Я войду, шепнулъ Костя.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ магистръ, съ трудомъ приподнимаясь на ноги.

— Ты не разсердишься?

— Напротивъ, войдемъ вмѣстѣ.

— Войдемъ, пожалуйста, душа моя! сказалъ обрадованный Благинъ, вскакивая.

— Но съ тѣмъ только, перебилъ магистръ съ принужденною веселостью: чтобъ принудить банкира раздѣлить нашъ ужинъ.

— Согласенъ! закричалъ Костя, отпирая лѣвую дверь. Глазамъ двухъ пріятелей предсталъ дѣйствительно почтенный г. Гиѳтштейнъ и женщина въ черномъ, шелковомъ платьѣ и въ длинной, черной мантильѣ съ капишономъ. Узнавъ Бронскаго, Жидъ онѣмѣлъ.

— Сударыня, сказалъ насмѣшливо Бронскій, подходя къ дамѣ, успѣвшей ужь набросить капишонъ себѣ на голову: поступокъ нашъ такъ предосудителенъ, мы такъ виноваты, что только прощеніе ваше можетъ загладить вину въ глазахъ собственной нашей совѣсти. Нѣсколько веселыхъ товарищей ожидаютъ насъ съ ужиномъ; примите въ немъ участіе — и мы единодушно выпьемъ за здоровье г. Гиѳтштейна.

— Графъ, отвѣчала твердымъ голосомъ дама въ капишонѣ: куда прикажете, чтобъ я шла къ пріятелямъ вашимъ?

— Вы свободны, сударыня, и совершенно свободны, произнесъ Бронскій, отворяя передъ дамою дверь въ прихожую.

— Куда ты, Serge? воскликнулъ Благинъ вслѣдъ магистру. Но, не отвѣчая на вопросъ пріятеля, Бронскій проводилъ незнакомку до наемной кареты ея, дождался у воротъ, пока карета не скрылась за угломъ переулка, и медленными шагами возвратился назадъ.

Въ обществѣ Гиѳтштейна и Благина засталъ Бронскій Николая Николаевича; оба они смѣялись отъ души

надъ посинѣвшимъ Евреемъ, растерявшимся до нельзя, хотя Костя не зналъ настоящей причины его смущенія.

— Сдѣлай подобный фарсъ другой, замѣтилъ комически серьезно Николай Николаевичъ, а не я, Осипъ Осипычъ не простилъ бы его. Мы же съ нимъ давнишніе и добрые друзья, и онъ самъ сыгралъ со мною нѣкогда не совсѣмъ подобную, а славную штуку. Желая отмстить пріятелю, я нарочно приставилъ къ нему препроворную особу, стараго же знакомца нашего Поразительнаго... помните его, почтеннѣйшій Осипъ Осипычъ? Поразительный открылъ все, а, обладая, какъ вамъ извѣстно, рѣдкимъ искусствомъ перенимать всѣ походки, всѣ голоса и всѣ лица, онъ же прикинулся лакеемъ и ввелъ насъ съ графомъ въ эту комнату.

Гифштейнъ застоналъ отъ злости.

— Но это еще не все, весело продолжалъ Ламинскій: почтеннѣйшій Осипъ Осипычъ возвратите сей часъ вексель Суркина.

— Онъ переданъ сегодня же женѣ его, отвѣчалъ Жидъ потупивъ глаза.

— А счеты ваши съ Фабіею?

— И счеты уничтожены.

— Прекрасно! Теперь остается подвергнуть васъ заслуженному наказанію, а потомъ, почтенный г. Гифштейнъ, вы оставите добрую Россію нашу. Подобныхъ вамъ гостей не нужно намъ... Прощайте!

Съ поникшею головою вышелъ изъ комнаты банкиръ въ прихожую, гдѣ ожидалъ его, въ одеждѣ знакомаго намъ слуги, трагикъ Поразительный. Согласно съ приказаніемъ Николая Николаевича, послѣдовалъ онъ за Евреемъ изъ кандитерской до квартиры Гифштейна и не выпускалъ его изъ вида.

Писатели, глубоко заглядывающіе въ души и сердца

героевъ своихъ, безъ всякаго сомнѣнія, поставили бы себѣ въ непремѣнную обязанность передать читателямъ, какой нравственный эффектъ произвело на чувства магистра коварство Фабіи, на сколько англійскихъ дюймовъ вошло ядовитое лезвіе ревности и негодованія въ чувствительное сердце Сергѣя Бронскаго, и какими признаками выразилось внутреннее страданіе на наружности молодаго человѣка. Къ моему искреннему сожалѣнію, въ глубину сердецъ заглядываю я очень, очень рѣдко, а распространяюсь о чувствахъ еще рѣже, по самой простой причинѣ: боюсь ошибиться! Если угодно читателю, онъ потрудится самъ вывести должное заключеніе о душевномъ состояніи магистра во весь остатокъ вечера перваго мая. Могу сказать только, что магистръ ѣлъ за ужиномъ мало, пилъ очень мало, говорилъ очень, очень мало, и во второмъ часу утра возвратился домой съ желаніемъ лечь скорѣе въ постель, но безъ желанія заснуть.

ГЛАВА XXXII.

Какъ не любить Русскому праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, и какъ не повеселиться мужичку въ этотъ день, когда и нивы его катятъ въ родные закромы свои золотыя волны, когда сытые кони весело носятся по обширнымъ лугамъ, а солнышко румянитъ плоды? Сколько брачныхъ пировъ готовитъ народъ русскій къ началу мясоѣда — и вотъ на ярмаркахъ успенскихъ торгуютъ молодые парни пестрые платки и алыя ленты для невѣстъ своихъ. Много славныхъ селъ на святой Руси, и не изъ послѣднихъ въ ней село Бронское. Лежитъ оно на отлогомъ берегу Волги матушки, и

обширно село это и богато крупною пшеницею, льномъ шелковистымъ и жирною стерлядью. Въ селѣ два храма Божіи, оба каменные. Одинъ стоитъ съ незапамятныхъ временъ, другой воздвигнутъ былъ недавно, настоящимъ владѣльцемъ села, графомъ Львомъ, надъ могилой друга и дальняго родственника его, графа Александра Бронскаго. Иконы въ новый храмъ привезены изъ Италіи, а чудотворный образъ Богоматери перенесла, изъ старой церкви въ новую, дочь покойника, графиня Анна Александровна. Господъ своихъ любили всѣ крестьяне и, переходя отъ отца къ сыну, гордились своими владѣльцами.

Въ день Успенія, съ ранняго утра, зазвучалъ колоколъ. Въ тотъ же мигъ отчалилъ паромъ отъ берега, противоположнаго селу, а вскорѣ и со всѣхъ концевъ рѣки потянулись лодки, полныя народа. Ограды обоихъ храмовъ окаймились группами сидѣвшихъ богомольцевъ. Внутри церквей служили молебны, и, вмѣстѣ съ молитвами, поднимались къ лазуревому небу облака ароматнаго дыма. Въ центрѣ селенія, на обширной площади, устанавливались рядами пріѣзжія-тѣлеги съ товаромъ, пряниками и прочими предметами мелкой промышленности. Всѣмъ порядкомъ распоряжался густобородый, пузатый крестьянинъ, въ костюмѣ, среднемъ между кафтаномъ и мѣщанскою сибиркою. Особа эта, или графскій бурмистръ, не суетилась, какъ большая часть распорядителей, а, не сходя съ своего мѣста, наблюдала за всѣми движеніями съѣзжавшихся на площадь обозовъ и отдавала приказанія свои случайно попадавшимся ей крестьянамъ.

— Эй ты, Парѳенъ! говорилъ бурмистръ, дѣлая бородою своею какому-то парню знакъ приблизиться къ нему: добѣги-ка къ пристани, да крикни нашимъ, чтобъ

пѣшихъ-то перевозили попрежде. Вишь ты какая у нихъ идетъ сумятица, словно на рожонъ претъ народъ-отъ. А ты, Степа, отверни скотину, что пригнали мѣщане, къ песчаному взлысью — тамъ и травка для нея, и вода будетъ поближе.

Въ это же время подходило къ распорядителю множество разнаго рода лицъ, иныя съ просьбами, другія съ вопросами, большая часть съ поклономъ къ первому лицу села и довѣренному графскому человѣку. Докучливѣе всѣхъ прочихъ показался бурмистру одинъ рыжій мѣщанинъ, въ синемъ сюртукѣ безъ пуговицъ, подпоясанный кушакомъ, въ длинныхъ сапогахъ и съ теплой суконной шапкой на головѣ. Человѣкъ этотъ, какъ будто облитъ былъ топленымъ саломъ — такъ лоснилось все, что было на немъ. Вмѣшиваясь во всѣ распоряженія бурмистра, онъ до такой степени надоѣлъ ему, что бурмистръ рѣшился наконецъ отбросить всѣ церемоніи.

— Ты, Прокопъ Ѳедосѣичъ, сказалъ онъ: вотъ видишь, словно банный листъ; такъ не прогнѣвайся, коли попросимъ убираться.

— Изволь, изволь, Назаръ Михеичъ, перебилъ тотъ: что тутъ толковать! Ты хозяинъ и честь твоей милости; мы же люди сторонніе.

— Добро бы и въ поступкахъ твоихъ, Прокопъ Ѳедосѣичъ...

— Изволь, изволь...

— То-то же; ужь ты извини...

— Изволь, изволь, повторилъ рыжій мѣщанинъ, отходя въ сторону и поправляя шапку свою: а вѣдь, конечно, коли не во гнѣвъ тебѣ, Назаръ Михеичъ, что человѣкъ-то, примѣрно, разсужденіе имѣетъ и прочаго другаго...

Прокопъ Ѳедосѣевичъ, не прерывая рѣчи своей, понесъ ее съ собою по сельской главной улицѣ и донесъ до воротъ старой церкви, близъ которой сидѣло нѣсколько людей, съ виду похожихъ на горожанъ. Тутъ, отыскавъ кого-то знакомаго, мѣщанинъ завязалъ съ нимъ разговоръ, сначала о бурмистрѣ, а потомъ перешелъ къ молодому рогатому скоту, предмету собственной торговли.

— Ты, примѣрно, скотинѣ не вѣрь, говорю, продолжалъ рыжій: говорю тебѣ, не вѣрь; я на ней хлѣбъ ѣмъ, меня скотина не опутаетъ; и хвоста не трогай, примѣрно хвоста: насквозь вижу, говорю тебѣ; коли кичлива, коли только кичлива, не понесетъ добра слова, говорю, добраго не стоитъ, примѣрно, а слова даромъ не скажу, не годится, вотъ тебѣ; а Назаръ Михеевъ...

— Постой-ка, сватъ! воскликнулъ тотъ, къ кому обращалась рѣчь мѣщанина: никакъ господа подъѣхали; не опоздать бы намъ; чего добраго, не протрешься въ народѣ-то, ишь сколько его полѣзло на паперть!

— Коли господа, то проведу тебя я, вотъ какъ проведу. Вѣдь графъ-то, кажется, коротко знакомъ...

Но, кажется, на увѣренія продавца скотины не очень полагался горожанинъ, потому что, не дослушавъ словоохотнаго Прокопа Ѳедосѣева, онъ бѣгомъ пустился ко входу въ каменную галлерею, ведущую въ новый и великолѣпный храмъ села Бронскаго.

Едва переступили порогъ его пріѣхавшіе господа, какъ благовѣстъ умолкъ, и, минуту спустя, послышался самый малый изъ колоколовъ, къ нему присоединился звонъ другаго, третьяго, четвертаго, и вдругъ огласились церковные своды пѣніемъ, столь чтимымъ на Руси и располагающимъ сердца православныхъ къ задушевному моленію. При звукѣ этомъ зашевелилась неподвиж-

ная до того масса людей, смиренно стоявшихъ въ обширномъ храмѣ. Всѣ руки приводились, и какъ бы одною головою преклонялся народъ предъ святыми иконами величественнаго, рѣзнаго иконостаса. На первый возгласъ дьякона отозвался церковный клиръ звучнымъ, согласнымъ аккордомъ, и литургія началась.

Впереди всѣхъ, близъ праваго клироса, стоялъ графъ Левъ; нѣсколько позади его усердно молился Ламинскій. Противъ лѣваго придѣла церкви, скрытая до половины колонною, стояла, восхитительной наружности и высокаго роста, дѣвушка лѣтъ восьмнадцати. Лѣвою рукою опиралась она о бронзовую, узорчатую рѣшетку, окружавшую продолговатую, бѣлаго мрамора плиту съ золотою надписью. Нужно ли говорить, что дѣвушка эта была Анна, а у ногъ ея находилась могила графа Александра? На потупленныхъ, прелестныхъ глазахъ дочери покойника не блистала слеза, но и не отводился взоръ этотъ отъ надгробной надписи, и молилась дочь не о себѣ, а объ усопшемъ отцѣ. Сколько думъ читалось на высокомъ челѣ Анны, сколько грусти сообщалось ему душою дѣвушки! Но не одна она была и грустна и задумчива, молясь во храмѣ: еще задумчивѣе казался тотъ, глаза котораго не спускались съ молившейся. Глаза эти принадлежали магистру, графу Сергѣю Бронскому. Въ два мѣсяца нажилъ себѣ много лѣтъ молодой человѣкъ и нажилъ всѣми пытками ада, всѣми терзаніями пробудившейся любви своей къ подругѣ дѣтства, къ бывшей невѣстѣ своей. Покинувъ Москву, онъ, въ сопровожденіи Николая Николаевича, прибылъ въ Бронское въ половинѣ мая. При первомъ взглядѣ на Анну, сердце магистра забилось восторгомъ. Забывъ недавнее прошлое, графъ Сергѣй раскрылъ ей братскія объятія; онъ улыбнулся ей, улыбнулась и Анна, но смутилась и назвала

его не Serge, а mon cousin. Тутъ только опомнился молодой человѣкъ и пришелъ въ себя. Къ искреннему раскаянію присоединилась въ сердцѣ магистра мысль, что всѣ права свои на невѣсту не только утратилъ онъ, но утратилъ невозвратно.

Въ помѣстьѣ отца нашелъ Бронскій большія перемѣны во всемъ. Прежній, старинный домъ былъ возобновленъ, паркъ расширенъ, садъ и оранжереи, а равно и всѣ службы, отстроены вновь. Во многихъ мѣстахъ появились обширные пруды; вся окрестность какъ бы облачилась въ новый, роскошный нарядъ.

Ламинскій, казалось, забылъ питомца своего; привязанность къ отцу заглушила въ немъ участіе къ сыну и всѣ прочія ощущенія.

По окончаніи обѣдни, всѣ члены семейства графа поклонились родной могилѣ и пѣшкомъ возвратились домой. Графъ Левъ и Анна отвѣчали ласково на привѣтствія народа. Первый называлъ многихъ изъ крестьянъ своихъ по имени, заговаривалъ съ стариками; послѣдняя щедро дарила дѣвушекъ, не обошла и нищей братіи и, подходя ужь къ самому дому, предложила руку свою магистру.

— Вы не добры ко мнѣ сегодня, сказала дѣвушка тономъ упрека: и это очень, очень дурно съ вашей стороны, mon cousin.

— Напротивъ, кузина, я добръ и не подходилъ къ вамъ, боясь лишить кого нибудь изъ обожающей васъ толпы вашего слова, вашего взгляда, отвѣчалъ магистръ, грустно улыбаясь.

— А вы не дорожите болѣе ни тѣмъ, ни другимъ?

Сергѣй Бронскій молчалъ.

— Въ глазахъ вашихъ, mon cousin, такъ много гру-

сти, продолжала Анна, что, смотря на васъ, я, право, удивляюсь себѣ, что не плачу.

Магистръ содрогнулся, поблѣднѣлъ и кашлянулъ.

— Вы не хотите отвѣчать мнѣ, monsieur Serge.

— Я, я? почему же, ma cousine: вы спрашиваете?...

— Отчего эта задумчивость? отчего вы такъ странны сегодня?

— Оттого, Анна, что этотъ день напоминаетъ мнѣ тотъ же праздникъ, но въ другую эпоху, при другихъ обстоятельствахъ, отрывисто отвѣчалъ молодой человѣкъ. Онъ не въ силахъ былъ продолжать; голосъ его начиналъ замирать; его душили слезы.

— Что жь перемѣнилось? спросила Анна.

— Что? повторилъ графъ Сергѣй: конечно не многое: мы молоды, мы счастливы, чего же болѣе?...

— И вы разлюбили деревню, mon cousin, полюбили Москву, предпочли новыхъ друзей старымъ, дѣтской любви моей — новую, прибавила дѣвушка.

— Анна, зачѣмъ сегодня и въ первый разъ сегодня, коснулись вы чувствъ моихъ? воскликнулъ магистръ съ жаромъ.

— Не вы ли напомнили мнѣ прошлое? наивно отвѣчала дѣвушка.

— Да, я напомнилъ дѣтство; но дѣтей не связывали обручальныя кольца, Анна: они свободны были отъ всѣхъ клятвъ, отъ всѣхъ...

— Скажите лучше, m-r Serge, что дѣтьми не скрывали они ни мыслей своихъ, ни чувствъ, и что тайнымъ печалямъ не старались они улыбаться, какъ улыбаетесь вы въ эту минуту...

— Анна! Анна! воскликнулъ шедшій впереди графъ Левъ: мнѣ пришла въ голову счастливая мысль...

— Какая, mon oncle? спросила дѣвушка.

— Устроить завтра сельскій праздникъ въ нашихъ аллеяхъ.

— Готова помогать вамъ.

— Подумай объ угощеніи.

— Я пошлю закупить дессертъ, то есть всего, что есть сладкаго на ярмаркѣ.

— Этого мало; прикажи отыскать какъ можно больше музыкантовъ; въ сосѣдствѣ, кажется, есть полный оркестръ; а въ помощники себѣ возьми Сергѣя. Serge! прибавилъ графъ Левъ, обращаясь къ сыну: прошу вступить въ давно забытую тобою роль ментора и употребить всѣ средства, чтобъ завтрашній день былъ истиннымъ праздникомъ для всѣхъ моихъ, безъ исключенія. Дѣтскую лабораторію твою сохранила Анна, а фейерверкъ былъ бы совсѣмъ не лишнимъ. Ну, теперь извольте оба отправляться хлопотать, сказалъ графъ Левъ: а мы съ Николаемъ Николаичемъ займемся чѣмъ нибудь другимъ.

По счастью, отецъ, окончивъ фразу свою, не оглянулся на сына, но взглянула на него Анна, и прелестныя уста дѣвушки раскрылись, какъ бы отъ испуга... Она хотѣла сказать что-то, но знакъ графа Сергѣя остановилъ ее.

— Respectez ma douleur, Anna, проговорилъ едва слышно молодой человѣкъ.

— Но вы больны, Serge, вы упадете...

— Нѣтъ, дайте руку вашу: она поддержитъ меня.

— Эта страшная, смертельная блѣдность...

— Пройдетъ, какъ прошло все.

— Serge, я скажу, я непремѣнно скажу...

— Никому и ни полслова, Анна! перебилъ магистръ: я здоровъ, я веселъ и, надѣюсь, буду счастливъ. Жела-

ніе отца мы выполнимъ, а благодаря вамъ, сохранилась и дѣтская моя лабораторія; какъ кстати!... И думалъ ли я тогда, что пригодится она мнѣ въ такую счастливую для меня минуту?... Молодой человѣкъ разсмѣялся такъ громко, что, отошедшіе отъ него и Анны, графъ Левъ и Ламинскій оглянулись оба...

— Il rit, mon beau jeune homme, сказалъ тихо графъ Ламинскому: пусть смѣется, авось поплачетъ завтра...

— Но что вы скажете объ Аннѣ? Какова? замѣтилъ, еще тише, Николай Николаевичъ.

— Ничего подобнаго ей, по совѣсти, я не встрѣчалъ.

И оба пошли скорыми шагами по направленію къ парку.

Возложенныя на молодыхъ людей хлопоты заняли какъ магистра, такъ и Анну до поздняго вечера.

— А странно мнѣ, сказалъ графъ Левъ сыну, принимаясь за свой ночной туалетъ: и даже очень странно видѣть, что ты, Сергѣй, такъ равнодушенъ къ твоей кузинѣ...

— Я... я, повторилъ магистръ съ отчаяніемъ. Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но слова обратились въ глубокій, болѣзненный вздохъ, который, какъ ни старался скрыть молодой человѣкъ, не могъ скрыться.

— Ты страдаешь, мой другъ, замѣтилъ графъ Левъ съ участіемъ.

— Немного, mon père!

— Ты любишь Анну?

— Не отвыкъ любить.

— И не нужно; дружбѣ вашей не можетъ помѣшать никто и ничто. Напротивъ, любовь ея, надѣюсь, возвратитъ тебѣ, Serge, всю твою энергію; чувство это очиститъ сердце отъ всѣхъ прежнихъ впечатлѣній; но толь-

ко предупреждаю, что любовь ваша другъ къ другу должна быть взаимна.

— Вы требуете, mon père?

— Я требую и прошу сохранить къ Аннѣ моей ту привязанность, которою жила она съ малолѣтства. Я требую, продолжалъ графъ Левъ съ жаромъ: чтобъ ты не принесъ благороднѣйшаго свойства сердца въ жертву самолюбію и не подавилъ бы этой любви.

— Къ Аннѣ? повторилъ молодой человѣкъ задыхающимся голосомъ.

— Къ другу дѣтства, къ существу, которое сама судьба назначила тебѣ и отъ котораго ты отказался добровольно.

— Вы жестоки!

— А ты молодъ и малодушенъ!

— Нѣтъ, потому что перенесъ и переношу...

— Слѣдовательно, любишь?

— Люблю васъ, mon père, люблю и буду любить Анну, какъ я долженъ любить ее.

Послѣднія слова проговорилъ Сергѣй Бронскій рыдая на груди отца, который, со слезами счастія, сжалъ сына въ своихъ объятіяхъ и улыбался ему.

На другой день, къ парадному подъѣзду дома подъѣхала четверомѣстная карета графа, и Анна, въ полувоздушномъ вѣнчальномъ нарядѣ, вышла въ залу. Магистръ не смѣлъ взглянуть на нее.

— Serge... сказалъ громко графъ Левъ.

При этомъ возгласѣ сынъ вооружился всѣмъ своимъ мужествомъ и оглянулся съ улыбкою на устахъ.

— Вслѣдствіе вчерашняго разговора нашего съ тобою, продолжалъ графъ отецъ: я желаю, чтобъ въ эту торжественную минуту ты и Анна обѣщали мнѣ хранить взаимную привязанность вашу, какъ святыню, какъ

залогъ единственнаго земнаго счастія — обѣщаешь ли ты, Анна?

Вмѣсто отвѣта оба молодые люди бросились къ графу Льву; магистръ склонилъ голову свою, чтобъ скрыть слезы.

— Довольно; вѣрю вамъ и ѣдемъ, произнесъ Левъ Бронскій, подавая руку невѣстѣ.

У входа въ храмъ ожидала молодыхъ не праздная масса людей, осаждающая обыкновенно тѣ церкви, въ которыхъ совершаются блестящіе браки, а громкія, радостныя восклицанія тысячи преданныхъ устъ. Привѣтливо улыбались владѣльцамъ ихъ добрые крестьяне и съ неподдѣльнымъ восторгомъ любовались они рѣдкой красотою своей будущей барыни.

У налоя стоялъ, въ полномъ облаченіи, старичекъ священникъ, крестившій нѣкогда Анну. Онъ, дрожащею отъ старости рукою благословилъ ее и поставилъ на назначенное ей мѣсто.

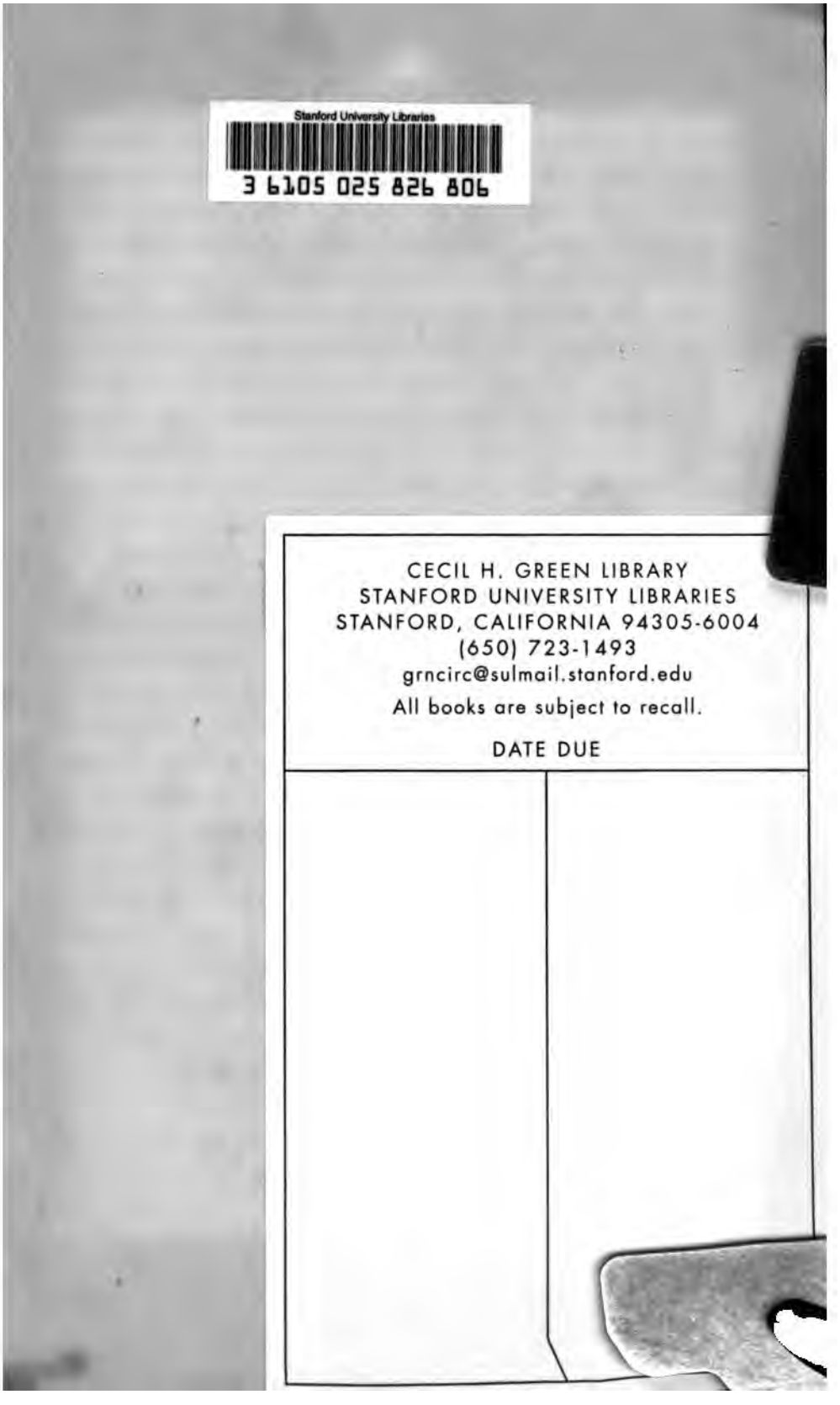
— Пожалуйте и вы, прибавилъ старичекъ, обращаясь къ молодому графу.

Графъ Сергѣй сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Ближе, проговорилъ тотъ: еще ближе, станьте рядомъ.

«Молись и будь счастливъ съ нею», явственно произнесли въ эту минуту знакомыя, родныя уста.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.


Stanford University Libraries
3 6105 025 826 806

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE